

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

НИЖНИЙ НОВГОРОД

N I Z H N Y N O V G O R O D 6 (4 1) / 2 0 2 1

АЛЕКСАНДРА
ШАПАШОВА
САМАРА

4

АНТОН
ЛУКИН
ДИВЕЕВО

38

АЛЁНА
ДАЛЬ
ВОРОНЕЖ

43

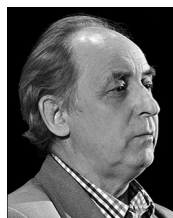
ЕВГЕНИЙ
ЭРАСТОВ
НИЖНИЙ НОВГОРОД

70

АНДРЕЙ
НОВИКОВ
ЛИПЕЦК

74

ГЕННАДИЙ
ИВАНОВ
МОСКВА

78

ВИКТОР
ЛЯПИН
КСТОВО

82

ЕГОР
ЧЕРКАСОВ
НИЖНИЙ НОВГОРОД

113

ВЛАДИМИР
АЛЕЙНИКОВ
КОКТЕБЕЛЬ

119

НАТАЛЬЯ
ЕМЕЛЬЯНОВА
НИЖНИЙ НОВГОРОД

123

ВЛАДИМИР
БОЛОХОВ
НОВОМОСКОВСК

127

МАРИЯ
БЕРДИНСКИХ
ЕКАТЕРИНБУРГ

134

ВЛАДИМИР
КУТЫРЕВ
НИЖНИЙ НОВГОРОД

209

НИКОЛАЙ
СИМОНОВ
НИЖНИЙ НОВГОРОД

225

АНДРЕЙ
ПЕРМЯКОВ
ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛ.

259

16+

В НОМЕРЕ

Проза

Александра ШАЛАШОВА	
КОМЁЛА	4
АЛОЕ	9
Венедикт ПОНОМАРЕВ	
ЗВУКИ ВОЙНЫ	22
Андрей РАСТВОРЦЕВ	
РАССКАЗ БЕЗ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ	30
Антон ЛУКИН	
КОНИ ПРИВЕРЕДЛИВЫЕ	38
Алёна ДАЛЬ	
АЛЬБИНА	43
УВИДЕТЬ ПАРИЖ...	52
Никита КОНТУКОВ	
КОГО С НАМИ НЕТ?	61
Дмитрий ИГНАТОВ	
НА ЗВЁЗДАХ	66

Поэзия

Евгений ЭРАСТОВ	
Я РОДИЛСЯ ЗДЕСЬ, НО В ДРУГОЙ СТРАНЕ....	70
Андрей НОВИКОВ	
КРЕСТОМ ОСЕНИВ	74
Геннадий ИВАНОВ	
БЫВАЕТ РАЙ В ДУШЕ И НА ЗЕМЛЕ	78
Виктор ЛЯПИН	
КТО ГУЛЯЕТ С БРЕДНЕМ ПО ВОДЕ	82

Проза

Олег ПОГАСИЙ	
ЛЕТУЧИЕ ЛОШАДИ	86
Павел ПЕРМЯКОВ	
РАССКАЗЫ	97
Вячеслав НЕМИРОВ	
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	110
Егор ЧЕРКАСОВ	
ПРО ЛОШАДКУ	113
НА КЛАДБИЩЕ	115
БАТЯ	117

Поэзия

Владимир АЛЕЙНИКОВ	
БУДЕТ ПЕРЕЧЕНЬ СТЫТЬ ИМЕННОЙ...	119

Наталья ЕМЕЛЬЯНОВА	
ПРЕДЧУВСТВИЕ ЖИЗНИ	123
Владимир БОЛОХОВ	
ЗЕЛЁНЫЕ ВОЛОКИ	127
Борис ШИГИН	
МНЕ ПЕЛА ПРО НЕЁ МЕТЕЛЬ НАМЕДНИ....	131

Из будущих книг

Мария БЕРДИНСКИХ	
МЕЧТЫ И ИХ ДЕВУШКИ (роман, фрагменты)	134

Стихи по кругу

Юрий РЯШЕНЦЕВ	194
Юрий КРЫЛОВ	195
Светлана ЛЕОНТЬЕВА	196
Татьяна ДИВАКОВА	197

800 лет Нижнему Новгороду: эпохи, судьбы, факты

Валерия БЕЛОНОГОВА	
СИБИРСКИЕ ШПИОНЫ НА МАКАРЬЕВСКОЙ ЯРМАРКЕ	198
«УДАРНИК ПРОХОРОВ ПРОЕХАЛ НА МАШИНЕ...»	201
Протоиерей Владимир ГОФМАН	
КУПОЛА, СМОТРЯЩИЕ В НЕБО	205

Публицистика

Владимир КУТЫРЕВ	
ЧЕЛО-ВЕК ХХІ: ПРОГРЕСС ДЕГРАДАЦИИ	209

Вехи памяти

Николай СИМОНОВ	
ПОЭТ, ГРАЖДАНИН, ЧЕЛОВЕК СТРАСТЕЙ...	
Исполнилось 200 лет со дня рождения Николая Некрасова	225
Михаил ЧИЖОВ	
«А Я УЖЕ СТОЮ В САДУ ИНОЙ ЗЕМЛИ...»	
К 100-летию со дня гибели Николая Гумилева	240

Литпроцесс

Андрей ПЕРМЯКОВ	
ТРИДЦАТЬ ВОСЕМЬ ПРОГУЛОК ПО НИЖНЕМУ НОВГОРОДУ	259

Александра ШАЛАШОВА

Родилась в 1990 году в Череповце. Выпускница Литературного института им. Горького, творческий семинар А.Е. Рекемчука (проза). Работала учителем русского языка и литературы в школе. Вокалистка и автор текстов московской рок-группы «МореЖдёт».

Печаталась в журналах «Знамя», «Юность», «Сибирские огни», «Нижний Новгород», вестнике современного искусства «Цирк “Олимп”+TV», альманахах «Артикуляция», «Формаслов». Длинный список литературной премии «Болдинская осень» в номинации «Проза» (2021). Второе место премии «Лицей» в поэтической номинации в 2019 году, первое – в 2020-м за подборку стихотворений «Инанна спускается в ад». Автор сборника стихов «Предприятие связи». Живёт в Самаре.

КОМЁЛА

Мой отец вернулся с войны не домой. Что, спросил он моего деда, как без меня жили, что делали? Спокойным вернулся, пришёл молодым, хотя дольше других задержался. Писем не было.

Мой отец сел за стол без скатерти. Что-то не так стало. Потому что дед любил есть не на кухне, как все мужики, а сюда приходить, в комнату, и без газеты ставить на стол – редиску, вытащенную из земли и слегка только сполоснутую в пруду, бутылку кислого молока, чёрный хлеб и беловатую карамельку без фантика. И потом на столе следы оставались, отец и сам отмывал, пытался – не любил за грязный стол садиться.

А теперь стол чистый.

– А жарко сегодня, – сказал мой дед, – парит от земли. Сегодня отдохни, а завтра пойдём на Комёлу, она полноводная сделалась, снега были.

Моему деду пятьдесят лет, всё у него хорошо, только с зубами худо – чёрные пеньки одни и остались. В районной больнице предлагали – давай хоть железные вставь, Василийч, а то ходишь, людей пугаешь. Но вставлять дед отчего-то боялся.

– Подумал, что тебе и без нас там весело, что докучать буду. Вот и писал, что всё хорошо.

– А на самом деле?

– И на самом деле хорошо, – торопится ответить дед, – ты что, думаешь, врали? Сегодня выходной дали, сына встретил. Уже вроде как не

положено, но упросил. Что ж они, не понимают, что ли? А ты есть-то хочешь? А то приготовили ведь.

Мой отец вспоминает, как просыпался по субботам, шёл на запах горячей побелки – мама уже встала, тесто поднялось. Можно тебе помочь? – спрашивал отец. И мама давала один пирожок зашипать, а получалось детскими, и непривычными, и слабыми руками плохо – но она никогда за него не переделывала, так оставляла. А потом, когда вынимали противень с готовыми пирожками, отец всегда искал тот, свой – и гордился, что вышло, получилось. И самым вкусным казался, поэтому половинку всегда маме отламывал – мол, на, хочешь *моего* пирожка? И сама всегда ела, хвалила. Какой вкусный пирожок у тебя вышел, Ванечка.

Дед несёт пирожки на блюде, по салфеткой вышитой.

Отец не берёт.

– Ты что, сынок? Не голодный? Пока ехал...

– Нет, проголодался. Только не знаю, откуда пирожки.

– Как откуда? Да напекли.

– Кто напёк?

Отец смотрит прямо и замечает, что дед высокий, загорелый, в морщинках только мелких белых, а глаза немного выпцветшие от солнца, но не злые.

– Да кто, – дед опускает глаза, и нелепо выглядит, когда большой, сильный человек смущается, не знает, как деться от сына.

– Кто она?

Широкие запястья и костистые руки деда черны от загара – а если рукав закатает, так там белое будет, молочное. Это оттого, что на пастбище так загар ложится – лицо, шея, прорезь воротника, руки. И можно понять, кто в совхозе работает.

– Да Анька Медведева, – поднимает глаза.

– Да, припоминаю.

– Куда припоминаешь! – дед смеется, нервно и громко, слишком громко – смех ударяется о стены, о стекла, возвращается. – Да вы с ней вместе бегали...

Отец не помнит, с кем бегал. Славку помнит, Пашку помнит. Ольгу ещё Смирнову. А Аньку Медведеву – нет.

– Не выдумывай, – нервничает дед, двигает блюдо, поворачивает, – она любовно пекла, старалась, чтобы к твоему приходу. Хорошо хоть телеграмма пришла, упредила нас. А то бы только тесто к десяти утра поднялось.

– У мамы к девяти уже пироги были. Помню, встанешь, отоспишься, а уже на весь дом пахнет. И встаёшь, и идёшь по холодному полу.

– Ты матери не касайся. Незачем.

– Как незачем? Может, тебе уже и незачем.

– Мать восемь лет назад померла. Ты что же, так и будешь ворошить?

– А раз восемь лет – надо Аньку Медведеву скорее в дом звать?

Дед страшно белеет лицом, встаёт.

– А ты в мои дела не лезь. Тебя тут не было. Ты не знаешь, как пришлось...

– Ты знаешь, где я был.

– Я знаю. Но это тебе права не даёт, да мы тут, если хочешь знать... Тебя только ждали, чтобы жить по-старому. Анька тоже работала, и я работал, и все...

– Я уже понял, как она работала. Надеюсь, что тебе ейная работа нравится, ночью в особенности.

Нет, отец не думал, что он ударит.

Ударил.

Не почувствовал ничего – только загорелось на скуле, будто насекомое ужалило. Встал, прошёл мимо, поднял вещмешок, что поставил и не разобрал у порога, спустился по лесенке, прошёл мимо сарая – и со двора вышел, калитку на задвижку закрыл, руку между планок протянул.

Мой отец повернулся, посмотрел напоследок на дом – фронтон голубым выкрасили, неужели краску в сельпо завезли? Но потом, когда мимо других дворов шёл, увидел – нет, никто такой рамы не подновил, заборы не выкрасил. Значит, достал откуда-то – может, даже в магазин в самой Вологде съездил.

А зачем в Вологду ездил? Ручаюсь, чтобы Аньке Медведевой юбку или колечко купить.

Отец вспоминает материно кольцо – не снимала никогда, потому что обратно на распухший от времени палец не надеть, потому и руки тёмные, сухие, в красноватых пятнышках. Когда летом доила – ещё ничего было, а зимой пятнышки становились трещинками и расходились от ногтей, как те линии, которые на картинах от старости встречаются. Неужели нельзя никак заделать, перерисовать?

Так и запомнить хотелось дом – ярким, нарядным.

Мальвы ещё самосевом у крыльца разрослись.

Справа от деревни течёт Комёла. Речушка меленькая, скудная, берега в ивняке, а высокие – полезешь бездумно, так и ноги переломаешь. Но знали места, хоть в любой момент из-под ног мог песок с сухими корнями осыпаться, вот и будешь падать до самой воды.

Тихим надо идти, робким.

Мой отец прошёл почти до конца деревни, где совсем уж бедные дома, и только дяди Лёши дом ничего, стоит, осел только чуть, так что наклониться при входе надо, чтобы головой о притолоку не стукнуться. В доме деда, который теперь забыть надо, похоже устроено – только в сенях пахнет приятно, деревом и инструментами, а у дяди Лёши – тряпками, нечистой обувью.

Дома только Владик.

– Дядь Вань, – он удивляется, радуется – сам беленький, тоненький мальчонка, выросший в худого юношу, беспокойного, – а мы ждали, что вы придёте.

– Здравствуй, Владик. Ты болееешь, что ли?

– Уже два года, – тихонько улыбается, – а как вы?

– Я теперь у вас жить буду, если твой отец не прогонит.

– А чего ему прогонять, – Владик отчего-то не удивляется, – если нам всем места хватает, то и вам тоже хватит. В горнице будете спать, матрас есть. Там ещё только я сплю, потому что никак не могу ночью со всеми – дышать перестаю.

– Как это – перестаёшь?

– А так, – снова улыбается, а глаза прозрачные, не как у деда, от работы и солнца – а потому что всё в доме, пишет в тетрадочку, шьёт какие-то вещи на продажу. А на огороде, конечно, не может. И в совхозе тоже. Но отцу почему-то понравилось, что берегут такого, напрасно на работу не гонят.

– А так, – повторяет, – больно становится здесь, в груди, как будто садится кто-то, какое-то тёплое тяжелое животное. Как, знаете, кошки иногда на грудь садятся – терпишь вначале, а потом стряхиваешь? Так и тут. Только не стряхнуть.

Отец молчит.

– Ладно, пойду в горницу, можно ведь? Разбуди, когда дядя Лёша придёт.

– Он в шесть придёт. Разбужу.

В горнице прямо в портянках спать лёг, поставил вещмешок рядом с матрасом.

Потом ничего.

Вань, ему мерещится шёпот, Вань.

– А, что? – говорит. – Что случилось?

Тёмно, но кто-то стоит в темноте и повторяет – Вань, Вань. Пахнет плохо – но это от него, от его ног, не помылся вчера со всем новым.

Владик стоит.

– Что, дядя Лёша пришёл?

– Давно пришёл, но тебя не велел будить. Ты извини.

– А слушай, Владь, а тазик грязный дашь? Хочу на пруд сходить, ноги вымыть.

– Там мама поесть оставила. А тазики в сених есть, бери любой. Только там ржавые.

– Да ничего.

У них на кухне пирожками не пахнет, да и спят все давно. И только Владик стелет клеенку, ставит на неё тарелку с жидким супом, кладёт ложку черенком вниз. И хлеб, и котлету из жил и хлеба на блюдец. Вкусно.

– Спасибо, – отец поднимается и хочет идти.

– Ты спать лучше иди опять, – советует Влад, – а я завтра помою, после завтрака. Завтра у отца выходной, тогда и скажешь.

Отец хочет ещё раз спасибо сказать, но взаправду нельзя, чтобы все слышали, – и так пришел, спать завалился. Стыдно. Ничего, утром объясниться можно. Дядя Лёша и сам понять должен, сам знал ведь, что творится. Дядя Лёша – дедов брат. Был ещё и третий, младший, но помер. Задохнулся, не смог прогнать зверька с груди.

Мой отец вернулся в горенку и спал ещё семь часов до утра.

Проснулся утром – никого кругом, Владик на матрасе своём аккуратно одеяло положил. Встает и идет в избу – надо дядю Лёшу до заставить. Не ушёл никуда, сидит. Зубов у него ещё меньше, чем у отца, но улыбается, здоровается.

– Дядь Лёш, – говорит отец, – можно, я у тебя поживу? Угол займу в горенке, меня и не видно будет. Приживальщиком не стану – пойду сегодня о работе в совхозе спрошу.

– Работа есть, – кивает дядя Лёша, – да только не в субботу. А что случилось-то?

– А то вы не знаете.

– Знаю. А всё-таки?

– Ничего. Просто не хочу жить с отцом.

– Если это из-за Ани Медведевой...

– Дядь Лёш, – прерываю я, – вот не хочу об этом. Не хочу.

– Как знаешь. Мать твоя хорошая женщина была.

– Да.

Помолчали.

– А ты есть садись. Картошка вон отварная, прошлогодняя. Вкусная. Ты ешь. Не думай ни о чём таком, это теперь нельзя. Ты вот что думай – как с отцом помириться, нельзя же так. Наговорить разного всякий может. А тут человек вернулся, он на любое слово вскипеть может... И отец твой понимает.

Отец поднимает голову, смотрит.

– Экое что у тебя на морде-то, – медленно говорит дедов брат, – тогда вот что думай – что устроишься на работу, а покуда с нами поживешь. У меня вон внуков четверо да внучек шестеро. Да парни, да жены их. И ты тут будешь заместо среднего, что ли. Вон Владику хоть ума вложишь.

– А что такое?

– Да он учиться не хочет. В институт, говорит, не пойду. А сам задачки как орешки щелкает... Учительница приходила, да. Принесла его тетрадку, показывала. Сказала, что ему в институт надо. Ну соберём, раз надо. Разве не соберём? А он артачится.

– Почему?

– Да, говорит, нету моего такого стремления к точным наукам. Поди ж ты. Поговорил бы с ним? А?

– Поговорю, – отец думает о своём. К ним домой тоже учительница приходила. Пять лет назад. Говорила – способный мальчик, ему инженером быть, это *про него говорила, о нём*.

– А насчёт Медведевой Анны я тебе так скажу, – серьезнее становится, – ведь что с того, что ты с ней в школе гулял. Ты, небось, и забыл её, и девушки у тебя были... Мужики рассказывали, что вы и с местными там жили, ничего. Не осуждаем. И твоему отцу худо без бабы, и сам ещё нестарый. У Аньки-то, слышь, ребёнок должен был родиться – сказывали, что от тебя. А когда ты писать перестал – всё, решили, плакать надо. А твой отец не плакал, а сказал – так, мол, и так, иди за меня, а то люди засмеют. Брюхатая баба без мужика – нехорошо. Да и дома её обижали. Вот она и пошла. А ребёночек всё равно мёртвый родился, но ты не верь, что говорить станут.

– А что станут?

– Ну, скажут, что нельзя женщине, если тяжёлая ходит, с мужиком жить. А твой отец... Ну да это, может, и неправда всё. Может, и не было ничего. Твоя папаня тоже не без башки. Но потом тяжело им пришлось – вместе тяжко, но никуда не денешься. Ждали, когда ты придёшь, чтобы объясниться, сказать.

– Хватит. Хватит. Спасибо, что в доме оставил.

Вдруг открывается дверь в избу, и как-то слишком медленно заходит Владик – у него белые глаза, и говорит:

– Беги скорее, там твой отец в Комёле утопился.

Мой отец прибежал на берег реки почти одновременно с Анной Медведевой, да и там только взглянули друг на друга под плакучими ивами, разросшимися травами, стояли, спуститься не решаясь.

В моё время Комёла мелкая стала – текла, текла, да и кончилась вся.

АЛОЕ

Он просыпается.

Солнце неяркое, но неясное под жёлтыми занавесками. Окна на восток. Всегда солнце на полу, на постели – привык. А раньше мог спать и с ним и не задумывался, не размышлял. Мама будила, сильно трясла за плечо. Не со зла трясла – а только иначе не просыпался.

Сейчас никто не трясёт за плечо, но глаза болят от плохой ночи – смотрел сериальчик какой-то, потом листал ленту. Сейчас и не вспомнить, потрясло ли что-нибудь, удивило ли.

Он идёт в ванную. Смотрится в чистое зеркало, чистит зубы. На подбородке остаётся немного зубной пасты, и он зачерпывает ладонью тёплую воду и плещет в лицо. Потом прижимает к щекам и подбородку маленькое вафельное полотенце.

В комнату он проходит голым и берёт телефон с журнального столика. Включает экран. Девять пропущенных. Он звонит сам.

– Лер, ты чего? Случилось что?

– Слушай. Слушай, говорю. Нас позвали. Позвали, понимаешь? Мне утром позвонили и сказали. А ты спишь, и все спят...

– Куда позвали? Кто? Говори по-человечески. Башка трещит.

– С похмелья, что ли? Ты обещал...

– Не обещал. И тебе-то что? Ну, кто там позвонил?

– Эти ребята, которые всё организуют. Отвечают за всё. Ну – главные, понимаешь? Сказали – собирайтесь, приезжайте.

– А проезд они оплатят?

– Миш.

– Ладно.

– Миш, ты что, не рад?

– Рад. Я помню, что ты всегда этого хотела.

Она молчит, а он оглядывает комнату – вот рюкзак, не разобранный ещё с выходных, раскатанный грязный туристический коврик, активированный уголь в серебристых блистерах, носки. Что нужно с собой? Что сейчас нужно с собой?

– Миш, электричка через три часа. Успеешь?

Он молчит, оглядывает комнату. Гитара лежит в чехле.

– Успею.

Он кладёт телефон на журнальный столик. Лера никогда не была у него дома, и ему не хотелось бы, чтобы она увидела рюкзак, и лекарства, и чистое зеркало в грязной ванной. Он не сам – а мама приезжала неделю назад, походила по квартире, поохала, а как вошла в ванну – схватила какую-то тряпку и отмыла зеркало. Смотреть, говорит, на него не могу. Раньше, когда вместе жили, – всегда мыла по субботам, и средство специальное было, и газеты.

Он кладёт в кармашек гитарного чехла запасные струны и набор медиаторов.

За час до электрички все уже на Курском вокзале, только Леры нет. Но она так рано и не обещала. Ей краситься, волосы укладывать. И костюмы всегда Лера придумывает, ищет какие-то необычные яркие футболки, ремни, браслеты. Половину его вещей купила Лера, потому что сам бы не сообразил или не посчитал важным.

– Миша! – он оборачивается и видит ребят – сидят на бордюре возле урны и палатки с шаурмой. Он кивает и идёт к ним.

– Привет, – он здоровается за руку, – привет, Слава. Привет, Артур.

– А Лера написала, что будет через полчаса, – у Славы рука мокрая, горячая. Он полный, одышливый. С ним никогда никто не ругался, не спорил. Слава не умел. Смотрел нежно и невинно, сжимал свои большие горячие руки в кулаки. Но не кричал. Кажется, он и не дрался ни разу, даже в детстве.

– Сама всех всполошила, а опаздывает, – Артур садится обратно на бордюр, достаёт пачку сигарет, вертит в пальцах, – и не покурить тут теперь стало. Слушайте, я выйду на улицу. Курну – и назад. Всё равно Леру ждём.

– Давай, – Миша кивает. Он знает, что Лера сейчас придёт – красивая, тоненькая. Но до электрички час, поэтому Артур успеет. Возможно, что через некоторое время он даже пойдёт снова.

Но Миша не знает, о чём говорить со Славой, – ни о работе не спросишь, ни о девушке. У них обоих сейчас девушек нет, но у Миши есть работа. Он уже звонил. Сказал, что поднялась температура, сказал, что пойдёт в поликлинику. Лера скажет – когда ты уже прекратишь стесняться, что играешь. Он не стеснялся, но почему-то всё время думал, что могли бы сказать молодые ребята из его офиса – не утомился в сорок, надо же. Он не знал, как это – утомиться. Он спрашивал.

Наверное, это значит – самом мыть зеркало и смело говорить с Лерой.

Лера приходит.

Она в белом сарафане на узеньких лямочках. Она кивает Мише и Славе – будто не сама названивала в воскресенье утром, ругала, торопила. Боялась, что станут звонить другим.

– Лер, всем уже позвонили, кому хотели. Кто-то не смог, остались мы. Последние. Это понятно, – Миша встаёт, забирает у неё синюю спортивную сумку. Сумка тяжёлая, но Миша держит, не ставит на заплёванный бетон. Потому что сумка такая чистая, девичья. Они видят троём, как возвращается Артур. От него пахнет сигаретами.

– Нас позвали, потому что понравилась наша музыка. Разве нет? – Лера хмурится. У неё на руке браслет с искусственным жемчугом и пластмассовые часы – и не похоже, что она поёт, тем более сложное, непривычное, а ведь Миша впервые увидел её поющей.

– Тогда почему не сразу? Почему дотянули до последнего, и вдруг...

– Хорошо, слушай, – вмешивается Артур, – это же, чёрт возьми... – он произносит название фестиваля, на который каждый год на электричках едет Москва, – плясать надо, что нас взяли, а ты ворчишь.

– Вот именно, – Лера улыбается, – а вы билеты купили?

– Не, мы подумали – дождёмся всех, и гоу. Сейчас сбегая, если вы со шмотками постоите.

– Я с тобой, – говорит Слава, – у меня студенческий.

– Это льготный, что ли?

– Ага.

– Вот везучий хрен, – Артур смеётся и берёт из сваленных вещей одну барсетку, – шевели батонами тогда. Там вечно чёртовы очереди. Так что, вы постоите?

– Постоим, – Миша приподнимает сумку выше, чтобы Лера не видела, что ему тяжело.

Артур идёт первым, а Слава медленнее.

– Я думала, что вы уже купили билеты, – повторяет Лера.

– Успеем. Ещё сорок минут.

По громкоговорителю объявляют поезда. Миша слушает.

Внимание!

Продолжается посадка на пригородный электропоезд до станции Поварово-2. Поезд следует со всеми остановками.

– Как у тебя на работе? – Лера смотрит на него. – Поставь на землю сумку, ты чего. Там нет ничего такого, только юбка и косметика кое-какая.

– Ничего.

– Поставь, говорю. На ступеньку поставь.

Он ставит.

Где это – Поварово-2? Почему он раньше не слышал?

Продолжается посадка. Поезд находится на пятом пути...

– Это не наш? – Лера крутит головой, пытаясь найти глазами информационное табло. – Какой путь?

– Не наш. Так заранее электрички никогда не подают. Ты что, здесь не ездила ни разу?

– Только в Питер. На экскурсию.

– Ага. Артур идёт.

Они смотрят вдвоём на Артура. Он крепкий, невысокий. Качается. Поэтому за барабанной установкой выглядит хорошо. На него смотрят на концертах.

– Ну что, двинули? Билеты у меня, – Артур показывает.

– Сколько с меня? – Миша снова берёт сумку Леры. Затем берёт гитару и свой рюкзак.

– В электричке разберёмся. Хотя что-то они стали втридорога драть. Тут ехать-то всего ничего.

У Артура самые тяжёлые вещи. Тарелки упакованы в чёрные чехлы и привязаны к тележке на колёсиках. Он и на репетиции всегда с ней. Они и Славе говорили – придумай, приспособь тележку для синтезатора, всё спине легче – а Слава давно на спину жаловался и стоять долго не мог. Но ничего не придумал.

Они входят в тамбур. Посадка только началась, поэтому народу много – пошли все, кто прождал на платформе битый час, напряжённо вслушиваясь в объявления по громкой связи.

Пригородный электропоезд на станции Тверь отправится в пять часов пятнадцать минут.

Лера садится у окна у окна, а они складывают инструменты на багажную полку.

В вагоне духота. По окнам ползут капельки. Форточки открыты – но всё равно ни проблеска, ни ветерка.

– Поедем – будет прохладнее, – Миша чувствует себя виноватым, как будто это он придумал этот август и эту электричку.

– А нельзя форточку пошире открыть? – Лера достаёт бумажный платочек и вытирает мокрый лоб.

– Видишь же, что нельзя. Давайте лучше с билетами разберёмся. Артур же всем купил.

– Так, ну по сто восемьдесят с каждого выходит. Тут написано, – Артур показывает где. Миша не смотрит, достаёт из кармана джинсов деньги.

– Ого, да ты богатей, – Артур смотрит на смятые купюры, – сколько тут?

– Не знаю, просто из кошелька переложил.

– Больше трех косарей, наверное.

– Наверное.

– И не жалко мять?

– Ну глупо в рюкзак кошелек класть, я бы и не нашёл потом. А так, в кармане, – удобно.

– Это у тебя небось ещё с тех времен, когда мы мелюзгой все были. Отправила мамочка в магазин; а куда деньги сунешь – никуда. Только в руку или в карман. Так и привык.

– Я мамин кошелек брал.

– А я бы с женским кошелеком не пошёл. Такой был пацан. Гордый. И вообще не очень-то любил, когда за всяким хлебом посылали. Купи, говорят, половинку чёрного. А мы что, бедные какие – хлеб половинками покупать? Но ведь и вправду были.

Миша смотрит на Артура. У него широкие плечи, и он смелый. Разве был бедным когда-нибудь, разве ходил в булочную с веревочной авоськой?

– А ты в Москве родился?

– Нет, с чего. Какой я москвич? Я сибирский парень.

– Мы не знали.

Какие веревочные авоськи? Ведь он младше, намного младше. Ему чуть больше тридцати. Он такие только по фильмам помнит.

А Лера и фильмы эти не смотрела.

– Я знала, – говорит Лера, – интересно, нам дадут гримёрку? А то у меня от такой жары косметика уже размазалась.

– Дадут. Что же они – совсем без башки? И вещи положить нужно – не под сценой же оставлять. Слав, скажи?

Слава кивает. Он смотрит в телефон.

– У меня были кассеты, – вдруг говорит Лера, – то есть у подружки были, но мы слушали вдвоём. Не знаю, кто ей покупал – мать вряд ли стала бы давать деньги. Наверное, отчим – сам любил такую музыку, увлеклся. У него были все альбомы – ну, знаете, «Аквариум», «ДДТ»... Все были. Мы приходили из школы, доставали со шкафа коробки. И вот там ещё были сборники, которые выпускали по итогам фестиваля. По одной песне только, зато каждой группы. Потом наизусть выучили, могли сами петь. Иногда приезжали на дачу – а там электричества нет, магнитофон не включишь – и пели...

– Я знаю, – говорит Миша, – были такие кассеты. Сам покупал в магазинчике возле метро. Там продавец хороший был – всегда придерживал для меня кассеты, знал, что непременно куплю.

– А у тебя остались эти кассеты?

– Может, и валяются где-то на антресолях. А почему ты себе не купила, когда выросла?

– А нигде не было. Я спрашивала.

Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – Химки.

Миша подумал, что мама могла выкинуть коробки. Они ведь собирали вещи, когда переезжали и оставляли квартиру ему – выкинули

старые тяжёлые драповые пальто, пакеты с косынками, набор свёрл, деревянный термометр, детскую ванночку, его школьные тетради. И кассеты могли.

– Слушай, а ты можешь найти?

– Зачем? Сейчас же можно всё на торрентах найти. Хочешь, найду?

– Нет, я хочу кассеты. Именно те.

Миша хотел ей сказать – нет никаких кассет и нет подружек, что танцевали посреди захламлённой квартирки. Как там её звали, это подружку? Наверняка Аней или Машей, но Лера ни разу ей не написала с тех пор, как переехала в Москву.

– С тех пор ты хочешь там выступить? – Артур смеётся. Он снял кроссовки и вытянул ноги.

– Нет, не с тех пор. С чего ты взял? Мы просто слушали.

– Ну да. Обычная история. Только обычно об этом в фильмах рассказывают. Знаешь, первые десять минут – паршивое детство главного героя. Он собирает электрогитару из сломанной балалайки и отцовского радиоприёмника. Только в фильмах он слушает обычно какую-нибудь клёвую зарубежную музыку, нормальных чуваков. Отец у героя алкаш, а мать ни хрена не понимает, зачем это её сыночку понадобилось становиться музыкантом. Зато в конце фильма она, уже старенькая, приходит на его концерт – и видит там просто толпы народу, и все-то с фотографиями, с плакатами... Но гитару ты бы не смогла смастерить – и поэтому просто слушала магнитофон.

– Эй, ты полегче, – Миша поворачивается к нему, – не забывай, что нас позвали только благодаря ей, она им заявку отправила, а потом разговаривала...

– Ладно тебе. У меня, например, отчим выкинул магнитофон из окна. И меня следом. Это было в тот год, когда у «Металлики» вышел альбом Load.

– И что потом? – Лера смотрит внимательно и не плачет.

– А что потом? Три ребра и рука. Ничего. Играть не мешает.

– А что отчиму за это было?

– Ничего не было, а что ему должны были сделать? Он же это по синьке, не со зла. Мать сказала врачам – штормы вешал и упал.

– И врачи поверили?

– Так я подтвердил, как в себя немножко пришёл. Отчим был нормальный мужик. Когда трезвый. Половину зарплаты матери отдавал. Как бы мы без него стали? Потом-то я работать пошёл, но это потом.

Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – Сходня.

– Ну и зачем ты на Леру гнал тогда? – Слава вдруг поднимает глаза от телефона, садится ровнее, разминает плечи.

– Ты чего, не спал ночь? – Артур не отводит взгляд. – Глаза красные. Смотри – в клавиши попадай, э.

– Я спал. Только мало. Я не к тому. А вот к чему – зачем ты тогда на Леру наехал – мол, фильм, всё такое? У самого такая же история, ничем не отличается.

– Как это – ничем? Это обычная жизнь. У нас у половины ребят так было. И в школе, и в шараге. А у неё что? Песенки на кассете, да ещё и плохие песенки.

Миша поднимается и бьёт его по лицу.

Артур от неожиданности убирает ноги с лавочки и становится босыми ногами прямо на грязный пол, а ладони прижимает к подбородку.

– Ты что, ополоумел? – спрашивает тихо, потом встаёт. – Хрен ли делаешь?

– Миш, что случилось? – Лера подтягивает колени к груди, испуганно смотрит – в вагоне на них оглядываются, ждут драки. – Ребята? Вы что, драться решили?

– Никто не собирается драться, – Артур нагибается и надевает кроссовки, – но только мне охота понять, какого чёрта сейчас было. Пошли в тамбур.

Миша встаёт, проходит между сидений, берётся за липкую ручку, раздвигая полупрозрачные, облепленные рекламой, двери. В тамбуре запах.

В тамбуре стоят контролёрша и охранник – приземистый нестарый мужик.

– Приготовьте билеты для проверки, – скучным, привычным голосом говорит контролёрша.

Миша протягивает билет. Артур долго ищет свой по карманам под взглядами контролёрши и охранника. Находит и отдаёт тоже.

– Счастливого пути, – контролёрша что-то чиркает шариковой ручкой на билетах, возвращает. Охранник открывает дверь в вагон, и Миша с Артуром остаются в тамбуре одни.

– Ну так что это за хрень была, старик? Неужели из-за Лерки?

– Ты мог просто дать сдачи.

– Я не мог просто дать сдачи, я ни хрена не понял, что это было, ясно? Я хочу понять. Из-за Лерки?

– Не хочу об этом.

– А чего хочешь?

– Ничего. Я могу извиниться. Это всё из-за жары.

– Ну, в окошко всё-таки стало дуть, а только на станциях плохо... – Артур отодвигается в сторону, пропуская кого-то. Девушка останавливается в тамбуре, перехватывает удобнее старенькую гитару на широком ремне. Мише даже радуется вначале – вот, и она тоже на фестиваль – а потом понимает.

– Пойдём, послушаем, – говорит Артур.

Миша открывает девушке двери.

Они успевают пройти на свои места, пока девушка подстраивала гитару и пила чай из термоса. Лера смотрит на них встревоженно – как вы, ничего?

– Ничего, – отмахивается Артур, – помирились.

– Это здорово, – говорит Лера, – а то я очень испугалась, особенно когда Миша вдруг встал, а ты... ой, слушайте – это что, на гитаре играют?

– Да вон, цыганка сейчас петь будет.

– Почему цыганка?..

Лера оборачивается и смотрит на девушку. Миша смотрит тоже.

На девушке длинная юбка и чёрный платок, из-под которого выбиваются длинные тёмные пряди. Девушка поёт. У неё тихий голос.

Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – Сенез.

– И не слышно почти, – Артур выгребает мелочь из карманов, – Слав, будь другом, ты ближе сядишь – кинь её в пакет. И вот ещё сотенная, тоже кинь.

– Я не знала, что ты деньги кому-то можешь дать, – говорит Лера. Она кошелек не достала.

– А почему нет?

– Ну, не знаю, ты несентиментальный вроде. А тут вдруг – кинь сотенную...

– А что – мелочь ей одну отдать, что ли? Она на это и бутерброд себе купить не сможет.

– На одну твою мелочь не сможет. А пройдёт электричку до конца – глядишь, не только на бутерброд хватит.

– Да ты походи сама по электричкам, умная. Сама-то на концертах поешь, в тёплых залах. И пиво тебе покупают. А ты попробуй – по жаре, с гитарой, в юбке чёрной, дурацкой.

Слава бросает сто рублей и мелочь в раскрытый пакет, который девочка несла по проходу. Не взглянула на них, не улыбнулась.

– Да ты сам ходил, – вдруг говорит Слава, – точно ходил.

– Ходил.

Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – Покровка.

Артур смотрит в окно. На подбородке краснота небольшая, а так незаметно почти. По вагону идёт женщина в синем фартуке.

– Мороженое, рожок, орешки, холодные напитки...

– Как в Москву приехал – ходил, – говорит Артур, – с приятельницей ходили. Я на гитаре лабал, она пела. Иногда по тысяче в день выходило, особенно в выходной.

– Тогда что плохого? – Лера смотрит на продавщицу мороженого. У неё большая сумка, обёрнутая алюминиевой фольгой.

– Мороженое, рожок, орешки... – проходит мимо их лавочки, оборачивается, – мороженое, молодые люди.

– Спасибо, – Лера отворачивается.

– Ничего плохого, только от ментов бегать плохо. Тогда это типа не поощрялась. А ещё приятельница моя вечно зачем-то приходила в таких смешных маленьких тапочках – как туфли, только без каблука...

– Балетки.

– Во-во, наверное, в балетках. Они ей натирали. Она в тамбуре пластырь клеила, а потом шла петь.

– Зачем она надевала неудобную обувь? Знала же.

– А я откуда знаю, зачем. Она вообще аккуратная была, не пошла бы перед людьми выступать наряжённой, как чучело.

Осторожно, двери закрываются...

– А я, значит, как чучело?

– Он не про тебя, – говорит Миша. Они смотрят на него, втроём. Продавщица мороженого уходит в другой вагон.

– Я раньше-то и не думал про одежду, – говорит Миша, – когда в прежней группе играл, не думал. И в университете. И в школе.

– Мы не знали, что у тебя уже была группа.

– Я знала, – говорит Лера. Миша смеётся, – и нечего ржать. Гитара-то у тебя откуда, ну? Не вчера же купил. Была, дома стояла. Значит, была группа.

– Может, просто упражнялся. У меня у каждого приятеля дома пианино стояло, а потом выкидывать стали, музыкальным школам предлагать. И они не играли.

– А тебя есть пианино?

Артур поднимается, берёт с сиденья сигареты. Кивает – почему-то Мише – мол, ничего, разговаривайте о всяком, а я курить пошёл.

– Есть.

– И играешь?

– Нет.

– Не выбросил?

– Нет.

Осторожно, двери закрываются. Следующая остановка – Клин.

– Это хорошо, – Лера вслушивается в объявления по громкой связи, – слушай, мы скоро приедем, получается... А Слава спит. Разбудить?

– Разбудим, когда к Твери подъедем.

– Ага. Я бы хотела себе пианино.

– Зачем?

– Я в детстве играла, а потом забросила. Хочу вспомнить.

– Ты можешь приходить играть ко мне.

Лера разглядывает пассажиров, сидящих через проход.

– Вон Артур идёт.

Артур садится на своё место, случайно толкает Славу. Тот вертит головой по сторонам, не узнаёт – взгляд скользит по заплёванному полу, по неубранным жестяным банкам, мутным стёклам, по лицу Леры. Вспоминает.

– Приехали?

– Едем, спи. Я случайно. Я тут подслушал ненароком, извини, – Артур улыбается Мише.

– Что подслушал? Мы ни о чём таком не разговаривали.

– Да ты не волнуйся – самое интересное услышать успел. Приходи ко мне играть на пианино... теперь это так называется, да? Ну ты даёшь. Может, в твоё время тёлки на это и велись. А теперь поумнели. Правда, Лер?

– А правильно он тебя ударил, – Лера встаёт и быстро идёт к дверям. Пассажиры не оборачиваются.

– Обиделась. А я и не про неё вовсе.

– Про меня, – Миша сидит, сжав кулаки. Ногти больно впиваются, оставляют следы.

– А что ты хочешь? Смотрел на тебя – и прифигел маленько, прости уж... У тебя дети есть?

– Нет.

– Ага. Вот мне тридцать пять, и у меня двое. Пашка и Машка. Хорошие. Сейчас с матерью и бабкой. А тебе сколько лет – сорок, да?

– Сорок три.

– Сорок три. Музыка – доброе дело. Пианино – вообще зашибись. Славка, не слушай. Тебя это не касается. Ты мелкий.

– А я в чем виноват? Что, на фестивали не ездить?

– Да езд, пожалуйста. Только Лерке двадцать шесть. Славе – сколько там тебе, двадцать два? Неважно. Мне, как мы выяснили, тридцать пять. Тебе за сорок. Ну попрыгаем немножко. Побесимся. Запилим музон – может, он даже кому-то покажется крутым. А потом по домам разойдёмся. Я к Пашке и Машке. А ты к кому?

– Я к себе.

– Понятное дело!.. Да я не о том.

– Надо Леру найти. Вдруг на какой-нибудь станции вышла.

– Не вышла. Она не дура. Выйдет – мы не выступим. Когда там следующая электричка будет.

Они молчат. Лера возвращается через десять минут.

– Маме позвонила, – говорит всем сразу, словно извиняясь, – сказала, что мы выступаем, что пускай телевизор в семь часов включает. Потому что будет прямой эфир, я читала. Представляете?

– Я тоже своим сказал, – Миша отворачивается, чтобы не смотреть на Артура.

Мы по домам разойдёмся.

А ты куда?

Миша кажется, что он спит несколько секунд, но, проснувшись, видит прямо над собой тревожные глаза Леры.

– Просыпайся, приехали.

Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – Тверь.

Он поднимается – от резкого движения болит шея, он морщится и стоит.

– Быстро мы...

Они растрепанными и сонными выходят на платформу, под утихшее к вечеру солнце.

По платформе ходит мужик в футболке без рукавов и закатанных спортивных штанах.

– Машина, на фестиваль ехать, – тихо и безразлично говорит мужик, глядя на Леру.

– А далеко?

– Двенадцать километров, – мужик подходит ближе, – давайте шмотку какую-нибудь, помогу тащить. Машина за автостанцией стоит.

– А автобусы не ходят? – спрашивает Миша.

– Какие тебе автобусы, уж вечер. Да кроме меня и не ездит никто. Кого тут дождёшься – все приехали, кто хотел.

– Мы просто играем поздно... – Лера уже идёт за мужиком. Это у неё он рюкзак забрал.

– Ну играете – так играете. Всё равно за семьсот рублей повезу.

– Что-то дорого. Если всего двенадцать километров.

– А вы поищите, кто дешевле запросит, – мужик оборачивается, вытягивает руку, – во-он она, машина.

Они молча и смущённо убирают инструменты в багажник и садятся в машину. Мужик везёт неровно и всё время бормочет себе под нос. Через десять минут он останавливается на темнеющей дороге.

– Вон, видите – машины стоят? Тут парковка у них. Идёте через парковку, потом по тропинке – там сейчас столько народу пьяного по кустам шляется, что не заблудитесь.

Они вылезают, а Миша отдаёт мужику семьсот рублей. Так проще. Потом со своими всегда посчитаться можно. А с Леры он не взял бы и так.

Она же учится.

С родителями живёт.

Платьица всегда разные и красивые носит, но ведь мало ли.

Они стоят вчетвером на огромной стоянке, и пахнет травой, разогретой резиной, шашлыками и мусором. Под ногами сухая грязь и окурки. Лера щурится, пытаясь разглядеть тропинку.

– Позвоните организаторам, – говорит Слава, – они встретить должны.

– Да прямо-таки должны, держи карман шире, – смеётся Артур, – вон дорога. Не заблудимся.

– Нет, я могу позвонить, – Лера стоит. На ней босоножки на тоненьких ремешках.

– Ребят, ну правда, – Артур отворачивается и идёт вперед, продолжая говорить, – поймут, что вы такие капризные – больше не позовут. Надо

умыться, настроиться и быть под сценой точно в то время, которое они тебе указали. Когда нужно быть?

– В половину седьмого.

– Вот видишь. Не кипешуйте. Добредём.

Артур так и пошёл первым по тропинке через лес, следом – Слава. Он и не возразил.

Последними идут Миша с Лерой.

Так случайно выходит.

– Папа раньше смеялся только, – Лера, вполголоса, – говорил – пединститут бросила – ну и дура. Верный кусок хлеба. А я не бросила, я доучиваюсь. Но...

– Но на самом деле редко туда ходишь, да?

– Хожу на лекции. На семинары – нет. Не могу себя заставить что-то читать, готовиться.

– А почему ты до сих пор учишься? Я в двадцать три закончил.

– Я полгода назад вышла из академа, – Лера идёт быстро, – но ты-то, наверное, закончил давно.

Двадцать лет назад. Но всех одноклассников в лицо в лицо помнил и по имени.

– А почему в академе? И долго так?

– Болела.

Лера хочет догнать ребят, что ушли вперед. Они идут быстрее. Они догоняют.

Большую стоянку они давно прошли, но всюду по лесу стоят машины – с людьми и без людей. Миша увидел, что многие в машинах обнимаются. Глаза отводил.

А Лера смотрела.

Люди сидят.

Стоят.

Люди.

Людей видимо-невидимо. Лица красные от целого дня под солнцем, выгоревшие в белое виски и брови, синие банданы с логотипом спонсора фестиваля, которые, видимо, тут раздавали бесплатно.

Мы – здесь?

Сейчас?

Мы сейчас здесь петь будем.

Лера смотрит по сторонам и боится.

Им навстречу идёт пара – мужчина и женщина, тридцатилетние, пьяные.

– Простите, – Лера становится перед ними, – вы не подскажете, как нам найти главную сцену?

Они переглядываются и хохочут. Потом женщина нетвердо машет рукой куда-то себе за спину.

– А зачем вам сцена? – мужчина всё ещё смеётся. – Всё равно до десяти никого не будет.

– Почему это? – Лера стоит прямо, не отпускает их.

– В десять играют эти... ну ты знаешь их, – мужчина поворачивается к женщине. – Вот блин, опять забыл.

– А до десяти? – Лера стоит и, кажется, сейчас заплачет.

– Какую-то молодёжь пригнали, чтобы сцена не пустовала. Никого не знаю, – женщина берёт мужа за плечи, ведёт вперед, – пошли Светку искать, Колюнь.

– А кто это – Светка? – вдруг спрашивает Миша. – Дочь?..

Мужчина с женщиной останавливаются и смотрят на него.

– Да ну, почему дочь, – неуверенно говорит мужчина, – шалава какая-то. Вон они с ней познакомились – теперь лучшие подруги, надо по лесу ходить искать. Ни секунды, стервы, друг без друга прожить не могут. И пивас этой Светке покупать надо. А при чём тут дочка?

– Он думает, что мы бы дочку сюда притащили, в этот гадюшник, – женщина снова берёт мужа за плечо и слегка толкает – но тот почти падает, взмахивает руками, – мы сюда с двухтысячного года ездим. Но в этот раз не то...

Они медленно идут к лесу.

– А что плохого? – Лера кричит им вслед.

Женина машет рукой. Мужчина не слышит.

Мужчину рвёт.

– Может, им помочь как-нибудь? – спрашивает Слава.

– Не, – Артур подхватывает вещи с земли, – без нас разберутся. Да и медики тут есть. А нам ещё сцену искать.

Они снова идут, проходят сквозь людей, обходят палатки, наступают на мусор.

На сцене выключен свет и ходят какие-то люди без футболок.

Под сценой сидит охранник в расстёгнутой чёрной куртке.

– Как организатора найти? – спрашивает Миша. – Мы здесь должны выступать. В семь.

– С бейджиками ходят. Увидите, – охранник жуёт травинку.

– Нас очень просили быть возле сцены в половине седьмого. То есть сейчас. И мы очень переживаем, что...

– Ладно, – охранник жуёт травинку, – сейчас по радиии скажу. Подождите пока где-нибудь недалеко.

Они отходят на несколько метров и ставят вещи в траву.

Через пять минут приходит женщина в футболке с логотипом, с бейджиком на красной ленте. Миша не успевает прочитать, как зовут женщину.

– Вы с конкурса у нас, да? Победители?

Лера кивает.

Миша помнит тот конкурс. Они даже не прошли в финал.

– Сейчас техник всё выставит. Стойка под клавиши у вас своя?

Слава кивает.

– Вы подключайтесь пока, а звукорежиссёр сейчас придёт. Ребят, вы сколько хотите звук попробовать?

– Вы говорили – полчаса можно, до семи?

– Ой, у нас хедлайнер приедет раньше. Вам надо в семь пятнадцать закончить. Нормально?

– Нет, – говорит Миша.

Женщина улыбается сочувственно.

– Вы в первый раз?

Миша кивает.

– Надо в семь пятнадцать закончить.

– Хорошо, – говорит Миша, – мы закончим в семь пятнадцать.

Женщина уходит.

– Тогда сколько песен успеем сыграть? – спрашивает Лера.

– Две, – говорит Артур. – Если дело шибко пойдёт и нас нормально подключат. Всё, идёмте на сцену.

Они быстро и нервно подключаются. Кто-то из зрителей уже перебирается поближе к сцене, услышав, как Лера пробует микрофон. И вечно-то ерунду говорит, и ничего нового не придумает.

Раз, два, три.

Раз, два, три.

Он подстраивает гитару и оставляет её на сцене.

Снова появляется женщина в футболке с логотипом, улыбается им, спрашивает.

Миша не слышит. Почему-то вдруг становится душно, безвоздушно – хуже, чем на вокзале, хуже, чем в электричке.

Кто-то протягивает бумажную салфетку.

Он вытирает лоб и долго ищет урну.

– Время, – говорит женщина в футболке. Она больше не улыбается. Лера рисует себе алые-алые губы.

Миша закрывает глаза. От солнца ли прошедшего болят?

Миша видит алое.

– Мне нужно маме позвонить, чтобы телевизор не включала, – говорит Лера.

– Может, тебе вообще не надо этим заниматься, – вдруг говорит Слава, – раз тебе важен телевизор и всё такое.

– Может. Но знаешь, я завидовать буду. Знаешь, как буду завидовать? Я училась в пед, четвёртый курс уже, нужно о дипломе подумать. Один раз с мамой сидели вечером дома, и она вдруг рассказывает – встретила знакомую, сто лет не виделись, а у знакомой – дочка. Дочке пятнадцать лет, и она занимается академическим вокалом. Представляешь, да? Пятнадцать лет, занимается академическим вокалом. А я расплакалась.

– Время, ребят. Вы чего, – женщина в футболке смотрит с беспокойством, – вы же ничего сыграть не успеете.

– Сейчас идём, – Лера стоит, – я просто подумала – просто так мама это рассказала. Или нет. Я до сих пор думаю.

Они помолчали.

– Ну что, идём? – говорит Лера.

На сцене пахнет горячим чёрным пластиком.

Артур поднимается первым.

Им не кричали.

Но собрались под сценой, встали. Разные – трезвые, пьяные. Почему-то очень много детей – мальчики и девочки, многие в купленных маленьких футболках с символикой фестиваля, с настоящими кожаными браслетами, счастливые.

Такие танцуют под песни.

Миша пытается стряхнуть алое.

Ближе всего к сцене оказывается маленькая белокурая девочка – она всё кружилась на месте, и юбка развевалась, и незаплетенные длинные волосы падали на глаза. Она постоянно их отводила руками, старалась заправить под розовую кепку.

Артур дал отчёт.

Лера поёт.

Лера говорит.

Мы с вами.

Мы здесь.

Лера красиво поёт, и многие стараются подойти ближе, разглядеть. Но толпа, та самая многотысячная толпа, которая приезжает сюда каж-

дый год из Москвы и области, остаётся на поляне, у кромки леса. Толпа наблюдает за ними издалека.

Я приду домой, там Пашка и Машка, а у тебя кто?

Кто?

Потом он снова увидел алое.

Маленькая белокурая девочка упала перед сценой и заплакала. У неё на лбу выступило алое – но почему никто не заметил, не подошёл. Он ждал её родителей, ждал.

Но их не было.

Тогда он перестал играть, медленно снял с себя гитару, положил на чёрный горячий пластик и быстро пошёл к девочке под взглядом Леры, голос которой вдруг стал странным и слишком громким среди замолчавших инструментов.

Он спустился по лестнице под сцену и подошёл к девочке – она упала несильно, и то, что сквозь солнце померещилось ему алым, оказалось тенью от козырька кепки.

В толпе смеялись и улюлюкали.

Он поставил девочку на ноги, развернулся и медленно пошёл обратно к сцене, где молча стояла его группа.

Венедикт ПОНОМАРЕВ

Родился в 1986 году в Дзержинске Горьковской области. Окончил Нижегородский госуниверситет им. Лобачевского, работает юристом. Живет в Дзержинске.

ЗВУКИ ВОЙНЫ

Посвящается бабушкам моим

В железной старой печурке догорал синий огонек. Вокруг становилось холодно. Холод пробирался под теплый бабушкин платок, в который укуталась Верочка. Настуженные на морозе руки ее ловили уходящее куда-то тепло, а лицо покраснелось.

Бум.

Огненная картинка перед глазами чуть покачнулась. Едва дрогнули и зазвенели узорчатые белые окна. Вера дернулась от неожиданности. Никак не могла привыкнуть к налетам...

Потом еще один удар. Глухой, страшный как звон похоронного колокола. Девочка вдруг вспомнила как в школе они всем классом пели «Интернационал»: «...Весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем...» А зачем разрушать? Как это страшно казалось теперь – разрушать. Их заснеженный проулок с несколькими черными бараками, которые стоят себе продуваемые насквозь ветрами. Разве они, ветхие и безобидные, мешают кому-то?... Но немец был уже близко. Уже всю слышны были его грозные глухие шаги, полыхающие огнем...

Папка ушел на фронт в самом начале. Пришел со смены, собрал нехитрый скарб и сказал, что мобилизуют. Они долго тем вечером сидели своим бабьим царством – мать и три дочки – и смотрели, всхлипывая, на дверь, закрывшуюся за отцом, будто ждали, что вот-вот она снова откроется и он вернется. С тех самых пор пришли от него три весточки – желтые обрывки бумаги, исписанные крупными корявыми буквами, словно где-то набросанные впопыхах. Девки радовались, и мамка радовалась, и глаза ее слезились. И никогда она не читала вслух написанного, говорила только, что все хорошо. А потом, когда все засыпали, уходила к умывальнику, задергивала дырявую тканюху и оттуда слышался тихий плач. И Верочка не спала, а накрывалась с головой одеялом, тоже плакала. И все думала: как это хорошо? Что там может быть хорошо? На войне...

Девчушка снова вздрогнула, но уже от холода, который пробирался все глубже. Возле печки, чуть в стороне лежали два тощих поленца и несколько кусочков угля. Это все, что осталось до самого утра. Мама со старшими сестрами ушли рыть окопы – мужиков не хватало, – оставив маленькую Верочку одну дома. Вернуться должны были ближе к утру и принести с собой дров или угля, полагавшиеся за ночную работу. Если вернуться... У Тольки из соседнего барака деда тоже в прошлом месяце забрали баржи разгружать. Не вернулся больше дедка. Только на санях по утреннему скрипучему первому насту мужики привезли покрытое брезентом мерзлое тело. Дети плакали, страшно было. Бабки крестились и причитали, что, мол, встретил смерть страшную на старости лет. Задавило бревнами...

А вдруг и вправду не вернется мама?.. Придут утром сестры в стильную комнату, да так и останутся три девки одни-одинешеньки...

В коридоре слышались глухие шаги и заскрипели половицы. Потом постучали в дверь.

– Верка, – раздалось снаружи, – открывай, дело есть!

Это был сосед Сережка. Он жил с матерью и бабушкой, которая почти не ходила. Отец его тоже ушел на фронт, но письма писал регулярно. Сережка хвастался, что папка вовсю бьет немца и враг отступает. А еще говорил, что война скоро кончится. Но ему почему-то никто не верил. Он даже дрался с другими мальчишками, обзывавшими его вруном. А еще он частенько больно дергал Верочку за косы, которые ей заплетала старшая сестра, и дразнился: «Верка-дверка».

– Чего тебе? – недовольно спросила Вера, снимая крючок и со скрипом открывая дверь. Из стильного коридорного мрака вынырнули карие глаза, сияющие в темноте озорным блеском, но лицо мальчишки было серьезным, даже немножечко важным.

– За дровами пойдешь? – спросил он, оглядывая девчушку, укутанную в большой серый платок.

– Откуда?

– Толька с матерью днем на станцию ходил, видел, как там вагоны разгружали. Дров – тьма. Мы с ним сговорились ночью пойти набрать. Я вот и подумал, что вам тоже, может, дров надо. Он на улице ждет.

Говорить Сережка старался невзначай, будто одолжение делал, но любопытные глаза его пытались заглянуть за Верочку в комнату.

– Своруете, что ли?! – девочка вспомнила, как одну тетеньку с маминей работы посадили в тюрьму за то, что она пронесла через проходную казенное полотенце. – Нельзя же!

Мальчишка сразу потускнел.

– Нельзя, нельзя... Холодно же! – с досадой воскликнул он.

– Нет. Не пойду, – решительно сказала Вера и захлопнула перед Сережкиным носом дверь.

Мама всегда говорила, что чужое брать нельзя, чужое добра не принесет. А потом она посмотрела на догорающий огонек в печурке, горстку угля и два тощих полешка – все, что осталось. Вроде нельзя... Но там, наверное, много дров? Не страшно ведь, если только два или три, ну, может, четыре полена взять, никто и не заметит. Верочка представила, как мама с сестрами вернуться утром, а дома тепло, и как они все будут рады.

– Подожди, – сказала она, поспешно открывая дверь, – я с вами пойду.

Сережка, который почему-то еще не ушел, заулыбался, глаза его снова засветились. Станный он все-таки какой-то.

На улице было очень холодно. Луна, висевшая меж черных снеговых туч, искрилась на пушистых сугробах. Казалось, что переливающийся на них свет потрескивает на морозе. Щеки и кончик носа сразу начало щипать. Верочка натянула платок почти на глаза. Пальтишко было уже мало, и плотная одежда под ним сковывала движения. Ноги утопали в старых больших валенках.

– Пошла всё-таки, – недовольно буркнул Толя, когда ребята подошли к нему.

– Не жадничай, – грубо отрезал Сережка, – на всех хватит. Веди давай.

Узкая протоптанная в глубоком снегу тропинка петляла между бараков и выводила на большую улицу. Дышать сквозь плотный бабушкин платок было тяжело. Верочка то и дело оттопыривала его и глубоко вдыхала. Морозный воздух обжигал все внутри, и хотелось кашлять. Но девочка сдерживалась изо всех сил, боялась, что ребята ее прогонят, ведь если кашлять, то их могут поймать.

Обязательно поймают трех неуклюжих воришек.

Ей стало страшно. Что тогда будет? Ведь достанется не только от мамки...

Толя неожиданно остановился и посмотрел на небо.

– Плохо, – сказал он, покачав головой.

Сережка с Верой тоже на всякий случай посмотрели наверх, но ничего не поняли.

– Светло, – мрачно пояснил Толя. – Если б темно было... А так увидеть могут.

– Не увидят, – уверенно сказал Сережка.

– А вдруг...

– Ну и что, домой идти?! Пошли! Солдаты в атаку не боятся ходить, а ты!

Только еще больше помрачнел и зло посмотрел на приятеля. Отца его как врага народа отправили в лагерь, когда Толя был еще совсем маленьким. Оттуда он так и не вернулся. Мальчишка бату почти не помнил. Фотографий не осталось. А мамка вообще подписала какой-то отказ... Да недавно деда – единственного и того дряхлого мужика, оставшегося в доме, – задавило бревнами.

– Я ничего не боюсь, понял! – сказал он и, отвернувшись, быстро зашагал вперед. Было слышно, что он еще что-то говорит, но слов было не разобрать.

Небо и впрямь стало ясным. Холодный лунный свет искрился на снегу блестящими бусинками. Мороз крепчал. Под ногами хрустело. Казалось, что этот хруст разлетается по всем улицам, и Верочка подумала, что их обязательно увидят.

Ребята прошли мимо Дома культуры. Бревна его страшно чернели на фоне блестящих белых сугробов, и напоминал он теперь избушку на курьих ножках, о которой рассказывала старшая сестра, а не тот светлый и теплый дом, куда все школьники когда-то ходили после уроков заниматься в кружках и даже смотрели фильмы. Там еще была небольшая библиотека, где интересно пахло книжными переплетами. Старенькая Клавдия Афанасьевна говорила, что эти маленькие книги – двери в большой мир. И Верочка все думала, как же это может быть, что значили странные слова доброй старушки? А теперь не было ни Клавдии Афанасьевны, ни, наверное, книг. Холодный дом стоял с заколоченными окнами, внутри стонал ветер, гуляя по пустым комнатам. А дети вместо кружков идут на станцию красть дрова, как будто и не было никогда другой жизни, а были только холод, длинные ночи и страшные взрывы – звуки войны...

Толя остановился и подал знак рукой. Сережа с Верочкой тоже встали.
– Ты чего опять?

До станции было еще далеко. Ребята остановились около прогала между заборами, к которому была протоптана едва заметная тропинка.

– Смотрю, – многозначительно ответил Толька.

– Чего смотришь-то?

Сережка нетерпеливо переминался с ноги на ногу. То ли ему было холодно, то ли поскорей хотелось добыть дров.

– Здесь пойдем, – Толя указал на узенькую тропинку.

– Зачем? Там снегу выше крыши!

– Зачем, зачем! Дорога там меж кустов идет, за ними спрятаться можно!

Ребята дружно как по команде огляделись. Центральная улица, тянувшаяся до самой станции, казалась по-странным широкой. По ней уж точно незамеченными пройти было нельзя. Поэтому все так же дружно двинулись по узенькой тропинке.

Через несколько минут вдалеке показалась станция. Похожий изда- лека на игрушечный, на рельсах растянулся длинный состав. Чуть по- одаль от станционного здания вверх в черное небо уходила сторожевая вышка, на которой в свете луны крохотной точкой маячил караульный, медленно, как маятник, двигавшийся из стороны в сторону.

Что-то будто оборвалось внутри, и на мгновение Верочка замерла. На бездонном, усыпанном звездами небе, как яркий уличный фонарь, освещавший все вокруг, висела луна. Узкая заснеженная тропка, по которой шли ребята, петляла до самой станции меж тоненьких пруть- ев прозрачных кустарников, с которых ветер сдул пушистый покров. За ними было не спрятаться. А перед самыми рельсами и подавно стелилось чистое поле. Только небольшой снежный холмик одиноко искрился лунными переливами. Мальчишки дошли до одного из ку- старников и залегли за ним в снег, деловито, как на поле боя, изучая открывшуюся перед ними местность. Верочка неуклюже подошла к ним сзади, чуть не потеряв в сугробе свой огромный валенок, и усе- лась прямо на снег.

– Ну что, как пойдем? – почему-то шепотом спросил Сережка. – По снегу поползем?

– Нет, – многозначительно ответил Толя, оглядывая рельсы, – по до- роге пойдем, прямо к станции.

– Как это? Увидят ведь!

– Ну и пусть увидят. Мало ли кто тут ходит.

– Ага, посреди бомбежки .

– Смотри, – мальчишка, не обратив на Сережкины слова никакого внимания, указал рукой на самый последний вагон, рядом с которым лежала куча дров. – Не успели увезти. Говорили, что снарядом рельсы повредило, всех со станции туда послали, а то паровоз не пойдет. Добе- ремся туда, быстро дровишек наберем, а оттуда до центральной близко.

– Своруем, получается, – сказала Вера.

– Своруем, не своруем, какая разница? – огрызнулся Сережка. – Иди и молчи! Как скажут, так и делай! Зачем пошла тогда?

Девочка не ответила.

– Ну вот и все, – продолжил мальчишка. – Холодно, поди, дома? Вот- вот! А топить нечем. Отудова не убудет.

– Так и знал, что не надо ее брать было, – проворчал Толя, подни- маясь на ноги, – нету в наших делах от девчонок толку никакого.

– Ну а что теперь, здесь ее, что ли, оставлять, пусть уж идет.

Толя ничего не ответил, а только отвернулся и пробурчал:

– Пошли.

Где-то грохнуло. Потом еще раз. На луну в один момент наплыло облако, и вокруг стало темным-темно. Ребята ускорились и почти уже побежали, пользуясь моментом, мальчишки – ловко, Верочка – неуклюже, едва поспевая за ними. Было видно, что сторожевой слез с вышки. Увидев это, Толька с Сережкой еще прибавили ходу. Девочка тоже как могла ускорилась, утопая в снегу и в своей одежде. Она уже не чувствовала холода. Глаза заливал пот, превращавшийся от стылого встречного ветра на кончиках ресниц в маленькие бусинки сосулек. Она только видела перед собой два размытых силуэта впереди и старалась от них не отставать. Вдруг всё встало, а перед глазами выросла огромная гора. Такая большая, что, казалось, уходила в самое небо. Верочка остановилась и с трудом дотянулась до глаз, переводя дыхание.

– Вот они! – тяжело дыша, прохрипел Толя, пар густыми клубами вырывался у него изо рта.

Девочка поправила шапку и кое-как вытерла лицо покрытыми льдинками холодными варежками. Столько дров она никогда не видела. В хранилищах они совсем по-другому выглядели. Лежали ровными рядками так, что, казалось, если хотя бы одно поленце выдернуть, то рассыплется вся куча. А здесь были навалены как попало, бери не хочу.

– Чего рот раскрыла? Набирай давай! – весело крикнул Сережка.

Пока Верочка гладела на кучу, мальчишки уже набрали по целой охапке. Она неуклюже взяла четыре полена. Больше не уместилось.

– Эх ты, неумеха! – Сережа скинул свою добычу на снег и подошел к девочке. – Давай помогу.

– Возиться только с ней лишнего, – проворчал Толя.

Вере стало обидно. Так, что она почувствовала, как на глазах наворачиваются слезы. Хорошо им – мальчишкам, они сильнее девочек и хвастаются этим, а чтобы помочь...

– Замолчи, – процедил сквозь зубы Сережка, – вместе пришли, вместе и дело делать надо. А единоличникам всяким у нас не место.

– Это ты про меня? – бледное лицо Тольки в холодном лунном свете искажилось, стало неприятным.

– Про тебя, про кого же еще. Товарища ты готов бросить...

Толя снова ничего не ответил, только опять отвернулся.

Девочка вытянула руки, чуть согнув их в локтях, а Сережка, пытая, наложил дров. Много получилось, хватило бы на целый день топить комнату. Дрова были большие. Цеплялись за рукава пальтишка упругими зазубринами, оставленными большим топором. Только вот как нести теперь все это? Верочка с трудом повернулась и посмотрела вперед. Дорогу почти не было видно за кучей дров в руках, только черное небо со звездами. Она почувствовала нестерпимую тяжесть в руках и поняла, что долго идти так не сможет.

– Тяжело? – раздался где-то сбоку голос Сережки. – Ну ничего, главное, до центральной добраться, а потом придумаем, как дотащить.

– Пошли, – глухо сказал Толя, и троица двинулась вперед.

Верочка не видела мальчишек. Она только слышала свое тяжелое дыхание и хруст снега, раздающийся спереди. По нему и шла. Валенки то утопали в снегу, то выходили на неровную протоптанную в сугробе тропинку. Холод теперь не чувствовался. Сильный ветер поднимал с верхушек сугробов колючие снежинки и кидал их в лицо. Они тут же таяли, растекаясь по раскрасневшимся румяным щекам. Вере вдруг

захотелось снова оказаться у печки, смотреть на огонь и кутаться в колючий платок. Она уже пожалела, что пошла на станцию, но тут же подумала о маме и сестрах, которые копали промерзшую, твердую как камень землю. Им, наверное, было еще тяжелей...

– Стой! – гулкий морозный воздух прорезал чей-то хриплый голос. Следом за ним в пустом ночном пространстве раздался страшный металлический лязг.

Грохнуло. Трофимыч слез с вышки и поковылял на станцию. Поставили старика охранять дрова, которые не успели увезти днём. Пришли вечером. Постучали в хлипкую барачную дверь. Велели собираться. Старуха завывала: «Куда на старости лет на войну потащили, не дают горький век дома дожить, нашли солдата!» Но Трофимыча позвали не воевать. Его привели на станцию, даже чаем напоили, пока ждал начальника. Потом дали винтовку и поставили охранять вагоны – людей не хватало, почти всех мужиков, которые работали, в срочном порядке мобилизовали, вот и понадобилась помощь дряхлого старика. Но руки не дрогнули, когда принял в них оружие, держали. Не забылись усвоенные еще в окопах Первой мировой навыки...

Холодный ветер насквозь продувал старый, поеденный молью и мышами тулуп. Зайти внутрь не дали, а так хотелось погреться... Комendant обматерил Трофимыча на чем свет стоит и отправил обратно на пост. Бомбежка, мол, дело, конечно, страшное, но без охраны важное казенное имущество оставлять было нельзя. Пришлось идти назад. Вокруг было тихо, только мягкий морозный снег хрустел под тяжелой поступью. Холодная винтовка бесполезно болталась за плечом. Старик думал о том, что ждет их со старухой впереди. Доживут ли они до победы или полягут от тяжелого вражеского свинца у черной барачной стены. Как началась война и стало понятно, что немец продвигается все ближе, когда пошли первые эвакуации заводов и высокого начальства, Трофимыч решил для себя, что отступать никуда не будет – что ему, старому, занимать лишнее место, но вот повоевать попробует. А вместо этого ходит теперь вдоль почти пустого состава и, получается, стрелять в случае чего теперь он должен не по врагу, а по своим.

Старик тяжело поднял голову и оглядел пустое пространство. Вдруг он заметил три маленькие фигурки, чернеющие посреди белого поля, которые неуклюже отдалялись от наваленной возле вагонов кучи дров. В глаза ударил ледяной ветер и помешал сразу приглядеться. Трофимыч немного прикрыл рукой глаза и понял, что в руках у беглецов поленья, украденные, очевидно, из злосчастной кучи. Он растерялся – уж больно маленькими казались воры. Потом посмотрел в сторону станции, из нее кто-то выходил.

– Вот напасть! – проворчал старик.

Потом снял тяжелые варежки. Попытался засунуть их в карманы тулупа, но обронил на снег.

– Стой!

Холодная винтовка, впопыхах стянутая с плеча, тяжело легла в руки, а потом лязгнул затвор. Старик и сам не понял, как приготовил оружие к бою, но этот звук показался ему громче и пронзительней, чем гремящие неподалеку взрывы.

– Стой, кому говорю!

Поднял дуло вверх и спустил курок. Ничего не произошло – патрон заклинило в стволе. Снова передернул тяжелый затвор, теперь патрон

встал так, как надо. Он посмотрел вперед. Фигурки, как маленькие блошки на белой кошачьей шерстке, проворно удалялись. Трофимыч вскинул винтовку и начал целиться.

На миг все трое остановились и обернулись на крик. Возле дровяной кучи стоял человек с винтовкой в руке.

– Ну все, стрелять теперь будет, – едва слышно просипел Сережка.

Толя побежал первым. За ним ринулся Сережка. Мальчишки не выпускали из рук добытые дрова. Верочка, не в силах пошевелиться, сначала испуганно смотрела на страшного дядьку, целившегося в них, а потом ноги сами собой понесли ее вперед. Дороги она уже не разбирала и не пыталась разобрать. Валенки, бежали будто сами по себе.

Трофимыч понял, что останавливаться воришки не будут. Дети дали деру, и, хоть бежали они небыстро, догнать он их точно не мог. Куда там. Он на вышку-то еле взбирался, пыхтя, как старый паровоз, а тут бежать по снегу с винтовкой наперевес... Да хотя бы и без нее... Что ж теперь было делать?...

Со стороны станции послышались голоса. Если увидят его, как он воров упускает, то самого пустят в расход. Он вскинул винтовку, палец лег на холодный спусковой крючок.

Не было детей у Трофимыча. Два раза за долгую жизнь начинали они с супругой ребенка. Но, то ли от тяжелой работы, то ли еще от чего, отторгало тело ее неприжившийся плод. Так и остались они одни-одиношеньки. Тяготился старик до войны мыслью о том, что помрут они со старухой никому не нужные, не оставив на земле и следа после себя. А детей он любил. Мастерил соседским пострелятам игрушки из веток ивы и бересты, рассказывал сказки, какие помнил еще от своей бабки. А теперь вот должен был стрелять в детей, утачивших, чтобы согреться, несколько поленьев, которых бы никто и не хватился.

Сердце заколотилось в груди. Одно дело на войне стрелять во врага, идущего на тебя с оружием в руках, и совсем другое – стрелять в безоружных, а тем более детей. Но неужто не было выбора?

Ноги запнулись одна о другую, и Верочка упала, больно ударившись подбородком о дрова, которые рассыпались по тропинке. Ну все. Мальчишки убегут, они быстрые. А ее теперь или застрелят, или посадят в тюрьму. Ей захотелось плакать от боли и одновременно от отчаянья, которое теперь заполонило собой все внутри, заменив страх, который недавно заставил быстро бежать. Вернутся мама с сестрами с утра в пустую комнату, а Верочки там уже не будет...

Внезапно пространство наполнилось пронзительным свистом, а за ним последовал громкий взрыв. Показалось на миг, что целая большая земля покачнулась от страшной силы, свалившейся с зимнего черного неба.

– Вставай быстрее! – крикнул подбежавший к девочке Сережка.

Он ловко, не выпуская охапку из рук, поднял Верочку за воротник и подтолкнул вперед. Оказавшись на ногах, она, уже не думая о том, что будут стрелять, не жалея рассыпанных по дороге дров, проворно побежала по дороге.

Люди возле станции засуетились. Трофимыч, оглушенный взрывом, повалился на снег. Послышались крики – всех собирали внутрь. Непонятно только зачем. Старик с трудом поднялся. В ушах звенело. Он еще раз посмотрел в сторону убежавших воришек. Они были уже далеко. Только несколько поленьев чернели на едва заметной протоптанной тропинке. В следующую минуту с неба посыпал частый колючий снег, ложась густым слоем на землю. Вот и хорошо. Значит, пропажи никто не обнаружит.

До самых бараков ребята не останавливались. Только когда уже подошли к домам, Толя остановился и зло посмотрел на Сережу с Верой.

– Чуть не попались, – зачем-то сказал он, словно упрекая ребят. – А ты вообще зря ходила. Дрова все растеряла.

Верочка ничего не сказал. Она развернулась и пошла к дому. Мальчишки не увидели, как по покрасневшимся щекам ее покатались большие слезы. Было обидно. Правда ведь получалось, что и дров она не добыла, и чуть не попала. Неизвестно, чем еще все это могло кончиться. Снова стало страшно. Страшно и обидно.

Дома было уже холодно. Несколько угольков едва теплились в печурке. Девочка взяла большой тяжелый нож, нарубила щепы и кинула ее на покрывшиеся пеплом угли. Вокруг запахло дымом, глаза заслезились. Вера села напротив печки и тяжело вздохнула. Она вдруг подумала о том, что ничего у нее никогда хорошо не получалось. Когда бралась она делать домашнее задание обязательно марала страницы. Если доводилось нести яйца с базара, обязательно умудрялась разбить одно или два. Когда мамы не было дома, сестры обидно дразнили ее неумехой, говорили, что она младшая, а потому избалованная. Вот и теперь ничего у нее не получилось.

В дверь постучали. Сердце упало в пятки. Ей подумалось, что это пришли со станции арестовывать.

– Кто? – голос дрожал.

– Открывай, это я, – сказал из коридора Сережка.

Она распахнула дверь и увидела перед собой охапку дров, которую мальчик, пыхтя, держал в руках.

– Бери, – сказал он сваливая у ног тяжелую ношу.

Верочка растерялась.

– Бери, бери! – отдышавшись, весело повторил Сережа.

Под глазом у него наливался свежий синяк.

– А ты что же? – спросила она, разглядывая улыбающееся лицо.

– У меня еще есть! Я ведь много взял.

Врал Сережка. Не мог он взять больше. Оставил себе, поди, два полешка, а остальное отдал.

– А это?..

– Это я с Толькой подрался. Начал ворчать, будто без тебя нас бы сторож не заметил. Вот я ему и вмазал. Зуб выбил! Ну и он тоже...

Они дружно рассмеялись. Стояли, смотря друг на друга, и заливались звонким смехом. А потом сразу перестали, словно вспомнив, дядьку с ружьем на станции и взрыв, может, спасший их и, наверное, унесший чьи-то жизни...

– Ну ладно, я пойду.

Мальчишка развернулся и двинулся по темному коридору.

– Заходи завтра, пойдем гулять, – глядя вслед ему и улыбаясь, сказала Вера.

– Ладно, – голос мальчишки снова стал важным.

Верочка закрыла дверь, оттащила дрова к печке. Показалось, что их было очень много. Сразу два полена она отправила в печку, где уже снова зарделся огонек. Теперь можно хорошенько будет протопить комнату, чтобы мама с сестрами согрелись, когда, усталые и замерзшие, утром вернутся домой.

Андрей РАСТВОРЦЕВ

Родился в 1958 году в с. Гонжа Амурской области. По образованию геодезист (курс «Инженерная геодезия» Ленинградского топографического техникума). Более 40 лет в составе полевых топографо-геодезических партий и бригад выполнял работы по созданию топографических карт различных регионов страны. Сейчас работает начальником топографо-геодезической партии Экспедиции № 138 Средневолжского аэрогеодезического предприятия.

Автор тринадцати книг стихов и прозы. Публиковался в журналах: «ЛИК», «Дальний Восток», «Родное Приамурье», «Литера», «Великороссь», «Юность», «Молодая гвардия», «День и Ночь», «Однако, жизнь» (Белоруссия) и других, в сетевых изданиях.

Член Союза писателей России. Живет в Чебоксарах.

РАССКАЗ БЕЗ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ

1

Ужик был молоденький, маленький, только-только этой весной урождённый, глупый и оттого, видимо, наглый. Он ещё ничего не боялся. Просто не знал, как это – бояться.

Полз себе не спеша по краешку берега, через высокую траву и мелкие сучья. Заодно переполз и ногу Авдеева, обутую в чёрный запылённый ботинок, совершенно не обратив внимания на хозяина ботинка.

Авдеев, сидящий на выбеленном водой и солнцем бревне, усмехнулся, ногу не отдёргнул – пусть себе, у ужа жизнь только начинается, если повезёт – поживёт подольше и тогда узнает, чего можно, чего нельзя, поймёт с кем задираться, а кого лучше стороной обползти...

Перебираясь через корень большого пня, что торчал над песчаным обрывом, уж не удержался и скатился в воду. Это его не смутило, и он всё так же спокойно и уверенно продолжил путь – изящно извиваясь, слегка приподняв над водой маленькую голову в жёлтой шапочке, поплыл вдоль берега.

«На-аглец, прямо я в молодости. Мне бы сейчас такую невозмутимость...» – Авдеев усмехнулся, нашарил в кармане пиджака сигареты, достал одну из пачки, покатав задумчиво между пальцев. Так и не прикурив, откинул сигарету в сторону, решительно встал и зашагал к мосту через речку, туда, где крайние дома посёлка сбегали к самому берегу...

Улицы посёлка были хорошо знакомы Авдееву. Всё его детство и юность прошли на них. Ну а речка и пешеходный мостик через неё в те

далёкие уже времена были любимыми местами отдыха для него и его малолетних друзей.

Ну, а потом, потом как у всех: большие далёкие города, учёба, распределение, работа и редкие приезды в отпуск к родителям. А после их трагического ухода Сергей дорогу в родной когда-то посёлок забыл совсем. Лет тридцать пять не был, а ноги дорогу до сих пор хорошо помнят. Да и то сказать, что могло измениться в этом захолустье?..

У входа на мост, справа, на прогалине меж ивовых кустов, в невысокой траве стояла собака. Жёлто-грязного окраса, гладкошерстная, худая, с подтянутым к самому хребту животом. Ошейник, когда-то, видимо, плотно сидевший на шее, болтался теперь на ней как обод велосипедного колеса.

Собака стояла молча. Не шевелясь. Даже хвост её был опущен, а не вилял из стороны в сторону. Собака просто стояла. Стояла и смотрела на человека. Но не её удобство, видимая немощь и молчание пробили Сергея до печёнок – между ног собаки крутились четыре кутёнка. Они ещё плохо держались на ногах, толкались, падали, переползали друг через друга и тянулись к вытянутым почти до земли пустым соскам мамы...

«Не выкормит...»

Сергей глядел на собаку, на её щенков, а в голове крутилась только одна мысль: «Не выкормит, нет, не выкормит...»

Глядя в глаза собаке, он почему-то неожиданно подумал: а она ведь специально вывела, вынесла щенков ему навстречу. К бабке не ходи – специально! Ну, может, не конкретно к нему – просто к человеку. Авдееву в какой-то момент даже показалось, что он читает в глазах собаки мольбу, практически человеческую мольбу о помощи.

«Господи, да что ж мне сегодня на всякую живность-то так везёт!»

Сергей сделал шаг в сторону собаки. Та ощерила клыки. Молча. То ли не было сил рычать, то ли просто просила учесть, что щенков в обиду не даст...

– Не бойся, не обижу...

Авдеев без резких движений, чтобы не пугать собаку и её выводок, открыл дорожную сумку. Вынул всё, что осталось после утреннего перекуса в поезде. Слава богу, осталось прилично: почти полкурицы, хлеб, варёные яйца. Собаке, конечно, на один зуб, но что есть...

Сергей вытряхнул еду из пакетов. Пододвинул ногой в сторону собаки.

– Кушай, собачен...

Собака не сдвинулась с места.

– Хорошо, хорошо. Ухожу...

Через десяток метров оглянулся – собака всё так же неподвижно стояла на месте...

Но когда, перейдя висячий мост, Авдеев ещё раз оглянулся, ни еды, ни собаки, ни её щенков на обочине не было...

Не обнаружив звонка у калитки дома, Сергей после секундного раздумья повернул деревянную вертушку и вошёл во двор. Из тенёчка за конурой выбрался заспанный пёс, потянулся, прогнувшись животом до самой земли, зевнул, обнажив крупные клыки, и только потом басовито пару раз гавкнул. Авдеев усмехнулся: обленился сторож, плохо исполняет свои обязанности. Видать, хозяева нестрогие.

Из раскрытого окна раздался женский голос:

– Кто там? Вы пса не бойтесь, проходите, он у нас не кусачий, так – больше для звонка...

– Здравствуйте, я из города приехал, – обратился к невидимой собеседнице Сергей, – мне бы поговорить с Ольгой Михайловной Решетниковой. Мне сказали, она здесь живёт...

– Да-да, проходите, не заперто.

Авдеев толкнул дверь и вошёл в дом.

– Мне бы... – договорить ему не дал удивлённый женский возглас:

– Серёжа?! Ты?..

Авдеев застыл на пороге. От неожиданности, от удивления. В доме было сумеречно, да и Ольга вряд ли за эти годы стала что-то видеть. Врачи ведь говорили: безнадежно...

– Да-а... Узнала?... Здравствуй...

– Что ж не узнать-то – голос-то у тебя всё тот же, бархатный. Здравствуй... – Худошавая миловидная женщина с лицом, почти полностью прикрытым тёмными очками, неотрывно смотрела в сторону входной двери. – Ну, чего в дверях застыл? Проходи, присаживайся...

Перешагнув через высокий приступок в дверном проёме, Сергей прошёл в комнату. Выдвинув из-под стола, накрытого клеёнчатой скатертью, табурет, присел. Огляделся. Обычный пятистенок. Из обстановки ничего лишнего: диван, комод, пара шкафов, стол, три табурета. Немного удивили большой телевизор на тумбочке, ноутбук на этажерке да длиннющий книжный стеллаж за ситцевой занавеской, разделявшей большую залу надвое...

Женщина, опершись на суковатую, отполированную за долгие годы почти до лакового блеска клюку, встала с широкого кресла и, слегка ощупывая рукой пространство перед собой, сделала несколько шагов в сторону гостя. Подойдя, безошибочно положила руку ему на голову. И застыла...

– Тревожные твои мысли, Серёжа, плохие... А помнится, молодой прибегал – мысли резвые, весёлые...

– Забыл...

– Помнишь, всё ты помнишь. По-другому бы и не пришёл... Себя молодого найти хочешь... Не поздновато ли спохватился – целая жизнь прошла?..

– Зачем ты так... Правильно ведь говоришь: сколько уж прошло-то. Я думал, ты с годами помягчала...

– С чего бы мне мягчать-то? Как жизнь со мной, так и я с нею. Жизнь вообще штука жестокая. Чего ж нам с ней меняться? А вот ты – ты изменился. Ты другой пришёл...

Сергей смолчал. Тепло женской руки растекалось по его голове и словно заполняло всю его сущность. Говорить, а уж тем более спорить и предъявлять какие-то счёта не хотелось...

Монотонно тикали старые ходики. В окно с басовитым гудением билась залетевшая в дом зеленобрюхая муха.

– Чего примолк-то, Серёжа? Ты ж выговориться ко мне пришёл. Вроде как покаяться даже. Хочешь, чтобы тебя поняли. Видно, в жизни-то поговорить-то тебе не с кем... В храм не идёшь – не веришь... Всё в себе и носишь. Мне решился сказать, не зря ж сколько времени потратил – меня искал, удивительно, как нашёл-то? – а и тут молчишь.

– С женой говорю...

– Говоришь. Молча. Большие речи закатываешь, а она ничего и не слышит. А и вслух бы чего сказал – всё одно не услышала бы. Она тебя никогда не слышала. У неё своя жизнь, у тебя – своя, хотя уж сколько годов-то вместе. И детей, слышала, вырастили, вот уж и внуки, а всё порознь... Глухая у неё душа. Холодная. Ты как это понял, так и заметался по жизни. Тогда, видно, и меня через столько лет вспомнил да искать начал...

Ольга замолчала. А потом с неожиданной для Авдеева улыбкой в голосе сказала:

– Ой, да ты лысеешь. Какая тонзура на макушке, как у монаха. Ты, наверное, смешной лысый-то?

– Ага, обхохочешься. О жене-то откуда знаешь?

– Да, а как не знать-то? Она ж моей лучшей подружкой числилась. Неужели забыл? Тогда уже расчётливой была. Себя любила, а на остальных... Когда со мной беда-то приключилась, быстро сориентировалась, поняла, что всё у нас с тобой кончилось, место вакантно. Ты ж перспективный был. Ухажёра своего бросила да к тебе и присоседилась. Да и трудно нынче тебе с твоей известностью от людей укрыться – почти каждый день что-нибудь новое о тебе по телевизору да радио рассказывают. Исподним твоим перед всей страной трясут.

– Когда беда приключилась, я тебе ещё в больнице предложение сделал. Так что в тот момент ещё ничего не кончилось. Не могла Ксения знать, что место вакантно...

– Сделал... Через две недели. Когда стало ясно, что видеть я не буду. Ты же всегда хотел быть справедливым, честным, лучшим. Вот ты и решил подвиг совершить – на калеке жениться. Так сказать, собой пожертвовать. Всю свою молодую и красивую жизнь инвалиду посвятить! А когда я сказала «нет» – ты поначалу даже растерялся, счастьем своему не поверил – не нужен подвиг-то, не нужен! Даже переспросил несколько раз. Слышал бы ты, какая радость в твоём голосе звучала. Не скрыть. Особенно от слепой...

– Я помню. Не нужно обо мне, о себе я и сам всё знаю – ты мне лучше о себе расскажи.

– А что обо мне говорить? Одиноко было. И тяжело было. Особенно в первые месяцы после взрыва в лаборатории, когда я в глазной клинике лежала. Вы ведь пропадали, исчезали из моей жизни по одному – сначала один перестал приходить навестить, новости рассказать, о здоровье справиться, потом другой, третий, потом и звонить стали всё реже и реже, даже лучшие подруги... А через полгода меня для вас словно и не было... И вот тогда мне стало страшно, так страшно, что ты себе и представить не можешь! Только тогда я поняла: так будет всю жизнь! Одна, одна среди вечной беспросветной тьмы. Понимаешь? Вечной тьмы... Если бы не Иван – руки бы на себя наложила.

– Иван?..

– Да, Ваня Маркелов. Из нашей группы. Мы же его никогда не замечали, он же был не нашего круга... Чай будешь?

– Чай? А-а, да, чай буду.

Женщина, слегка прикасаясь пальцами к стене и высоко поднимая подбородок, прошла на кухню. Сергей услышал потрескивание пьезозажигалки.

– С вареньем или с сахаром?

– Безо всего, просто покрепче.

Когда Ольга внесла чай, Сергей взглядом пробежался по её лицу. Большие чёрные очки скрывали почти пол-лица, но даже их, очков, не хватало, чтобы полностью прикрыть бесформенный шрам на левой щеке, двумя вспененными бороздами спустившийся к верхней губе.

— Я помню Ивана. Коренастый такой, молчаливый. Вроде парашютным спортом занимался. В общаге он не жил, приходил только на занятия. Где же мы могли с ним общаться? У него свой круг общения был, у нас — свой. А после того как всё это с тобой случилось, он на заочный перевёлся. Тут уж совсем мы разошлись...

— Из-за меня и перевёлся.

— Из-за тебя?

— Знаешь, после взрыва он один всегда рядом со мной был, каждую свою свободную минуту. Родители мои тогда в разводе были, не до меня им было — новые семьи строили, а бабушка не всегда могла прийти — тоже забот полон рот, вот, а он практически и жил возле моей палаты. Врачи сначала гоняли его, уговаривали не приходить, особенно когда узнали, что он мне никто, да что толку. Они его в дверь — он в окно, они его в окно — он в дверь. Потом махнули рукой. Отстали. А я я психовала — я не его ждала. Я его прогоняла, кричала на него, обижала, а он молчал и приходил, приходил, приходил. Он сидел рядом со мной, читал мне книги, особенно очень много стихов — я никогда не думала, что так много на свете хороших стихов, а Ваня их знал наизусть; кормил, поил, даже перевязывать научился. Он был мой принеси-подай-сопроводи. А в университете на дневном откуда свободному времени взяться? Вот он и перевёлся.

Потом наступил момент, не сразу, далеко не сразу, но он наступил, когда я поняла, что без Ивана я никуда, что я без него — никто. Что он — мои глаза, мой мир, мой смысл существования. И я уже переживала и психовала совсем по другому поводу — я ревновала его ко всему движимому и недвижимому, особенно когда он где-то по каким-то причинам задерживался.

А потом его забрали в армию. На два года. Страшнее этих двух лет нет в моей жизни ничего.

— Ну, два года — это же не вся жизнь.

— Если бы он не вернулся — для меня вся. Он был за речкой.

— Где был?

— Они, он и друзья его, так Афганистан называют. Полгода в учебке под Термезом и полтора года подрывником в Афгане, он же физмат закончил.

— Подрывником?

— Их группа за караванами с оружием охотилась. Их так и называли: охотники за караванами. Группу на вертолётах забрасывали в тыл к душманам, зачастую к самой пакистанской границе, ребята находили караваны, разделялись с охраной, а горы оружия, что перевозил караван, подрывали. Два раза группу считали погибшей, а они возвращались. Не все...

Ольга встала, подошла к комоду, выдвинула верхний ящик. Достала из ящика и поставила перед Авдеевым резную шкатулку. Всё это она делала уверенно, ни разу не ошиблась в пространстве.

Открыла коробку. Коробка была разделена на два отсека: в левом лежали два ордена Красной Звезды, в правом – горсть медалей. Ну, в «афганских» медалях Сергей не разбирался, но вот нашу медаль, медаль «За отвагу», взглядом из этой горсти выхватил. А ещё на орденах сверху лежали сбитые в одну колодку три нашивки за ранения. Одна, верхняя, золотистая – за тяжёлое и две красные – за лёгкие.

– Пока Ваня там воевал, меня здесь по клиникам возили, всё пытались хоть что-то со зрением сделать, двенадцать операций – если бы не эти операции, я бы умерла от бесконечного ожидания.

Как Ваня пришёл из армии, мы сразу и расписались – в загсе на встречу пошли, не стали муржиться два месяца.

– Оль, а... зрение? Сделали что-нибудь?

– Отличаю солнечный день от ночи.

– А как же вот стеллажи, смотрю, с книгами?..

– Книги – боль моя, кажется, все книги, что прочла до взрыва, побуквенно помню. А тут, на стеллажах, большей частью Ванины книги, он же директор нашей средней школы, ну ещё и физику, и астрономию преподаёт. Иногда и по литературе кого замещает. Он много читает. Говорит, учиться нужно всю жизнь. А небольшая часть книг – мои, они шрифтом Брайля набраны, для слепых. Жаль, у нас нечасто можно что-то свежее купить. Ничего, сын из Германии на немецком языке шлёт – у них таких книг много. Так что на старости лет пришлось немецкий осилить, а то сидела, да тупо коврики вязала, да розетки клепала...

– Сын?

Ольга рассмеялась:

– И дочь, Серёжа, есть! И две внучки. Ты, Серёжа, как ребёнок – у меня зрения нет, а в остальном же я здоровая. Всё как у всех. С детьми мне две бабушки, моя и Ванина, помогали, тётушки, дед – нянек хватало... Так что не нужно меня жалеть – я очень счастливый человек. Очень. Не знаю, я иногда думаю, не случись тогда беды, как бы я прожила эту жизнь... Не было бы у меня Вани, моих ребятишек – нет! – даже думать про такое не хочу!

– Знаешь, Оля, мне кажется, я знаю, кто тогда реактивы подменил, кто взрыв подстроил.

– Не надо, Серёжа, не надо об этом. Я тоже много думала, как всё это могло произойти. И пришла к выводу: я, только я сама виновата. Это моя невнимательность. Забудь и ни на кого не думай. Тем более что наверняка ты не знаешь, ты же сам сказал: «мне кажется». Если ты пришёл, чтобы назвать имя виновника, то зря. Кроме меня, в этой истории виноватых нет. И других виноватить не нужно.

Да, а как ты меня нашёл, Серёжа? Мы же из центра из многоэтажки сюда на окраину съехали много лет назад, это я Ваню попросила, чтобы там, в четырёх стенах, я с ума не сошла.

– Интернет. Ты же фамилию не сменила. А имя-отчество твои я и так знал. Кстати, а фамилию-то почему не сменила, когда за Ивана вышла?

– Дура была и Ваню обидела. Думала: если бросит меня, столько бумаг заново переделывать... Дура была...

– Иван-то когда с работы приходит?

– Да когда как, перед тобой вот звонил, что сегодня будет поздно. Кому-то опять в чём-то обещал помочь... А ты что, торопишься? Не дождёшься Ваню?

– Поезд у меня, Оль. Через час. Пока дойду, пока то да сё. А насчёт зачем приезжал – даже не знаю, как и сказать. Живу, живу, а чувство вины перед тобой так и не проходит – не за взрыв, нет, а за то, что обрадовался, когда ты «нет» сказала. Говорят, преступника всегда тянет на место преступления, вот и меня, как того преступника, чем дальше от того страшного дня, тем больше тянуло тебя увидеть. Правильно ты сказала: душу облегчить хотел, камень с неё снять, тяжело с камнем-то на душе – не дышится, повиниться хотел, прощения выпросить, выговориться. А видишь, как вышло – говорить-то мне и не пришлось. Только слушал... Получается, за твоим рассказом о жизни твоей и приезжал, слушал жизнь твою и свою переписывал, передумывал. Не всё у меня в ней, в жизни-то, гладко, но и печалиться, оказывается, особо не о чем. Всё, что в жизни моей не так, – это всё больше мои фантазии, самоедство. Как-то так...

Да, и вот ещё что, тут такое дело, Оль, как придёт Иван-то, скажи ему, там, за мостом, собака со щенятами, вроде породистая, с ошейником, заморённая совсем, не покормить – и сама сдохнет, и щенята пропадут.

– За пешеходным? Это, наверное, старого Семёнова Геннадия Ивановича собака, породистая-то только у него была – сам-то он уж два месяца как помер, так и собака тогда же куда-то пропала. Она наверняка – другой-то откуда взяться.

Ты вот что, Серёжа, погоди, я тут нашему Пирату варево приготовила – забери его, покорми собаку-то; да-да, так с бидончиком и бери – отдай варево-то собаке и бидончик там брось, а уж Ваня утречком туда сходит, посмотрит, что сделать можно. А Пирату я что-нибудь ещё сварганю.

– Ты прости меня, Оля. За всё прости...

– Да что ты, Серёжа, и прощать-то не за что, давно уж всё перегорело и простилось. Не думай о плохом-то, не тереби душу. Хорошо всё. Только вот ты странный какой-то, тревожно мне что-то за тебя, вроде чего недоговариваешь...

– Показалось тебе, Оль, всё нормально. Просто я действительно то-роплюсь. Спасибо тебе. Прощай.

На мгновение замешкавшись, Авдеев, с бидоном собачьей баланды в одной руке, свободной рукой обнял Ольгу Михайловну и долго-долго не отпускал от себя. Да та и не вырывалась.

Выйдя из дома, закурил. Жадно, на вздохе затянулся, но больше двух затяжек так и не сделал. Тлела в руке сигарета, но он словно забыл о ней.

Зачем приезжал? Да как ответить-то? Зачем приезжают в его ситуации? Врачи сказали, не больше четырёх месяцев ему осталось. Неоперабелен.

Попрощаться приезжал. Пока ноги несут. Попрощаться и прощения попросить.

Всё просто. Всё очень просто...

День угасал. Вечер, сбив дневную духоту, подкрашивал синеву неба фиолетовой акварелью. Где-то, через два-три дома, перебрёхивались, слово ругались меж собой, собаки; на задах улицы, объезжая колдобины и лужи, порывкивал мотоцикл, а в соседнем дворе хмельно и протяжно пели на три голоса.

На душе Сергея в кои веки было спокойно и благостно – словно выключил кто с недавнее его душу многолетнее напряжение.

– Ты ешь, собакен, ешь.

Собака, услышав обращённые к ней слова, передёрнула ушами, оторвалась от еды и повернула морду к Сергею.

– Ну, чего смотришь? Ешь давай. Тебе сейчас много есть нужно. Много. Силы тебе нужны, кутятам молоко твоё нужно. А есть не будешь – откуда молоко, откуда силы? Я вот ещё минут пять с тобой тут посижу и пойду. Идти нужно, понимаешь? Поезд у меня. А поезд ждать не будет. Так что утром тебя другой придёт кормить. Иван придёт. Может, и к себе заберёт тебя со всем выводком. Почему? А потому что Иван. Потому что он надёжный, как АК-47... Не знаешь АК-47? Тогда просто надёжный. Понимаешь, когда где-то или кому-то плохо – приходит Иван. И всё становится хо-ро-шо...

Ты, собакен, поверь ему, поверь, и всё будет хорошо. Почему?

Потому что Иван...

Антон ЛУКИН

Родился в 1985 году в селе Дивееве Нижегородской области. Окончил Ардатовский аграрный техникум по специальности «правовед».

Автор десяти книг прозы. Печатался в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Север», «Южная звезда», в «Литературной газете» и других периодических изданиях. Лауреат премии им. Андрея Платонова, всероссийской премии «Золотой Дельвиг».

Член Союза писателей России. Живёт в Дивееве.

КОНИ ПРИВЕРЕДЛИВЫЕ

*Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому краю
Я коней своих нагайкою стегаю, погоняю...
Что-то воздуху мне мало – ветер пью, туман глотаю...
Чую с гибельным восторгом: пропадаю, пропадаю!..*

Владимир Высоцкий

Летним субботним днём к Николаю Доронину заглянул в гости сын с невесткой. Прибыл из города. Николай истопил баню. Парились с Егором на славу. До изнеможения хлытали раскалённое тело берёзовым веником и лили воду тазами не жалея. Баню Доронин уважал. Жила в его душе особая любовь к трём вещам: рыбалке, задушевному песням у костра и бане.

– Отдыхать надобно уметь душой. И счастлив тот, кто душу свою как рубаху распахнуть готов да по ветру пустить окаянную в час веселья, – рассуждал иной раз Николай. – И пропащие те, кто у забора лежит да пьяным рылом издаёт свинячий храп.

После за кухонным столом распивали с вареньем чай, любуясь в окно вечерними сумерками. Оказывается, не с пустыми руками навестил сын отца. Привёз подарок. Телефон сотовый. Сенсорный. Пусть и не новый (свой старый отдал), но в хорошем состоянии.

– Ишь ты, – расплылся в улыбке Николай, тронутый подарком. – Да рази сумею я им управлять, а?

– Ничего здесь сложного нет, – вмешалась невестка. – Сейчас вам покажем всё, объясним, и сами убедитесь, как просто всё на самом деле.

И показали. Разъяснили до мелочей. Николай дивился и чесал затылок. Во всё вник быстро. Особо порадовал, когда сын по ватсапу прислал ему на телефон фотографию внуки.

– Алле-оп!.. Примите, пожалуйста, и распишитесь. Фото на память.

– На рыбалку пойдёте, не забудьте уловом похвастаться. Грибы осенние пойдут, обязательно запечатлите. Ну, а мы... на море скоро едем. Тоже фотоснимками поделимся, – сказала невестка. – Удобно, правда?

– Ишь, – дёрнул Николай подбородком. – До чего техника дошла.

– Да-а, – улыбнулся Егор. – Наука не стоит на месте. Грядут большие перемены. Лет пятнадцать, двадцать ещё, и... по воздуху друг к другу добираться будем. Летать сможем.

– Как летать? – вскинул брови Доронин. – На машинах?

– Ну, типа того.

– Ишь... делается что.

Егор с супругой улыбнулись.

Утром Николай помог сыну погрузить в машину мешки с картофелем. Быстро попрощались, и гости укатили обратно в город. И захотелось Доронину, словно ребёнку, похвастаться телефоном. Радость и гордость от подарка сына не давала покоя. А что? Пусть все знают, чем порадовал Егор. Не каждый в деревне мог похвастаться эдаким аппаратом. Молодёжь, конечно, вся с такими. На то она и юность, чтоб идти в ногу со временем. А вот у сверстников да тех, кто постарше, телефон в кармане имелся через одного. И то простенькие. Такого, каким сейчас обладал Николай, не было ни у кого. Можно, пожалуй, и хвастануть разок. Большого греха в этом, поди, не будет.

Накинув пиджак на плечи, причесавшись у зеркала, Николай направился по гостям. В воскресный день редко кого застанешь без работы. У всех хозяйство. Во дворе дел не впрокорот. А тут ещё сосед пристал не пойми с чем. Мужики закуривали, внимательно разглядывали телефон и кротко кивали широкими лбами.

«Ну да, – говорили. – Ничего. Молодец. Толковая вещь».

На этом беседа заканчивалась. Мужики топтали окурки и брались за дело.

«Ни черта вы не понимаете, гуси, – серчал Николай, шагая по улице. – Это же... Это... Цивилизация».

На дороге показались Фома и Митяй. Парочка всюду ходила не разлей вода и весь божий день искала, где бы им смочить горло. Побольше и бесплатно. Был у них третий дружок – Дениска, да замёрз прошлой зимой. Не дошёл до родительской избы шагов двадцати. Присел спяну на сугроб и очутился. Теперь Фома с Митяем расхаживали по селу вдвоём, предлагая каждому встречному трудовую силу. Где что надобно вскопать, сломать, разобрать или перенести. На большее они не годились.

– От они. Два брата-акробата, – остановил их Николай. – Как всегда. Мы с Тamarой ходим парой... Позавидуешь даже.

– Послушай умную речь, – обронил Фома.

– Может, приколотить надо что или подсобить где? Ты скажи. Мы поможем, – предложил Митяй.

– Премного благодарен, – Доронин ладонью потёр грудь. – Душа праздника требует. Самогон имеется, а выпить не с кем. Пряма беда.

– Николай Петрович! Дорогой вы наш, – залепетал от радости Митяй и зачем-то снял кепку. – Понимаем вас как никто другой. Праздника нынче душа желает. Праздника!.. Это вы верно подметили.

– Можете решить проблему?... Пройдём ко мне?

– Нужно будет – на руках донесём, – обрадовался Фома. – Хорошего человека всегда видно. Даже издали.

Николай достал из серванта литровую бутылку самогона и вышел на крыльцо, где дожидались «друзья по празднику». Впускать в избу гостей не хотелось. Потому расположились на крыльце. Доронин поставил на скамью тарелку с зеленью.

– Банкуйте, – важно произнёс он.

Николай не был любителем подобных гулянок, выпивал редко. В хорошей компании, на праздник какой или по приезде гостей пригубить мог. Не более.

Фома разлил самогон. Быстро со всеми чокнулся. Выпил не поморщившись. Надкусил огурец. Митяй к еде не притронулся. После первой, мол, не закусывает.

«Н-да... те ещё галыги», – подумал Доронин и вынул из кармана пиджака телефон.

– Видали!.. Сын подарил.

– Ну-ка, ну-ка...

– Руками не трогать. Смотрите так.

– От это я понимаю! – поднял большой палец Фома. – Вещь.

– Поди, денег больших стоит, – подметил Митяй.

– Ясен пень, – обронил Фома. – Не одну зарплату отдашь... Может, повторим? Так сказать, обмоем подарок.

– Не возражаю, – улыбнулся Доронин. Ему было приятно.

Пока разливали, Николай с телефона зашёл в Яндекс. Выпили. Закусили луком, огурцом.

– Что же мы, товарищи, без музыки сидим, а?.. Нехорошо. Нехорошо. Душа праздника просит, а не унынья. Эт, конечно, не песни у костра, но всё же. Смотрите, как могу.

Доронин, как учила его невестка, в голосовой поиск чётко сказал: «Высоцкий. Песни». Погодя в телефоне раздался голос Владимира Семёновича:

Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому краю
Я коней своих нагайкою стегаю, погоняю...

В эту драгоценную минуту душа Николая трепыхалась в груди словно маленькая птичка. И если был бы он сейчас один, то обязательно подпел и, возможно, даже пустил бы слезу. Доронин уважал Высоцкого. Любил его песни. Голос певца хватал за самое сердце и ни отпускал до последнего куплета.

Николай прикрыл глаза. Слушал песню. Изредка покачивал головой. Послышался голос Митяя:

– Чего это они привередливые? Это, извините, вам не козёл.

– А козёл здесь при чём? Козлы упрямые да вонючие. Это все знают, – возразил Фома. – Вот, скажем, свинья...

– Ха! Вы слышали? Николай!.. Я не могу. Козлы у него упрямые. Это же. Ха-ха. Упрямые бараны бывают да ослы... Свинью привередливую где видел? Жрёт всё что ни попадя.

Николай недовольно шевельнул скулами. Песня была испорчена. По-прежнему играла в телефоне, но никто её уже не слушал. Разговор во время музыки неприятно колотил копытами в душу.

– Послушаем другую. Тоже... Мою любимую, – уточнил хозяин крыльца.

– Возражений не имеем, – кивнул Фома. – Может... ещё по чуть-чуть?

– После повторим, – Николай надеялся, хоть так будет тихо.

В телефоне зазвучал всё тот же голос:

Протопи ты мне баньку по-белому –
Я от белого свету отвык.
Угорю я, и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык...

И вновь душе Николая не дали распахнуть крылья. Ничего особенного для этого не требовалось. Всего лишь тишины. Но, видимо, и это не под силу некоторым.

На припеве Митяй не выдержал:

– Правильно поёт. Баня по-белому, это... вещь! По-чёрному теперь, поди, Гаврила только и топит. Лень баню перебрать. От и мается дядя. Жену с ребятишками мучает.

– Понимал бы чего, – возразил Фома, который был годами старше.

– Тут и понимать нечего.

– Гаврилу давно знаю. Эт сейчас руки не подаст. А были времена – вместе парились.

– Поздравляю, – усмехнулся Митяй.

– По-чёрному топить нынче не каждый сможет. Тяжелее. Потому и обленились. Гаврила... Гаврила банник от бога. Со всей строжайшей ответственностью берётся за это дело. Любо поглядеть. Бывало, предложишь помощь, насупится. Сиди, мол, не встречавай. У бани, говорит, один хозяин быть должен. О как... А ты говоришь... Не гляди, что хиленькая она у него и невзрачная. Так протопит – все грехи разом смоешь. Не зря ить говорят – дочиста отмоешь лишь чёрная баня... Давай, Коля, ещё по одной пропустим... Ох, песня за душу берёт. Ей-богу.

Митяй, не дожидаясь ответа хозяина крыльца, взял бутылку, принялся разливать.

– Ну вот. Мило дело, – улыбнулся Фома.

В динамике телефона по-прежнему надрывался хриплый голос. Николай стиснул зубы. Выпить на сей раз не изъявил желания.

– Что такое? – Фома подал Доронину налитую стопку. – Некрасиво. Некрасиво. Обидно даже. Гулять так гулять. Всем вместе.

– Хочешь акробатический этюд увидеть? Гляди суда! – и Митяй, поставив стопку на локоть, умудрился извернуться и опустошить бедняжку до дна. – О-па!.. Как гусар молодой.

– Чтoб дети грома не боялись, – вымолвил Фома тост и быстро выпил.

Доронин поставил нетронутую стопку. На это никто не обратил внимания. Митяй по-барски растянулся на лавке крыльца. Светило солнце. Было тепло. Погода радовала. В такое утро пожелаешь взгрустнуть – не получится. Но... Праздника не было. Что-то шло не так.

– Давай нашу споём, – обратился Фома к Митяю. – Уничтожим в этом маленьком уголке грусть.

И друзья в один голос запели:

Как много разговоров о вине,
Все говорят, что алкоголь всем вреден.
Но только наплевать на это мне,
Не пьёт его лишь тот, кто духом беден...

Николай с прищуром глядел на весёлые горластые лица собеседников. Всё у них шло хорошо. Даже замечательно. Умудрились утолить этим утром нужду. Нашёлся-таки дурачок один, угостил вином. Теперь у людей праздник. Как мало, оказывается, надо для этого некоторым. Двести грамм за воротник, и... гуляй, рванина. А может быть, это он, Николай, не умеет отдыхать? Чем, скажите на милость, недоволен? Чего хмурить лоб и супить брови?.. Мужики, спев песню, взялись за вино. На предложение выпить Доронин промолчал, отвёл взгляд. Уговаривать не стали. Выпили вдвоём.

– Настроение, оно, конечно, брат, такая штука, – обратился Фома к Николаю, пытаясь хоть как-то взбодрить. – Счас в пляс идти готов, а через минуту волком завоешь. Вот и разбери, в чём дело.

– Непредсказуем характер человека, – согласился Митяй. – Помнишь, как у Филипыча день рожденья отмечали? Боярышника испили... думал, после от изжоги помру.

– Эт когда я в крапиве уснул?

– Ну, – расплылся в улыбке Митяй, припомнив такую картину. – Всё шло как по маслу, пока именинник не загрустил. С чего бы вдруг?.. Поначалу подумали – опьянел. Ан нет. Уставился в одну точку, как ослик Иа, и, того гляди, слезу пустит. Чего, спрашиваем его, стряслось? А он – вот ещё один прожитый год на плечи лёг. Стареею.

– Да-да. Было такое, – кивнул Фома.

– С того ни с сего тоску на себя навёл. Старееет, видите ли... Денис быстро в себя вернул. Успокоил одной фразой. Он в этом деле, царствие ему небесное, мастак был. Как счас помню, говорит: «Эх ты, головушка соломенная. Ничегошеньки ты не понимаешь. Жизнь, говорит, даётся всем, а старость – избранным. Многим в этом было отказано. Не жалеи никогда о прожитых днях».

– Да-а... – промолвил Фома. – Знал, как сказать... И сам ушёл молодым. Эх, Дениска, Дениска... Помянем друга.

– Не чокаясь, – Митяй принялся разливать.

Николай взял стопку. Молча выпил со всеми. И вновь завязался разговор, который был Доронину чужд. Вспоминались пьяные посиделки, пошлые анекдоты... шли нелепые рассуждения о жизни. Телефон Николая молча лежал в грудном кармане, и никому до него не было дела. Подарили, мол, и подарили. Что ж теперь. Не помереть же с радости. Подумаешь. Доронин, хотел было перебить весельчаков, поделиться мыслью о том, что через несколько лет человек сможет летать по воздуху. Как птица. Вот где, действительно, восьмое чудо света. Открытие века!.. Но промолчал. Не поймут. Чего доброго, поднимут на смех и будут правы. Не придерёшься.

– Сам виноват, – тихо произнёс хозяин дома, когда в очередной раз гости распили самогон. Ему не предложили. Не желаешь, мол, и не надо. Больше достанется. – Не в те дебри нос сунул... На своём же крыльце чужаком сажу.

– Что говоришь? – не расслышал Фома.

– Налей ему, чего ты, – сказал Митяй другу.

– Всё. Хватит. Пора закругляться, – обронил Николай.

Как обухом ударил. В воздухе мгновенно затаилась тишина, которой так не хватало. Пьянчуги, раскрыв рты, с непониманием и тревогой глядели на Николая. Даже злорадность виднелась в глазах.

– Самогон можете забрать. Ступайте.

Митяй с Фомой переглянулись, схватили бутыль и быстро покинули крыльцо. Краем уха Николай услышал удаляющуюся разговор:

– Чего это с ним?

– Да разве его, чудика, поймёшь. От и Гаврила тоже. Хмурился, хмурился, а теперь и руки не подаст. Строят из себя интеллигентов. Тьфу!

Доронин достал телефон. Набрал Высоцкого. Из динамика с надры-
вам в голосе запели:

Но что-то кони мне попались привередливые...

Николай обхватив голову ладонями, прикрыл глаза и тихо запел.

Алёна ДАЛЬ

Родилась в Воронеже. Окончила экономический факультет Воронежского государственного технического университета. Объездила четверть мира, примерила на себя десяток профессий. В 1997–2002 годах – журналист, колумнист. В 2002–2008-м – издатель, главный редактор региональных журналов. В настоящее время преподаватель кафедры «Издательское дело» филологического факультета Воронежского госуниверситета.

Прозаик, публицист. Печаталась в отечественных и зарубежных художественно-литературных изданиях: «Роман-газета», «Москва», «Подъём», «Берега», «Север», «Молоко», «Литературная газета», «Littera», «Приокские зори», «Бельские просторы», «Эдита» (Германия), «День литературы», «Русский переплёт» и других. Автор книг «Хождение по Млечному Пути» (2014), «Живые души» (2017), «Хождение по Млечному Пути» (2019, дополненное переиздание). Лауреат германского международного конкурса «Книга года» (2019), международного конкурса «Русский Гофман» (2021), финалист премии им. Абрамова «Чистая книга» (2019).

Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

АЛЬБИНА

– Вам кого? – хмуро спросила заспанная женщина в мятном халате.

– Аль, ты что – меня не узнаёшь?! – растерялась Ирина.

Хозяйка сощурилась, пытаясь угадать в стоявшей напротив незнакомке знакомые черты.

– А должна? – она заслонила рукой от яркого солнца и шатко отступила назад. – Нет, не узнаю.

Дом со следами былой роскоши за спиной Альбины поблёк и обветшал так же, как и его хозяйка. В приоткрытую дверь виднелись разбросанные по полу туфли, пустые коробки, какие-то тряпки. Густой аромат кофе, духов и дорогих сигарет витал над руинами красивой жизни. Аля пила. Давно и крепко. Ничего не помогало. Не останавливало даже соседство взрослого сына. Да и чем можно остановить сознательно пьющую женщину?

– Я Ира, – терпеливо произнесла гостя, – Ирина Климова – неужели не помнишь? Журнал «Бомонд». Я у тебя интервью брала.

Аля вздрогнула, взгляд её сфокусировался на переносице визитерши, но она так и не вспомнила.

– Интервью, говоришь? – хрипло хохотнула хозяйка, запахивая ворот.

– И даже не одно. В рубрику «История успеха», – зачем-то уточнила Ирина.

Аля нахмурилась и, покачнувшись, опёрлась о косяк.

– Ну, и что тебе от меня нужно? – она раскинула руки, заслоня собой проход.

Полы шёлкового халата встрепенулись и опали, как крылья экзотической бабочки.

Когда-то, лет пятнадцать назад, блистательная Альбина Гурьева была для Ирины эталоном успеха и красоты. Хозяйка модного арткафе, эффектная нордическая блондинка, светская львица, без которой не обходилось ни одно культурное событие. Плюс к тому жена удачливого бизнесмена и мать вундеркинда. Столкнувшись по деловой линии, женщины сблизились – ходили вместе на светские рауты и премьеры, пили кофе и посещали класс йоги. Но подругами не стали. Подруг у Альбины не было принципиально. А вот друзей... Среди её поклонников значились известный в городе адвокат, главный режиссёр драмтеатра, профессор-физик, популярный диджей, тренер сборной по ушу – это только беглый список. Однажды Аля в приступе откровенности призналась, что ещё до свадьбы они договорились с Гурьевым о полной свободе в отношениях. Оба считали брак независимым и равноправным партнёрством, а супружескую верность – пережитком прошлого. Потому Альбина не стеснялась афишировать свои бурные романы и мелкие интрижки.

От одного из бывших её любовников Ирина и узнала случайно о разводе Гурьевых и болезни Альбины. Климову поразило холодное безразличие, с которым тот объявил диагноз: алкоголизм в третьей стадии. А у Иры что-то ёкнуло внутри, словно Аля была ей сестрой или близкой подругой. Потом всё забылось, и черед дел закружила, вытеснив из головы всё лишнее, второстепенное.

Как-то, расчищая от завалов антресоль, Ирина наткнулась на кипу старых журналов «Бомонд». Пыльную стопу венчал новогодний номер семилетней давности с портретом Али на обложке. Как она? Что с ней? Ира принялась наводить справки, осторожно выспрашивая общих знакомых. Те лишь пожимали плечами – никто толком ничего не знал. Кое-как удалось выяснить, что живёт Альбина всё там же: на улице Мира, в том самом доме, что построил для неё Гурьев. Этот особняк, сверкающий среди серых хижин, был когда-то излюбленным местом встреч городской богемы. Теперь у богемы были другие адреса и кровителю. Альбина не работает, арткафе закрыла, живёт на ренту от сдачи недвижимости и, в общем-то, не бедствует. С нею вместе в особняке обитает сын Гурьевых – Виктор, превратившийся из вундеркинда в обыкновенного тунеядца.

Полтора года Аля путешествовала по Индии, жила в уединённых ашрамах всемирно известных гуру. Но ей наскучили тропики, и она вернулась домой не до конца просветлённой. Дома помимо бардака и запустения Аля обнаружила худющего Витьку в окружении сомнительных друзей и подруг. В отсутствие родителей сын бросил институт, продал подаренную на совершеннолетие квартиру и вернулся в отчий дом в невинной уверенности, что предки как-нибудь всё утрясут. Но утрясать было некому: Гурьев к тому времени снова женился и уехал жить в Италию, а Аля и сама нуждалась в помощи. Словом, жизнь покатилась под откос. Но некому было остановить крушение. Ни титулованный адвокат, ни главный режиссёр, ни тренер по ушу – никто не мог или не хотел ввязываться в чужую жизнь бывшей пассии. Да и не было

на свете сил, способных удержать импульсивную, своевольную Альбину. Время от времени экс-супруг приезжал на родину, оплачивал дорогостоящую процедуру кодирования, восстанавливал сына в институте и с чувством выполненного долга уезжал обратно. И всё повторялось по кругу...

...Аля по-прежнему стояла в дверях, заслоняя собою вход в дом. Нашарив в кармане пачку сигарет, она вытащила длинную ментоловую соломинку и, чиркнув зажигалкой, закурила.

– Проваливай! – проговорила устало, обдав Иру облаком мятного дыма.

– Может быть, хоть чаем угостишь? – осмелела гостья.

– Что-о-о?! – соломинка чуть не выпала из рта.

– Давай чайку попьем, – порывшись в сумке, Ирина протянула Альбине жестяную коробку печенья.

– Ну, знаешь ли... – от такого поворота Аля опешила, жадно затянулась сигаретой, но не прогнала и не оттолкнула. – Ладно уж, странная женщина, – спустя минуту разрешила она, – только учти, у меня бардак, домработница приходит по четвергам, и потом, я не уверена, что найду заварку. Да, и вот ещё: не вздумай мне морали читать!

Перечислив условия, Аля опустила, наконец, руку-шлагбаум, и Ира шагнула вслед за ней в пыльный полумрак прихожей.

Отшвырнув носком ворох кружева, хозяйка повела гостью в столовую с видом на заросший крапивой сад. В оранжевой от заката комнате кружились лёгкие тополиные пушинки. Дубовый стол с монументальной столешницей был сплошь усеян крошками, обёртками конфет и шоколадными обломками. Немытые чашки – от фарфорового напёрстка до литровой кружки с кофейной гущей на дне – теснились на столе вперемешку с пузырьками лекарств. Здесь же стояли пустые стаканы всех форм и размеров, некоторые со следами губной помады. Из вазы торчал увядший букет роз.

– Завтра придёт Нина и всё уберёт, – небрежно бросила Аля, поймав взгляд гостьи.

Она сдвинула мусорную гору в сторону, расчистив кусок стола, достала с полки две разномастные чашки. Начала хлопать дверцами шкафа в поисках заварки, раздражаясь с каждой минутой всё больше и больше от присутствия за спиной навязчивой незнакомки, от своего опрометчивого гостеприимства и утренней головной боли.

– Я предупреждала: нет у меня заварки, – процедила Аля. – Зато есть кое-что получше, – она грохнула о стол початую бутылку «Хеннеси». Вытащила из холодильника блюдце с подсохшими лимонными дольками и ломоть пармезана. – Будешь? – с вызовом спросила Ирину и, не дожидаясь ответа, плеснула в свой бокал. Грубо накромсала сыр, взломала коробку принесённого гостьей печенья.

– В этом доме самообслуживание, – объявила она и залпом выпила коньяк.

На мгновение прикрыла глаза и сделалась прежней Альбиной – красивой, хрупкой. Щёки её порозовели. Ресницы дрожали над тонкими скулами. Изящная аристократическая кисть замерла у ворота халата, сжав в горсть шёлковую ткань. Она медленно открыла глаза. Её взгляд скользнул по батарее стаканов и чашек, солнечному пейзажу за окном и остановился на лице гостьи.

– Климова... ты, что ли?! – смутилась она.

– Ну, наконец-то, – вздохнула с облегчением Ира. – Неужели я так изменилась? Признайся, ты притворялась всё это время?

– Хотелось бы ответить «да», но нет, – Аля подцепила прозрачную дольку лимона.

– Ты хочешь сказать...

– Да ничего я не хочу! – замахала руками Альбина. – Ни говорить, ни слушать, – она сморщилась от острой кислоты и некоторое время сидела зажмурившись. – Ты, надеюсь, не по заданию редакции пришла? – насторожилась Аля и тут же потеряла интерес.

Налила себе новую порцию и без предисловий выпила.

– Что не пьёшь? – спросила мрачно. – Сказала ведь: самообслуживание, – её пальцы, цепляющие ломтик сыра, дрожали. – Пришла-то чего?

Ирина молчала.

– Жалеть меня собралась, что ли? Или учить? – Гурьева презрительно скривила рот. – А может, хочешь посмотреть, чем закончилась моя «история успеха»? Полюбоваться, во что я превратилась?

– Все мы меняемся, – мягко заметила гостя.

– Все-то все, да все по-разному, – шатаясь, Аля поднялась со стула и распахнула халат.

Тело её – матовое, золотистое от какого-то особенного загара, в дорогом кружевном белье – словно принадлежало другой женщине. Ира невольно залюбовалась.

– Теперь ты! – потребовала Альбина.

– Не буду. Мне хвастаться нечем.

Гурьева запахнула халат и торжествующе опустила на стул. Бокал её вновь наполнился.

– Завидуй! Так и быть, разрешаю, – Аля томно потянулась. – Я и сама себе иногда завидую! Вот и бойфренд мой Феликс, гениальный фотограф – Витьке, кстати, ровесник – говорит: «Время не властно над истинными ценностями!» – это он про меня! Я, значит, для него истинная ценность – поняла? – Гурьева с вызовом посмотрела на Ирину и снова потянулась к бутылке.

Дверь с шумом распахнулась, и в комнату просунулась взлохмаченная голова молодого, но уже потрёпанного жизнью человека.

– Мам, денег не подбросишь? – увидев мать в компании незнакомой женщины, сын стушевался, но ненадолго. – Здравсьте.

– Я тебе два дня назад уже подбрасывала, – напонила ему Альбина.

– Так то было два дня назад!

– Не хочет ни работать, ни учиться, шалопай. Всё бы на чужой шее висеть, – обратилась в пустоту захмелевшая женщина.

– Почему же на чужой? – возмутился Витька. – Мам, ну разве ты мне чужая?

– Так, заканчивай комедию ломать! – прикрикнула на него Аля. – Перевод я тебе сделала на месяц, и больше не клянчи, слышишь? Хотя бы тётю Иру постеснялся!

– Тётю Иру, – хмыкнул парень и громко хлопнул дверью.

Стаканы отозвались нежным треньканьем.

– Вся беда в том, что денег завались, – заплетаящимся языком призналась Альбина. – А толку? Всё просаживает в казино!..

Она уже порядком опьянела. На крыльях точёного носа выступили бисеринки пота. Помада осталась на кромке бокала. Её лицо, словно

отделённое от безупречного тела, старилось на глазах, как портрет Дориана Грея...

Ирина поняла, что чая не будет. И разговора не получится. Её затея оказалась пустой. Ну, живёт себе человек – и живёт. Как хочет – так и живёт! Кто она такая – влезать в чужую судьбу?

С этими мыслями Ира встала из-за стола, не попав в фокус остеклевших глаз Альбины, пробралась на ощупь по мрачному коридору и тихо прикрыла за собой дверь.

* * *

...Прошло лето. На излёте октября Ирина снова вспомнила об Але. На глаза попала заметка о женском алкоголизме – и в памяти всплыл остекленевший взгляд Альбины, её аристократическая кисть, сжимающая горлышко бутылки.

К походу в этот раз готовилась основательно. Первым делом встретила с другом детства – заслуженным наркологом города Жаровым, чтобы узнать, как вести себя с больными в третьей стадии алкоголизма. Купила коробку элитного чая «Даржилинг». Нашла книгу Сони Малевич «Исповедь алкоголички». Несмотря на ужасное название, история заканчивается хеппи-эндом: героиня побеждает страшный недуг и возвращается к нормальной жизни. Вооружившись книгой, чаем и решимостью во что бы то ни стало разговорить Алю, Ирина отправилась по знакомому адресу.

Зачем ей это было надо? Она и сама толком не могла объяснить. Её собственная жизнь – размеренная и благоустроенная – томила однообразием. Не было в ней ни взлётов, ни падений. Никогда Ирина не билась в страстях, никогда не рисковала, не становилась предметом сплетен и пересудов. Хотела ли она этого? Вряд ли. Но яркая, как комета, Альбина всегда манила Иру коснуться хотя бы шлейфа искрящейся событиями звёздной жизни.

Дом был заперт. Сколько Ира ни звонила, сколько ни терзала кнопки домофона, особняк безмолвствовал. Зловеще щетинились крапивные кусты у забора. За стеклом окна, плотно занавешенного фиолетовой гардиной, билась в конвульсиях белая бабочка с обтрёпанными крыльями.

– Вы к кому? – раздался из-за спины строгий голос.

Ирина обернулась и увидела полнотелую старуху в вязаном пальто.

– К Гурьевой Альбине, – ответила послушно.

– Альбины нет, – объявила соседка, – позавчера на скорой увезли.

– Куда увезли, не знаете?

– В областную, куда же ещё, – старуха смирила Климову уничижительным взглядом и натужно вздохнула, – в платную наркологию.

– Спасибо, – бросила на ходу Ира, услышав в спину: «С жиру беситесь. Швабру бы ей в руки – некогда было бы болеть...»

Пока ехала на такси, навела справки, узнала номер палаты и только в коридоре поняла, что не знает, как и о чём говорить с Альбиной. Да и сможет ли та разговаривать?

Дежурный врач остановил Климову ещё на дальних подступах. Гурьева велела никого к ней не впускать, а слово пациента платного отделения – закон. Тем более что сейчас она под капельницей. Разумеется,

одинокая палата со всеми удобствами. Разумеется, персональная медсестра и внимание лучших врачей. Да, все условия. Нет, ничего не нужно. Как фамилия? Климова? Спросит и сообщает.

Спустя четверть часа медсестра проводила посетительницу в палату Альбины.

Первое, что бросилось в глаза Ирины, когда она вошла, – Алины руки. Они тихо лежали поверх простыни – бледные и безвольные. Сгибы локтей с голубоватыми прожилками были исколоты иглами. Аристократические кисти, развёрнутые слегка вверх, словно ловили дождевые капли. На запястье пульсировала венка, каждый раз выталкивая наружу тонкую паутинку браслета. Такая же венка пульсировала и на виске. Глаза Али были закрыты.

Ира тихонько опустилась на краешек стула – тот скрипнул и разбудил больную.

– Климова, это снова ты, – слабо улыбнулась она.

Вместо ответа Ирина потрясла возле уха коробкой с бенгальским чаем, шуршащим загадочно и многообещающе.

– «Даржилинг», настоящий. Кипяток найдется? – она пошарила глазами по комнате.

– Не нужно. Я не хочу, – Аля опустила веки. – Ты с лечащим моим говорила?

– Нет.

– Ну и правильно. Я сама тебе всё расскажу, – Альбина привстала, оперлась на локоть и пристально посмотрела на Ирину.

В проёме рубашки показалась худая ключица. Золотистого загара как не бывало.

– Только не здесь, – она окинула тоскливым взглядом уютную комнату. – На воздух бы! Как там на улице?

– Не очень. С утра моросило. И холод собачий.

– Ты ведь отпросишь меня у Эдуарда Анатольевича? – проигнорировала сводку погоды Аля.

– Это и есть твой лечащий врач?

Она кивнула.

– А что, так не отпустит?

Аля отрицательно мотнула головой и затравленно посмотрела в окно.

– Ладно. Подожди, я скоро.

Ирина вышла из палаты, с трудом преодолевая потрясение. Она совершенно не узнавала Альбину. И дело не в том, что та была сегодня абсолютно трезва. Непривычно тиха, пугающе покорна. Из неё ушли те яркость, живость и блеск, восхищавшие когда-то Климову. Словно выключили цветность, наложили чёрно-белый фильтр на радугу.

Эдуард Анатольевич – выбритый до синевы южанин с пухлым пунцовым ртом – цветности не вернул. Напротив – ещё больше вычернил положение вещей. Оказывается, за последний год это уже шестая госпитализация Гурьевой. Бывший муж отказался оплачивать лечение, но у Альбины Сергеевны средства есть, а вот желания вылечиться...

– Вы ей кто? – спросил доктор.

– Не знаю, – пожав плечами, призналась Ира. – Но, кажется, она мне рада.

– Я потому и спрашиваю, что за последний год вы первая посетительница, которую она захотела видеть. Сказать по правде, к ней никто не ходит. Почти никто. Не считая ушлого папарацци, которого при-

шлось выставить с охраной, да пары женщин, которых Альбина Сергеевна не приняла. Сын навещал её как-то, но она распорядилась больше его не пускать. Что-то у них на почве отцов и детей стряслось, не знаю, что именно, – она человек скрытный. Вот так... – нарколог утопил руки в карманах белого халата.

– Вы ничего не сказали про болезнь.

– Третья стадия, – потупил взгляд доктор. – Боюсь, что всё уже необратимо. Печень практически разрушена. Сердце изношено. Меня ещё удивляет сохранность интеллекта Альбины Сергеевны. Только фрагментарная амнезия. Но если так пойдёт и дальше...

– Но вы же её лечите!? – воскликнула Ирина.

– Разумеется, лечим. И будем лечить. Но этого недостаточно. – Эдуард Анатольевич потёр синий наждак подбородка. – Знаете, мне иногда кажется, что она всё прекрасно понимает и сознательно убивает себя. Да-да, это похоже на медленное самоубийство. А когда человек не хочет жить – его никто не может заставить.

По коридору к ним во весь дух мчалась молоденькая медсестра в распахнутом халате: «Эдуард Анатольевич! Там, в пятнадцатой женщине плохо!»

– Извините, мне нужно спешить, – доктор тронул Ирину за рукав. – Вы погуляли бы с ней, если есть время. Ей будет полезно, – и побежал вслед за медсестрой в другой конец коридора.

Климова вернулась в палату, едва переставляя налившиеся свинцом ноги. Свинец был в плечах и в голове. Даже веки казались свинцовыми, было больно смотреть, как Альбина ждала её одетая, сидя в кресле с толстым клетчатым пледом в руках.

– Ну что – пойдём?! – бодро улыбнулась ей Ира. – Отпросила я тебя у Эдуарда Анатольевича. Только зонтик нужно захватить, – она долго копалась в сумке, растворяя свинец во всём теле. Извлекла тугой свёрток, забрала у Али плед, раскрыла настежь окно для проветривания. Женщины взялись под руки и побрели по длинному больничному коридору к лестнице.

В больничном парке было безлюдно. Последние жёлтые листья срывались с чёрных ветвей и долго кружили, словно примериваясь, прежде чем упасть на землю. Дождя не было, но утренняя морось вымочила все скамейки. Только одна, с отломанной доской, спрятавшись под сенью поредевшего дуба, была относительно суха. Ира накинула на неё плед, и женщины уселись, накрывшись с двух сторон мохнатыми клетчатыми краями. Говорить не хотелось.

Ира почувствовала боком, как мелко дрожит Альбина под толстым шерстяным покрывалом.

– Тебе холодно? Может, вернёмся?

– Нет, это не от холода, – усмехнулась Аля, – про абстинентный синдром слышала когда-нибудь? Это он и есть.

Снова воцарилась тишина. В неявные прогалы серого ватного неба пытались пробиться солнечные лучи.

– Помнишь, я тебе про нового любовника говорила? – спросила вдруг Альбина.

– Фотограф?

– Фотограф, – Альбина болезненно поморщилась. – Он, знаешь ли, фотосессию мне устроил.

– Это ж замечательно! – оживилась Ира. – С твоими-то внешними данными, Аля, можно до старости сниматься!

– Фотосъёмка ню. «Пьяная вишня» называется. Здорово придумал – да? Креативный мальчик. Напоил, раздел догола и фотографировал... Я ничего не помню. Уже в сети увидела. – Альбину передёрнуло, она закрыла лицо руками и беззвучно зарыдала.

Ирина обхватила её за плечи, пытаясь унять судорогу.

– Теперь денег просит, чтобы из сети убрать.

– О Господи! – Ира сжимала беззащитное тело подруги, осквернённое, отравленное, бьющееся в бессильных конвульсиях.

– Я-то денег ему дам, – хрипела Аля, – но ты ведь понимаешь, что теперь это никуда не уберёшь! – плечи её тряслись. – Феликс, любовь моя прощальная... – больная вырвалась из цепких объятий подруги и подняла лицо.

Ирина увидела, что та не рыдает, а смеётся.

Поднялся ветер. Волосы Альбины разметало по пледу.

– Вот что, – деловито распорядилась она, отсмеявшись, – когда я схохну, ты, Климова, обязательно должна описать эту историю. Пообещай!

– С ума сошла?! – не выдержала Ира.

– Пока ещё нет, – ответила Альбина задумчиво, – но не исключено. Эдуард Анатольевич считает...

– Аль, ну возьми же себя в руки! – взмолилась Ирина. – Ты такая крутая, столько у тебя связей – неужели болячке какой-то поддашься?! Феликс этот – да он просто негодяй и шантажист. Его под суд надо! Тот адвокат твой, или лучше сразу к силовикам...

– Что ты несёшь, Климова? Какие силовики? – она обмякла и опустила голову. – Связи... нет никаких связей. Есть только деньги. Ты не представляешь, как ужасно понимать, что тебя больше нет, а есть только эквивалент, которым тебя измеряют.

– Слушай, а хочешь – я прессу подключу? – предложила Ирина. – У меня осталось несколько знакомых.

– И что? Только разнесут эту грязь дальше.

Аля откинула спутанные ветром волосы и приблизила свое лицо к лицу Ирины.

– Ир, а ты чего ко мне пришла? Может, попросить что-то хочешь, а стесняешься? Так ты не стесняйся! Вон сынок мой Витенька не стесняется. Принес вчера документы, нотариуса притащил. Мамочка, – говорит, – мало ли что с тобой может случиться, отпиши мне, дорогая мама, половину дома. Дай мне, родненькая, PIN-коды твоих карт. Я ему за этим только и нужна, – Аля наклонилась и подняла с земли ржавый лист с безобразной болячкой. – Ирка, мне страшно. Я так устала... – она снова затряслась всем телом. – Я никому не говорила об этом, но шансов у меня нет... Я умираю, Ирка...

* * *

И она умерла. Ровно через десять дней после той встречи. Альбина лежала в гробу в пене из кружев, как живая – тонкие скулы, длинные ресницы, красивая причёска с диадемой. Только нос, заострённый чуть больше обычного, да замершая на виске венка напоминали, что это не сон, а смерть. Аристократические кисти покоились одна на другой, прижимая к груди тяжёлый золотой крест.

Вокруг теснились люди. Много людей. На их лицах читались все оттенки скорби по безвременно усопшей. Цветы – корзинами, охапками – всё несли и несли. Всхлипывали женщины, вздыхали мужчины. Произносились речи. Вспоминались былые заслуги. Восхвалялись таланты и красота Альбины Сергеевны. Звучал Реквием в живом исполнении симфонического оркестра. У ног покойной неприкаянно томился единственный наследник, закрывшись от посторонних глаз чёрными стёклами очков. Гурьев, прилетевший из Милана в сопровождении жены, глубокомысленно молчал. Были здесь и тренер по ушу, и титулованный адвокат, и главный режиссёр, и диджей, и профессор... Возможно, и негодяй Феликс присутствовал на этом скорбном сборище, но Ирина не знала его в лицо. Эдуард Анатольевич часто моргал, сжимая в руках корзину жёлтых роз. Домработница Нина тёрла опухшие глаза, оплакивая щедрую хозяйку, бросившую её на произвол судьбы. Поодаль стояла и суетливо крестилась старуха в вязаном пальто.

Чёрный ноябрь торопил поскорее завершить похоронные формальности. Брызнул дождь, окропив слезами щёки Альбины. Лицо покойной прикрыли вуалью, а сверху полированной крышкой красного дерева. Гроб водрузили на катафалк. Расселись по машинам. И так получилось, что и в последний свой путь Альбина Гурьева отправилась снова одна. Почти одна – на лавке у гроба вместе с Ирой оказалась лишь старуха-соседка в вязаном пальто, не проронившая за всю дорогу до кладбища ни единого слова.

Когда первые комья земли застучали о крышку гроба, небо над могилой порвалось. Невесомые тополиные пушинки закружились в неистовом танце. Белые бабочки с обтрёпанными крыльями колотились в обтянутые трауром спины, садились на цветы и замирали. Снег засыпал чёрную землю, и стало светлее. А может, светлее стало оттого, что навсегда закончилось Алино одиночество. И страх, и боль. Все плохое закончилось. А когда заканчивается плохое – начинается хорошее. По-другому и быть не может, – думала Ирина, глядя в бесконечно белое небо.

УВИДЕТЬ ПАРИЖ...

Лидия Васильевна всю жизнь мечтала поехать в Париж. Но денег не было. Да и времени тоже. Сначала в одиночку растила сына, потом помогала брату после тюрьмы, в прошлом году похоронила мать, исчерпав все свои сбережения. Из редакции, где она работала корректором, её сократили. В силу возраста нигде уже не брали, а пенсионный рубеж отодвинули на пять лет. Пришлось устроиться в бутик уборщицей. Убирала Лидия Васильевна поздними вечерами, чтобы не столкнуться со знакомыми – всё ж с двумя высшими образованиями работать уборщицей было как-то неловко.

А в Париж хотелось по-прежнему, даже ещё сильнее. Это желание обострялось вечерами, когда все дела были переделаны, а до уборки оставался час-другой времени. Она садилась за книгу, но почти не читала, то и дело отвлекаясь на посторонние мысли. Те уносили её далеко от дома, под сень ржавых каштанов, на берега Сены, обретали запахи лаванды и кофе, вкус круассанов, звуки аккордеона... Лидия Васильевна захлопывала том и долго сидела с прикрытыми глазами, пока не возвращалась обратно: смолкал аккордеон, таяли запахи и видения. Только лёгкий флер оставался.

По весне Лидия Васильевна решила, что тянуть больше нельзя, и приступила к делу. Закрыла в банке скромный депозит, купила авиабилеты и забронировала с помощью племянницы комнату с общей кухней на бульваре де Бельвиль. Место удобное: рядом метро, супермаркет, автостанция. Хозяйка квартиры Катрин работала гидом и целыми днями была занята туристами – так что особого стеснения совместное проживание не доставит ни хозяйке, ни госте.

Вскоре виза была готова, новый чемоданчик на колёсах ждал в прихожей. Оформив отпуск без содержания, Лидия постриглась, купила новую сумку и вот уже, взволнованная, сидела в зале ожидания Домодедова.

Стерильный, похожий на гигантский аквариум аэропорт жил отдельной, незнакомой Лидии Васильевне жизнью, которая была для неё уже по сути путешествием. Мимо проплывали роскошные девы в шлейфе неземных ароматов, носильщики толкали за ними тележки, гружённые лаковыми чемоданами. Строгие мужчины с благородной проседью, знакомые Лидии Васильевне лишь по рекламе дорогих автомобилей, говорили по телефону, властно отдавая распоряжения невидимым помощникам. Киношный шейх в острой бородке с гаремом и детьми прошествовал в отворённую специально для него дверь. Шум-

ная толпа под водительством конвоира с флажком штурмовала зону досмотра.

Табло моргнуло – объявили посадку. Пассажиры оживились, а на Лидию Васильевну вдруг навалился страх. Он ледяной рукой сжал горло, облил жаром спину. Неприятное предчувствие поселилось под левой ключицей. В гофрированном, похожем на кишку кашалота тоннеле страх достиг апогея. В какой-то момент Лидия замедлила шаг, раздуывая – не повернуть ли обратно? Но толпа напирала сзади, и она подчинилась её беззаботной весёлости.

Лайнер дрогнул металлическим телом и лениво пополз к взлётной полосе. Гул двигателей нарастал, пока не превратился в густой, протяжный вой. Тяжёлая машина рванула с места, разогналась и отделилась от бетонной тверди, оставив под крылом заштопанную цветными заплатками землю. Лидия Васильевна перекрестилась и, зажмурившись, стала считать. Раз, два, три... Лайнер накренился, заложив вираж. Четыре, пять... где-то захныкал ребёнок, зашуршала газета. Восемь, двадцать, тридцать три... Наконец, самолёт выровнялся, загудел ровно и монотонно. Мигнули лампочки, защёлкали ремни, и потекла обычная полётная жизнь – запахло кофе, покатали тележки с едой, выстроилась очередь в туалет. Бодрый старичок приседал в проходе, разминая затекшие ноги. Девушка в розовом делала селфи на фоне иллюминатора. Густо храпел пассажир с повязкой на глазах.

В середине полёта самолёт трянуло, потом ещё. Лайнер от кабины до хвоста пробила крупная дрожь. За бортом резко потемнело. С грохотом упал чемодан, за ним скрипичный футляр. Лидия увидела в иллюминаторе пляшущее крыло, завёрнутое неестественно и страшно, как вывихнутая рука. Стюардессы с приклеенными улыбками успокаивали вцепившихся в кресла людей. Кому-то стало плохо, побежали за аптечкой. Сидевший у прохода мсье побледнел и вытащил чётки. Самолёт бросало из стороны в сторону, сквозь фиолетовые тучи просвечивали зарницы. Когда после очередной встряски сверху вывалились кислородные маски, испугались даже самые храбрые. «Всё, не долечу!» – подумала Лидия Васильевна и приготовилась умирать. Стоило всю жизнь так рваться в город своей мечты, если смерть подстерегает везде неожиданно-негаданно. Видно, не суждено ей увидеть Париж. Судьбу не обманешь!..

Тьма поредела так же внезапно, как и пришла. Косые лучи солнца осветили салон. Самолёт дёрнулся и завис, будто ничего и не было. И только болтавшиеся над головами кислородные маски напоминали о недавнем кошмаре. Командир экипажа извинился за непредвиденные метеоусловия и разрешил отстегнуть ремни. Вскоре всё вернулось в привычное русло – люди стали шутить, листать журналы. Возобновили раздачу блюд и напитков. Но Лидии Васильевне кусок в горло не шёл. Всё происшедшее казалось дурным знамением, несообразным её светлым мечтам о Париже.

Самолёт сел. На ватных ногах Лидия Васильевна спустилась по трапу, прошла лабиринты аэропорта, получила звонкий штамп в паспорт и была уже близка к цели, но дурное знамение начинало сбываться. Она стояла перед терминалом и не могла купить билет, хотя добросовестно изучила инструкцию. Стоило засунуть купюру в прорезь, как автомат брезгливо выплёвывал её обратно. Лидия Васильевна перепробовала все три имеющиеся у неё банкноты – результат тот же. Она вспомнила

сомнительных типов, у которых согласилась купить евро, польстившись на выгодный курс. Неужели её облапошили и подсунули фальшивые купюры?! Что теперь делать? К кому обратиться? Неподаляку маячил полицейский, но Лидия живо представила, как её арестуют за фальшивые евро. Она и объяснить-то ничего толком не сумеет. Под ложечкой неприятно засосало.

— Какие-то проблемы? — обратился к ней незнакомый мужчина в плаще.

Лидию Васильевну несколько не удивило, что с ней заговорили по-русски. Удивило другое: как вот так запросто можно вступать в разговор с незнакомыми людьми? Сама она никогда не могла переступить невидимый барьер, отделявший её личное, уютное и обустроенное пространство от всего остального мира. Но сейчас это не имело значения.

— Не могу билет купить! — пожаловалась Лидия Васильевна. — Кажется, у меня фальшивые евро. Покупала с рук. Автомат не принимает.

— Дайте-ка посмотреть.

Лидия Васильевна недоверчиво взглянула на незнакомца.

— Да не бойтесь, давайте! Можете поддержать пока мой портфель, — он сунул ей в руки потёртый баул с биркой ручной клади. Помял купюру, посмотрел на просвет.

— Не похоже, что фальшивая, — мужчина попробовал всучить её машине, но та снова не приняла. — Знаете, такое иногда бывает, когда новые банкноты. Ладно, давайте с карточки оплатим, — предложил он.

— У меня нет карточки, — потупилась Лидия Васильевна.

— Нет карточки?! — мсье был крайне удивлён. — Тогда я просто куплю вам билет, — он выудил из кармана бумажник.

— Что вы, нет-нет! — запротестовала Лидия. — Я не возьму.

— Что же, так и будете здесь стоять? — усмехнулся мужчина.

Лидия Васильевна решительно сняла с руки скромное серебряное колечко.

— Вот, купите у меня это! — она протянула украшение незнакомцу.

— Вы шутите? — ошеломлённо произнёс тот, но встретившись с ней взглядом, понял, что нет. — Ладно, давайте сделаем так: я подвезу вас до ближайшего банка, там разменяем ваши купюры. А потом, если хотите, доставлю вас куда надо. Только ни колец, ни серёг не приму. Договорились?

Лидия Васильевна согласилась. Положение было безвыходным, а мсье предложил вполне достойный выход. Она покорно пошла вслед за незнакомцем.

— Вы впервые в Париже? — спросил он, открывая перед ней дверцу машины.

— Да. И вообще за границей в первый раз.

— Ясно. Тогда наслаждайтесь! — он включил негромко радио.

Салон наполнился мягкими переборами аккордеона, которые столько лет чудились Лидии Васильевне в мечтах о Париже. Автомобиль нёсся по вечернему городу, полному огней и любви. Лидия следила за сменой картинок, знакомых ей по фотографиям, но у неё не осталось сил для восхищения. Слишком много испытаний для одного дня. Слишком долгая дорога. Слишком суровые тернии для встречи с мечтой.

Вскоре машина остановилась возле банка, вместе они зашли внутрь и разменяли деньги. Купюры были настоящие, только слишком новые. А вообще в Париже давно никто не рассчитывается наличными.

Когда через четверть часа автомобиль затормозил у ворот нужного дома, Лидия Васильевна попыталась расплатиться с незнакомцем, но тот лишь замахал руками, посоветовал ей завести карточку и не бродить одной по ночам в этом районе.

– Счастливого знакомства с Парижем! – мсье махнул рукой и исчез навсегда из жизни Лидии Васильевны, так и оставшись безымянным незнакомцем.

Это была окраина Парижа, двадцатый округ. Вечер мягко окутал сумраком пустынную улицу. Из-за угла вынырнула группа темнокожих парней. Лидия Васильевна опасливо юркнула в тень. Озираясь по сторонам, набрала код, торопливо затворила за собой тяжёлые ворота и очутилась в гулком дворике, испещрённом поверху бельевыми верёвками. В условленном месте среди зарослей олеандра отыскала настенную шкатулку, ввела шестизначный шифр – ключ упал к ней в ладонь.

Тугая дверь подъезда. Скрипучая лестница винтом. Заветная дверь с цифрой 18 на последнем этаже. Лидия Васильевна повернула ключ и оказалась в тесной, уставленной коробками прихожей. Дома никого не было. Она освободила натруженные ноги из туфель и с наслаждением ощутила мягкое прикосновение ковра. Приехала.

В кухне на столе её ждала бутылка вина и покрытая стекляннным куполом тарелка с сыром. Рядом лежала записка: «Добро пожаловать! Буду поздно. Катрин».

На следующий день всё происшедшее накануне показалось Лидии Васильевне дурным сном. Париж закружил её в водовороте уличного вальса, каштановых аллей, речных трамвайчиков, мостов, цветов, арок, багетов. Ароматы кофе и лаванды, переборы аккордеона воплотились наяву. Как и божественный вкус круассанов – когда поутру Лидия вошла в залитую солнцем кухню, вместо вина и сыра стоял кофейник и корзинка свежей выпечки, припорошенной сладкой пудрой. Возле розетки с джемом белела новая записка: «Доброе утро! Сливки в холодильнике. Катрин».

И Лидия Васильевна гуляла по Парижу весь день, забыв о часах, о стёртой пятке, обо всех своих страхах и страданиях прошлой жизни. Она упивалась ощущением замершего времени, восторгом сбывшейся мечты. И было неважно – что было раньше и что будет потом. Она в Париже!

Вечером по дороге домой Лидия Васильевна купила продуктов и приготовила для неуволимой Катрин русские блины – толстые, ноздреватые, с золотистым припёком, к ним добавила специально привезённую из России баночку икры. Ей хотелось порадовать хозяйку, но Катрин к ужину не явилась. Соседняя с гостевой комната была по-прежнему закрыта, тапочки стояли на половике ровно, как и вчера. Ничего, кроме записок, не обнаруживало присутствие хозяйки в доме.

Назавтра всё повторилось, только вместе с запиской: «Спасибо за блины, они восхитительны! Пластырь – в аптечке, мини-термос – в шкафу» лежала схема пешего маршрута от Лувра до Эйфелевой башни, расписанная специально для Лидии Васильевны с мельчайшими подробностями. На другой день были мосты Сены. Потом Булонский лес. Затем квартал Маре...

На Монмартре, куда Лидия Васильевна отправилась в надежде купить хотя бы самую маленькую картину, но непременно из рук уличного

художника, с нею вышла неприлично-романтическая история. Лидия медленно брела среди картин, удручённо взирая на цены, когда её окликнул почтенный мсье в бархатном берете.

– Мадам, не хотите ли портрет? – поинтересовался он на офранцузенном русском.

– У меня нет денег, – простодушно ответила Лидия Васильевна.

– Но у вас интересное лицо, – заметил художник. – Я мог бы нарисовать вас бесплатно. Присаживайтесь, – он пригласил натурщицу на плетёное кресло в тени каштанов.

– Я не умею позировать, – призналась женщина.

– Просто отдохните, поговорите со мной.

– О чём же мы будем говорить? – смущённая Лидия присела на краешек кресла.

– Да о чём угодно, – художник закрепил шершавый лист и принялся набрасывать контуры будущего портрета. – Вот, например, скажите мне, чем вы занимаетесь, где работаете? Вы ведь из России – верно?

Вспомнив работу уборщицы, Лидия Васильевна покраснела, что не ускользнуло от глаз мастера.

– Жаль, что это только набросок. Ваш румянец чудесен. И ваше смущение тоже.

С Лидией Васильевной никто никогда так не разговаривал. В глазах защипало, а в груди напротив сделалось щекотно и просторно. Она вдруг ощутила себя лёгкой, беззаботной тургеневской барышней, нагуливающей аппетит перед чаепитием на веранде. Ну и что, что ей за пятьдесят! Она же в Париже!

Через полчаса портрет был готов. Художник развернул картину лицом – Лидия Васильевна не узнала себя. На неё смотрела совсем другая женщина, лет на двадцать моложе и намного красивее её.

– На память! – мсье протянул лист. В уголке возле автографа красовалась надпись: «Из Парижа с любовью» – банально, но так приятно!

А потом был тёплый, жасминовый вечер и легкомысленная расточительность в уличном кафе возле розового дома. Без художника, но с портретом – проложенный папиросной бумагой, тот был бережно свёрнут и упрятан в тубус, который приложил к подарку мсье. Лидия Васильевна пила кофе, откусывала по крохотному кусочку миндальное пирожное, глядела, как истлевает вечер, истончаются очертания Сакре-Кёр, как люди беспечно бредут по улице Тертр и никто, решительно никто не знает о её тайне.

До отъезда оставался один день. Катрин так и не появилась. В записках она ссылалась на занятость, упоминала другую квартиру – ту, что ближе к центру, предупреждала о смене погоды, забастовках, меняющих маршруты общественного транспорта. А на кухонном столе то и дело появлялись милые подарки вроде шоколада или букетика вербены. Хозяйка была столь же заботлива, сколь и неуловима. Иногда казалось, что это бесплотный ангел или одетая в плащ-невидимку фея.

Накануне отъезда Катрин посоветовала госте прогуляться по кладбищу Пер-Лашез, что в нескольких шагах от их квартала. Лидия Васильевна упаковала загодя чемодан и отправилась на последнюю экскурсию.

День стоял ясный, но зябкий. Мокрые от ночного дождя камни, дымные испарения земли придавали ему горький привкус осени. Впрочем, на Пер-Лашез всегда осень. Кладбище было пустынным – в будни здесь

редко встретишь людей, разве что таких же любителей уединения. Сверяясь со схемой, Лидия Васильевна пошла искать знаменитые могилы, но очень скоро забыло о своём намерении, а просто любовалась сумрачными надгробиями, печальными скульптурами. Вот уж никогда бы не подумала, что смерть и красота могут так гармонично сочетаться! Тяжёлые могильные плиты, отороченные изумрудным мхом, плачущие чёрным камни, заросшие сонным плющом склепы, патина страдающих ликов... Чужие имена и даты, для кого-то близкие и родные, навевали мысли о тленности бытия и суетности земных страстей. Одни могилы походили на роскошные посмертные дворцы, другие – почти растворились во времени, но были по-своему прекрасны. Красота словно бы примиряла людей со смертью.

Свернув на боковую аллею, Лидия Васильевна увидела впереди фигуру старухи в чёрном. Она была одна, беспомощно дёргала ходунки и не могла сдвинуться с места. Лидия поспешила на помощь – так и есть: одна из ножек рамы застряла в расселине между плитами.

– Я помогу! – женщина порывисто присела к ногам старухи.

– Русская?! – недоверчиво спросила та.

– Русская, – расплылась в неуместной улыбке Лидия.

Это становилось забавным – в Париже её всюду окружала русская речь, даже здесь, на кладбище.

– Да ты не дёргай без толку! Лучше подкрути ножку.

Лидия Васильевна послушно повернула наконечник и вызволила конструкцию из западни. Старуха приняла помощь сухо, как должное, лишь буркнув себе под нос «мерси!». Они пошли рядом по широкой аллее.

Лидии Васильевне украдкой рассматривала незнакомку – высокая, костистая, с заострённым книзу лицом и выцветшими глазами неопределённого зеленовато-серого оттенка. Крупные серьги с кроваво-красными камнями оттягивали сморщенные мочки. Пергаментные щёки, надменно поджатые губы. Чудная шляпа на ленте, вмещающая на своих полях целое жизнеописание с пасторальными букетиками, колосьями, гроздьями ягод, гнёздами и птичками – всё такое же выцветшее, как и глаза её обладательницы.

– Приезжая, – утвердительно произнесла старуха, тяжело переставляя раму. – Откуда?

– Из России.

– Знамо дело, из России. Откуда? Россия большая.

– Из Калуги.

Старуха удовлетворённо качнула головой и остановилась возле большого пня в оборках лишайника. Она сняла перчатки – на скрюченных подагрой пальцах блеснули кольца, – вытащила из ридикюля булку и раскрошила её – тут же на пень слетелись птицы.

– Замужем? – старуха медленно двинулась дальше, цокая ходунками.

– В разводе.

– Дети?

– Взрослый сын. Женат уже.

– Вместе живёте?

– Нет. Он в Новосибирске. Перебрался на родину жены.

– Скучаешь?

– Привыкла.

Небо покрылось рябью. Мимо них на мотороллере проехал работник кладбища с метлой, приветствовав старуху в шляпе как давнюю знакомую. Та ответила ему еле заметным кивком.

- А что в Париже делаешь?
- Ничего особенного, – пожала плечами Лидия. – Всю жизнь мечтала приехать – и вот приехала. Теперь и умирать не страшно!
- Старуха ничего не ответила, только выгнула бровь дугой.
- Работаете кем?
- Уборщицей в бутике.
- Ишь ты! По тебе не скажешь, – она окинула спутницу цепким взглядом и улыбнулась уголком рта. – Поди, с высшим образованием?
- Да. С двумя высшими, – уточнила зачем-то женщина.
- Что ж другой работы для тебя не нашлось?
- Возраст такой, что трудно устроиться, – вздохнула Лидия Васильевна. – А так я учителем двадцать лет отработала, потом редактором, корректором.
- Какой же «такой» у тебя возраст? – усмехнулась старуха. – Сорок? Пятьдесят?
- Пятьдесят три.
- Тоже мне возраст. Мне девяносто семь.
- Они вышли в просторный сквер, раскинувшийся на холме посреди кладбища. С него как на ладони были видны петляющие аллеи, нагромождения островерхих склепов, толпы каменных изваяний. Каскады лестниц спускались вниз, купы старых каштанов набрасывали густую тень поверх серого бархата и зелёной парчи.
- Давай присядем, я устала, – попросила старуха и поковыляла к лавочке, зависшей над краем обрыва.
- Она с трудом уселась на скамейку.
- Вот эти ноги, – она провела по складкам тёмной материи на коленях, – которые сейчас меня едва держат, выделявали когда-то такие па, что пол-Парижа сбегалось, чтоб увидеть мой канкан. Я была танцовщицей, – старуха помолчала, устремив блеклый зеленоватый взгляд вдаль. – Это у нас семейное. Мать до войны танцевала в труппе Дягилева. Когда в 44-м Париж ожил и открылся «Мулен-Руж» – я пришла туда одной из первых.
- Лидия Васильевна сидела не шелохнувшись, замороженная рассказом странной старухи.
- Век танцовщицы недолог, – продолжала та. – Но мне удалось продержаться десять лет. Свой последний канкан я станцевала в 55-м, когда тебя и на свете не было. А через месяц вышла замуж.
- Она долго копалась в ветхом ридикюле, прежде чем извлечь на свет старый медальон – на фарфоровой пластине в паутине трещин был изображён мсье в шляпе, с усами и тростью – ровно такими и представлялись Лидии французы тех лет.
- Мой Пьер, – с нежностью произнесла старуха. – Профессор Сорбонны. Мы объездили с ним всю Европу. Он был старше меня на двадцать три года, но это не помешало нам прожить душа в душу тридцать лет, – она захлопнула медальон и спрятала обратно в сумку. – Пьер умер в 85-м, с тех пор я одна.
- А дети? – робко спросила Лидия Васильевна.
- Детей Бог не дал, – ответила старуха, кутаясь в шаль.
- Поднялся ветер. Рассерженная стоя ворон пролетела низко над головами и скрылась за колумбарием.
- С тех пор каждый день я гуляю по Пер-Лашез. Исключая, разумеется, те дни, что провожу в больнице. А живу я здесь недалеко.
- И что, никого из родни у вас не осталось?

— Одна как перст! — старуха откинулась на спинку и прикрыла глаза. — Я устала. Не задавай мне больше вопросов.

Лидия Васильевна сидела возле задремавшей старухи и перебирала эпизоды своей жизни. Конечно, её судьба была не столь яркой и фееричной, как у этой эксцентричной русской парижанки. «Мулен-Руж», путешествия по Европе, муж-профессор... Но вот в одиночестве они совпали. Ей хотелось расспросить старуху о том, как живётся ей вдали от России, как удалось сохранить таким чистым русский язык? Что она читает и была ли знакома с Эдит Пиаф?

Ветер мягко ворошил кроны деревьев, баюкая и оберегая сон старухи. Лидия Васильевна поддалась его дремотному шороху и сама чуть было не уснула. Но, взглянув на часы, поняла, что расслаиваться нет времени. До самолёта оставалось несколько часов, а нужно ещё собраться. Может, Катрин уже ждёт её?

Старуха сидела откинувшись и приоткрыв рот. Её руки в перчатках придерживали на животе ридикюль. Воробей, присевший на спинку скамьи, сосредоточенно разглядывал серьги, словно собирался выклевать из них спелые ягоды камней.

— Извините, мадам, мне пора, — Лидия Васильевна коснулась руки старухи — та безвольно упала вдоль тела. — Мадам? — женщина дотронулась до её плеча.

Она стала трясти старуху, но сон её был крепок, очень крепок. От страха у Лидии перехватило дыхание. Она вскочила и побежала по аллее, взывая о помощи, но кладбище оставалось безлюдным. Лидия Васильевна услышала рокот мотора, а потом и увидела давешнего уборщика с метлой.

— Там мадам плохо! — она потащила его за рукав к скамейке.

Вскоре к скверу подъехали мигающие машины, лужайка заполнилась людьми. Они о чём-то спрашивали Лидию Васильевну, но та ничего не могла понять. Из чёрного автомобиля, подъехавшего позже других, вышел следователь — Лидия с изумлением узнала в нём того самого мсье, что в первый парижский день помог ей разменять деньги.

— Опять влипли в историю? — спросил он серьёзно. — Рассказывайте.

И она сбивчиво пересказала ему всё, что произошло с ней на кладбище, не забыв упомянуть, что через четыре часа у неё самолёт. Мсье задал несколько вопросов, сфотографировал её паспорт и отпустил.

Лидия Васильевна не помнила, как выбралась с кладбища, как дошла до бульвара де Бельвиль, как оказалась в квартире. Её без остатка поглотила история старухи, её тихая, незаметная, красивая смерть.

На кухонном столе лежала записка: «Сожалею, что не смогу тебя проводить. Ключ оставь на столе. Счастливого пути! Катрин». Вот и всё. Парижское приключение подошло к концу.

Когда самолёт отрывался от земли, Лидия Васильевна больше не закрывала глаза и не считала про себя. Её не пугали ни грозы, ни турбулентные зоны. Что она везла с собой из Парижа? Портрет в тубусе. Засушенную вербену. Бережно собранные записки от Катрин. Память о русских парижанах и о странной старухе с Пер-Лашез...

Спустя две недели на имя Лидии Васильевны пришло заказное письмо со штемпелем Франции. На казённом бланке, составленном на двух языках, было написано:

«Мадам, Лидия Васильевна Т., уведомляем Вас о части завещания Екатерины Фёдоровны де Лакруа (Демидовой), касающейся Вас

персонально. Параграф 2, пункт 3: серьги с рубином и все украшения, исключая обручальное кольцо (список в приложении 2), а также квартиру, расположенную по адресу: Париж, бульвар де Бельвиль, д. 4, кв. 18, передать в собственность тому, кто проведёт со мною последний час моей земной жизни, независимо от степени родства, гражданства и прочих формальных признаков (данное не относится к медицинским работникам, сотрудникам государственных и социальных служб).

Для вступления в право наследования надлежит прибыть в Париж лично не позднее 20 октября сего года».

Кроме официальной бумаги в конверте лежало письмо от следователя. «Уважаемая Лидия Васильевна!

Считаю необходимым прояснить для Вас некоторые детали. Смерть Е.Ф. Демидовой-де Лакруа наступила естественным образом, врачи констатировали остановку сердца. Завещание было составлено в 2008 году и с тех пор ни разу не менялось. Факт соответствия п. 2.3 завещания подтверждён показаниями служащих кладбища Пер-Лашез, а также записью с камер видеонаблюдения. Дело закрыто.

От себя добавлю: поступок мадам де Лакруа вполне в духе русских парижан. Можете считать это подарком судьбы! Что до меня – рад был знакомству. И позвольте, наконец, представиться: комиссар Андрэ Перро, или Андрей Иванович Петров, – на тот случай, если снова увидимся в Париже!»,.

Никита КОНТУКОВ

Родился в 1987 году в Подольске. Окончил Подольский колледж имени А. В. Никулина, менеджмент и маркетинг. Свободный художник.

Публиковался в бумажной версии журнала «Ликбез», газете «Литературная Россия», журналах «Огни Кузбасса», «Зарубежные задворки», «Фабрика литературы».

Живет в Подольске.

КОГО С НАМИ НЕТ?

Анжелику сжигало тяжёлое чувство вины, сердце наливалось то-скливой горечью, почти невыносимой: её старая, больная, одинокая мать, с библейской жестоковыйностью отстраняясь от мира, тихонько ушла во сне, но между ней и дочерью осталась нерушимая стена непримиримых разноречий.

Кюльджан Исхаковна, измождённая, лёгонькая, как ребёнок, свернулась за какие-то две недели: злоядный рак изгрыз её до такой худобы, что рёбра светились. Ни разу она не пожаловалась на свою незавидную участь, избавив дочь от старческих капризов, только кротко потупленные глаза свидетельствовали о том, как горек её хлеб. Даже передвигалась она на цыпочках, не желая производить лишнего шума. Изредка щетинилась, избрав тактику осуждения и анафемствования: Кюльджан Исхаковна обрушивалась на современные нравы, в которых, как ей казалось, смысл упразднён, цель отсутствует, а бездеятельность почитается высшим благом.

Анжелика ненавидела мать, когда в ней ещё теплилась жизнь, сохранялась подвижность и способность к речи, считала её старомодной, неуместной, как громоздкий шкаф с гроздьями свисавшей пыли, насильно впихнутый в стерильную белизну евроремонта. Когда же мать отошла, всё враз переменялось: мир представлялся Анжелике ненужной, постылой вещью, оставшейся от покойницы.

Анжелика росла непослушным ребёнком, на всё огрызалась, вела себя вызывающе, не задумываясь, во что ей станет очередная эскапада. Часто в материнских руках брякал тяжёлой прягой ремень: Кюльджан Исхаковна работала завучем по воспитательной работе в вечерней школе и, kloчoca праведным гневом, отводила душу в родных стенах, прибегая к телесным наказаниям.

«Ты что, куришь?» – подозрительно повела носом мать, когда Анжелика, размалёванная, как панельная шваль, вернулась домой за полночь, где визжательно отплясывала на шумной дискотеке. Анжелика только небрежно отмахнулась: «Оставь меня в покое – я уже взрослая». Она приготовилась выслушать гневную нотацию: будет теперь разливаться – нервов сожрёт на килограмм. Но мать отвесила ей пощёчину, ударив хлестко, наотмашь. Анжелика тогда сбежала из дома и пропала где-то два дня.

Потом её подобрал Олег Юрьевич, преподаватель, состоящий при студсовете института кино и телевидения, – он жил в соседнем доме. Прямо на автобусной остановке, затерянной на отшибе недалеко от цементного завода, посреди пустого поля, черневшего бесприютной сиротливостью.

Олег Юрьевич по крайней мере не казался ей таким занудным, как всё старшее поколение, и Анжелика, вспомнив, что её подруга Катька осталась однажды у преподавателя ночью, чего-то наврав беззаботным родителям, довольно легко согласилась себя увезти.

– Эздекова! – окликнул он Анжелику из приспущенного стекла. – Садись – подвезу.

Она запрыгнула в его красную «Мазду» и утвердилась на пассажирском сиденье. Олег Юрьевич рванул так, что с визгом прокрутились колёса и машину занесло на повороте. Он весело обгонял нескончаемый вечерний поток автомобилей и резко менял ряд, ища свободный карман в горьком удушливом мареве, зыбившимся над чёрным асфальтом. Впереди была авария: несколько легковушек, слепленных в гармошку, оттеснили на обочину, где собрались сотрудники госавтоинспекции.

Он предложил отвезти её домой, но Анжелика бурно запротестовала: вернуться к матери на третий день после побега, да ещё под конвоем учителя, показалось ей столь же прозаичным и нелепым, как вернуть Елену на пятый год Троянской войны. Нет уж, везите к себе домой и устраивайте со всеми удобствами.

Олег Юрьевич ей совсем не нравился, хотя студентки всё время кидали на него глаз: строгий, знающий, в очках и при галстукe, он выглядел современно, хорошо одевался, от него пахло дорогим парфюмом. Однако при мысли, какую рожу скорчит мать, узнав о её маленьком приключении, глаза Анжелики загорались обалделым восторгом.

Она отдалась ему сразу, без сопротивления, потеряла невинность без единого стога, а Олег Юрьевич глухо зарычал, извиваясь в конвульсиях оргазма, изливая в девичье лоно своё нерастраченное семя, и ещё долго сжимал её в объятиях, шепча на ухо слова благодарности.

Грянул неизбежный скандал, в дымовой завесе которого старого волокиту тихонько вытурили из вуза. Он где-то репетиторствовал по мелочи, перебиваясь с хлеба на квас, пока его не охватило уныние: разочарованный, Олег Юрьевич уходил от действительности в алкогольное отупение. Анжелика не знала, жив ли он ещё или отбыл к Господу на вечную беседу.

У неё остался ребёнок. Мать настаивала на аборте: нечего вскармливать последышей дьявола, а Олега Юрьевича она считала не иначе как дьяволом: заделал молодайке брюхо – и был таков.

Зря она тогда послушалась мать. Никогда ведь не слушалась – и вдруг. Сколько её потом по врачам гоняли – забеременеть так и не смогла.

Семьи у неё не сложилось, родственники почти все полегли в землю, а с теми, которые ещё были живы, контакт стремительно угасал. Когда ушла мать, Анжелика взвыла от одиночества, хотя собственный характер, неуживчивый, собачий, волок её к несчастьям и оставленности.

– Вас нет в списках, – охранник цербером набросился на неё и загородил вход на складской комплекс, где Анжелика трудилась поваром, портя желудки рабочему люду.

– Посмотрите внимательнее, – маленькая, круглобокая, как амфора, она налетала на него рассерженной орлицей, охраняющей своих птенцов. – Эздекова Анжелика.

В прошлую смену попались отличные ребята: насосались и дрыхли всю ночь, а этот списки изучает, въедливый, как щёлочь.

– Вас нет в списках, – заводил он унылым рефреном.

Придумали же эти дурацкие списки! Она почувствовала себя в шкуре инженера Варакина, который, приехав вкомандировку в провинциальный городок, долго не мог просочиться сквозь проходные механического завода по производству кондиционеров, потому что в списках не было его фамилии.

Анжелика показала свою широкую, короткую спину. Договариваться с таким бесполезно. Начальство давно спит, жаловаться некому. Она пошла домой.

– Вас вообще ни в каких списках нет! – крикнул ей вдогонку охранник. – И пропуск ваш денонсирован. Вы уже давно у нас не работаете.

В корпоративный автобус её не пустили. Анжелика добрела до ближайшей остановки и долго изучала расписание, кутаясь в лёгкий плащ. Накануне прошёл дождь, было сыро, неуютно, отовсюду холодно капало. Через полчаса подплыл в огромной луже грязный и тряский автобус и, выпустив несколько пассажиров, развернулся, готовясь ехать в обратном направлении.

Анжелика вынула из кошелька транспортную карту и приложила её к валидатору, закреплённому на поручне. Дождавшись звукового сигнала, она прошла в конец салона и села на свободное место.

– А платить за вас кто будет? – окликнула её старуха, оскорблённая столь вызывающей наглостью. Родниковые глаза её помутнились от уязвлённого чувства обострённой справедливости.

– Я заплатила, – Анжелика пожалала плечами и взглядом обратилась за поддержкой к молодчику, сидевшему напротив. Тот стыдливо отвернулся, уставившись в окно невидящими глазами.

– Ничего она не заплатила, – подал голос скрипучий старик. – Извольте оплатить проезд.

Когда взбунтовались остальные пассажиры, Анжелика решила заплатить вновь. Однако, подойдя к валидатору, она с удивлением, выраженным взлётом клочковатой брови, обнаружила, что вместо транспортной прикладывает засаленную, липшую к рукам игральную карту с изображением трюфовой дамы, отражённой как дерево в воде.

– Роббер, – хихикнул глумливый старик. – Игра окончена. На выход, голубушка.

Анжелика сошла, бессильно опустила на скамейку и стала рыться в сумке, сопя и сосредоточенно хмурясь. Оглядевшись по сторонам, она заметила, что находится на той самой остановке, затерянной где-то на отшибе недалеко от цементного завода, посреди пустого поля, черневшего бесприютной сиротливостью.

– Эздекова! – крикнул Олег Юрьевич, когда стекло его красной «Мазды» опустилось. – Садись – подвезу.

Она глянула на него с недоверием: откуда он взялся – сам чёрт не поймёт. На нём по-прежнему была хорошо отутюженная рубашка с фриловольно расстёгнутой верхней пуговицей, от него по-прежнему пахло дорогим парфюмом, к которому, казалось, примешивался земляной, почти болотистый дух. Он не изменился ни на одну морщинку – как и прежде, нёс себя с вальяжным достоинством. Хотя чему здесь удивляться? Анжелика мысленно давно его похоронила, вот он и остался в её памяти неизменным. Тело живого человека беспрерывно меняется, оно непостоянно, как непостоянна его судьба. Это только у мёртвых судьба не изменится.

– Отвезите меня домой, к маме, – из последних сил взмолилась Анжелика.

Олег Юрьевич посмотрел на неё со спокойным недоумением.

– Очухалась, называется! – Он не принимал этой ретирады. – Ты ведь из дома два дня назад сбежала, а вернуться на третий день побега, да ещё под надзором учителя, нелепо, как вернуть Елену на пятый год Троянской войны. Поехали ко мне.

Анжелика отрицательно замотала головой. Нет, на этот раз она ему не уступит. Она становилась прежней Анжеликой, твёрдой, непреклонной, ругачей, хотя до сих пор не могла понять, где она, что она и зачем она.

– Отвезите меня домой. Я хочу к маме.

Олег Юрьевич рванул с места так, что её бросило на спинку сиденья. Он весело мчался по шоссе, в воздухе разливался запах плохого бензина. Элегантно обойдя тихоходную «Хонду», мигнул поворотником и плавно вернулся в правый ряд. Больше всего Анжелика боялась, что мать свалится с инфарктом и лишится земной прописки, узнав, с кем спуталась её дочь.

Олег Юрьевич напирал, то и дело отвлекаясь от дороги: он действовал с апломбом любовника, не привыкшего к строптивым отказам. Он шептал ей в ухо нежные слова, небрежно придерживая руль одной рукой.

– Смотрите на дорогу, – увещевала Анжелика. В голосе её зазвучало ватное безразличие ко всему происходящему, желание провалиться в тёмную топь небытия. Однако её ледяной тон нисколько не отрезвил прожжённого ловеласа – ему нравилось преодолевать упрямое сопротивление, нравилось завоёвывать её постепенно, никуда не торопясь, не прибегая к грубой силе, не пытаясь добиться своего нажимом и сломом.

Впереди была авария, слепившая в лепёшку несколько автомобилей: легковушки, скомканные, как лист бумаги, отеснили на обочину, где собрались сотрудники госавтоинспекции.

– Смотрите на дорогу, – повторила Анжелика наставительно. – Сейчас по вашей милости в историю вляпаемся. Меня ждёт дома мама, а вас – ученические тетради.

Олег Юрьевич, угадав своим тончайшим чутьём, что у них ничего не получится, как у аристократки с разночинцем, весь как-то потух и обмяк. На скулах его задвигались желваки.

– Домой? – переспросил он с холодной злостью в голосе...

Домашнего никого не было. На столе лежала записка, из которой следовало, что обед на плите, а мать отправилась к морю плавать на солнце.

Когда вернётся – неизвестно. В письменной форме она подчёркивала, что возвращать её с бархатного юга в знобящую подмосковную хмарь, всё равно что возвращать Елену после начала Троянской войны – глупо и бессмысленно. Она останется на море.

Анжелика огляделась: на каждом предмете лежал след чужого пребывания, словно она отсутствовала дома не три дня, а три года. И всё тот же болотистый, почти земляной дух. Запустение, тлен. И Олег Юрьевич больше не смотрит на неё с вожделением: казалось, он её вообще не замечает; он с притворной виноватостью разводит руками и желает поскорее убраться отсюда, стыдясь перед ней, как перед больным стыдятся своего здоровья. Была страшная авария, смявшая, как жестянку, несколько автомобилей в груды металлолома. Волею судьбы он отделался синяками да ушибами, а Анжелика...

Анжелика прошла в свою комнату. Здесь ничего не изменилось, все вещи лежали на своих местах, покрытые толстым слоем ворсистой пыли. Стопочка, накрытая ломтём чёрного хлеба. Рядом – старая фотография с изображением Анжелики. В правом углу темноликая, в серебряном окладе, Богородица. Едва плясал, колыхаясь, голубоватый огонёк лампы, покачивающейся на закопчённой цепочке. Анжелики с нами больше нет.

Дмитрий ИГНАТОВ

Родился в 1986 году в Ярославле. Проходил обучение в Ярославском государственном техническом университете по специальности «инженер-педагог машиностроения». В настоящее время – дизайнер и веб-разработчик, пишет сценарии для кино, ТВ и рекламы.

Публиковался в изданиях «Знание – сила», «Знание – Сила: Фантастика», «Искатель», «Новый журнал» (США), «Нева», «Дарьял», «День литературы», «Парус», журнале «Нижний Новгород», сборниках «Тайны и приключения» и «Наука веселья», «Причал», альманахе «Литературный оверлок». Автор романа в рассказах «Великий Аттрактор», повести «Первыми сдохнут хипстеры» и сатирического справочника «Это ваше FIDO».

Живет в Воронеже.

НА ЗВЁЗДАХ

Вика небрежно натянула на себя куртку, по привычке намотала на шею шарф и вышла из квартиры. Даже это казалось теперь ненужным и излишним. Для чего? В свете принятого решения совершенно незачем. Разве только для того, чтобы ещё раз покурить на крыше, глядя в ночное небо. Сегодня необычно ясное. Усыпанное звёздами. Где-то между желтоватых огней ночного города внизу и голубоватых звёзд сверху на несколько минут добавилось красноватое светящееся пятнышко Викиной сигареты. Но вот она погасла и, повинаясь щелчку озябших пальцев, по параболической траектории полетела в темноту. Вслед за ней всё в ту же холодную пустоту собиралась шагнуть и сама Вика, но кто-то окликнул её сзади.

– Я вам не помешаю, барышня?

Оглянувшись, девушка рассмотрела сгорбленную фигуру, устроившуюся на раскладном табурете, по типу тех, что используют обычно рыбаки. Но только вместо удочки перед незнакомым пожилым мужчиной на треноге стоял небольшой телескоп.

– Геминиды. Они на пике, – проговорил старик, словно поясняя своё появление на крыше. – Лучше, конечно, любоваться ими за городом. Но куда уж мне... А нынче такое чистое небо.

– Да ладно... Небось, за девчонками в соседнем доме подглядываете, – язвительно предположила Вика, машинально закуривая вторую сигарету.

– В таком случае мне следовало бы взять для этих целей бинокль, – ответил старик, явно улыбаясь. – Но в моём возрасте такие зрелища уже не особо интересны.

– А на звёзды пялиться интересно?

– Интересно. А вам разве нет?

– А чего там интересного? – искренне удивилась девушка. – Это же только в фантастике всякие звездолёты и инопланетяне. А если подумать, то там сверху только безжизненные камни и пустота.

– Да. Там много пустоты, – согласился старик. – Но ведь не только она. В космосе много удивительных объектов: галактики, нейтронные звёзды, чёрные дыры. А сколько того, что ещё не найдено, но может быть: кротовые норы, космические струны... Кто знает, какие ещё открытия нам предстоят!

– Это тоже – пустота... – обречённо махнула рукой Вика и снова взглянула вниз на город.

– Да неужели? Без исследований космоса мы не развили бы ни микрокомпьютеры, ни полупроводники, ни сотовую связь. Ваш айфончик оказался бы бесполезен.

– У меня андроид...

– Тем более! – продолжил пожилой собеседник, заметно оживившись. – Да ладно андроиды... Мы и сами созданы из этой самой пустоты. Мы лишь квантовые флуктуации вакуума. Эхо Большого взрыва. Круги на воде. Но все элементы наших тел рождены на звёздах. И возможно, когда-нибудь космос воскресит нас после смерти.

– Это после Апокалипсиса? Типа бог сойдёт на Землю и всё такое? – нехотя уточнила Вика, бросая презрительный взгляд на старика. – Ко мне тут как-то подходили двое с книжками. Хотели поговорить про это...

– Я не верю в Бога, но верю, что когда-нибудь он будет построен, – серьёзно ответил пожилой собеседник.

– В смысле? Как машина?

– Это не будет машина или существо. Скорее, всё сразу и ничего по отдельности. Я имею в виду человечество как единый разумный организм, – старик окончательно отвлёкся от своего телескопа. – Апофеоз того, что академик Вернадский называл ноосферой.

– Дичь... Эзотерика какая-то.

– Строгая научность, никакой эзотерики, божественных сил и прочего подобного! – резко возразил мужчина. – В своём развитии человечество достигнет такого уровня, что возьмёт на себя классические божественные задачи: воскрешение мёртвых, создание новых существ и даже целых миров.

– Чёт не особо пока получается... – заметила Вика.

– Быть богом трудно, – улыбнулся старик. – Но ведь мы стараемся. Двести лет назад было бы чудом снова запустить остановившееся сердце или пересадить больному новый орган. Сейчас это уже никого не удивляет. А ведь прогресс всё ускоряется. Технологическая сингулярность... Слышали, наверно? На масштабе десятков тысяч лет уже ничего не кажется невозможным. Русский философ Фёдоров понял это ещё в начале прошлого века. Рассчитать траектории всех частиц, как мечтал ещё Лаплас. Фактически отмотать Вселенную вспять. Собрать рассеянные молекулы и атомы, чтобы вновь сложить их в тела отцов. И... все воскреснут. И встретятся на звёздах.

– Фантастика...

– А вот Циолковский относился к этому вполне серьёзно. Как к инженерной задаче. Ведь если все воскресят своих праотцев, то куда девать такую массу людей? Конечно же, расселить на другие планеты.

Именно тогда он начал разрабатывать теоретические основы космонавтики и написал свою знаменитую формулу реактивного движения, которой мы пользуемся до сих пор.

– Ну, хорошо, – нехотя согласилась Вика. – А зачем?

– Что зачем?

– Ну, зачем людям будущего кого-то воскрешать?

– Нам. Всем. В том числе и нам с вами. Я не отделяю нас теперешних от людей будущего. Мы – человечество.

– Окей, окей... Зачем нам, человечеству, понадобится кого-то воскрешать? – повторила девушка свой вопрос.

– Ну, во-первых, просто потому, что мы можем, – старик сделал паузу и задумался. – Во-вторых, ради интереса, как делалось многое в человеческой истории: от залезания в детстве на крышу до подъёма на Эверест и высадки на Луну. А в-третьих, из соображений личного эгоистического гуманизма.

– Как это?

– Все захотят воскресить своих близких. А те своих. И так далее.

– Не думаю, что на месте человека будущего я бы захотела кого-то воскрешать. И уж точно вряд ли кто-то захочет воскрешать меня. Точно не моя алкоголическая маман и её стрёмные мужики... – Вика затянулась сигаретой и грустно посмотрела вдаль.

– В вас говорит обида. И только. Когда мы будем оперировать объектами в масштабах Вселенной, всё это будет несущественно. Останутся только воспоминания о чём-то хорошем, привязанности, понимание ценности любой человеческой жизни. Кем бы мы ни были: биологическими существами, машинами или виртуальными отпечатками сознания внутри компьютера – именно это будет делать нас людьми. Поэтому, я уверен, когда-нибудь всех непременно извлекут из пустоты. Не за плохие или хорошие дела. Не за мысли или убеждения. Просто потому, что они были кому-то дороги.

– А вы? Были кому-то нужны?

– Не знаю, – старик пожал плечами. – У меня никого нет. Можно сказать, что я – тупиковое звено эволюции. Но кто знает? Вдруг повезёт. Поэтому и вам, барышня, я не советую торопиться шагнуть в пустоту. Надо стараться быть нужным уже сейчас.

– Уходите? А как же ваш телескоп? – спросила девушка, заметив, что её собеседник поднялся со своего места и направился к выходу на чердак.

– Да. Я устал... Надо прилечь. А вы можете посидеть, полюбопытствовать. Падающие звёзды сегодня прекрасны. Только завтра принесите его сюда примерно в то же время. Всё-таки вещь дорогая... мне.

– Не бойтесь, что украду?

– Главное, не сломайте, – усмехнулся старик и шаркающей походкой удалился вниз по лестнице.

Какое-то время Вика ещё докуривала свою тускнеющую сигарету. А потом опустилась на тряпичную сиденку раскладного табурета и прильнула глазом к окуляру телескопа. Метеоры падали достаточно часто, так что Вика могла бы успеть загадать за эту ночь все свои желания, если бы верила в эту глупую примету. Впрочем, одно уже сбылось. Посидеть на крыше и попялиться на звёзды в компании чудного деда было всяко лучше, чем терпеть бессвязные пьяные разговоры дома.

Девушка твёрдо решила, что завтра нужно непременно снова прийти на крышу хотя бы для того, чтобы вернуть старику его телескоп, а может, и услышать ещё что-нибудь интересное.

К её удивлению, на следующий день старика на крыше не оказалось. И на следующий – тоже. И потом. Вика приходила в назначенное место целую неделю: ожидала по два-три часа, ради развлечения смотрела на звёздное небо, но так больше и не встретилась со своим странным собеседником.

Тогда она не могла знать, что через десять минут после их разговора старик спустился по лестнице в свою однокомнатную квартирку в соседнем подъезде. Снял пальто и шапку. Скинув старые, но комфортные ботинки, прилёг на диван и тихонько закрыл глаза. В груди что-то сильно щемило, как уже бывало не раз. Он почти привык к этому ощущению. Получасом позже его сердце остановилось. Ещё восемнадцать часов тело охлаждалось по экспоненциальному закону. Спустя двенадцать дней соседи, раздражённые неприятным запахом, вызвали соответствующие службы. За 2036 часов его температура окончательно сравнялась с окружающей средой, а через 3700 лет под действием условий всё той же среды его частицы окончательно с ней смешались.

Прошло ещё 25 000 лет. Старик вновь открыл глаза, словно закрыл их секунду назад, и увидел знакомое лицо. Виктория улыбалась.

Евгений ЭРАСТОВ

Родился в 1963 году в Горьком. Окончил Горьковский медицинский институт и Литинститут (семинар Юрия Кузнецова). Доктор медицинских наук.

Автор шести поэтических и четырёх прозаических книг, многочисленных публикаций в «толстых» журналах, зарубежной периодике. Произведения переводились на английский, немецкий, испанский, македонский и болгарский языки. Лауреат премий Нижнего Новгорода (2008), Нижегородской области им. А.М. Горького (2014), имени Ольги Бешенковской (Германия, 2014), литературной премии имени Марины Цветаевой (Татарстан, Елабуга, 2014) и многих других.

Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

Я РОДИЛСЯ ЗДЕСЬ, НО В ДРУГОЙ СТРАНЕ...

* * *

Я видел Рим, я видел эту синь
Нерукотворных фресок Рафаэля,
И чудо римских мраморных святынь,
И роскошь итальянского апреля.

Извилистые видел берега,
Причудливые камешки у мыса.
Там пиния изящна и строга,
И талия стройна у кипариса.

А на Востоке, где стоит луна
Ущербная, где дремлет старина
И рвется ввысь пирамидальный тополь,
Там Рим Второй, там древняя стена...
Я видел и тебя, Константинополь.

Наш Третий Рим страшнее первых двух –
Стрелецких казней сатанинский дух
Был русскими прочувствован и понят.
Наш Вечный Город не для слабаков –
Божественные сорок сороков
И отпоют тебя, и похоронят.

И как отметил старец Филофей
В скуфейке старой, вечности трофей,

«Четвертому не быть!» И как проказы
Бойтся мир, напичканный трухой,
Не русской смуты, подлой и бухой,
А этой гордой стариковской фразы...

* * *

Я родился здесь, но в другой стране.
И умру я здесь, но в стране другой.
И моей страны не увидеть мне.
Так вот всё и кончилось, дорогой.

В Беловежской тьме, под еловый скрип
Ведь не я же спяну порол бузу,
Я под сенью тихих дворянских лип
Тридцать лет мечтал переждать грозу!

Неужели здесь вещий князь Олег
Повелел щитом заслонить Царьград?
Неужели здесь возле вольных рек
Поднялся кремлей-куличей парад?!

Костромич седой в сапогах тугих!
Здесь убил тебя горделивый лях?
...Помирай скорей, непродажный стих!
Замерзай в валютных своих полях.

Вспоминая Адама Мицкевича

1

О Matka Boska! Только цепи
И рабство видел ты вокруг.
И шире аккерманской степи
Россия мерзлая, мой друг.

Ее ты не окинешь взором –
Сугробы, избы, сучий лай.
И смотрит на тебя с укором
И называет катом, вором
Жандарм Европы – Николай.

Россию доброй и открытой
Так и не смог ты увидеть.
К чему ж о Речи Посполитой
И убиваться, и страдать?

Жизнь – это радость, а не битва.
Ты посвяти ее молитвам,
Фиалкам, бабочкам, стригам.
Твой стон страдальческий «O Litwo!»
Шмелям понятен и ужам.

Услышать ангельское пенье
Порой мешает гордый нрав.
Жизнь – не борьба и не мученье.
И это польское шипенье
Сольется с шумом диких трав...

2

Сочинял свои вирши – и только,
Помогали мазурка и полька
Удержать мотылька на весу.
И смолистые гладил иголки
В придорожном сосновом лесу.

Почему этот юноша странный,
Что родился в литовском краю,
Так жестоко и так бездыханно
Ненавидел Россию мою?

Бедный шляхтич крестьянские страхи
Не познал и в посконной рубаше
Под конвоем не шастал в Сибирь.
Но мерещились царские плахи,
Соловецкий седой монастырь.

Этот зуд диссидентства подкожный
Вмиг вылечивал холод острожный,
Но Европа манила его.
Ну, а Польша – сосняк придорожный,
Las iglasty*, не больше того.

3

Белорус писал по-польски
О любви к своей Литве...
В мире плоском, мире скользком
Все стоит на голове.

И не вспомнить, сколько крови
Было пролито зазря.
Ждите, гордые панове,
Что взойдет для вас заря.

Что по прихоти придурка
Вдруг забьют фонтаны тут,
Танцевать начнут мазурку
И черкес, и алеут.

В деревнях – кривые вилы,
Грош в мозолистой руке,
Шепелявит ксендз унылый
На латинском языке.

* Хвойный лес (польск.).

И Станислав Понятовский,
Polski Król и князь литовский
Смотрит в зеркало с утра.
Но прошла его пора.

Он и мухи не обидит.
В том зеркале он не видит
Нищету родных долин.
Лишь тебя он ненавидит,
Полунощный господин

Той страны, где только выюги
Ночевали искони...
А родился б ты в Калуге –
Был бы Пушкину сродни.

* * *

Помню все – облепиховый куст,
Прилежанье улиток оглохших
И кузнечиков сорокоуст –
Поминанье живых и усопших.

Пролетарскую волю травы,
Мать-и-мачехи раннюю зрелость
И небесную блажь синевы,
И апрельской листвы мягкотелость.

И крутую тропинку к Оке,
И кривые замерзшие лужи,
И синицу в озябшей руке,
Что ничем журавля и не хуже.

И цикорий на впалых лугах,
Буераки, овраги, канавы,
И галоши на тощих ногах
Пожилой домработницы Клавы,

Что, устав от уборок своих,
Спит на кладбище «Красная Этна».
И трехдольный некрасовский стих,
Что под ветром январским притих,
И тоску, что всегда беспредметна.

Андрей НОВИКОВ

Родился в 1961 году в с. Алабузино Тверской (Калининской) области. После службы в армии окончил Литературный институт им. А. М. Горького, факультет поэзии (семинар В. Кострова). Работал журналистом в местных изданиях, специальным корреспондентом РИА Новости по Липецкой области, главным редактором газеты «Город Лип».

Публиковался в «Литературной газете», «Московском комсомольце»; в журналах «Нева», «Сибирские огни», «Сура», «Байкал», «Симбирск», «Нижний Новгород», «Подъем», «Артикль» (Тель-Авив), «Русское Эхо», «Сибирь», «Зензивер», «Крым» и других российских и зарубежных изданиях. Автор шести книг поэзии и прозы.

Секретарь СПР. Живёт в Липецке.

КРЕСТОМ ОСЕНИВ

Знаменатель

Игрива, шаловлива и шумна вторгалась жизнь и капала на темя,
И было только горе от ума, такое на дворе стояло время.
Еще не назревала смена вер и смена вех не шла еще насмарку.
И я гулял, примерный пионер, с мороженым по городскому парку.
Незримую вынашивая связь природа потрудились в самом деле –
Деревья образовывали вязь, в пластмассовых кустах

шмели гудели.

Среди скульптурных гипсовых химер, пенсионеров,
домино и шашек,

Коней педальных или, например, аттракционов,
простою страшных.

День хроникальный длился как изгой, на дежавю
мучительно похожий,

В нем янки все еще бомбят Ханой и Чингачгук воюет краснокожий.
Жизнь отрастила праздник, как кисту под скальпель

вездесущего мгновенья,

Мне все казалось: медленно расту, а это изменялся угол зренья.

В том знаменатель. Ищет двойника душа и лета зреет середина.

Как сахарная вата облака, в них запах овощного магазина.

Иду я, имя прежнее назвав, и жизни смысл сверяю с небесами,

Меня хранил кто, навсегда отстав, сухими улыбаются глазами.

За мною деревянный самокат на маленьких подшипниках

катился.

Не помню то, чему был страшно рад, не ведаю,

с чем навсегда простился.

Запретный город

Когда зима поднимет ворот,
Из индевеющих вершин,
Встает с утра запретный город,
Являясь, множеством личин.
В бетонных трубах предо мною,
Где зарево стоит в дымах,
Не за китайскою стенною,
А по соседству и впотьмах.

Его я плохо понимаю,
Но будет так, на все века –
Река во льду глухонемая,
С фигуркой дальней рыбака.

Так почему, чредой полосной,
Цехов искристые венцы,
Похожи, в смыслах переносных,
На поднебесные дворцы?

...Рабочий день толпу не нежит,
Трамвай устало дребезжит,
И наледь, как лиловый стержень,
Узорно стекла освежит.

Дол

Швыряет полдень на весы небес: где гром, а где прохладу.
Пастух, бегущий от грозы, застывшее у речки стадо.
Огонь и хлябь – благая весть, покуда в напряжение полном
Поток готов в запруду сесть перед раздвоенностью молний.
Они родят лиловый дым, по полю он ползет украдкой.
Куря и смешиваясь с ним, пастух дрожит под плащ-палаткой.
Осмысливая страх и вздор, пугливостъ вымокших животных,
Достал он красный помидор, лоб утерев ладонью потной.
И дух отчаянно хмельной, среди пернатых и растений,
Качают головой больной кусты в стеклянном оперенье.
И дол, в затишье на испуг явился, первозданно скроен,
Как будто делом наших рук освоен и благоустроен.

Видения

От ночных, непрочитанных бдений,
Бьет в ладоши большая луна,
Разругались фрагменты видений,
Не на ночь, а на все времена.

Друг на друга, столпившись, орали,
Призрак призрака драл за волосы,

Просто сытую жизнь выбирали,
Все как мы, и сопели носы.

И над всем – ощущение озноба,
Как одели в сырое белье,
И летали на крышке от гроба,
На весы бросив сердце мое.

Будет долго оно колотиться,
К равновесию чаши сведя,
Память выше – летает как птица,
Голоса уходящих будя.

Вот она, правда жизни тупая,
Бытия указующий перст.
Откупаюсь от них, отступаю,
И целую серебряный крест.

Прошлое

Однажды на блошином рынке
Купил я старые ботинки
И вытертый фотоальбом –
Страницы у него горбом.
Чужое прошлое тревожить,
Скажу: конечно, мы не можем!
К тому же и ботинки жмут –
У прошлого характер крут.
Но все же я открыл страницы
И увидел в разводах лица
Чужих, исчезнувших людей,
Во время полное идей.
Они так жили не тужили,
Росли, женились и дружили.
Учились. При холодных лбах,
Лежали смирненько в гробах.
Чреда веселых детских рожц,
Вот куплен первый «Запорожец».
И на его горбатый зад
Семейный нависает сад.
Курсант у моря чинит шлюпку,
Цыган на снимке курит трубку,
Легкоатлет назло врагам,
Глядит на стартовый наган.
А здесь на фото ели-пили,
Плясали, смешивая стили.
Потом уснули без прикрас,
Упав на старенький матрас.
Семейное чужое фото,
Увы, теперь листает кто-то,
Достав его из забытья.
И этот кто-то – это я!

Зачем? Понять, что время зыбко,
Что жизнь – досадная ошибка,
И в проявлении любом
Вмещается в один альбом...

Крестом осенив

Открой деревянные ставни,
Прохладу под вечер ищи.
Земля перемешана с камнем.
Крапива у дома на щи.

Здесь твердые помнят ладони
Нехитрый и бережный труд
И легкую лодку в затоне,
Где птицы на ветках замрут.

Над дверью прибита подкова,
Но счастье здесь было вчера.
И новая жизнь бестолково
Томится в прихожей с утра.

И дымка, в ней вера и горечь,
И отрок мужской говорок
В словесном попробует соре,
И взрослым уйдет за порог.

А следом и мне – удалиться,
Июня покой обрести,
В него мне осталось влюбиться
И лето осталось спасти.

И дождь неожиданный выждать,
В котором дорога суха.
Крестом осенив себя трижды
Под каверзный крик петуха.

Каллиграфия

Непостоянство кружит голову,
Дождем с утра укрыв края.
Вода мерцает в лужах оловом,
Вернувшись на круги своя.

Как в черно-белой фотографии
Контраст необходимо чист.
И мокрой шиной каллиграфию
Оставил велосипедист.

Геннадий ИВАНОВ

Родился в 1950 году в городе Бежецке Тверской области. Детство начиналось в деревне, в полях, в начальную школу ходил в бывший барский дом из имения Слепнёво, где когда-то жили и творили Николай Гумилёв и Анна Ахматова. Потом семья переехала в город Канда拉克шу на Кольский полуостров – там жили в бараке на берегу Белого моря, там окончил школу, оттуда уходил в армию, в арктическое плавание, там работал в районной газете и начал писать стихи.

Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Автор десяти книг стихов. Написал три книги очерков о своей малой родине «Знаменитые и известные бежечане». Лауреат ряда литературных премий, в том числе премии имени Ф.И. Тютчева «Русский путь». Первый секретарь Союза писателей России. Живёт в Москве.

БЫВАЕТ РАЙ В ДУШЕ И НА ЗЕМЛЕ

Стихи, написанные на борту атомной подлодки «Воронеж»

Короче время.
Уже двери.
И все предчувствуют беду...
И апокалипсиса звери
уже почти что на виду.

Спасенья нет в отраве-водке.
Всё тише ангелы поют.
И в атомной подводной лодке
печали мира
достают...

Январь 2021

* * *

Облака плывут, облака.
Словно в небе течет река...
И на этой-то на реке
пристань есть моя
вдалеке.

Да, хотелось бы – вдалеке.
Всё-то, всё у Бога в руке.
Дай ещё и жить, и терпеть...
Тут уж рифма идёт:
и петь.

* * *

Метель метафизически метёт –
Соединяет землю с небесами...
Зато душа лирически поёт
И просится в какие-нибудь сани!

И просит, чтоб не уходил домой,
Бродил в метели, песни распевая.
Ах, пой, душа! С метелью вместе пой,
Своей любви всемирной не скрывая.

* * *

Пересохла родина лягушек –
Этот пруд заилился, зарос...
Потому что никому не нужен.
Кто поднимет о пруде вопрос?

Связь времён, конечно же, распалась,
И конечно, мы же не рабы...
Никого в деревне не осталось.
Ни одной – как не было – избы.

Не осталось даже сельсовета,
И дорога поросла быльём.
Слава богу, что осталось лето.
Что остались солнышко и гром.

* * *

Не успел поглядеть за окно
На разлапистый клен и рябину,
А уже и зима, и темно,
И кругом все похоже на льдину.

Не успел, не успел, а уже...
А уже всё подходит к итогу.
И я понял – в бессмертной душе
Начинаются сборы в дорогу.

* * *

Года идут и незаметно тают.
Так во дворе растает снеговик...

Его земля родимая впитает,
и что-то паром в небо улетит.

Ах, снеговик! Тобой довольны дети.
Хороший ты и добрый ты на вид.
Так и стоял бы ты на белом свете...
Но обновление мира
не велит.

* * *

Каньон был залит до верху закатом.
Он поражал огромной глубиной.
Я на краю стоял – как малый атом,
А он – как Бог сиял передо мной!

Каньон Хунзахский – словно чудо света!
Он взволновал, открытием маня...
Нет, я подумал, песенка не спета,
Ещё волнует эта жизнь меня.

* * *

Копай, копай,
Копай, копай, копай...
Здесь будет сад,
Здесь будет светлый рай.
– Но рая быть не может на земле,
Земля, мы знаем, вся лежит во зле.

– А ты копай,
Потом увидишь сам,
Когда задышит осень по лесам...
Когда плоды, цветы – всё на столе!
Бывает рай в душе и на земле.

Об идеологии

1

Есть люди пафосного склада –
им обязательно нужна идеология,
национальная идея...
Есть люди грустного склада –
им не нужна идеология.
Им нужна просто жизнь...

Вопрос в том,
что нужно государству?
А ему нужно крепко стоять.
И тут больше подходят
люди пафосного склада,
которым нужна идеология.

А люди грустного склада –
это в основном мыслители,
учёные, поэты, музыканты,
художники, всякие затворники...
Государству они тоже очень нужны –
порой их приходится терпеть,
порой государство гордится ими,
бывает, что и уничтожает кого-то из них.

Люди всякие нужны.
Но государству нужна идеология –
И она появится.

2

Православие, самодержавие, народность –
это была идеология монархического государства.
Была буржуазная идеология,
идеология пролетариата,
которая перешла в идеологию
строителей коммунизма...
Сейчас мы живём в капиталистическом
государстве,
но невидимая рука рынка
не сделала людей счастливыми,
и многие хотят чего-то другого.

Говорят про идеологию патриотизма.
Но встречают сопротивление:
«Нам предлагают проявлять патриотизм
по отношению к капиталу?!
Возлюбить тех, кто нас эксплуатирует,
кто присваивает плоды нашего труда,
кто втайне, за ширмой красивых слов
и вычурных фраз, считает нас быдлом?...»

Идёт поиск идеологии.

Кто-то может сказать:
«Теория, мой друг, суха,
А древо жизни вечно зеленеет!» –
и будет прав.
Но не срубят ли наше древо жизни,
если у нас не будет достойной идеологии?
Она должна появиться.
И она появится.

Виктор ЛЯПИН

Родился в 1959 года в Кстове, Нижегородская область. Окончил Литинститут имени М. Горького (семинар Е.М. Винокурова) и журфак МГУ. Работал футболистом, журналистом, помощником мэра, дворником, сторожем.

Автор двух сборников стихов и нескольких сборников пьес. Стихи публиковались в журналах «Студенческий меридиан», «Литературная учеба», «Нижний Новгород», «Урал», в альманахах «Поэзия» и «Земляки». Участник ряда российских и международных театральных фестивалей. Пьесы поставлены в театрах России, Германии, Украины, Белоруссии, Казахстана, Чехии, Австралии, Албании.

Живет в Кстове.

КТО ГУЛЯЕТ С БРЕДНЕМ ПО ВОДЕ

* * *

Ты вписан в язык, ты всего лишь вписан в язык,
как в последний солнечный луч оконный блик,
как лодка в берег покатый,
как птица в лакуны заката,
как снег, что из прошлого мчит,
которого не было, нет и не будет.
Но вот на губах он горчит.
И слово уснувшее будит.

И ты говоришь, но молчишь,
потому что и ты —
из такого же прошлого, из немоты.
Очень немного слов
до соляных столбов,
и тишина никакая:
жизнь, смерть; возможно, любовь.
Бредешь меж них, спотыкаясь.

Лебяжья сторона

Леха, Леха, тракторист сердечный,
ты опять нам бревен не привез.
Запалить бы спичкою копеечной
весь ваш нищий, спившийся колхоз.

Что ж у вас тут, бог мой, за деревня,
где ни днем, ни ночью трезвых нет?
где и сельсоветчица-царевна
прокурила спиртом сельсовет?

...Ладно, брат. Тащи в кабину бредень
да снимай рубаху и штаны –
на реку твою ловить поедем
щук твоей лебяжьей стороны!

Пить нам, видно, воду-медовуху
и коровник ставить – до-о-о зимы.
Леха, Леха, друг, пропащий ухарь!
Раскрывай, дари свои холмы!

Где кукушка житный колос съела,
подавилась, жадная, спьяна.
Где стоит сметаной воздух белый
над пшеницей зрелой, как жена.

Где березы студят корневища,
сунув в родниковый, жгучий лед.
Где тобой распахано кладбище,
и оно тобой же зарастет.

Кто-то в мире пахарь, кто-то мытарь.
Наши пашни нам самим смешны.
Мы-то кто, Алеша? Леша, мы-то –
для твоей лебяжьей стороны?

Ты попроще, Леха, я поплоче –
но лежать нам рядом в борозде.
...Царство всем небесное, Алеша,
кто гуляет с бреднем по воде.

* * *

Ты бываешь, как осень, желанна,
но любить меня – все не с руки.
И как осень туманна и странна.
Ну и что ж? Ерунда. Пустяки.

Друг от друга обиды уносим.
Вот такая непрочная связь.
– Почему? Почему я, как осень? –
говоришь, то бурча, то смеясь.

Потому что она так же светит –
грустным пламенем поздних утрат.
Потому что она в сердце метит
и ледком охлаждает с утра.

Потому что к ее поцелуям,
как к прощаньям, привыкнуть не смог.
И отдавшись ей напропалую,
пропадаю, как легкий листок.

То грустишь, то твердишь ежечасно:
– Уходи. Позабудь. Не тревожь.

Ты бываешь, как осень, ненастна.
Мокрых веток жемчужная дрожь.

День прошел, словно путник безвестный.
Сам собой стерся горечи шов.
Ты бываешь, как осень, прелестна
в этой грусти сквозь сумерек шелк.

Разбежались. Сбежались. Влюбились.
И хоть эдак, хоть так, неправы.
Берега, что уснули, заилясь,
нежно кроет метелью листвы.

Собирались жить вечно. Как странно.
Словно дети поверили в ложь.
Ты бываешь, как осень, желанна,
и как осень, и даришь и жжешь.

Тонет вечер в дожде невесомом.
Заплутавшая чайка кричит.
И, густа от печалей бессонных,
Как вино твоя осень горчит.

* * *

Хлынет ливень, опоясанный
пышным листопадом.
Лес трясет цветными рясами,
как платками пагод.

Миг – и небо снова глянцево.
Дождь исчез, растаял.
И лишь шелест померанцевый
за собой оставил.

Лес дрожит от слез бессмысленных
и сквозь блеск нечеткий
вновь качает люльки с листьями
на ветвях-бечевках.

Только ветер рвет и мечется,
ярость страсти пенит,
заголяя, как буфетчицам,
у берез колени.

И предав черту оседлости,
позабыв проститься,
листья мчат в прощальной щедрости,
кружат в местном стиксе.

А малыш собрался хлеб нести
галкам, так и рвется –
как последний штрих волшебности
под озябшим солнцем.

* * *

Лес от неба отчеркнув,
в танец ветром заплетаем,
нарушая тишину
в соснах, сыплет снег и тает.

Чутких капель мокрый снег
сладок, чист и медоносен.
И очнется человек
возле теплой охры сосен.

Человек – ну, так себе,
не особо человечен.
Начудил в своей судьбе,
и не ангел, и не вечен.

И не более других
в чистых книгах отмечаем.
Дышит лес, от влаги тих.
Он навеки. Ты случаен.

Дятел бросит шишку в лоб
в красногрудом мщенье мелком,
и скакнет через сугроб
золотой кассандрой белка –

лучше б ты не льстил на
наши ели и красоты;
лучше б ты принес пшена –
хоть какой-то толк, хоть что-то...

* * *

Будет день, будет ангел, и скажешь
ты ему – грешен был или свят.
Сядешь в тень и ботинки развяжешь,
и спокойно посмотришь назад.

Прятать нечего, вся-то победа –
что совсем не погиб от греха.
Речь польется, и ваша беседа
будет, как откровенье, тиха.

После радостного, после злого
так приятно сидеть возле врат.
И промолвишь ты верное слово.
И заметишь, как спутник твой рад.

Под ветлою в прохладе приляжешь,
вспомнишь путь свой, пока не исчез.
...Будет день, будет ангел, и скажешь...
И поймешь – ангел то или бес.

Олег ПОГАСИЙ

Родился в Ленинграде в 1955 году. Окончил Карагандинский политехнический институт. Работал в Ленинграде инженером в строительном тресте. В настоящее время фрилансер. Публиковался в периодических изданиях России, Украины, Литвы, Израиля, в журнале «Дискавери».

Живет в Санкт-Петербурге.

ЛЕТУЧИЕ ЛОШАДИ

1

«А рубль к рупии всё-таки просел, как ни пыжился. Вровень дрейфуют, голубки... Развивающиеся экономики, — вполголоса сказал Чаплицкий, разглядывая через открытую дверь кафе на противоположной стороне узкой улочки двузначные цифры курса индийской валюты к доллару в обменнике. — В аэропорту дают меньше», — сказал себе. А кому ещё? Больше некому. Душному индийскому космосу, кромсаемому бульдожьими мордами вентиляторов? Официанту с бутылкой пива, завернутой в газету, идущему к его столику? Официант как будто понял, они любят делать вид, что понимают; покачал головой, — ответил: «Нет проблем, сэр, Индия... Спиртное с семи, но проблем нет — Индия — свободная страна». Поставил на столик эту кулему и, победоносно улыбаясь, по полу, сбрызнутому водой и развезённой по углам длинным веником грязью, в сланцах на босу ногу, расслабленно, с достоинством удалился в тощий проход за конторкой. А сказать хотелось на родном всегда в первые дни в другом языковом ареале. Чаплицкий, задумываясь над этим, приходил к выводу, что, вероятно на уровне подсознания, отождествляет себя с думающей, критически настроенной частью страны, сообщаемой остальному миру нечто. Носитель языка, мать вашу, Толстого и Достоевского, кровью и плотью впитавший все его светящиеся тонкости и тёмные глубины. Но закрадывались сомнения. А не снятие ли комплекса, проговаривание неуверенности, в себе, конечно же, в первую очередь? Напускание ложной значимости, в стремлении приподняться до тех же англичан, чувствующих себя везде как у себя дома, с непередаваемо небрежным ритмом на выдохе произносящих это своё «h»? Так и он, заряжая речь шипящими, вступал в позу некой исключительности: а попробуй, повтори? Англосаксам — никогда! А вот у азиатов получается. Но это быстро проходило... Судя по всему, у входа сидели тоже носители труднопроизносимых шипящих. Чаплицкий напрягся и прислушался... Да, — соотечественни-

ки. Больше говорить вслух не хотелось. Чаплицкий подраздел бутылку, освободив холодное горлышко от прилипшей к стеклу намокшей газеты, налил полный стакан и выпил. Прохлада и приподнятый градус настроения зашли в него. Он отодвинулся к стене за спину сидевшего за столиком впереди вайта, отгородившись от русскоговорящих. Вайтами Чаплицкий называл белолицых туристов. Наших и братьев по бывшему Союзу к ним не причислял. Из стран Восточной Европы тоже. Вентилятор волнами разгонял воздух. На стене трепыхался календарь с выцветшим многоруким, слогоголовым богом. Грязно-кирпичного цвета. На голове вайта вздымались лёгкие после мытья с проседью волосы. Они любят мыть голову и сбрызгиваться спреем. Чаплицкий раз в два-три дня становился под душ, если была в номере горячая вода. А что? А ему приятно побыть в парфюме индийских улиц. Чего скоблиться-то по несколько раз на день? Пропитаться, пропечься Индией. Специфическими запахами, коих великое множество, как страниц в Махабхарате. «Провонять в этом отстойнике» – как сказали бы вип-персоны на Мальдивах или Сейшелах. А потом босыми ногами ступать по прохладному кафелю душевой комнаты. Успокаивающая белизна раковины, весело поблёскивающий смеситель. И сам душ как благодать с небес! Хорошо потом сидеть в плетённом из тростника кресле и просматривать в телефоне фотки за день. Тёмное пятно на газете покрыло передовицу и дотянулось до экономического блока с графиком стоимости барреля нефти. Чаплицкий перевёл взгляд на календарь, пробежавшись по датам. Работа сделана. Карандаши в длинных, узких пачках с прорисованной золотистыми линиями танцующей полногрудой, крутопопой апсарой двумя контейнерами отправлены в Россию. Осталось время, как и рассчитывал, дней десять до самолёта. Его время. Наполнил стакан, выпил. Ножки стула со скрежетом поехали по керамическим плиткам. Чаплицкий поморщился. Налил полный стакан, выпил. Вайт поднялся, накинул рюкзачок на плечо. В майке навыпуск, чёрных шароварах, зауженных книзу, султанками зовутся. Пошёл к выходу. Чаплицкий разглядел наших. Нет, не ошибся – по обрывкам фраз вычислил: альпинисты. «Жумары, карабины, ледовый кулуар, тропить снег». Напрасно задвинулся, нормальные мужики. И есть что спросить, по делу, а не праздное любопытство. И тетрадка с собой оказалась. Неслучайно это, просто так ничего не бывает. «А? Не так ли, Индия все же, а не Лазурный берег какой-то!?» – вслух сказал слегка захмелевший Чаплицкий.

Альпинисты с блестящими от вазелина губами и облупленными носами сидели за пивом. С застывшими эмоциями, вернее, обожжённым оттиском отсутствия эмоций. Бронза их выточенных, как на медали, лиц резко контрастировала с дряблыми бледными мышцами рук. На высоте теряется мышечная масса. Это Чаплицкий знал. «Михаил», – протянул руку темноволосый. «Чапа», – представился Чаплицкий, скрепив знакомство рукопожатием. За рубежом он обычно так сокращал свой нейм, извывая себе от утомительного повторения сложно произносимой фамилии. Его так в детстве пацаны звали. И тут вырвалось. Второй, рыжий, Сергей, выглядел постарше: «Присаживайся, – выдвинул он из-за стола стул, сразу перейдя на “ты”. – Пиво будешь?» От пива Чапа деликатно отказался, но не отказал себе в любопытстве расспросить ребят, куда ходили. Да и то по большей части чтобы завязать разговор. «Нанда, – ответил Михаил – не получилось, не пустила гора». Сергей добавил, глянув на Михаила: «Надо раньше начинать и второй лагерь повыше ставить». Михаил согласился. «А-а, Нанда Деви, слышал, слышал

про такую, знаменитая гора!» – обрадовался, что в теме, Чапа и, выждав паузу, расстегнул рюкзак, и, покопавшись в нем, вытащил на стол тонкую ученическую тетрадку. «Не могу упустить случай и не помучить вас. А вдруг узнаете это место? – Чапа быстро пролистал страницы в блекло-голубую линейку, нашёл нужный разворот, подвинул к альпинистам. – Вот, смотрите. На других страницах контуры гор везде разные, а этот дважды повторяется – здесь и на последней с обложкой». Михаил безучастно глянул на волнообразную линию гор с острыми вершинами, рисованную простым карандашом на заднем плане, а впереди – вздыбленную в пирамиду, подписанную «Меру». «Этих Меру, как прыщей у подростка», – съязвил он и передал тетрадку Сергею. «Миша не в духе, Нанда была его мечтой, но мечта откладывается до следующего раза. Давай посмотрим, – примирительно посмотрел на Михаила и Чапу Сергей и взял тетрадку – Прыщей-то всего три. Один в Индии, другие в Непале, насколько я знаю. И прыщи не простые, а золотые. Гора Меру в индийской космогонии – центр вселенной». У Михаила дёрнулась щека: «У них всё непростое, заморочная религия... А до следующего раза дожить надо бы, да и деньги на экспу наскрести». «Тетрадка откуда, из “жюльверновской” бутылки? Ты растолкуй, что к чему, не мути воду, мы люди серьёзные на горы ходим, пустяками не занимаемся, – лукаво улыбнулся Сергей. – Зачем тебе эти Меру?». «Из чемодана», – ответил Чапа и, пока Сергей вглядывался в рисунок, рассказал, что его дед в советское время по служебной линии оказался в Гималаях, помогал строить дружественным странам гидростанции; вот и набросал горные хребты и пики. Его уже давно нет. Но тогда все бредили Америкой, Европой, Wrangler, Levi Strauss... никак не индийские джинсы. И сейчас никто ничего внятно сказать не может, но неопределённо – «где-то там». Нашёл на дне чемодана под грудой писем и фотографий. Бывает по работе в Индии, давно хотел в горах побывать, а как раскрыл тетрадку – проснулся дух приключений: по стопам деда пройти. Увидеть, соотнести: насколько точные глаз и рука предка? Пробовал разобраться с Меру, кое-что выяснил... «А что это за лошадка?» – перебил Сергей, проведя ногтем по краю пожелтевшей страницы, оставив белёсую линию под лошадью в облаках, с гривой расчёсанной ветром. «Не знаю, – придвинулся к столу Чапа, – я и не придал значения. Настроение разобрало, фантазии или – с натуры срисовал навьюченных на горных тропах и наверх поместил?». Сергей говорил уверенно: «Никакой натуры. Первое – это не гора в Индии. Индийская Меру с отвесными склонами, рельеф совсем другой. Высшая категория сложности, “шестёрка”; а на рисунке вполне доступная для любителей альпинизма в сопровождении с горными гидами. Было бы не просто сказать, какая из двух, не фотография же, по месту смотреть надо, с какой стороны срисована. Но лошадь даёт ключ к разгадке! Талунг – лошадь ветра. Помню этот впечатляющий, устремлённый к небу пик. Эта гора недалеко от Меру. Хорошо просматривается. В нашей команде, когда обследовали тот район для будущих экспедиций, мой напарник знал тибетские слова. Та – лошадь, лунг – ветер. Местные и показали моему деду название, и он над вершиной водрузил лошадь. Восток Непала, на границе с индийским штатом Сикким. Тебе – туда». Посмотрел на Михаила, как бы ища подтверждения. Глаза Михаила заискрились, потеплели. Он откупорил бутылку пива и сказал Сергею: «Ловко расставил фигуры, но играет, похоже на то». И подмигнул Чапе: «Неси свой стакан, выпьем, чтобы тебе повезло». Чапа тоже решил ехать туда. Ещё перед поездкой в Индию. Потратил

немало времени, примериваясь к склонам разных Меру на многочисленных фотографиях, выложенных в интернете. Остановился на выборе из двух. Бросил индийскую монету: выпала сторона с тремя львами, колонной императора Ашоки. Загадал, что если так ляжет, – поедет на восток Непала. А тут и лошадь оказалась неслучайно. Про деда соврал. Нет никакого деда из советского прошлого, разъезжающего по загранкомандировкам. Но чемодан есть. На антресоли, задвинутый в самый угол банками солений, с его, Чапы, тетрадами начальной школы по арифметике и русскому, исписанными фиолетовыми чернилами с красными отметками.

Липкая духота, толчея на улицах. Мокрая рубашка выделяет рельеф: хребет спины, впадины подмышек. В стирку! Завтра утром в дорогу. Но спасительный вечер! Зажигались гирлянды разноцветных лампочек и восклицательные знаки свечек в лавках первых этажей зданий, причудливой эклектики викторианского стиля с железобетонными монстрами, лишёнными всякого стиля. На домах беспорядочно висят рекламные щиты безвкусной расцветки с разноголосицей шрифтов на хинди и английском. На мёртвых балконах и отъехавших крышах хилые, потусторонние деревца. А из проводов свили на столбах страшные гнезда. Для птенцов драконов? Как они тут разбираются, к кому что идёт? И кто где живёт? Чапа задавал себе этот вопрос всякий раз, когда попадал в эту часть старого города, но сейчас всё было просто: хотел купить на завтра связку бананов. А что он должен был говорить альпинистам: что это его детские рисунки, что изрисовывал горами тетрадь за тетрадь, никогда не видевший вживую ничего выше Пулковских высот и валдайских холмов? Как бы на него посмотрели? Да, как-то ночью на поезде проехал Урал. Вот сохранился один артефакт в чемодане школьных тетрадей, припрятанных на память родителями. А «меру», между прочим, с маленькой буквы у него. Мало ли что могло означать. И к чему присобачил лошадь, так поди разбери спустя треть века. Но альпинисты его вдохновили.

Мясные лавки держат в основном мусульмане. У них длинные бороды и длинные, до колен, рубахи, застёгнутые на все пуговицы. Они отгоняют ветошью назойливых мух от разложенных на прилавках кусков мяса, похожих на розовый мрамор и синюшных с тощими шеями цыплячьих тушек. Но, приезжая в Индию, Чапа становится веганом. Фруктовые ряды дальше, за площадью. Перейти улицу не даёт вереница мужчин. Все в сине-белых клетчатых дхоти и темных рубашках навыпуск, как братья-близнецы. Высокие. Худые. Каста продавцов? Сколько их?! Одной рукой катят велосипеды, другой поддерживают в плоских корзинах на голове непроданный товар. Такие ни слова по-английски. «Глубинные» индийцы. И с чего бы страсть проснулась у Чапы клепать такие рисунки? Далёкая генная память, вдруг взорвавшая унылую плоскость настоящего? Или все-таки он имеет к этому самое прямое отношение? Прошлые жизни? Ух-х! – если так. Он помнит, как во втором классе ходил на секцию плавания в бассейн. Ходил нехотя. С доской из пенопласта отработывал движение ног, наглатываясь противной водой с хлоркой. Но зато сама дорога от дома шла вдоль траншеи с высоким отвалом грунта. Прокладывали теплотрассу. Ночью выпал снег. Бесконечная горная гряда, уходящая за мрачное здание спортивного комплекса. Шёл как зачарованный, отмечая взглядом каждый взлёт снежных вершин. Это он хорошо помнит. Ясные осенние дни. Жизнь советского пионера. Никаких там умеренных влияний из подозрительных книжек. Книжки-то были как у всех, правильные.

Чапа натянул капюшон куртки почти на глаза, поправил завернувшуюся лямку рюкзака, перевёл дыхание и продолжил подъем к выложенному из плоских камней дому с крышей, блестящей железными листами, придавленными тяжёлыми камнями. Приют для дошедших сюда горных туристов. Сияло выпотрошенное солнце, как подсолнух без семечек. А холодный ветер своими ледяными пальцами ощупывал одежду, выискивая лазейки забраться в оставшееся тепло Чапы. Брр! Пронзает до костей. Учащённо колотится сердце. Высота всё-таки. Нет, это не то место. Не катит, как ни давай волю воображению. Чапа несколько раз посиневшими от холода руками раскрывал тетрадку; вертел её и так и так, подстраивая под длинный снежный гребень с золотистым навесом тучек. Любоваться можно бесконечно, но ничего общего. И Меру живую совсем другая. Метрах в ста Чапа приметил тропинку, идущую по склону вверх, там, похоже, есть, как говорят – view point, надо посмотреть ещё оттуда. Но сначала согреться чаем и договориться о ночлеге. Ветер бил в железо крыши, в концертных залах это называется шумовой сценой, а здесь – крышей. Пемба, то ли сын хозяина, то ли нанятый из деревни – Чапа так и не понял, – растапливал железную печку, подбрасывая сушеный ячий навоз из ведра. Тут никто не живёт, заезжают на сезон. Чапа, вытянув босые ноги к открытой заслонке, ждал, когда Пемба вскипятит чай и сварит густой суп с длинной лапшой. Носки на проволоке, высокие трекинговые ботинки обращены нутром к раскалённой буржуйке, дышат жаром. Пемба не закрывал входную дверь, напускал холод; они никогда не закрывают за собой двери. Чапа каждый раз вставал, засовывал отогретые ноги в холодные резиновые шлёпанцы и шёл закрывать. Но заходил, выходил этот Пемба, и всё повторялось. Больше в доме не было никого. Они все весёлые. Чем выше живут, тем веселее. Пемба, улыбаясь, поглядывал на Чапу, громко, с удовольствием сморкался в кулак, вытирал с ладони слизь из носа о штаны, растягивая в улыбке раскосые глаза совсем в щёлочки. Вчера, на предыдущей стоянке, Чапе на брекфаст в диннер руме попала чужая тарелка с банана поридж. Чапа заказал овсянку на молоке, без бананов, но не стал мелочиться, бананы так бананы. Съел одну ложку этой каши, как тут из-под руки с ложкой, занесённой над тарелкой, увозится тарелка китчен боем, изображающего жизнерадостный конфуз. Китчен бой берет ложку с соседнего стола, быстро заглаживает ямку в ровную поверхность и относит ничего не подозревающему вайту, заждавшемуся банана поридж. Чай с имбирём бодрит, суп погружает в тёплую дрему, но скоро стемнеет и солнце уйдёт за горы, надо успеть подняться – а вдруг панорама оттуда сойдётся с рисунком? – ощупывал Чапа ещё сыроватые стельки ботинок. Носки высохли.

Пожар заходящего солнца, как история нашего ветхого мира, медленно сползающего с очарованием к неизбежному концу. В червонное золото одеты неприступные скальные взлёты до самых снежных шапок. Синечерные каменистые долины расположились на восток, пустынные и нагружающие сердце, нет, не тревогой – грустью. Внизу проскочил по крыше, как электрический разряд, зигзаг блика. Ветер стих. Время остановилось. Часы не идут. Слышно, как Пемба ставит ведро на камень, вода из тонкого шланга, проложенного из бурной речки, льётся, стучит в цинковое ведро. Но что там земное! – можно услышать, как на звезде, самой близкой к нашей планете, кто-то колотит молотком, если бы там была жизнь. Чапа ещё раз прошёлся взглядом по изрезанной линии гор. Но как это далеко от его рисунка... Сунул тетрадку в карман куртки, стал спускаться. Шорох,

птичий гомон за громадным камнем заставили остановиться, обойти его и заглянуть за этот осколок обрушившейся скалы. Большие черные птицы курлыкали, подпрыгивая, разметая, шумя крыльями, жёлтые лепестки цветов, и точечными звонкими ударами клевали зёрнышки риса. Цок-цок. Чапа прошёл на середину уступа неровно вымощенного булыжниками. Птицы отступили на несколько лапок, подняли головы, задвигали зрачками, наблюдая – что же дальше? Как будто посоветовались между собой, не обращая внимания на постороннего, продолжили клевать рис. Цок-цок. А одна, с белым пятном на груди, взлетела, уселась, покачиваясь, на плечо чучела с лохматой головой, но голым торсом, вылепленным, похоже, из глины. Странное чучело сидело, поджав под себя ноги, спиной к камню, лицом к заходящему солнцу. Или – это пугало, побратавшееся с птицами? Страж горного склона? Чапа подошёл ближе, нагнулся к этому экспонату, чтобы лучше разглядеть. Глаза – тусклые стекляшки. Рот, нос, уши – то ли есть, то ли нет. Ключицы выпирают, и ребра – можно на них сыграть, как на ксилофоне. Сам горчичного цвета. В волосы (из ячьей шерсти, что ли?) вплетены цветные лоскутки раздёрнанной материи. Хотел коснуться, ощутить из чего слеплен, протянул руку, но отдёргнул, как ошпаренную – живой! Экспонат шевельнулся! Померещилось? Нет! Глина задвигалась, задышала жизнью. Но лицо непроницаемо. Бомж? Нет. Бомжи в городах. Здесь и он, Чапа, как бомж. Аскет, ушедший в себя до нечувствительности ко всему внешнему! Чапу будто подожгло изнутри. Он вспыхнул желанием говорить с этим, на ледяном ветру в одной красной тряпке на чреслах, с этим... человеком, йогом. Не то что в городах, на площади Дурбар в Катманду, ходят тепличные, ярко разодетые и раскрашенные фейковые аскеты, от лавки к лавке, от туриста к туристу, с неизменным серебристым ведёрком для подаяния, в которое зашумит или отсыпанный рис, или зазвенят брошенные монеты. Этот – настоящий! «Намасте, таши делек», – поздоровался, поприветствовал Чапа. Ничего другого не знал. Остались английские слова. Но с этим глухо. С русскими шансов больше, шипящие всё же. Человек на ледяном ветру, будто кивнул ему, стекло глаз прояснилось, и он невразумительно прожевал какие-то слова в ответ. Нужен Пемба! Человек отвернулся, смахнул рукой птицу с плеча, и что-то ещё промышчал. Нужен Пемба! Чапа подошёл к обрыву и, разглядев внизу Пембу, что-то делающего у дома, крикнул во всё горло: «Пем-ба!». Увидев, как тот поднял голову и скинул ладонь, – энергично махнул рукой, подзывая к себе.

Пемба поднялся быстро, будто бежал по равнине. Дыхание ровное, лицо – спокойное. Опередив вопрос, так сразу и сказал: «Налджорпа». Чапа изобразил полный невруб, поморщился. «Нал-джор-па, – повторил Пемба с расстановкой, – йогин. Не мёрзнет». «И не горит», – по-русски пошутил Чапа. Пемба, как будто понял, заулыбался во всё широкоскулое узкоглазое лицо и высморкался в сторону. «Он спрашивает, что ты здесь делаешь, что хочешь найти? Туристы ходят ниже». Пемба оказался переводчиком что надо. Почтительно пригнув голову, тихо переспрашивал налджорпу, когда не понимал. «Закатом любуюсь», – придумал отговорку Чапа. Мысли, что ли, читает? И пока Пемба докладывал налджорпе, что Чапа любит закатом, случился в Чапе внезапный переворот – не будет выспрашивать о всяких эзотерических штучках, наподобие появления в одно время в разных местах продвинутой личности, чудесно растиражированной, реализовавшей свой духовный потенциал; а по делу – расскажет про тетрадку всё как на духу. Такое бывает раз в жизни. По адресу попал, то есть поднялся. Не упустить возможность. Что ответит? Так всё про тетрадку и сказал. Пемба посмотрел на Чапу с пониманием,

без иронии; они, бывает, подсмеиваются над западными пенсионерами и фриками, приехавшими открывать для себя духовность Востока. Чапа улавливал эти моменты. Нет, на полном серьёзе всё похоже изложил. У налджорпы стекляшки заискрились, блеснули огнём. «Просит показать тетрадку», – сказал Пемба. Чапа спешно вытащил тетрадку, раскрыл в нужном месте и протянул налджорпе. Тот взял её, повертел туда-сюда мохлястыми руками и, не заглянув в рисунки ради приличия, разорвал на половины. Выдрал несколько страниц – изорвал их. Чапа был ошарашен. Бросился остановить беспредел... Но – остановил себя – сам же напросился. Растерянно спросил Пембу: «Что налджорпа делает?» Пемба, поджав нижнюю губу, пожал плечами: «Рвёт твою тетрадку». Налджорпа положил рваньё у ног и приказным тоном промышчал Пембе. «Сожги, – перевёл Пемба, – всё, мы можем идти».

Налджорпа удалился в себя, превратился обратно в кусок глины, стерегущий пустоту. Стая птиц с шумом, раскричавшись, взлетела; черным полукругом зависнув над ущельем. Чапа поднял лохмотья бумаги и, скомкав, уколол палец скрепкой, запихал в карман. Спускаясь, обернулся – если этот и побелеет, посинеет – то не от холода, а от света луны и звёзд.

Ветер гудел в железной трубе печки, вставленной в потолок. Чапа грел руки, открыв заслонку. Он не в состоянии был осознать случившееся. Его горы превратились в дым, улетучившийся в небо. Пемба кипятил воду в громадном алюминиевом чайнике и сочувственно поглядывал на Чапу. В перчатках двумя руками стащил чайник с плиты на пол, вздохнул и, виновато потупившись, спросил:

– Ты же помнишь свой рисунок?

– Да, конечно, перед глазами эта линия.

– Сходи в Кхамбачен. Два дня дороги через Рамтанг. Там открывается вид на этот хребет. Может быть, это оттуда.

3

– Я тебя помню. Ты был здесь. – Хозяин лоджии, домика для туристов, подошёл к Чапе. Он долго ходил вокруг да около, приглядывался, бросая цепкие взгляды, пока тот, разгорячённый дневным переходом, отдыхая на широкой скамье, вытаскивал свитер из рюкзака. А теперь обрушился:

– Был, был, у меня хорошая память – постучал пальцем по виску.

– Никогда прежде, и близко к этим местам, – отнекивался Чапа, рассматривая визитку, всученную ему. – С кем-то спутали.

Кул Гурунг, пожилой, но с прямой осанкой, в традиционной непальской пилотке, остальное – непримечательно европейское, продолжал наседать. Усы, аккуратно стриженные. Нос с горбинкой. Глаза показались бесцветными. Гурунги – народность, обитающая в основном в центре страны. А этот, настырный, прижился, обзавёлся, здесь. «Маркетинговый приём. Завлечь к себе в хвосте туристического сезона», – рассуждал Чапа, сторонясь напора, делая вид, что занят перекладкой рюкзака. Но остановился у гурунга.

В диннер руме тепло, уютно, на столах матерчатые скатерти, на сиденьях стульев мягкие подушечки, в вазах искусственные розы. Чапа единственный постоялец на сегодня, пожилая французская чета, когда Чапа распаковывал рюкзак, мазалась кремом от солнца, готовилась продолжить трек, идти дальше, обмениваясь любезностями с гурунгом. На стене фотография: бравый, молодой Кул Гурунг в армейской форме,

в чёрном берете, сдвинутом лихо вбок. Чапа подошёл, прочитал под фотографией изречение, приписываемое индийскому маршалу: «Если кто-нибудь говорит, что он не боится смерти, то он или лжёт, или он – гуркха». Чапа слышал о гуркхах, храбрых солдатах, служащих в элитном английском и индийском спецназе. Набираются гуркхи из непальских горцев. Под фотографией, тускло поблёскивая, висел нож – кхукри. Видел такие в лавках. Выкованный из цельного куска стали, с кривым широким лезвием, заточенным с внутренней стороны. Боевое оружие.

Кул Гурунг источал самодовольство, смотрел в сторону, гордо приподняв подбородок, полуприкрыв глаза. Посвящал Чапу в славное прошлое и настоящее гуркхов: что гуркха предпочтёт смерть отступлению, что он прошёл жесточайший отбор, прежде чем был рекрутирован в английский спецназ. Воевал на Фолклендских островах и в Персидском заливе; видел королеву Великобритании, когда та с приветствием обходила их строй. Чапа ел суп с длинной лапшой, сдобренный жгучими приправами, слушал гурунга вполуха, кивал головой, а сам искал и никак не мог найти объяснения вчерашнему: ожидал всё что угодно, но только не такого бесславного конца своим детским рисункам. Что хотел этим сказать налджорпа, если вообще что-то хотел? Ночью Чапа поймал связь, дозволился в авиакомпанию, перенёс на неделю рейс, с этой петлёй в сторону боясь не успеть. Кул Гурунг было совсем забронзовевший, немного оттаял, в лице появилась мягкость. Он посмотрел на Чапу и с усмешкой сказал, что про гуркхов ходит немало, конечно, небылиц, анекдотов, есть и хорошие. «Английский офицер, стоя перед строем гуркхов спрашивает:

– Кто из вас согласен служить в десанте? Прыгать с самолёта в тыл врага.

– С какой высоты? – интересуются гуркхи.

– С трёх тысяч футов, – удивился вопросу офицер.

Из строя вышел только каждый третий.

– И это знаменитые бесстрашные гуркхи? – саркастически улыбнулся англичанин.

– Сэр, если бы самолёт летел ниже, согласились бы все, – ответили ему».

Кул Гурунг не увидев реакции Чапы, поспешил объяснить, что наивные горцы не предполагали, что им дадут парашюты!

Но Чапа, Чапа мучительно, до тонкостей, перебирал случившееся вчера; ладно, он был готов сразу отместить однозначное, слащавое разрешение своей истории, перед которым замирают сердца, начитавшихся Лобсанга Рампы или разномастной литературы по оккультизму, восторженных старушек или неокрепшего молодняка. И даже принять нелепость своего поискового предприятия. Но в другом исполнении. То, что вытворил налджорпа, не укладывалось в голове, ожидал подобного от кого угодно, но не от мистика, практикующего в сердце Гималаев. Но всё же Чапа опирался на неоспоримую, с проставленными отметками, фактуру своей тетрадки, без всякой подгонки, притягивания за уши. Это не плод надуманной, или воспалённой фантазии. Настоящий проток реализма, без отсылания в сомнительные туманные течения. Он был в недоумении. Посмотрел на Кул Гурунга и вяло улыбнулся.

А тот расслабился, растянул пуговицу на воротнике рубашки и сказал, что гуркхи, да, до последней капли крови ведут бой; но, как он считает сейчас, к истинному бесстрашию это не имеет отношения, так – где-то около того. Это нелегко понять. Ему трудно объяснить, не хватает слов. Когда нечего больше терять. Он обвёл окружность в пространстве

комнаты руками и глубоко выдохнул, как бы наполняя сферу, когда всего что вокруг – для тебя не существует, и ударил себя в грудь – «и тут!». А потом собрался и строго наставил Чапу, чтобы не покупал кхукри в туристических лавках. Там подделки, сталь мягкая.

4

– Эй, есть кто? – толкнул Чапа полуоткрытую дверь и прошёл в дощатый коридор. Единственная лоджия в Кхамбачене. Никого. До этого стучал; бил в колокольчик с красной ленточкой над дверью. Откинул длинную, до пола, синюю выцветшую замаранную занавеску, будто о неё вытирают руки, с вышитым бежевым символом посередине; знал, что это – «Бесконечный узел», чем-то напоминавший ему известные невозможные фигуры с нарушением логики пространства, но этот узел все-таки завязывается. Да ещё как! По ступенькам поднялся в просторную комнату. Громко откашлялся и сел за длинный стол. Похоже, в доме никого. Ему некуда больше сегодня идти. Если что, ляжет на полу, закроет себя в спальник, а завтра дойдёт, посмотрит на гребень – и быстро назад, спуск, к гурунгу – должен успеть. Комната выстужена, неуютно, пол грязный, у стола две лавки без спинок. Времянка-столовая, для бригады рабочих в полевых условиях, не хватает перечницы, из которой не выбить перец, и солонки с грязноватой солью, так бы Чапа определил; но есть отличие – на стене внушительных размеров тханка, традиционное изображение просветлённых существ. Чапа не торопился снимать пуховик, давно не топили; на столе картонка меню, оклеенная прозрачной плёнкой. Набор неизменный, но цены ползут вослед за высотой. Сложнее доставка. Залаяла собака, дверь распахнулась, вошёл невысокий, неопределённого возраста невзрачный тип, плоское лицо, клочковатая борода, в ветровке поверх свитера, посмотрел на Чапу монгольскими глазами. Поздоровались. «Да, можно остаться, сейчас придёт Лакпа, он растопит печку; что френд будет заказывать к диннеру?» И ушёл.

Ждать пришлось долго. Коротая время, Чапа подошёл разглядеть тханку. В огненном зареве на золотистом овальном постаменте, в виде раскрытого лотоса, во весь рост – синий великан. Со зверским выражением лица, грубо говоря, натягивает красную женщину, обхватившую ногами его чресла, в страсти запрокинувшую голову. Там много чего ещё. Гирляндой обвитой вокруг туловища отрубленные головы с синюшным оттенком и черепа сияющие белизной. Под огромными ступнями синего раздавленные, как мокрицы, люди. «Демчог», – прочитал Чапа приклеенную бумажку с английскими буквами под тханкой. Демон и демоница – это в прямом смысле если только; но... просветлённые существа вроде.

Залаяла собака, зашёл невзрачный, за ним женщина в расстёгнутой надувной куртке, тёмном платье до пола, переднике в цветную полоску; с длинной чёрной косой во всю спину. «Повариха из той же столовой, если убрать особенности внешности», – откомментировал себе Чапа, – с заспанным лицом. Невзрачный принялся, хлопотать, раздувать огонь в печке, а женщина взяла со стола картонку меню, протянула Чапе и сказала: «Меня зовут Лакпа», – скользнув по нему отсутствующим взглядом.

Спал Чапа плохо, рванный сон. Ему отвели комнатку рядом со столовой. Топчан, застеленный засаленным одеялом, дохлая подушка, без наволочки. Свеча на подоконнике. Чапа сразу запалил, скатав распотрошённый фитиль; расплавил низ и приклеил к подоконнику. Всё же огонёк – будет теплее. Расстегнул молнию спальника, раскрыл его, накрылся, на голову –

вязаную шапочку. Было не согреться, пробирало до основ его уже даже небытия. Ворочался, погружаясь в забытье, дрему. Грань между сном и явью – почти неразличима. Отмучившись так, в полночь проснулся, действительно проснулся – пространство комнаты – трёхмерное, предметы выпуклые, под дверью полоска света; нет, не может быть это сном. Его разбудило завораживающее восходящее пение. Высокий женский голос в безнадёжной сладости ощущения момента жизни, граничащей с лихорадочным восторгом, забирался вверх. Чапа слушал, затаив дыхание. Но теплота чувств, наполнявших голос, по мере восхождения осыпалась, как высушенная краска, в отрешённость, отдающую бесцветным оттенком. Дальше голос замирал. Вальсировал, парил, парил в безмятежности, вытягиваясь в бесконечную прямую линию – чего? жизни? или есть что-то другое? – как вдруг пение обрывалось, резко переходило в неуправляемый, истерический хохот, камнепадом несущийся вниз, в жуткую бездну. И огонёк свечи, вклеенной в подоконник, Чапа чётко отмечал это, жил в аккомпанемент голосу, то вытягивался в светящуюся нить, половина темноту, то, будто настигнутый ветром, метался в безысходности отчаянными всплесками, почти умирая. Так повторялось несколько раз. Потом голос исчез. Дверь открылась. В проёме стояла Лакпа с распущенными волосами в длинном алом халате с большими белыми пуговицами. Чапа приподнялся, оперся локтями о топчан и замер в ожидании. Тишина, не гробовая, а – здешневселенская; слышалась свеча, как она горит. Лакпа вошла в комнату, запахнула халат и выразительными движениями рук показала Чапе: раздевайся, снимай всё. Чапа судорожно задвигал глазами, губы пересохли. Её лицо прописано ясностью, никакой аморфности; гладкие чуть втянутые щеки, лучше – ланиты, свет очей утягивают черные зрачки. Груды дышат, с желтоватыми разводами от полыхающей свечи выточены, как из мрамора, темнеет нежнейшая ямка живота, длинные полноватые ноги, бритый лобок... Чапа пришёл в сильное возбуждение. Его... да, его лингам стал каменным, соорудив горку на плотных брюках походного покроя. Лакпа подошла, торопя жестами: «Ну, что, что задумался?» Чапа встал, снял всё, кроме рубашки, расстегнув пуговицы до последней. Говоря совсем просто, у них был секс. Лакпа подошла вплотную, обхватив Чапу руками за плечи, подтянулась и забросила ноги, взяв Чапу ими в кольцо. Освободила одну руку, взяла лингам и вставила в свои врата блаженства. Тепло, мягкое искрящееся тепло за всю прошлую настоящую и будущую жизни заполнили Чапу, не оставив ни микрона для чего другого. Чапа потерял все предыдущие размышления – и установки жизни снесло неуправляемым потоком, как сметает дамбы на пути, вырвавшаяся из берегов после землетрясения горная река. Он переживал землетрясение своего тела и ума. Ничего не оставалось. Не было никак чувств, но и не сказать, что он был бесчувствен, как чурбан, нет... Не было никаких знаний. Но и не значит, что он был невменяемым идиотом, нет... Ему больше не надо было ничего достигать, стремиться, боясь не успеть, но это не означало, что он парализован инфантилизмом. Нет. В нем не было страха за своё время жизни. И это было счастье. А пуговицы на халате Лакпы вращались, поблёскивали мёртвой белизной черепов, а отрубленных голов видно не было, либо они были вне видимости. Но Чапе эти страхи теперь побоку: мёртвые головы и черепа – тёмные пороки, ослепительные страсти, прошлые заблуждения его ума, отрубленные им же самым мечом на пути к освобождению, это так Чапа интерпретировал ужасы тханки, в которую всматривался вчера вечером; а у него на данный момент появилась, как из ниоткуда, другая голова, и на плечах, и глаза хлопают. Внезапно, никогда бы не подумал, пришло

разрешение неразрешимого ещё с отрочества задаваемого себе вопроса: можно ли представить бесконечность? Нет. Или конечность? Нет – всегда там что-то дальше. А тут пришло, свалилось – это неразрешимо, если мыслишь себя и всё остальное отдельно, черту проводишь между миром и собой, а если уничтожаешь или лучше – разоблачаешь, выворачиваешь на свет свою сущность, как тот Демчог, – и вопроса такого нет.

Чапа чувствовал себя с утра рассеянным, не в своей тарелке. Искал, находил манибелт, опять терял, перерывал рюкзак, заглядывал под топчан, кошель оказывался под подушкой. Поддевал вилкой медузу белка яичницы (заказывал же омлет), освобождая два желтка, чтобы подцепить их на хлеб. Не получалось. Проглотил глазунью как есть.

– Сколько должен за всё? – спросил невзрачного.

Тот скорчил извинительную гримасу:

– Сколько дадите.

– А кто пел ночью, или – слышалось? – положил Чапа на меню 500 индийских рупий, оставшихся с Индии.

– Лакпа, некоторые считают её медиумом, она не помнит себя в трансе; но другие говорят, что больная, сумасшедшая, – пожал плечами, выдав красноречивый жест, вскинутой раскрытой ладонью с растопыренными пальцами, означающий у них что угодно. – Она сейчас выйдет, хочет попрощаться.

Лакпа в том же, до пят, тёмном платье, переднике в цветную полоску; но чёрная с вплетённой красной ленточкой коса перекинута на грудь. Её лицо светилось застенчивой, детской улыбкой, и она протянула голубой, расшитый цветными нитками мешочек со шнурком. Затянула шнурок и сказала, что там рис и лепестки цветка, какого Чапа не понял. Сказала, чтобы имел при себе. Чапа был растроган, ему захотелось обнять её, прижать к себе крепко-крепко и так держать, не отпуская. Он обнял её, коснулся щекой её тёплых губ... Что-то сказал на прощание и медлил, не находил момента уйти. А Лакпа спохватилась, всплеснула руками и вытащила откуда-то из своего платья какой-то рулон, размотала его – цветные флажки на верёвке, с рисунком лошади, вокруг мелкий текст иероглифами.

– Это лунгта – кони ветра, ступы ими обвешаны, они на крышах монастырей и домов. – Повесь у себя в комнате.

Воздух, как алмаз, спит и давит. Холодная острая высота горного хребта в сияющих провалах, взлётах, изломах. Шлось легко, подъем пологий. Чапа надеялся увидеть искомую панораму, хотя для него это перестало быть животрепещущей необходимостью, так ради любопытства. Он свободен от прошлого, как и от будущего, искать то и другое – что разглядывать линии жизни ладони, поводя по ним безымянным пальцем другой руки. Абсолютно бесперспективное занятие. Так Чапа понимал это сейчас. А что будет завтра, кто знает? Он, конечно, пройдёт эти последние метры, увидит хребет, и – да! – зарисует виденное, прочертит извилистую линию. Наверно – да не наверно – а точно! – положит этот рисунок в чемодан на антресоли... Чапа оторвал глаза от тропы и глянул вверх. По темно-синему небу плыли лёгкие штрихи облаков; но если добавить фантазии – увидится лошадь, летящая во весь опор, с серебристой гривой...

Чапа прибавил шаг, надо успеть вернуться к гурунгу засветло. И не забыть – как появится связь, позвонить в офис – предупредить, что задерживается на неделю. Когда он следующий раз посмотрел на небо – одна синева, а лошади и след простыл.

Павел ПЕРМЯКОВ

Родился в 1975 году. Детство и юность провел в Латвии, Риге, с 1990 года и по сей день живет в Иерусалиме. Работает в издательстве международного журнала.

РАССКАЗЫ

«Теперь осень. Зима впереди», – сказал про себя старый лодочник Иосиф.

– Где ты? Где ты? – кричал женский голос в тумане.

Разбросанные по полу косточки вишен лежали, уподобив себя ненужным вещам, но все же оставаясь частью целого.

Некто во тьме крался вдоль длинных заборов, и чей-то голос шептал на чужом языке. И Иосифу стало страшно. Он вспомнил, как год назад похожей ночью точно так же он пытался внушить себе, что всё благополучно и спокойно. А теперь он умирает. Один, в своём последнем убежище, которое кормило его и утешало все эти годы. Смерть зашла к нему в гости и, позабыв о времени, осталась с ним навсегда.

Женщина вдали заголосила вновь, взывая к его имени, его образу, который, как он чувствовал, стал распадаться с каждым, пока ещё доступным ему вздохом.

Зазвучала музыка, запели голоса.

«Во мне столько всего жило», – подумал Иосиф.

Разгребая ногами тяжёлую прелую листву, он шёл по лесу, чтобы выйти к морю и у самого берега, очнувшись разумом, ясными словами произнести: «Я ждал тебя всю жизнь, но ты так и не пришла ко мне».

Горячие слёзы катились по его морщинистому лицу, истончаясь и остывая, пока не исчезли вовсе, оставляя после себя лишь слабый солоноватый след.

В тёмной комнате, освещённой крохотным огарком свечи, спасались от забвения его вещи. Расстелив перед собой зыбкие тени, они молчали и думали ту же думу, что и старый лодочник, проходя в его памяти добрыми воспоминаниями. Но и они не были спокойны. В их лёгком дыхании постепенно застывали картины прошлого, и когда женщина, ведомая инстинктом, снова воззвала к своему мужу, то они затрепетали, пугаясь неведомого.

Они часто спорили сами с собой и друг с другом во тьме минут, в ожидании прихода хозяина, о том, другом мире, который настанет, после того как все окончательно уйдут. А теперь он умирает.

Предметы были знакомы со смертью; её обитель была между мирами, граничащими с теми, какими они станут и какими они были раньше, и долгие беседы с ней не убедили их в её добром покровительстве, хоть и примирили с ним.

Иосиф снова вздохнул. Покачиваясь на воде, он ощущал, как убаюкивающие руки стали мягче, податливее, будто свободно отрешаясь от него и тихо выпуская из своих объятий. Горечь прикоснулась к его дыханию, обесцвечивая его лицо, и ему смертельно захотелось вскрикнуть, как когда-то, во времена ещё сильного чувства к себе и ко всему миру.

Но затем он понял, что лишь пристально всматриваясь в тёмное пространство, он сможет разглядеть в ней ту, которую призывал к себе многие годы.

Отдаляясь, уплывая вдаль и становясь всё меньше, Иосиф не был умиротворён, несмотря на его недвижимое в наступающей тьме тело.

Когда наступает холод, на небе царит пронзительная синева и, кружась, падают белые игольчатые хлопья, все знают – пришла зима. Но старый дед Василий, пребывая в тёплом, окутывающем его с ног до головы полусне грезил весну и лето, раскинувшуюся повсюду в цветущей зелени и наполненную жизнью землю, не принимая настоящую действительность – зима пришла.

В своём старом, за покосившейся оградой, доме, он был застигнут непогодой и, не желая вступать с ней ни в какие отношения, погрузился в свой внутренний мир, подолгу сидя на холодной печи, волнуя себя полузабытым прошлым и перебирая в памяти осколки воспоминаний.

Хозяйство его постепенно пришло в упадок, а поскольку жил он в одиночестве, то предчувствие скорой смерти заглядывало под его крышу всё чаще. Действительно, на белом свете не осталось никого, кто был с ним раньше и сопровождал его в пути, разделяя беды и радости.

Сегодня дед Василий прожевал утром те немногие куски хлеба, которые у него ещё оставались, и слабыми ногами дошёл до печи. Он долго не мог одолеть её, но, взбравшись, сразу же застыл на ней, устало опустив подбородок себе на грудь.

Шли долгие часы, в вечерней тишине, тихо падая на мёрзлую землю и становясь белоснежным покрывалом, опускался снег, превращая её собой в подобие молчаливого голоса, который скрывается в груди каждого, кто окажется в это время года вне дома.

Полуслепыми глазами дед Василий смотрел вдаль, не замечая перемен за окном, но видя перед собой лишь лозу, возвращённую своими руками, – по ней бежал, струясь вверх тёмными ягодами, спелый виноград.

Гроздьё спускались с неё тяжёлыми кудрями, и руки его чувствовали, как пульсирующая в них сила стремилась выйти наружу к другой силе, заключённой в жилах, артериях, биении его собственного сердца.

Не желая смущать лозу инородным телом, он никогда не использовал инструмент – железо было из иной стихии; лишь человеческие руки, он был уверен, могли прикасаться к ней, не возмущив своим вторжением её природу.

Скрипнула дверь, пробежал лёгкий ветер, и воздух окутал Василия нежным ароматом. Затем чуть слышное, то приближающееся, то ухо-

дящее вдаль жужжание невидимого насекомого тронуло его слух, и одновременно с этим он снова почувствовал в своих ладонях тяжелые гроздья.

Не удержавшись, он открыл рот и положил между зубами спелую ягоду. Вспыхнув вкусом, она проникла в самые отдалённые уголки его сознания, молниеносно окрасив собой уснувшие чувства и воскресив на мгновение много прошедших времён, от которых, как он думал, уже ничего не осталось. Нежданно вспомнившие жизнь дни замерли в озаренной светом глубине, но еще до того, как он успел рассмотреть их, они стали таять, пока, истончившись, не исчезли навсегда.

Взмахнув широким крылом, большая чёрная птица пролетела, бросив свою тень над Василием, ждущим яркое и неутомимое солнце, которое, храня мечту о его возвращении, теперь созывало свои бесчисленные лучи, чтобы устремить их силу в сторону наступающей на него тьмы.

Эфраиму было немного за сорок, когда он обнаружил в себе способность парить. Не летать, нет, а именно парить в нескольких сантиметрах над землёй, а точнее, своей кроватью. Впервые он столкнулся с этим явлением одним ранним утром, когда прозвеневший будильник заставил его вынырнуть мучительно и тягуче из какого-то очень приятного для него сна, которого, увы, он не запомнил.

Тем утром, слабой рукой заставив умолкнуть взбудораженный механизм, он неожиданно для себя ещё в полудрёме почувствовал необыкновенную лёгкость во всём теле. Приняв это за последствие сна, он попытался снова погрузиться в сладкую дремоту. Однако это ему не удалось, и он решил окончательно просыпаться, чтобы не опоздать на работу. И вот тогда он впервые почувствовал, что каким-то чудесным образом приподнялся над своей кроватью всем телом и буквально воспарил над ней.

«Чудно», — подумал он и, дотронувшись до основания кровати, попытался с неё встать. Это удалось ему лишь с нескольких попыток, во время которых его охватывала паника, после которой он погружался в лёгкую меланхолию и состояние полной обречённости от ощущения своего нового и неожиданного состояния.

С тех пор, днем привычно существуя в повседневной жизни, ночью Эфраим принимал горизонтальное положение и зависал в воздухе, словно невесомое облако. Смирившись со своим новым состоянием и засыпая, он представлял себя плывущим по воде, тем самым отвлекая от реальности свой испуганный ощущением невесомости ум.

Шли дни ежедневных забот в адвокатской конторе, где он служил уже много лет и где ничего экстраординарного с ним, помимо его небольшой тайны, в которую он решил не посвящать никого, не происходило. Всё так и осталось бы неизменным на долгие годы, если бы судьба не решила вмешаться в его жизнь ещё раз.

В одну из ночей ему показалось, что прямо под ним, между телом и поверхностью матраца, начали происходить странные вещи: уже привычно воспарив и готовясь отойти ко сну, он услышал под собой слабый писк.

«Мыши, — подумал он первое, что пришло в голову, — подо мной завелись мыши», — он изловчился и пошевелил под собой рукой. Ничего

особенного не нащупав, он облегчённо вздохнул, как вдруг снова услышал внизу на этот раз уже шипящий звук, а затем невнятное бормотание, как будто говорили с дефектом на каком-то малознакомом ему языке. «Латынь, – удивился Эфраим, припоминая университетский курс, – или английский, – засомневался он. Но мгновение спустя, словно очнувшись, встрепенулся: – Какая латынь, ведь это произносят прямо подо мной, это невозможно!» Действительно, источник звуков находился на небольшом пространстве в два пальца толщиной, между ним и его постелью.

Он провёл бессонную ночь, чуть не сойдя с ума, в бреду и полусне прислушиваясь к исходившему из-под него бормотанию, шёпоту и писку. Наутро всё прекратилось так же внезапно, как и началось, и Эфраим с чёрными кругами под глазами пошёл на работу.

Весь последующий день ему чудились звуки, доносящиеся из-под стола рядом с мусорным ведром для бумаг, либо в углу, где стоял копировальный аппарат, а иногда даже из собственного кармана пиджака.

«Это от недосыпания и общего нервного расстройства», – успокаивал он себя и решил принимать теперь перед сном лёгкое снотворное. Однако и на следующую ночь уже практически во власти сна к нему просачивались из темноты шёпоты, бормотание и даже слабые повизгивания. Наутро, проснувшись совершенно разбитым, он позвонил в контору и сказался больным.

«Странно, но сейчас нет никаких звуков!» – вернувшись в кровать, с облегчением отметил про себя Эфраим и со стоном измученного обстоятельствами человека натянул на голову одеяло, оголив при этом худые ноги. Пробыв в таком состоянии ещё некоторое время, он нервно сбросил его с себя и с шумом вдохнул воздух. Перед его глазами замельтешили мушки, поплыли радужные круги, а затем всё исчезло. Абсолютно всё! Эфраим внезапно перестал видеть. Его комната, где он спал, прикроватный столик, окно с тюлевой занавеской – всё это, видимое им бесчисленное количество раз, сейчас растворилось во тьме. Эфраим понял, что в одночасье лишился зрения, попросту ослеп.

Парализованный страхом, в полном мраке паря над собственной кроватью, он лежал, вытянув руки вдоль тела, не видя знакомого мира и не представляя себе, как жить дальше. Эфраим не знал, сколько времени он пробыл в таком оцепенении, пока не почувствовал сильный толчок, выведший его из полумёртвого состояния. Он дёрнулся и ощутил, как куда-то поплыл, неожиданно почувствовав своё тело гибким, сильным и постепенно согреваясь от быстрого движения.

Плавники располагались вдоль его нового чешуйчатого тела, а подвижный хвост был теперь на месте, где ранее существовали ноги. Он быстро продвигался вперёд и одновременно с этим как бы с ленцой думал о происходящих с ним переменах. Это были не стройные короткие мысли, к которым он приучил себя за время службы нотариусом, а плавные, в такт ровному движению переливы сознания, где, как в жидкости, плавали то одно, то другое утверждения. «Слава богу, всё разрешилось, я плыву», или: «Наконец-то течение благоприятное», и потом: «Прохладно, но лучше, чем в кровати и с одеялом».

Вытянув длинную шучью голову в чёрную, увлекающую его на глубину даль и совершенно не боясь неизвестности, которая при иных обстоятельствах показалась бы ему пугающей и куда бы он по своей воле раньше не решился бы устремиться никогда, Эфраим плыл, изгибая своё рыбье тело, подчинившись подводным течениям, забирающим его всё дальше от родного дома.

Спустя некоторое время он стал различать в абсолютном мраке светящуюся точку и, немного увеличив скорость, вскоре очутился возле большого окна, освещённого изнутри мягким светом лампы, стоявшей посреди круглого стола.

«А жизнь ведь только начинается», – подумал Эфраим, невозмутимо вплавая через открытое окно и мягко ложась на блюдо прямо под освещение. Бормочущие голоса, невнятная речь и слабое попискивание мягко коснулись его уха. Но затем постепенно, с возрастающей силой, как будто увеличивалась громкость радиоприёмника, звуки стали нарастать, пока не заполнили собой всю комнату.

И тогда он явственно различил среди них позвякивание бокалов, скрежет ножей о тарелки и отчётливые людские голоса. Шла неторопливая беседа. Мужчины и женщины вели её, вкушая блюда и время от времени чокаясь бокалами.

А вскоре мужской бас невнятно от заполнившей его рот пищи произнёс: «Пожалуй, теперь можно перейти и к рыбе». И Эфраим вновь ощутил знакомое чувство парения, а затем почувствовал, как холодное лезвие ножа плавно вонзается ему в бок и он погружается в беззвучный мрак.

Рассвет занимался с медлительностью руки художника, неспешно кладущего краски на раскинувшуюся повсюду землю и смущённо-го тем, что они, пока ещё не выразительные и блёклые, безразлично ложились на холст природы, совсем рядом и вдали, вплоть до самого горизонта.

От нескончаемой жизни вросшая в землю древняя мельница днём терпеливо вращала до изнеможения лопастями, безуспешно стараясь охватить раскинувшееся над собой небо, но сейчас, на исходе ночи отдыхая на безветрии, она уже впитывала наступление нового дня, стремясь поскорее избавиться от оков тьмы.

Выбежавший на пригорок хромоногий пёс залился на появившегося из ниоткуда непрошеного гостя застоявшимся в самой глубине его звериной души лаем. То был я, продрогший взбирающийся путник, с нескончаемым упорством таптывающий своим посохом комья дикой травы в податливую землю.

Приблизившись к не унимающейся собаке, я внимательно и дружелюбно, стараясь отыскать взгляд, посмотрел ей в глаза. Мне это удалось, и она тотчас смолкла, установив со мной молчаливую связь.

Завидев неподалёку покосившуюся избу, я стал колебаться, стоит ли мне тревожить хозяев в столь ранний час, но вскоре обнаружил себя уже возле их двери. Не решаясь постучать, я замер в нерешительности, но внезапно дверь отворилась, и хозяин показался на пороге. Это был уже седой, но ещё вполне крепкий мужчина.

Уже сидя за столом перед большой тарелкой еды, я понял, судя по звукам, которые этот человек издавал, пытаюсь что-то сказать мне, что он нем. Его большие, словно придавленные невидимым грузом и привлеченные к тяжелому труду мозолистые руки мирно покоились на темной столешнице; они были грубые, перепачканные разноцветной краской и одновременно очень ладные, такие, что я с трудом мог оторвать от них свой взгляд, настолько гармоничными они казались мне.

Когда я уходил и уже переступал, слегка пригнувшись, порог этого гостеприимного дома, то за спиной неожиданно услышал, как чей-то звонкий девичий голос окликнул меня по имени. Я обернулся, но никого, за исключением хозяина, грузно сидящего в полутьме, разглядеть не смог.

С тех пор я часто вспоминаю странного безмолвного мельника, уготившего меня трапезой и вслед позвавшего по имени.

Скорбь

У одной коровы было три уха. Иногда случалось, что от летней жары два из них опадали, подобно увядшим листьям лопуха, и, уныло свисая по сторонам, мешали слушать корове всю полноту творящейся вокруг неё жизни. Зато третье ухо у неё было сильным и стойким, и особенным!

На крыльце своего дома, рядом с коровой, обернув цветастым платком сморщенное лицо, подолгу сидела, шевеля губами и смотря вдаль подслеповатыми глазами, старуха.

Корова обладала меланхоличным характером и на соседствующую рядом с ней женщину внимания практически не обращала, предпочитая лениво размышлять в полуденной тишине о своей особенной доле. Третье ухо, которое у неё находилось между двумя обычными другими, прямо надо лбом, было крайне чутким инструментом, улавливающим даже самые слабые звуки.

Так, сегодня утром она явно слышала тихое биение старухино сердца, сквозь которое пробивались слова утешения, обращённые к себе самой и исполненные горечью воспоминаний о давно утраченной молодости, когда она, стройная и быстроногая, бегала наперегонки с подружками, убегая от мнимой угрозы догоняющих их парней. «Было, было дело!» – вскрикивало её уставшее от жизни сердце.

Корова, не до конца понимая этих волнений, жевала растущую повсюду сочную траву и время от времени поглядывала на неё своим коровьим мягким взглядом.

Проходившие мимо крестьяне, ненадолго останавливающиеся возле их дома, а затем спешащие прочь по своим неотложным делам, успевали обронить как бы невзначай в коровье ухо два-три слова, идущих из потаённых глубин своих душ и от этого очень ценных.

Но корова, очевидно, не осознавала всей ценности услышанных ею откровений, иначе могла ли бы она оставаться настолько равнодушной?

Ведь были это в основном мольбы о возвращении безвозвратно ушедших дней, о том, что не сумели вовремя успеть сделать и как недополучили по несправедливости, считали они, от горемычной жизни своей многих благ.

И каждый раз, проходя сквозь её ухо, тихие и настойчивые людские голоса творили лёгкую брешь в её собственном сердце. До этих пор, не имея сожаления о судьбе своей и не задумываясь над течением собственных дней, живя по инерции, она вдруг стала приобретать некую чувственность и затаённую силу, накапливаемую от всех тревог неисполненных людских желаний, протекающих сквозь неё, как собственных.

Шли дни, и корова всё чаще становилась задумчивой, с тревогой прислушиваясь к родному сердцу и недоумённо качая головой в такт

его глухому биению, ставшему теперь внимательно отзываться на услышанные ею слова.

А иногда будто электрический ток пробегал у неё где-то внутри тела, сотрясая его и затем продолжая болезненно отзываться в течение всего дня. И она, таким образом, становилась всё более чуткой и восприимчивой к чужой боли.

Прошло совсем немного времени, возможно, месяц или два, когда из коровы стало проглядывать существо иной природы. Внешне она почти не изменилась, возможно, только челюсти стали двигаться более энергично да взгляд потерял прежнюю отрешенность и стал цепким, живо интересующимся всем вокруг. А необыкновенное третье ухо её, уменьшившись, стало совсем крошечным, словно подчёркивая этим свою малую внешнюю значимость.

Теперь в скрытом от глаз месте, в тишине коровьей души и спокойном биении её сердца воцарился новый порядок – боль каждого, накопленная от многих проходящих мимо и осев на стенках её собственного внутреннего мира, всё чаще пробуждала в ней до того незнакомую, но сейчас уже ставшую привычной скорбь, шедшую от воспалённых печалью чужих сердец, чьи тела в обиде на свою убывающую жизнь могли лишь слабо восклицать о своих зря прожитых днях.

Мёртвая корова, укрывшись собственной тенью, лежала чуть поодаль от покосившегося крыльца с сидящей на нём в цветастом платке и меланхолично шевелящей губами кособокой старухой. Со стороны казалось, что перемены, коснувшиеся этого небольшого пространства с двором, избой, старухой, безжизненной скотиной, никоим образом не могут повлиять на остальной близлежащий мир, однако, приблизившись, можно было разглядеть, что корова, уже начавшая уходить нетвёрдыми шагами в разверзшуюся перед ней бездну природы, но ещё не окончательно покинувшая этот мир, как будто взяла в последнюю минуту своего существования на себя все тяготы и скрытые, загнанные в глубину печальные чувства и мысли всех проходящих мимо людей, которых было за её долгую жизнь немало.

Скончавшаяся, словно утерьявшая ключ к главным воротам, за которыми хранится разгадка её собственной жизни, она смотрела ясным непрерывающимся взором вдаль, будто скорбя вместе со всеми о своих днях, которые могли быть, но не стали более желанными, как мечтала она сама, ещё будучи юной и сильной.

Лето в этом году выдалось жаркое, душливное, и, когда осень, наконец, запоздало взглянула мне в окно, я вздохнул с облегчением – россыпь ярких красок и влажные запахи слились для меня в этот момент в единое ощущение счастья.

Слетев с дерева и импровизируя в полёте, вниз устремился оранжевый кленовый лист; зрачок мгновенно уловил перемены, и от самых веток до земли им был сделан ряд снимков на память, точнее для памяти, тотчас помещённые невидимым слугой в её недра, для лучшей сохранности тёмные и прохладные, рядом с аккуратно сложенными другими такими же снимками.

Что-то отвлекло меня, и, когда я вновь посмотрел за окно, то прежнее очарование, очевидно, испугавшись клише, было утеряно. Истрёпанная

ветрами улица, пристально вглядываясь в моё лицо, смотрела на меня своим внимательным взглядом – не заметил ли подмены?

Я сделал вид, что всё осталось на своих местах, и, чтобы отогнать ворожбу, громко закашлял. Лето действительно отступило – прохлады, преодолев врата форточки, метнулась раз, другой на моё лицо и словно раскрывла передо мной чистую страницу – новое знакомство, исполненное подступившей грусти, шелестом листьев и запахом угасающей жизни.

Я поднял с пола кусочек засохшей краски; ультрамарин казался частицей моря, которого не видел никогда, ибо прожил в окружении городского наваждения столько времени, что мир для меня мог выглядеть лишь так – скоплением умирающего цвета, но я знал, что где-то там, за бескрайними просторами земли, жила, лаская волнами синеву, волшебная страна.

И теперь, с волнением рассматривая эту частицу, несущую в себе воспоминание о далёкой стихии, и ощущая на губах вкус собственной крови, я вглядывался в неё будто в зеркало собственной души – робко и одновременно с тайным желанием постичь её тёмную глубину. Зачем? Очевидно, из-за любопытства – правда ли, что там, в бездне, таится первопричина всего сущего?

Тяжёлая усталость разлилась по моему телу, и я опустил в глубокое кресло, чувствуя, что его мягкие объятия уже не выпустят меня. Но вдруг, внезапной дробью застучав в мои барабанные перепонки, случилось чудо – мир словно очнулся от долгого сна, брызнув на меня яркими красками, всеми, которые существовали в палитре.

А потом я увидел море. Тихим рокотом, издавелека наполняя звуками прибоя пространство, в котором я начинал жить, и подавляя своей волей вездесущий воздух, оно, несущее чистую величавую гибель, неумолимо накатывающее и желанное, показалось мне настолько прекрасным, что я позабыл название города, в котором жил, своё имя и то, из-за чего я оказался в этой комнате, одиноко сидящий в кресле у окна и устремивший свой взгляд на петляющую вдаль дорогу.

Настала зима. Лениво кружась, окрашивая собой улицы и переулки, снег падал на почерневшую от мороза стылую землю. В поднимающемся к небу из печных труб белом дыме царил холод; мальчик знал это, как и то, что на улице, став одним из озябших прохожих и выдыхая изо рта воздух, можно увидеть его превращение в полупрозрачную и таящую на глазах вату. Снаружи было неуютно, но сейчас он был в тепле, дома, под защитой толстых стен и всего, что окружало его, – домашних предметов.

Андрюша стоял у окна на кухне и терпеливо мыл, слегка наклонясь над раковиной, свою тарелку, внимательно в неё вглядываясь и аккуратно оттирая то, что осталось на ней после обеда.

Закончив, он повернулся и подошёл к другому окну, выходившему на тихий и опустошённый зимою двор. Мальчик чувствовал, что именно так, наблюдая за падением снега и равномерным укрытием земли белым одеялом, он становится мудрее и лучше, созерцая и познавая природу в её полном одиночестве.

Сегодня он болел, и мама не отправила его в школу. Перевязав его шею тёплым платком, она наказала ему пить горячий чай и принимать лекарства.

Андрюше было приготовлено два лежащих на столе небольших белых овала, и он, взглянув на них, вспомнил, что когда-то уже пробовал таблетки на вкус и они были горькие. От этого ему стало беспокойно, но он отступил от окна, чтобы послушно взять одну из них и проглотить, как велела мать.

Однако что-то более сильное, чем следование её наставлению, остановило его, и он, обернувшись, вновь устремил свой взгляд на постепенно замерзающую жизнь двора.

Мальчик стоял, сплющив свой нос об оконное стекло, не двигаясь и наблюдая в тишине за приходом зимы, и так ему стало счастливо от этого чувства наступившего беззвучного блаженства, что он замер, умиротворённый и недвижимый, стараясь продлить эти кроткие минуты как можно дольше.

Ему казалось, что он растворился в этом смолкнувшем на время мире, став частью его, и теперь сам состоял из снега, падающего на землю, двора, потерявшего свой привычный цвет, дома, терпеливо переносившего невзгоды зимы, тёмной кухни, наполнившейся уютом, стекла, хрупко спасающего квартиру от холода.

Андрюша думал спокойными мыслями о том, что счастье, настоящее счастье и состоит в этом простом созерцании мира. И что скоро, скорее, чем он может себе представить, оно покинет его, волшебство растает под гнётом взрослого мира, под тяжестью надуманных и настоящих забот, под взглядами серьёзных молчаливых людей. Либо отступит, просто не желая принимать в себя шум, суету и нескончаемое движение, лишь забывая, забывая себя для мальчика.

А может, он и не думал об этом, а просто стоял, глядя на открывшееся перед ним убелённое зимою пространство, лишь внимая чувству, которое, посетив его сегодняшним утром, теперь останется с ним навсегда, в хранящей драгоценные переживания памяти.

Где твои вещи?

Однажды у одной маленькой девочки случилось несчастье – у неё пропал букварь. Затем пропал школьный пенал, потом ранец и в довершение всего один из бантов на голове.

Она страшно расстроилась и даже заплакала, потому как не знала, что сказать родителям о пропаже. Каким же образом эти вещи так быстро исчезли из её жизни, она не задумывалась.

Она решила выдумать историю, в которую должны были поверить её родители и не наказывать её. Вначале это была история о некой плохой девочке, которая отобрала у неё вещи, но она была отвергнута, потому что училась в очень хорошей привилегированной школе, где не было девочек с дурными наклонностями. Потом ей в голову пришла мысль об учительнице-воровке, но и эта история не понравилась как неправдоподобная. Тогда она решила, что лучше всего будет просто не сознаваться ни в чём.

И теперь на вопрос родителей «Где твои вещи?» она лишь молчала, крутила головой в разные стороны и издавала слабые ничего не значащие звуки.

Так она росла, пока не выросла в большую женщину. Но даже будучи взрослой, она никогда не признавалась в содеянном, если чувствовала, что это могло не понравиться другим.

Можно сказать, что она была несчастливой девочкой, ставшей взрослой несчастливой тётёй. И чтобы хоть как-то веселить себя, она стала незаметно забирать у других людей разные вещи. Но особенно ей нравились вещи маленьких девочек.

В один из дней она забрала у одной такой девочки букварь, школьный пенал и ранец. А чуть позже незаметно сняла с её головы и один из бантов.

Пальма

Я хотел бы жить на пальме. Только там я был бы счастлив. В её густой шевелюре, навешаемый редкими птицам и, главное, вдали от людей я нашёл бы своё душевное умиротворение и покой. Вы спросите, не одиноко ли мне будет? Я отвечу вам – нет, преисполненное теплом солнце да живительный дождь – вот мои настоящие друзья, те, с которыми досуг мой будет желанен.

Я соберусь туда, на пальму, одним чудесным вечером, когда суета, шум и заботы дня вновь попытаются взять надо мной верх и сомкнуть на мне свои безжалостные объятия.

Она стоит, бросая тень на землю, в вершине её мечтает ветер, ствол силён и устремляется в небеса. Она прекрасна. Сохраните её для меня.

Штольня. Темно. Последний луч света, поблуждав среди стен, теперь навсегда затерялся в черном пространстве. Увы, это была надежда, которой больше нет! Очевидно, мы не выживем, и нас никогда не найдут в этом проклятом месте. Любопытно было одно – умрём мы от голода, от жажды или наш разум не выдержит в конце концов пытки одиночества?

Сначала мы съели того, третьего. Честно говоря, он мне никогда не нравился. Даже мёртвый, он источал какой-то дух неприязни, пошло-го противостояния нам, коллективу. Мясо ещё куда ни шло, но жилы! Всё от непосильного труда здесь, глубоко под землёй. Не нравится мне это. Если мы отсюда выберемся, даю слово, я назову его именем своё домашнее животное.

А пока, увы, нам приходится мириться с обстоятельствами – холодом и оглушающей пустотой мрака. От отсутствия света теряешь осознание самого себя, своих частей тела: рук, ног, головы. Мы ели его тоже в крошечной тьме, а как иначе?

Это было прекрасно – забыть на время про ужасающий голод, воющий зверем и вырывающий своими когтями нутро. Наверное, так чувствовали себя и остальные. Иначе почему мы подрались, стараясь нанести друг другу как можно больше увечий? Я знаю, я чувую – тот, что справа, припрятал кусочек, наверняка самый вкусный. Ничего, и до него дело дойдёт!

Глупые, они полагали, что, уничтожив осязаемое, они предадут тлену и бессмертный дух! А впрочем, ничего они не думали. Просто хотели есть. До дикого, умопомрачающего состояния разума, когда это и не разум вовсе, а лишь одна безумная лютая мысль, мечущаяся в замкну-

том пространстве без какой-либо надежды на обретение покоя. Я рад, что смог доставить им невероятное наслаждение. И хотя они не любили меня, я прощаю им то, что они поступили так со мной безо всякого предупреждения.

Клубникой пахло повсюду. Терпкие, пахнущие зрелой клубникой невидимые поля полностью загромождали мои чувства и совершенно не давали возможность ощутить другие запахи. Даже глухой ночью, когда все усталые обитатели одеревенелых трущоб спали, а я лежал на разворошенной постели без сна, этот сладкий запах упорно пробивал себе путь сквозь мои дремлющие нервы – прямо в бодрствующее сознание!

Под конец второй недели этот всепроникающий аромат стал для меня непереносимой пыткой, он перерос, казалось, самое себя и устремился в вечность, в студёные космические просторы.

Это было невыносимо – я сходил с ума, я недоумевал, силясь отгадать загадку его происхождения, но загадочнее всего было то, что, по-видимому, этого неудобства никто не замечал кроме меня, по крайней мере, не высказывал своего недовольствия публично.

И только спустя несколько недель я понял, отчего с такой навязчивостью запах настигал меня, а настигая, выхаживал своей сладостной плёткой. Я понял это в одно мгновение, и сразу же мне стало легче, как будто груз, лежащий на моих терпеливых плечах, внезапно улетучился бестелесным призраком в дрожащем пространстве.

Запах клубники был вездесущ благодаря тому, что она и в самом деле заполнила собой всё вокруг. И никто в целом людском мире не замечал этого, а я – да! Клубника стала нашим домом, точнее – наш дом стал ею, и всё окончательно также осуществилось её природой: дома, улицы, автомобили, вся дикая и прирученная природа – всё было она.

Таким образом, этот запах был вполне естествен и вездесущ именно в силу её обитания – повсеместно! Но самое благое для меня заключалось в том, что с момента осознания происходящего меня абсолютно перестал беспокоить её аромат.

Он исчез. И всё встало на свои места.

Фрида

К концу лета, когда в воздухе уже чувствуется запах прелых листьев, порывы холодного ветра так и норовят сорвать с головы шляпу, а в небе всё чаще раздаются протяжные журавлиные крики, в нашем доме, нашем милом пристанище, который мы так любим и своими сердцами согреваем во время осаждающей его стены непогоды, когда, кажется, весь мир настроен против него и лишь мы, его верные жильцы, служим ему оплотом, случилось происшествие.

Наша жизнь состояла из размеренных и избавленных от потрясений спокойных дней. Нам всё было понятно. Нам всё было очевидно. Как вдруг такое происшествие – в нашем доме поселился ящер!

Поначалу Фрида, моя жена, увидев его, восприняла это как откровенное предательство. Она вскочила с постели и закричала ночью в пустой коридор:

– Ах ты сволочь, этим ты нам отплатил?! Мы холили тебя, лелеяли, чистили крыльцо, белили снаружи. Внутри мыли-вымывали. А ты, паршивец, посмел приютить тварь хвостатую, холодную, гладкую на ощупь!

Дом содрогнулся, но выстоял.

Фрида искренне захотела, чтобы и я присоединился к её причитаниям, но это было не по мне. Наоборот, я возжелал познакомиться с чудной тварью поближе, узнать, как она живёт и о чём думает, словом, подружиться с ней. Я хотел сделать это незаметно, чтобы жена ничего не заподозрила и не бранилась чрезмерно. И вскоре такой случай представился.

Одним поздним вечером я спустился в подвал, где обитал ящер. Я светил себе фонариком, выхватывающим из тьмы причудливые тени предметов, кашлял от пыли, путался ногами в старье и был уже не рад, что пришёл сюда. Но вот спустя минуту луч моего фонаря нащупал длинное тело. Это был он. Ящер глянул на меня своим остекленевшим глазом и повернул длинную голову вбок, как бы намекая на протяжённость своего жизненного пути.

Я приблизился к нему и увидел в слабом свете все его великолепное тело – обтянутые прекрасной кожей могучие мышцы, длинный тёмный хвост и юркий язык, появляющийся на мгновение для того, чтобы снова исчезнуть. Именно этот язык меня и заворожил. Его заострённый кончик, без усталости пробуящий окружающий мир на вкус, словно убеждаясь всякий раз в нереальности происходящего, но не теряющий надежду на лучшее истолкование жизни, говорил со мной. Голос был с хрипотцой, очень глубокий и проникновенный голос.

Я слушал его, тихонько раскачиваясь, как в лёгком трансе, пропуская через себя необычную вибрирующую речь. Это было потрясающе и незабываемо, казалось, так может продолжаться вечно. Я замер, боясь нарушить таинство, но тут Фрида закричала сверху: «Куда ты запропастился, мерзавец, я тут одна в тёмном и страшном доме, с этой жуткой тварью!»

Мне захотелось сказать ей: «Жена, стой, не бранись, лучше спустайся к нам и послушай мудрого ящера». Но я ничего не произнёс вслух. Вместо этого я наклонился к живому существу и посмотрел ему в глаза. Его взгляд отразил меня самого, и я понял, как плохо мне было до этого момента, как бесцельно прожил я свою жизнь, на что разменял её драгоценные минуты.

«Спасибо», – только и мог я с горечью произнести шёпотом.

Ящер закрыл глаза. И я закрыл свои. Мы молча пребывали в тишине, каждый слушая свою жизнь.

Фрида наверху в своей комнате тоже сомкнула веки. Она спала.

А потом он снова заговорил со мной.

Из глубины моей растрескавшейся души я смотрю на мир глазами слепого ребёнка, лишь слабо ощущая капли дождя на своём лице и могильные прекрасные запахи мокрой земли.

Ветер воет, норовя вырвать звук из моей пересохшей глотки, и чувство, которое я забыл, вновь пытается найти себе дорогу к сжавшемуся от страха сердцу.

Повсюду ночь. И даже если я выйду в море, то, носом зарываясь в беспокойные волны, лодка моя ничего не вспомнит, кроме скрипа весел да ненасытных ударов о борт чёрной воды.

Бесконечные ветреные дни. Мой дом находится на холме, его крыша покрыта коростой ржавого мха, и повсюду камень и только лишь камень. За домом небольшой чахлый сад, но существует ли он на самом деле? Тьма скрывает от меня правду. Порывы ветра немилосердно отвешивают оплеухи моему лицу, впрочем, уверен ли я и в этом? Сплошные вопросы, на которые нет ответа в мире, в котором я живу.

Бывает так: ранним холодным утром на губах соль, как щедрый дар от раскинувшегося у подножия горы моря; вместо глаз – щели, рождённые попытками непогоды проникнуть внутрь меня; мрак, отступающий с чудовищной неохотой; последние звёзды на небосводе и чувство, скребущееся внутри, навязчивой тупой болью напоминающее – ты жив!

Во время последнего лунного затмения, когда забытый богами луч, пометавшись, наконец, вырвался из нашего мира и растаял в глубине обморочного неба, я стоял на пороге дома и, пытаясь усмирить накалывающую на моё сердце влагу, ждал. Ждал, когда отсутствие света окончательно поглотит меня, дабы убедиться самому – всё существует, покуда я есть, и всё будет существовать, когда меня уже не станет. Время останавливалось всякий раз, когда я прислушивался к себе, и вновь ускорялось, если я забывал себя.

В благодати одиночества я виню себя той неуголённой виной, что не смог, возможно, не захотел, возможно, отверг, возможно, не сделал невозможное и не отшвырнул от себя то, что присуще человеку и делает его человеком – лицемерную маску покоя небожителя, смиренно лежащую на ещё младенческое лицо, врастающую в его нежную кожу с самых первых дней.

Что имею я под ней? Кровоточащее месиво распадающейся плоти; ручьи мысленного ужаса и содрогание грохочущего пульса, проходящего волнами по всему телу; непрекращающийся кошмар неразделённого ни с кем осознания происходящего; мучительную дрожь вечно агонизирующего в груди сердца; своё имя, застрявшее на гнили зубов.

Что дальше? Этого не знает никто. Хотя, возможно, именно вы и знаете.

Снимите свою маску!

Вячеслав НЕМИРОВ

Родился в 2000 году в Москве. В 2018 году поступил на филологический факультет Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. Публиковался в журнале «Волга». Живет в Москве.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Последний день зимней сессии. Царских времён здание педагогического института нависает над тоненькой змейкой улочки. Хилым голубоватым светом горят три окошка на четвёртом этаже. У одного из них можно заметить тщедушную фигурку. То ли больной ребёнок, то ли старик – непонятно.

«Сигануть бы в окно – и в лепешку, – посмеиваясь про себя, думает профессор Альберт Владленович. – А что? Даже оригинально. “На восемьдесят девятом году жизни нас покинул дэ точка филол точка эн точка Супротивцев А точка Вэ точка. Вся кафедра истории русской литературы скорбит и приносит близким свои искренние соболезнования”. Хотя, кому приносить-то? Не напишут, что с собой покончил. А то пересуды пойдут, что в маразме был – на экзамене из окна прыгнул, совсем обезумел. Да про безумие уже и так разговоры идут. Не знаю, что ли? Обидно. А может, и правда. “Скорбит вся кафедра...” Конечно, скорбят они. Профессорская ставка пуста не бывает. Шевцов особенно доволен будет. Жопой в ладушки сыграет, как говорит... говорила моя бабка, Авдотья Архиповна, прости Бог её душу. Сколько мне было тогда, когда её не стало? Помню, отец ещё в консерватории работал, но я уже чего-то понимал, значит, – дай Бог памяти, – около семи, наверное. Восемьдесят два года назад. В восемьдесят два Володька Котляров умер, прости Бог его душу, дельный был, одобрял я его. Ему по-хорошему-то не в науку надо было, он поэт был. Поэт! Восемьдесят два. В восемьдесят втором мы с Верочкой квартиру получили».

– ...поэтому можно говорить о том, что в «Братьях Карамазовых» Достоевский подводит итог многим философским вопросам, которые он ставил в предыдущих произведениях, но нельзя отрицать и того, что новые вопросы появляются разные, продолжают какие-то. – Заканчивает утомительную чеканно-пономарскую речь тоненькая некрасивая девочка, кажется, с головы до самых кончиков пальцев ног покрытая веснушками.

– Что ж, ответ дельный, одобряю, – «Как зовут? Забыл. Маша? Марина? Чёрт с ней», – коллега. Пятерку я вам безусловно поставлю. Хороших каникул вам.

«Прости Бог мою душу, ну, сколько там ещё осталось?» – Альберт Владленович снял старомодные андроповские очки. Потёр воспалён-

но-пунцовую переносицу. «Сколько я их уже отслушал? Так, это была Юдина, слава тебе, Господи. Отлично. Только Яшкина осталась. Ботинки не промокнули по такой слякоти? А утром-то ещё сухо было. Вот залепил снег-то. Залепил».

Осторожное «тук-тук». Дверь аудитории приоткрылась. В проёме показалась головка коротко стриженной девочки. «Подумать только, и вот эта через пару лет замуж выйдет, она в куклы-то не наигралась», – профессор снял очки и протёр их замшевой тряпочкой.

– Альберт Владленович, можно? – Вечно тихая, незаметная Яшкина и сейчас говорит полушёпотом.

– Да-да, проходите, коллега. Тяните билет, готовьтесь, у вас пятнадцать минут.

«Не хочу слушать, бу-бу-бу-бу, что я там новое услышу? Она хоть слово новое скажет? Яшкина. На каждом семинаре – в каждой бочке, аккуратно-ненько так руку поднимет и, как по учебнику, всё перескажет. Не хочу».

– Вы, коллега Яшкина, ответ на листочке кратенько, тезисно запишите, я прочту, если вопросов не будет, то сразу на каникулы с пятёркой отправитесь.

Студентка почерком прописей для первоклассников выводила на двойном листочке что-то о соотношении рассказа и повести в творчестве Толстого. Движения мерные, строчит как заведенная. Или нет, на швею похожа – стежочек за стежком. Альберт Владленович решил размять затекшие ноги, стал расхаживать по аудитории: от окна к двери, а от двери – к окну.

«Вот и ей пятёрку. И всем пятёрку. Напишет. Согласен. Пять. Каждый день. Согласен-согласен-согласен. Сколько же это можно? На кафедре читают тезисы. Согласен. “Дедушка, мы с Костей решили в Израиль уезжать, но мы тебя навещать будем”. Согласен. Бог с вами. Шевченко защищался: диссертация слабая, дрянь. Переписал штук пятнадцать авторефератов и приправил конспектами затрапезных статей. Кандидат наук. Согласен. Сейчас вроде докторскую пишет? Пусть пишет. Согласен. Восемьдесят девять лет согласен. И та, которая с косой, придет, скажет: “Альберт Владленович, будьте добры, за мной, аккуратнее, тут потолок низкий, берегите лоб”. Тоже скажу: “Согласен”. «Много мяли, вот и мяжок». А меня-то и не мяли даже, уже мятым родился. С самого детства – мягче не найти. И Верочка всё мне говорила: “Алик, уж ты мягенький какой у меня, была бы у тебя не я, так уже давно бы в веревочку свился”. Правду говорила. Царствие тебе, Верочка, небесное. Рано ты умерла. Пятьдесят шесть – совсем девочка. “Папа, вот Борис, я теперь буду с ним жить”. Опять согласен. Топнуть было нужно. Руками сучить, кричать: “Не пущу, чтобы с этим туенядцем я тебя не видел, дочь моя, светлая моя Светлана, погубит он тебя!” Не кричал. Потом накричался. Восемьдесят девять лет – тише воды ниже травы. На кафедре держат как ископаемое. Совсем, думаю, умом наш Альберт подвинулся. А может, правда...»

Альберт Владленович остановился взглядом на белокурой голове, склонившейся над тетрадным листом. «И ты, бедняга, такая же. Всю жизнь, наверно, тихая, плывешь по течению. Как мама с папой скажут – согласна. Аспирантура тебе, заяц, светит. Потом докторантура. Потом на кафедре до самых седин, как Альберт Владленович Супротивцев. Никакой встряски, ясно всё до предела. Со всем согласна. Эх, ты!»

Так бы и кончилась эта история: Альберт Владленович побегал глазками по выверенному и точному, но пустому и неоригинальному ответу Яшкиной, поставил бы ей пятёрку и поехал бы домой, серый и мокрый, в вагоне с такими же серыми и мокрыми людьми. Именно так и кончилась бы эта история, если бы внезапная и шальная мысль не посетила

голову профессора. Маятниковый шаг профессорских ног стал поживее, Альберт Владленович обрел черты разминающегося спортсмена. Он то убирал руки в карманы, то теребил порыжелые генеральские усы. С лица не сходила озорная улыбка нашалившего ребёнка.

— Извините пожалуйста, я, кажется, готова, — пролепетала Яшкина, протягивая профессору листок. Голос дрожал. Очевидно, боялась. Кого? Альберта Владленовича? Главного добряка института? У которого четвёрку-то получить было неслыханной катастрофой. Дурочка.

Альберт Владленович надел очки и насупил брови. Чем дольше он читал, тем сильнее лицо его багровело, губа задрожала, толстые генсековские брови опускались всё ниже и ниже. На лице старика-профессора не осталось и тени былого веселья, казалось, мысль, так позабывшая его минуту назад, улетучилась бесследно. На смену ей пришло горькое разочарование и жгучее неудовольствие.

— Коллега, — зловеще понизив голос, начал Альберт Владленович. — Вы что вообще мне показываете? М? Это что такое вообще тут написано? Что вы молчите? Пятнадцать минут писали? Вот такое пишете, коллега?

Яшкиной показалось, что она спит, что это не с ней. Такое уже было во сне: готовишься на экзамене, сдаешь работу, а там пустой лист или белиберда какая. Вот сейчас она проснётся, ещё немножко. А профессор смотрел на неё испепеляюще и неодобрительно качал головой. Так во сне не бывает, слишком всё как взаправду.

— Я... Альбер...

— Это что такое, я вас спрашиваю! — ошеломительно сотряс застоялый воздух аудитории Альберт Владленович. — Вы мне что показываете! Вот так, значит, пишете! Ну, я вам устрою, Яшкина! Устрою! Давайте зачетную книжку. Давайте зачётку, я вам говорю!

Яшкина неуверенно двинула зачётку по столу в сторону преподавателя. Она словно прощалась. Непонятно: с зачёткой или с жизнью. Альберт Владленович, как краб, вцепился в синюю корочку, мигом раскрыл, поставил оценку, расписался и пренебрежительно швырнул книжку студентке.

— Вы ещё здесь?! Не испытывайте моего терпения, Яшкина! Не испытывайте! — Старик затопал ногами.

Девушка даже не старалась сдерживать слёзы. Выбежала из аудитории. Пустой и длинный коридор. Такое у Яшкиной было в первый раз. Что она написала не так? Где ошиблась? Переготовилась, мозга за мозгу зашла, наврала, перепутала. Спросили про Толстого, а написала про Достоевского? Может, с датами написания наврала? Вместо «тысяча восемьсот» написала «тысяча девятьсот»? Зачем он так кричал, чем заслужила? Всегда на семинарах отвечала. Сил открывать зачётку не было. Душа патологической отличницы билась в истерику при одной мысли о том, что в стройном ряду пятёрок, сплошь прямых и гордых, паршивой овцой примостится горбунша-двойка. А может, пожалел? Поставил три? Всё же на каждом семинаре отвечала. Яшкина приоткрыла зачётку с закрытыми глазами. Медленно досчитала до трех, не пропустив два с четвертью, два с иголочкой и два с ниточкой. Открыла глаза. Напротив «Истории русской литературы 2-й половины XIX века» стояла небрежно выведенная пятёрка.

Альберт Владленович стоял у окошка и тёр тупо нывшую переносицу. Со спины не поймёшь — то ли ребёнок, то ли старичок. Снег кончился. Послезавтра Новый год.

Егор ЧЕРКАСОВ

Родился в 1991 году в Нижнем Новгороде. Окончил Нижегородскую государственную консерваторию им. М.И. Глинки по классу академического вокала. Преподаватель академического вокала в Нижегородском губернском колледже. Руководитель направления по культуре в нижегородской региональной общественной организации «Военно-патриотический союз».

Публиковался в журналах «Русская строка», «Союз писателей», «Дружба народов» и других. Автор книг «Поэзия моих дворов» и «Рассказывал дед Макар и другие рассказы». Участник Всероссийского совещания молодых литераторов Союза писателей России в Москве (2019). Лауреат городского молодёжного фестиваля-конкурса «ЛитФест» (Омск, 2018), лауреат регионального конкурса «Vita Тюз» (Тверь, 2018), литературной премии «Справедливой России» «В поисках правды и справедливости» совместно с журналом «Роман-газета» (Москва, 2018), а также всероссийских и международных конкурсов по эстраднему и академическому вокалу.

Живёт в Нижнем Новгороде.

ПРО ЛОШАДКУ

Идем, гуляем с Ванечкой. Пока обводил его мимо мелких луж, сам угодил в самую глубокую. Он идет – смеется, я иду – хлюпаю ботинком. Ванечка – мальчик мечтательный и рассудительный. Уж чего выдаст порой – держись крепче! Зато поболтать с ним можно обо всем. Кроме политики, конечно. Этого у нас и без Ванечки сейчас хватает.

Проходим с Ванечкой мимо проката лошадей. Пока я узнавал у хозяйки лошади, сколько стоит прокатиться вокруг площади, Ваня внимательно вглядывался в лошадку. Изучал ее и хмурил бровки.

– Ну что, идем кататься на лошадке? – спрашиваю я его.

– Нет, – отрезает Ванечка, – пойдем лучше на карусели.

Я пожимаю плечами и веду его на карусели. Как по мне, на лошади кататься было бы куда веселее – лошадь ведь живая!

– А почему у лошадки глаза грустные? – спросил меня Ваня после каруселей.

– Не знаю, может, потому, что погода такая невеселая...

Ваня берет паузу, а потом выдает в своем стиле:

– А я знаю! Потому что на ней все катаются, а ей самой покататься не на ком! Вот она и грустит. И еще она очень устала.

Я многозначительно молчу и улыбаюсь.

Перед Новым годом люди бегают, высунув языки. Везде очереди, везде давки, распродажи, суета и раздражающе блестят новогодние

витрины в глаза. Люди умеют суетиться – это я знаю. Люди умеют зарабатывать – знаю точно. Люди разучились радоваться – это правда. Из Нового года сделали фетиш из покупок, скидок, акций. И опять суета и беготня. А под бой курантов уже многие спят, потому что выдохлись. Вот и весь праздник. Я помню не такое новогоднее настроение. Но это было давно.

Я помню много снеговиков. Я помню в каждом районе по наряженной елке. Я помню много неспешно гуляющих людей. Я помню поздравления случайных прохожих. Было мило.

31 декабря. Я, словно проклятый, работаю до пяти. Делаю последние деньги. Выгребаю последние деньги, бегу на последние распродажи и покупаю на последние подарок Ванечке. Как ни странно, успел.

Ваня – классический ребенок. Он попросил железную дорогу, но чтобы она работала и чтобы все было по-честному. Прямо так и сказал. А я рад несказанно, что он попросил железную дорогу, а не какую-нибудь страшную куклу вуду.

Бегу домой, язык высунут, как у всех россиян, и вспоминаю слова Ванечки о лошадке, которой самой не на ком покататься. Которая прёт и вваливает и уже не верит, что, может быть, судьба смилостивится. Один в один как я.

Бегу и думаю: «Поставлю под елку новогоднего шоколадного Пути-на и загадаю у него изменений в собственной загнанной судьбе. А если не прокатит – то новые ботинки на свои копыта, чтобы вновь бегать и пырять. А то старые шузы прохудились и постоянно хлюпают».

Забегаю лихо на восьмой этаж. Жму на звонок три раза – это сигнал, что пришел именно я и именно с железной дорогой. Открывается дверь, и на пороге меня уже ждет Ванечка. И первое, что говорит ребенок:

– У тебя глаза как у той лошадки на площади!

Но быстро переключается и с радостью бежит обниматься и принимать подарок. Я улыбаюсь и целую Ванечку в маковку, чтобы рос большим мальчиком и крепким. Я – первая лошадка, которая умеет улыбаться!

НА КЛАДБИЩЕ

Рано утром на кладбище красили могилу и ограду бабушка и внук. Дул сильный ветер между деревьями, их кроны качались и скрипели, и было ощущение, что вот-вот одно из деревьев упадет и непременно на могилу, которую красили бабушка и внук. Внук, молодой парень лет двадцати пяти, все поглядывал по сторонам и часто вглядывался в таблички других могил, чтобы посчитать годы жизни усопших. Он хотел найти самую старую могилу того давно заброшенного кладбища.

Парень часто отвлекался и то и дело посматривал на телефон. Красил он могилу своего прадеда неохотно, не промазывая узоры оградки. Оттого что с бабушкой они приехали рано, внук зевал и, если бы не комары, которые с радостью накнулись на единственных на кладбище людей, непременно бы уснул рядом с могилой.

Бабушка же, наоборот, красила оградку аккуратно, промазывая все узоры, все молилась, общалась со своим отцом и жаловалась ему на свою нелегкую судьбу. Из-за ветра бабушка извела полкоробка спичек, чтобы горела свечка около могилы ее отца, и извела бы, наверное, весь коробок, если бы внук по-молодецки не сбегал на соседнюю могилу и не взял оттуда стеклянную банку, куда и поставили свечу, предварительно набив саму банку до половины землей.

Бабушка знала все молитвы, так казалось ее внуку. Парень не знал и сотой доли того, что шептала бабушка. Она, то выпрямляясь во весь рост, осеняла себя крестным знамением и громогласно вещала какую-то песнь из псалма, то, вновь сгорбившись, шептала тихие молитвы, по всей видимости, менее значимые (так думал внук).

Шел второй час покраски могилы и оградки. Внуку казалось, что это не закончится никогда. Комары одолели его и принялись за последние литры крови, бабушку они почему-то не ели (возможно, из-за старости и невкусности ее крови), она продолжала молиться, и ее молитвы не заканчивались. Затем была открыта вторая банка краски, чтобы покрасить памятник толстым слоем. Внук уже ничего не красил. Он отбивался кисточкой от комаров, извозился в серебрянке: его лицо было в мелких серебристых точках. Бабушка, увидев, что внук небрежно покрасил оградку, начала переделывать его работу, докрашивая узоры или убирая на них подтеки.

Наконец могила была выкрашена, а молебен бабушки стал подходить к финалу. Внук это заметил по убывающим к обложке страницам молитвослова. Чтобы не сойти с ума от назойливых кровопийц, что тучей нависли над ним, он вытащил телефон и зашел в ВК. Бабушка заметила внука в телефоне и прервала молитвы:

– Как тебе не стыдно, Саша! Я, значит, молюсь, а ты даже лба не перекрестил! Ты зачем сюда пришел? Ради чего?

Внук отложил телефон.

– Да ради тебя, бабушка, пришел. Ради тебя! Не ради него, – внук показал пальцем на могилу прадеда, – его я не знал и не узнал бы, если бы не ты. Мало того что встали в шесть утра, за собой комаров тучу привели, да еще ты по второму разу за мной докрашиваешь! Ему-то не все ли равно? Давай дочитывай молебен, и поехали. Я тебя в машине подожду. Мне скоро по делам ехать. О живых надо думать!

Внук быстрыми шагами на длинных ногах пошел к машине, которая стояла у выхода из кладбища. А бабушка тяжело вздохнула, покачала головой, вновь сгорбилась, поправила платок на голове и продолжила шептать молитвы.

БАТЯ

В бараке осенняя сырость с улице отражалась в носу, бронхах и душе. «Сырые будни» – это когда ты сидишь на полу и втягиваешь запах спрессованных водянистых опилок от прогнившей и обвалившейся завалинки. А еще тебя пронизывает насквозь холод из щелей разошедшихся оконных рам и собственная незащитность.

Обстановку распада души на мелкие ничтожные частицы в такие серые будни подогревало отсутствие света в прихожей, из-за вывернутой с корнем лампочки (то ли хулиганы, то ли сэкономили соседи по коридору) и выключенного света в доме – потому что батя так сказал.

Как сейчас помню: недостаток света в короткий осенний день, окна запотели, ты вдыхаешь сырость и одиночество, а батя – спит. Батя, как ни странно, некий гарант спокойствия, когда малолетняя депрессия берет свое: батя рядом, он спит, но, возможно, услышит тебя, если ты его окликнешь. Батя спит: от него пахнет куревом и спиртом. Он удовлетворенно спит и не видит разруху вокруг. Батя просто пьян.

Когда уволили с работы мать, ее горе знали все: соседи по бараку, все знакомые и друзья, родственники и, разумеется, мы. Горе сопровождалось истериками и выражалось ярко, как будто на сцене выкладывался артист на премьерном спектакле.

Что же касается бати, то он как мужчина держал тоску от собственного сокращения на работе в себе и при себе. Бывало, откроет форточку, начнет курить, потом задумается и не заметит, как огонь сигареты подберется к фильтру и не спеша начнет обжигать его пальцы.

Я не серчаю на батю и мать за тоску, которая из детства перешла в юность, потом перекочевала со мной в зрелость и превратилась в навязчивую потребность. Я до сих пор ощущаю сильную тоску. Хотя живу гораздо лучше, чем тогда. Ощущаю сырость и подавленность, живя в комфортабельных условиях и с большим пространством вариантов решения проблем, чем тогда.

Вспоминается один случай. Батя пришел на рогах, но дошел до кровати сам и стал разуваться не в прихожей, а дома. Я тогда не понимал, что его одолевала такая форма депрессии, когда ему становилось плевать и на свой внешний вид, и на то, что творится рядом с ним и у него дома. Он снял ботинки и поставил их около кровати. Лег и закурил. Я подошел к нему и спросил:

– Батя, а вот мы так живем, живем, а потом умрем, да?

Не знаю, почему сам по себе у ребенка возник такой вопрос в довольно неокрепшей голове. До сих пор не могу дать на него ответ.

Батя окинул меня взглядом испытывающим насквозь:

– Мать научила?– спросил он.

Резко батя вскочил с кровати, подошел к магнитофону и поставил кассету. Заиграла музыка. Уже со временем я узнал, что за песня играла в динамиках старого, раздолбанного магнитофона. Зазвучала композиция *Pardonne-moi ce caprice d'enfant* в исполнении французской певицы Мирей Матье.

– Давай, сынок плясать? Будто мы с тобой в Париже, ёпта!

Не вынимая сигареты изо рта, он подхватил меня мощными жилистыми руками и стал кружить под оптимистичные и свободные мотивы французского *la chanson*. Меня кружил батя, я громко смеялся и просил подбросить меня вверх. Батя подбрасывал меня и ловил за секунду до падения об пол. Я визжал от восторга и страха. Батя улыбался.

Мы кружились и разряжали сырой воздух своими теплыми дыханиями. Мы веселились, когда вокруг природа плакала и грустила. Мы разгоняли скисшую в наших жилах кровь. Мне тогда показалось, что мы как будто победили нашу реальность...

Все мы родом из детства. Я часто выезжаю куда-то подальше от людских глаз, сижу подолгу в машине один, чтобы... просто побыть одному. Как почувствую «сырость» и незащищенность перед ней – включаю в магнитоле заветную *Pardonne-moi ce caprice d'enfant*. Как когда-то ее включил для меня мой батя в один из особенно холодных и тоскливых осенних будничных дней...

Поэзия

Владимир АЛЕЙНИКОВ

Родился в 1946 году в Перми. Вырос на Украине, в Кривом Роге. Окончил искусствоведческое отделение исторического факультета МГУ.

Основатель и лидер легендарного литературного содружества СМОГ. При советской власти на Родине не издавался. Работал в археологических экспедициях, грузчиком, дворником, в школе, в многотиражной газете, редактором в издательстве. В 1980-х был известен как переводчик поэзии народов СССР. Первые книги стихов вышли в 1987 году. Автор многих книг стихов и прозы – воспоминаний об ушедшей эпохе и своих современниках. Стихи переведены на различные языки.

Награждён медалью Кирилла и Мефодия за выдающиеся достижения в отечественной словесности (1996), медалью Циолковского – за космический масштаб его поэзии (2006). Лауреат премии имени Андрея Белого (1980), Международной Отметины имени Давида Бурлюка (2011), Буинской премии (2012). Живёт в Коктебеле.

БУДЕТ ПЕРЕЧЕНЬ СТЫТЬ ИМЕННОЙ...

* * *

Если можешь, хоть это не тронь –
Не тревога ли в душу запала? –
И зажётся в окошке огонь,
И вихры тишина растрепала.

Сколько хочешь, об этом молчи,
Не твоё ли молчание – злато?
В сердцевине горящей свечи
Всё увидишь, что издавна свято.

Всё найдёшь в этом сгустке тепла,
В этой капле томленья и жара –
Напряженье живого крыла
И предчувствие Божьего дара.

Всё присутствует в этом огне,
Что напутствует в хаосе смуты –
Потому-то и радостно мне,
Хоть и горестно мне почему-то.

Всё, что истинно, в нём проросло,
Всё, что подлинно, в нём укрепилось,
Опираясь на речь и число,
Полагаясь на Божию милость.

Потому он в себе и несёт
Всё, что в песнях продлится чудесных,
Всё, что сизнова душу спасёт
Во пределах земных и небесных.

* * *

К дождю или к снегу? – плывут облака,
Окажутся тучами скоро, –
Их поедом ест негодяйка-тоска,
Вторгаясь в ненастную пору.

Не тронь эту область – она не твоя,
Ей зелья твои не опасны,
Пусть в поле плутает ползком колея –
Её не смущают соблазны.

Ты где? – откликайся, хозяйка степей! –
Стенанья твои домовиты –
Румяный шиповник и смуглый репей
Подземными соками сыты.

Не только у страха глаза велики –
Стекло поутру запотело, –
И скифские идола прячут зрачки
Под камнем тяжёлого тела.

Но чур меня, чур! – я не вправе сказать,
Кого разглядел я невольно
Вон там, где слова узелками связать
Нельзя – до того это больно.

Мне только бы губы раскрыть на ветру,
Туда посмотреть без отрады,
Куда, словно дань, мы приносим костру
Опавшие листьями взгляды.

* * *

Ну вот и вечер – сизый дым
Роднит костры по всей округе
С каким-то светлым и пустым
Пробелом, брезжущим на юге.

Собаки лают – знать, прошёл
По этим улицам пустынным
Дурманный запах вязких смол,
Наполнен смыслом половинным,

Недобрым привкусом смутил,
Не удержался от намёка –
И небо мглою охватил,
Запеленав его с востока.

И кто мне скажет – почему
Оно так хочет обогреться –
Как будто холодно ему,
Да никуда ему не деться?

Как будто тянется к нему
Земля с закрытыми глазами
И мнит: неужто обниму? –
И заливается слезами.

* * *

Страны разрушенной смятенные сыны,
Зачем вы стонете ночами,
Томимы призраками смутными войны,
С недогоревшими свечами
Уже входящие в немислимый провал,
В такую бездну роковую,
Где чудом выживший, по счастью, не бывал, –
А ныне, в пору грозovou,
Она заманивает вас к себе, зовёт
Нутром распахнутым, предвестием обманном
Приюта странного, где спящий проплывёт
В челне отринутым по заводям туманным –
И нет ни встреч ему, ни редких огоньков,
Ни плеска лёгкого под вёслами тугими
Волны, направившейся к берегу, – таков
Сей путь, где вряд ли спросят имя,
Окликнут нехотя, устало приведут
К давно желанному ночлегу,
К теплу неловкому, – кого, скажите, ждут
Там, где раздолье только снегу,
Где только холоду бродить не привыкать
Да пустоту ловить рыбацкой рваной сетью,
Где на руинах лиху потакать
Негоже уходящему столетью?

* * *

Шумит над вами жёлтая листва,
Друзья мои, – и порознь вы, и вместе,
А всё-таки достаточно родства
И таинства – для горести и чести.

И празднества старинного черты,
Где радости нам выпало так много,
С годами точно светом налиты,
И верю я, что это вот – от Бога.

Пред утренним туманом этажи
Нам брезжили в застойные години, –
Кто пил, как мы? – попробуй завяжи,
Когда не всё ли, в общем-то, едино!

Кто выжил – цел, – но сколько вас в земле,
Друзья мои, – и с кем ни говорю я,
О вас – в толпе, в хандре, навеселе,
В беспамятстве оставленных – горюю.

И ветер налетающий, застыв,
Приветствую пред осенью свинцовой,
Немотствующий выстрадав мотив
Из лучших дней, приправленных перцовой.

Отшельничать мне, други, не впервой –
Впотьмах полынь в руках переминаю.
Седеющей качая головой,
Чтоб разом не сгустилась мгла ночная.

* * *

Этот жар, не угасший в крови,
Эта ржавь лихолетья и смуты –
Наша жизнь, – и к себе призови
Всё, что с нею в родстве почему-то.

Соучастье – немалая честь,
Состраданье – нечастое чувство,
И когда соберёмся – Бог весть! –
На осколках и свалках искусства?

То, что свято, останется жить,
Станет мифом, обиженно глядя
На потомков, чтоб впредь дорожить
Всем, что пройдено чаянья ради.

Будет перечень стыть именной
На ветрах неразумных эпохи,
Где от нашей кручины земной
Дорогие останутся вздохи,

Где от нашей любви и беды,
От великой печали и силы
Только в небе найдутся следы,
Если прошлое всё-таки было,

Если это не сон, не упрёк
Поколеньям иным и народам,
Если труд наш – отнюдь не оброк
Под извечно родным небосводом.

Наталья ЕМЕЛЬЯНОВА

Родилась в 1981 году в Нижнем Новгороде. Окончила филологический факультет Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина. Работает школьным учителем русского языка и литературы, директором воскресной школы, где преподаёт церковнославянский язык, и инструктором по фитнесу.

Автор поэтических и прозаических текстов. Публиковалась в альманахе «Земляки» и журналах «Нижний Новгород», «Зеркало», «Дети Ра», «Нева», «Аврора» и других. Живет в Нижнем Новгороде.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ЖИЗНИ

* * *

Как запах свежескошенной травы,
Слова твои.
Я в поисках великой красоты.
Я в поисках великой красоты.
А ты?

Трава умрёт,
Но скоро обернётся жизнью.
Вон паренёк на роликах, смотри,
Раскинул руки
И летит.
Лети и ты.
И запах свежескошенной травы
Неси по миру.

Мир улыбается, вдыхает аромат.
За вдохом вдох. Не может надышаться.
Спроси его: теперь он рад?
Ну рад стараться.
Рад стараться.

Как запах свежескошенной травы...
По улице моей.
Который год и всё такое.
Я в поисках великой красоты.
Я в поисках великой красоты.
Как ветер воет.
Вон паренёк на роликах, смотри.
Слова твои.
Летят слова твои.
Лети и ты.
Лети и ты.

Феонилла

Феонилла покидает корабль.
Феонилла выходит на остров.
Погружает в приморский песок
Забывшие землю стопы.

Акриды и дикий мёд,
Львы и гремучие змеи,
Леденящая душу ночь
Говорят Феонилле: «Здравствуй!»

Феонилла выходит на остров,
Сквозь слёзы шепчет: «Любимый.
Триста лет я тебя искала,
Триста лет я к тебе плыла».

Феонилла ложится на берег.
Кладёт под голову камень.
Зрит над островом звёздное небо.
Зрит волхвов, зрящих в небе звезду.

Вот подходят к ней львы и ложатся,
Вот ползут к ней гремучие змеи,
К рукам её жмутся, как дети.
Феонилла зрит небо и дом.

Отпускает на волю корабль.
Шепчет волнам солёным: «Тише».
Феонилла выходит на остров.
Феонилла зрит небо и дом.

Предчувствие жизни

Впервые я ощутила это, когда мне было лет пять.
Проснувшись среди ночи, влезла на подоконник и стала смотреть.
Что я пыталась найти в черноте улицы – не знаю.
Знаю лишь, что тогда я впервые ощутила
Это.
Томительным холодом вошедшее в самую грудь.
Может быть, завтра.
Пожалуй, завтра.
Обязательно завтра
Она и начнётся.
Пять лет – достаточный возраст для её начала?
Я готова.
Я трепещу.
Я.
Предчувствие жизни.

Потом оно возникало не только по ночам.
Иногда прямо по дороге в детский сад.

На контрольной в школе.
В автобусе.
В кабинете начальника.
В разговоре с подругой.
В лифте.
В усталом взгляде.
В отчаянном счёте минут.
В робкой надежде
На завтра.
Предчувствие жизни.

В пять.
В тридцать.
В пятьдесят.
В восемьдесят четыре.
Девочка на подоконнике уставилась в черноту.
Она обязательно начнётся.
Может быть, завтра.
Пожалуй, завтра.
Обязательно завтра.
Ускользание жизни – достаточная причина для её начала?
Неужели и этого мало?
Предчувствие жизни.

Бабушка говорила...
Не успела договорить.
Предчувствие жизни – это и есть жизнь?
Может быть, завтра.
Пожалуй, завтра.
Обязательно завтра.

* * *

Если я поднимусь в небо,
Я стану ближе к
Тебе?
Москва сегодня расклеилась:
+12 и дождь.
Если я поднимусь в небо...
Я знаю:
Ты ждёшь.
У самолёта серебристые крылья.
На сегодняшний день объявили погоду лётную,
И вот перелётные птицы летят.
Мой взгляд поднимается в небо
В надежде на встречу с
Твоим.
На сегодняшний день объявили погоду лётную –
Летим.

Если я поднимусь в небо,
Я стану ближе к
Тебе?

Говорят, некоторые искали
Тебя в космосе,
Заглядывали на Луну.
Если я поднимусь в небо...
Я знаю. Я жду.
Между стёклами иллюминатора мошка.
Как она попала туда?
Спрашиваю человека на соседнем кресле.
Вопрос неуместен.
Если, если, если.
Если око твоё темно.
Опускаюсь на дно.

Дни мои – словно листья осеннего дерева.
Если б верила.
Если б верила ветру беспутному,
Не смотрела бы в высоту.
Если я поднимусь в небо...
На сегодняшний день объявили погоду лётную.
Лечу.

Адам

– Где ты, Адам?
– Я не помню.
Вчера я проснулся в метро.
Ночью курил на балконе.
Утром, нырнув в пальто,
Побрёл по своим ежедневным.
А после пропал совсем.
– Где ты, Адам? Внемли.
– Аз же не вем. Не вем.

Время похоже на ветер.
Вечером выйдешь в сад...
Звёзды кому-то светят.
– Где ты, Адам?
– Рад.
Рад бы ответить, Отче.
Вчера я проснулся в метро.
Курил на балконе ночью.
Утром нырнул в пальто...

– Где ты, Адам, где ты?
Где ты, Адам, где?
Сыне, Адаме, внемли.
– Где же я, Отче, где?

Владимир БОЛОХОВ

Родился в 1946 году в Иркутске. Выпускник Литинститута. Литературный крестник Александра Солженицына и Виктора Астафьева. Автор «гулаговской энциклопедии» «Клетчатая хрестоматия» и нескольких книг. Печатался в журналах «Наш современник», «Аврора», «Нижний Новгород», «Дружба народов», «Новый мир» и других.

Лауреат Всемирной поэтической премии «Надежды Лира Золотая» (Нью-Йорк, 2003). Пожизненный стипендиат Русского общественного фонда им. А. И. Солженицына. Живёт в Новомосковске.

Редакция журнала «Нижний Новгород» поздравляет Владимира Евгеньевича с 75-летием и желает ему крепкого здоровья и новых творческих достижений.

ЗЕЛЁНЫЕ ВОЛОКИ

Памяти Николая Рубцова

* * *

Опять донские волокни
закувыркались в Вологду.
И вновь вокруг да около –
родная речь – заокала.

Сердце в горле – бах да бух.
Здравствуй, пряный русский дух!
Мысль в башке – туда-сюда.
Затесь есть – да нет следа.

Осади-ка, память, стой.
Сгинь из рёбер, бес седой,
что когда-то уволок
в глушь – с названьем Наволок.

Полно дурочку-то тешить,
домового ладя с лешим.
Не проходит без следа –
через душу – и вода.

А тем паче тайный свет,
что впечатал – певчий – след.
След, который не сотрёт
Сухоны крещенский лёд.

Лёд, который – был да сплыл,
прошлого пустив в распыл.
Тот распыл, где на года –
не закатится звезда.

Та звезда ночных полей,
под которой – день светлей.
И где донские волокни
аукаются – с Вологдой...

* * *

Нет выше правды – творческой. И ложь
не может стать предтечей созиданья.
Так думалось – под невесомый дождь –
в зелёно-обозримом мирозданье.

Привет тебе, животворящий лес,
истерзанный двуногими «царями».
О чём шуршит радушный твой навес –
над оргией стекло-бумажной дряни?

Зачем я – с кроводыбным гулом лба –
приподнимаю тело юной ивы,
поруганной шкодливостью блудливой
разумно-бесноватого раба?

О чём мычу я в кроткий небосвод?
Кому грожу неизречённым лихом?
Чьё – в черепной моей неразберихе –
возмездное прозрение грядёт,

что лживый бред – любая правота,
беременная злобой и насильем?
Чей свальный прах – без камня и креста –
в руинной мне мерещится России?..

* * *

Весёлый ливень грозовой чечёткой
сбил знойную – с макушки лета – пыль.
Надраив кроны густоструйной щёткой –
обильной влагой землю напоил.

Целебной свежестью пропитывая воздух,
румянцем зелени светился каждый лист.
И вдруг один – сухой и жёлтый – вниз,
к моим ногам – как осенью промозглой.

И морок мрака – смял душевный свет.
И я спросил, подняв росточек ветхий:
– Ты почему с родимой рухнул ветки?
Кто погасил твой трепетный расцвет?..

Смотри, какая радостная сила
ликует в соплеменниках твоих,
и животворной крови хлорофилла –
с избытком у любого – на двоих.

Иль ты полузамёрзшей почки хилой –
с рожденья бесприютное – дитя?
И молока земного не хватило
у дерева лишь только для тебя?

А может быть, на бесприютной ветке
ты – самым щедро-бесшабашным – рос,
собратьев квёлых немощные клетки
одаривая соками – вразброс?

И – упиваясь братским бескорыстьем,
проталкиваясь к солнечным лучам –
в застенок тени сжили тебя листья,
лишь к свету звёзд пуская по ночам?

И – в мельтешне посредственной тщеты,
раздорной за безоблачную пищу,
стал чужаком и отщепенцем ты –
на пепелище кровного жилища?

Иль – на своей доверчивой груди –
ты гусеницу спас от клюва птицы?
Иль – самобытный – надломился ты,
не снизойдя и вихрю поклониться?..

Блистал – июль. Заздравную творил
пернатый хор – под голубым собором.
Всему зелёному – желтел живым укором
опавший лист, который – говорил...

* * *

Ну что особенного в том,
что в центре сентября
с кленовым реющим листом
столкнулась грудь моя?

Я с детства свой для детских чар,
но лист – вон сколько их!
С чего же этого удар –
как бы душе под дых?

В безвесной охре неживой
откуда столько сил,
что я – под скрежет тормозной,
как истукан, застыл?..

Спасибо, добрый светофор,
ты к месту зажелтел.
Прости, рассерженный шофёр,
да разве я хотел?!

Всему виной – багряный шок
парящего листа.

Всё хорошо – что хорошо,
а жизнь всегда – с листа.

Сбил с толку суеверный цвет
таранной желтизны,
в которой мне примстился след –
виновной без вины...

Но – откровенно говоря –
я рад тому до слёз,
что волен – в центре сентября,
как тот бездомный пёс,

который ищет, может быть,
предавшего – его...
И жизнь – как жизнь... И надо жить...
И больше ничего...

* * *

Ронял сквозной бульвар
червлёной охры вязь.
С небес, как горний дар,
лилась благая ясь.

Миротворящий пыл
прохладного тепла
прощально-щедрым был.
И – вечной – жизнь была.

Был всеобъёмен миг
всезнания – ничего.
И был глобальным вскрик
листочка – одного...

Случайный (ль?) пал листок,
затмив зрачки мои...
Отзеленел, браток,
кормилец всей Земли?

Мир праху твоему
и всеживая честь –
несущему во тьму
весны грядущей весть.

О том, что в той весне
иным цветам цвести...
И ты, листочек, мне...
не знаю что... прости...

Борис ШИГИН

Родился в 1952 году в городе Балашове Саратовской области. Окончил историко-филологический факультет Пензенского государственного педагогического института им. В. Г. Белинского. Служил в рядах Советской армии в ГДР, работал на Пензенской студии телевидения, в школе. Главный редактор пензенского литературного журнала «Сура».

Автор восьми поэтических сборников и публикаций в журналах «Нижний Новгород», «Москва», «Русское эхо», «Подъём», «Волга – XXI век», «Простор», «Странник», «Дни и ночи», пяти песенных альбомов. Лауреат премии Союза журналистов СССР им. В. А. Карпинского, трижды лауреат Всероссийской премии им. М. Ю. Лермонтова.

Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры РФ. Живет в Пензе.

МНЕ ПЕЛА ПРО НЕЁ МЕТЕЛЬ НАМЕДНИ...

Зазимье

Зазимье – и птицы в отлёте.
Я буду их ждать, я дождусь их.
На утренних лужицах – лёд,
Над полем – кричащие гуси.

На сердце светло и тепло,
Но в горле какое-то слово...
Давай не скажу я его.
Не будем тревожить бывшего.

Зазимье – тревога пока
Под пологом бабьего лета,
Но красные солнца бока
На зорьке – плохая примета.

Два дня – и придут холода,
Туманы прольются в низины.
Ну, как мне тебе и когда
Букет подарить из рябины?

Осенний кудрявый букет –
Макет не сгорающей страсти.
Ты лишь улыбнёшься в ответ,
Да так, что не вымолвить «здрасьте».

И губ замерзающих лед
Не чует рябиновых бусин...
Зазимье – и птицы в отлёт.
Я буду их ждать. Я дождусь их.

Романс

Когда снега обрушатся на город,
Когда дорожкой прежней не пройти,
Я вспомню, что давно уже не молод,
И нет в помине легкого пути.
Ах, как сладка болезнь любви последней,
И, как снега слепые, тяжела.
Мне пела про неё метель намедни:
Жила-была, жила-была, была...

Давно пожары осени потухли.
Снега искрятся, властвуют снега!
Но хочется к весне готовить туфли
И открывать иные берега.
Твердить бинтам-дорогам, что посредник
И врач не нужен, коли боль мила...
Мне пела про неё метель намедни:
Жила-была, жила-была, была...

Как хочется любви лелеять имя:
Как сон ребёнка, сладкий, вещий сон.
Ах, милая, улыбками твоими
Я нынче, как снегами, занесён!
И будь что будет, если в вечер летний
Любовь вдруг скрутит снеговая мгла.
Мне пела про неё метель намедни:
Жила-была, жила-была, была...

* * *

В парке заснеженном стынут слова.
Ты им не веришь, и я им не верю.
Съела метель половину ствола
Каждого дерева. Только к апрелю

Черными-черными станут стволы,
Белыми-белыми помыслы станут.
Снежные горы, как будто воли,
Зиму утащат в холодные страны.

Теплым словам я поверить готов,
Взглядам горячим любовь обещаю...
Но у обросших зеленых стволов
Вновь почему-то тебя не встречаю.

* * *

Дверь – не дверь, стекло разбито,
Суета и мишура...
За стеною два бандита
Водку пьют, кричат «Ура!»

За окном троллейбус едет,
Будто парусник плывет,
Провода из красной меди
Превращает в желтый йод.

Город теплой ночью тает,
тают чувства без тепла.
Или зреют? Я не знаю,
Где граница, где черта?

Пахнет йодом, пахнет драмой,
Одиночеством, стихами...
(Проза – за оконной рамой
Люди с сумками, грехами.)

Снегом талым, что ложится
На безмолвную ложбинку.
Но неведомый возница
Не спешит загнать пластинку.

Умер Пако де Лусия,
За стеною стихла пьянка...
Ты жива ль, моя Россия,
Бедолага, хулиганка?

* * *

Не старайтесь – не запомните,
Как увядший лист летит.
Так в колясочке по комнате
Разъезжает инвалид.

Что за чудо-траектория,
Так не ходят корабли,
Потому-то и не спорю я
С притяжением земли.

Над полетом нахохочется
И уснет земная пасть...
Только все же очень хочется
Подстойнее упасть.

Из будущих книг

Мария БЕРДИНСКИХ

Родилась в Кирове. Окончила Уральский федеральный университет. Кандидат социологических наук. Работает маркетологом в сфере IT более 15 лет. Окончила курсы литературного творчества «Про Текст» под руководством Николая Коляды и Олега Богаева.
Живет в Екатеринбурге.

МЕЧТЫ И ИХ ДЕВУШКИ

Фрагменты из романа

1912. Нина. 14 лет

Сижу на нагретой солнцем деревянной скамеечке у дома и радуюсь, что тепло наконец настало. А то уж пол-лета почти прошло, а все ветра и морось. А когда солнце появляется – то стужа такая, что мама даже валенки меня заставляет в саду надевать и капор. Уж и Николай на Великую сходил и Крестный ход вернулся, мы рассаду высадили, а все лето не наступало никак, только огород весь поморозили. Сегодня второй день как пригрело наконец. Вытащила на улицу тайком, чтобы домашние не увидали, чернила с прибором, дневник, расставила тут все на рассохшемся детском столике под кленом и воображаю себя Лидией Чарской, ну или хотя бы Щепкиной-Куперник, пишущей новую пьесу для Малого театра.

А в кармане платья у меня лежит кусочек настоящей китайской чесуци, я его украдкой глажу, а потом опускаю кисть на солнечное пятно на скамейке, и так мне благодатно становится. Чесуча только слово, мне кажется неподходящее к такой ткани – гладкой, прохладной, шелковистой с небольшими шероховатостями нитей. Смешно право, что кусочек ткани заставляет меня в такие душевные волнения и вычурности впадать. А началось-то все как – мама, тетя Аничка и Зина собрались в Кордаковский магазин идти, чтобы всякую мелочь для летнего гардероба прикупить – обшивки для кофточек, муаровых лент, крючков. Цельный список составили. Конечно, сами записывать не стали, мне надиктовали, а я и рада стараться – даже набело им переписала и вензеля да узоры пририсовала, пока они рядились.

Когда они уж почти были готовы, мама и говорит: «Нина, а тебе-то ничего не надобно? Ты же платья летние еще и не надевала – вон как

холодно было. Поди мало тебе все, вымахала же за зиму, вон почти как Зина ростом». И заставила меня сундук доставать да платья мерить, хотя Зина с тайно напудренным носом уже на пороге стояла и каблучком постукивала. Оказалось, что мне все почти мало и коротко. И несмотря на мои уверения, что можно за Зинкой подонашивать, меня решено было взять с собой, чтобы выбрать какие-нибудь кружева да платья наставить.

Не очень-то я люблю с ними по галантерейным магазинам таскаться. Долго все выбирают, мнут, с приказчиком полчаса разговоры ведут, а потом берут на три копейки, как Зинка выражается. Мама еще страсть как любит торговаться. Я ей сколько раз говорила, что в солидных магазинах неприлично рядиться, в Кордаковском даже вон объявление за стеклом повесили – «Цены на товары без запроса», чтобы спокойно торговля шла, не как на базаре, а все равно не может она без этого. Мне, говорит, кажется, Ниночка, что хозяин меня надувает, если не сбавит цену. Я когда товар без уступки покупаю, потом весь день смурная хожу, переживаю в душе, что переплатила лишние деньги.

Отнекивалась я как могла, тем более воскресенье сегодня, в магазинах наверняка, думаю, суматоха, взмыленные приказчики бегают, толпа праздных барышень друг дружку под ручку выгуливают. Как будто кроме магазинов у нас пойти некуда. Но тут папа из кабинета вышел на гул и, узнав, в чем дело, сказал, что надо сходить, тем более что мы же в Казань скоро уплываем. Дал маме еще банкноту и говорит мне – Нинуся, надо быть нарядной, ведь на пароходе форсить будем, па-де-конь танцевать и подмигнуть. Даже мама улыбнулась, ну а мы все так и зашлись от смеха, – знаем мы папины танцы – из одного угла палубы до карточного столика, а я собралась быстренько. Пока шли, Зина мне на ушко сказала, что, наверно, папеньке вчера в яхт-клубе повезло, отыгрался в карты, поэтому и настроение у него приподнятое.

Пришли в Кордаковский магазин, а там и нет никого. Видно, все на дачи уехали да в деревню, раз тепло настало. Один приказчик стоит за прилавком, голову руками подпирает – томится, бедняжка. Прическу полчаса, наверно, утром мастерил, репейного масла, по виду, не меньше четверти флакона извел, а покупателей-то нету. Не у кого даже спросить: «Чего изволите-с, сударыня?» Увидел нас, вытянулся, Зина достала список из ридикюля и давай его гонять. Когда они до металлической галантереи дошли, я уж не выдержала, подобрала юбку да поднялась на второй этаж. Там свой приказчик при тканях стоит. На что посмотришь, какую ткань пощупаешь – он уж рад стараться, скорее ее с фанерной дощечки разматывает, по прилавок раскладывает. Зина говорит, что это не только чтобы ты полюбовалась на нее вдоволь, а чтобы не стащила.

Обычно я бы постеснялась к таким парадным тканям даже подойти, а сегодня, раз нет никого, дай, думаю, попробую, какие они на ощупь, давно мне хотелось рытый бархат потрогать, почувствовать все его рытвины и оспины. В общем, перебирала ткани и размечталась. А тут по соседству с колючей парчой на что-то гладкое и прохладное наткнулась, смотрю – настоящая китайская чесуча, золотистого такого цвета. Тут мама подошла, видит, что я ее рассматриваю, рукой поглаживаю, оторваться не могу, да и говорит: «Нина, давай купим да платье пошьем. А то такая барышня взрослая, а будешь в наставленных платьях ходить, тем более и папа вон денежную субсидию нам выделил». Я отнекивалась сначала, неудобно, ведь знаю, что папа сегодня при деньгах,

а завтра проигратся может, и конец благоденствию. Но мама настаивала, да и больно она мне по сердцу пришлась, чесуча эта, и мне ее купили. А сейчас мама с тетей Аничкой выкройками занимаются, заблаговременно обмерив меня с ног до головы. Даже панталоны норовили с меня снять для большей достоверности мерок, да я не далась.

Зинаида, конечно, возмущалась, что такому несведущему в модах человеку, как я, который до сих пор детский богоспасительный журнал выписывает, дорогой ткани купили на платье. Мол, Нинке можно было на Верхнем базаре ситцу взять за семик, и она все равно была бы довольна. Но я ей целый лекцион прочитала, что я хоть перед зеркалом не верчусь по часу, но оценить ткань, которая добывается из коконов диких гусениц в настоящем тропическом лесу, вполне в состоянии. Зина под впечатлением даже обижаться перестала и всю дорогу домой выпрашивала меня, откуда именно из гусениц нитки растут и сразу ли они разноцветные бывают. Надо было, конечно, ей рассказать, что шелкопряды прямо шелковые платочки выплевывают, а работники только их подбирают и в полотна сшивают, да пожалела ее, дурочку неразумную. Еще захочет блеснуть где-нибудь в обществе да и опростоволосится.

1994. Лена. 14 лет

Еле маму отправила с мелкой гулять под предлогом, что мне в лагерь собираться надо. Хоть полчаса посидеть в тишине, а то одно слово, что двухкомнатная квартира, – нигде не спрячешься. Оляка бегает, все время канючит. То поиграй с ней, то порисуй, то изобрази коня. Сейчас, разбежались, коня ей изобрази, вообще на шею сели мне уже. Мама тоже: «Лена, покорми Оленьку, вытри Оленьке сопельки». Сопельки, Оленька – тошнит прямо. Надела бы горшок этой Оленьке ее ненаглядной на голову.

И чего ради рожала ее? Папа все равно ушел, а ей хоть бы хны, не нарадуется своей Оленьке! «Главное, Лена, в жизни – это дети, вы мое главное счастье», – говорит! Вот какое, счастье, значит – в сорок лет с двумя детьми остаться и на работу год в одной юбке ходить, серой в черную полосочку. Ладно юбка, колготки капроновые шитые-перешитые носим с ней. Мама говорит: «Все равно под юбкой ничего не видно». А я те места, где мама коричневыми нитками зашила, чувствую, как будто там шрамы у меня, а не дырки заштопанные.

И все равно у меня хорошее настроение, все-таки в лагерь послезавтра поеду. Мама путевку взяла на работе на вторую смену, как я люблю, в «Огонек». Моя подружка с прошлого года Лена-2 тоже едет, специально за месяц ей позвонила, договориться. А самое главное – мама пришла из Сберкасы вчера и сказала, что папа перевел алименты сразу за 2 месяца и можно мне что-нибудь купить из одежды, если я обещаю исправиться и в следующем году хорошо учиться и не прогуливать математику и т. д. и т. п. бесконечное. Конечно, я все пообещала, готова была на крови клясться, только чтобы мама на рынок со мной сходила и купила мне все необходимое из моего списка желаний на лето. Бумажку со списком быстренько достала из дневника, так как его нужно было еще раз внимательно изучить и прикинуть, на что, во-первых, хватит денег, а во-вторых, что из этого согласится купить мама. Номер один – это, конечно, лосины. Ехать в лагерь без лосин – это вообще позорно ужасно, пришлось бы какую-нибудь чушь придумывать,

что мама мне их в лагерь с собой не дала, чтобы я не испортила или еще что-нибудь такое. Черные лосины нужны, итальянские, настоящие, а не те, которые мама мне в прошлом году из Москвы привезла. Я сначала так обрадовалась, у нас их тогда вообще не продавали, а, оказалось, что это не лосины, а что-то на вроде плотных колготок без пяток. Издевательство одно, а не исполнение желаний. Я, конечно, их носила, куда деваться, но только зимой в школу на дискотеки. До школы шла в рейтузах – типа, мама заставляет поддевать, дожидалась, когда все уйдут из раздевалки, переодевалась и – быстрее в зал, там свет всегда выключают, когда танцы начинаются.

Сейчас настоящие лосины даже у нас на рынке продают, а мама не покупает. Говорит мне с таким возмущением: «У тебя же есть, Лена, я же тебе привезла». В общем, лосины – это обязательно, без вариантов. Главное, и футболки-то у меня есть, с которыми лосины можно носить. Тетя Оля, мамина подруга, купила в Риге в секонд-хенде и подарила мне две на день рождения – одна большая белая, с красными косыми полосками и выдавленной надписью какой-то по-английски. Очень красивая, рукава отвернуты и по отвороту тоже красная полоска идет. А вторая – простая бирюзовая, однотонная, но тоже клевая. Так, дальше по списку: юбка джинсовая, ну и еще по мелочи там – розовые и салатовые резинки, хороший лак, чтобы когда челку ставишь, он не скатывался и не было похоже, что тебе в волосы кто-то плюнул, голубые тени, жвачки.

Самое-то удивительное, что мама мне все купила! Ну, почти все – лак, тени и жевачки отказалась, сославшись на то, что мне слишком мало лет и папа бы не одобрил. Как может быть слишком мало лет для того, чтобы жевать жевачку? Прямо с утра сегодня пошли все вместе на Центральный рынок, походили там по рядам, повибирали, юбки я даже померила в трех местах. Кто-то стесняется прямо на рынке мерять, а я – нисколько, тем более, когда покупаешь дорогие вещи раз в год – не до смущения. К тому же, там же все специально организовано – проходишь за шторку, которой прилавок отгорожен, встаешь на пяточок, выстланный картонками от коробок, меряешь и смотришься в зеркало. Навалено вокруг, конечно, всего. Главное – по минимуму всего касаться, а то ощущения от этих шероховатых сумок бомжа и груды целлофановых пакетов – не очень приятные. Я и юбку через голову мерила, чтобы сандали не снимать и босыми ногами на рваные картонки не вставать. Только третья по размеру подошла, а то на каких-то коров все привозят, на меня фиг чего найдешь. Юбка – просто песня, джинс – такого небесного цвета, качественно сделана, нитки нигде не торчат, везде заклепочки и внизу оборочка из разноцветной ткани, как я хотела. Пришли домой, я даже от радости с Олькой весь вечер водилась и маме помогла картошку чистить. Перед сном поставила стул у кровати, положила туда юбку, лосины, резиночки, чтобы, просыпаясь утром, можно было вспомнить про новую одежду и, не открывая глаз, сразу руку протянуть и все потрогать.

1912. Нина. 14 лет

Папа не принес денег 20-го числа. Это уже второй месяц, тяжело. Зина сердится, тетя Аничка сосредоточенно молчит, у мамы каждую ночь припадки сердцебиения. Все хмурятся. Скверно. При всех надо

быть веселой или хотя бы только спокойной. Но это так трудно, что я не вытерпела и как ни кусала губы, а разревелась. Ничего не поде-лаешь – прорвалось. Папа уже год как не простой служащий, а сам управляющий губернской казенной палаты. Мы так радовались, когда он назначение получил. Мама говорила – будем копить теперь на свой дом, чтобы не мыкаться по чужим углам, да вот и не вышло. Папина страсть к азартным играм никуда не делась. Удивительно только, что в нашей спокойной провинциальной Вятке такие картежные страсти кипят. Ведь даже гольф-клуб закрывали из-за того, что вместо того чтобы в преферанс на интерес играть, люди там целые состояния проигрывают, а все без толку.

Право слово, я не понимаю, как может мой рассудительный, такой добросердечный папа ставить свою пагубную страсть выше семейного долга, благополучия самых близких ему людей. Опять придется в бакалейную лавку в кредит ходить по заборной книжке. Она уже старая у нас, картонная обложка вся истрепалась. Нюта, когда ходит за продуктами, вечно ее в кошелку с морковью засовывает, оттого на ней бурые пятна появились, которые уже и не оттираются. Я, если в лавку иду, всегда ее в руках тереблю, скатываю бумажные катышки с острых углов, ну а Зина так вообще бросает где ни попадя – то духи на нее прольет, то в какой-нибудь галошнице забудет. Приходится всем семейством искать этот позорный документ. От таких злоключений вид у книжицы распухший, нездоровый – впрочем соответствующий нашему финансовому положению. Вот я когда вырасту – никогда в долг брать не буду. Хотя бы на хлебе и воде сидеть, а без долгов.

И это все после моего первого настоящего выхода в свет! Папа наконец поддался моим уговорам и взял меня на танцы в клуб Вятского общественного собрания. Ничего особенного, по мнению Зины, которая по причине своего старшинства была там уже много раз. Несмотря на свою общую вредность, Зина мне потом всегда в подробностях рассказывает, как там и что. А мне очень нравится помогать ей собираться – гладить нижнюю юбку, раскладывать платье на кровати, оценивать прическу сзади, даже танцевать с ней за кавалера для разминки. А когда она наконец уезжает, то я сажусь с книжкой на лестницу и жду, когда они с папой вернуться и я буду помогать ей высчитывать, кто ее пригласил на вторую кадрили по привязанности, а кто на третью – по любви. Мама тоже иногда с папенькой ходит в Клуб собрания, но не на обычные вечера, а на выступления, типа концерта исполнительницы цыганских романсов какой-нибудь очередной «единственной заместительницы Вари Паниной» или мелодекламацию типа «Плач Ярославны». Мама тоже потом делится впечатлениями, но другого рода, вроде того, какая душевная тягучая была музыка, как на нее нахлынули воспоминания о своем девичестве и что сказала кума Настасья Ивановна, когда чай пили.

Миша мне вот летом рассказывал, что в Петербурге и Москве клубы при различных собраниях носят преимущественно закрытый характер и считаются элитарными мужскими организациями. У нас же это скорее место для семейного времяпрепровождения. Один раз, правда, в прошлом году устраивался вечер кафешантанного жанра. Все оживилось, в клубе просто аншлаг был. На афише было написано, что будет выступать «хор французских певиц из Петербурга в национальных костюмах». Мне особенно было интересно, что же за костюмы такие национальные у них будут. Мама не пошла, сославшись на то, что такие

сомнительные удовольствия ей не интересны, а Зина папу упросила. В итоге, она сказала, что половина этих французенок по-французски как мы с ней примерно разговаривают, а поют еще хуже. Одеты они были в платья с оборками в цветах национального флага, которые даже не приподнимали, когда чуть-чуть ножки вскидывали в подобии канкана. Тут, конечно, Зина мне изобразила, как им стоило бы это делать, задрав домашнее платье до подбородка, а ноги до потолка. Хотя, по ее словам, бойко торговал буфет и вообще сонная и скучная обстановка клуба приняла неузнаваемо оживленный вид..

Иногда в клубе проходят маскарады. Большей частью они скучны и неоригинальны. Штраф пришедшим без костюма и маски или снявшим ее до полуночи – всего 50 копеек, что приводит к тому, что даже большинство рачительных местных дам является без костюмов, предпочитая уплатить, чем тратить время на изобретение наряда, а мужчины вообще ограничиваются в лучшем случае полумаской. Но как-то раз на Рождество решили учредить призы за лучшие костюмы – золотой браслет и серебряный подстаканник. Вот тут хваткие вятские люди воодушевились и проявили недюжинную фантазию. Зина рассказывала, что рыбаков с рыбачками, польских жупанов, белоснежек, лезгинок бродило по залу без числа, а самым большим успехом пользовались костюмы-аллегии – «Весна-красна», «20 век», «Богатый муж двадцатого века». Главный приз, по мнению Зинаиды, незаслуженно взяла «Королева пельменей», у которой на голове была чалма в форме пельменя и весь костюм усыпан пельменями то ли из бумаги, то ли из папье-маше. Зина же была владычицей морской (кто бы сомневался) и, по ее утверждениям, властвовала над мужскими сердцами в тот вечер. Ха-ха-ха! Папа говорит, что ее принимали кто за русалку или ведьму, а кто вообще за рыбу! Говорила же я ей взять с собой тазик с мочалкой и время от времени эффектно так намыливаться и водой обливаться – точно бы гран-при ей достался, так Зина вся во власти своей косности и консерватизма только обсмеяла меня.

Что касается моего дебюта, то прошло все неплохо. Подъехали мы к клубу полным составом – папа, мама, Зина, я. Мама, кричала, конечно, пока, собираясь, туда-сюда по лестнице поднималась-спускалась, но твердо сказала: «Хоть ты и человек надежный, не то что Зинаида, но и за тобой присмотр нужен, тем более я тебя знаю – как плясать, так весь разум теряешь». Платье я надела Зинкино старое, на ее взгляд, старомодное, зато настоящее бальное – голубое, пышное, отделанное стеклярусом по подолу, к счастью, с закрытыми плечами, и маленькими рукавичками фонариком. Хорошо, что у Зины детские платья скромные, а то все эти вздыбленные волны вокруг выпирающих голых частей тела мне не нравятся, тем более что и выпирать-то у меня пока особо нечему.

Приехали мы на угол Спасской и Николаевской к дому купца Покребышева, на втором этаже которого висит изящная вывеска из латуни «Общественное собрание г. Вятки». Я давно замечала, что всегда, когда ты не можешь попасть в какое-то место, оно тебе представляется необыкновенным и удивительным. Вот я много раз проходила мимо этой загадочно поблескивающей при любом свете вывески и воображала себе мужчин, похожих на государя, обсуждающих дела, от решения которых зависит судьба не только Вятки, но и всей страны, прекрасных дам, ведущих беседы о прочитанных книгах и утонченно красиво танцующих мазурку. А ведь не далее как на прошлой неделе я уговорила наконец папу зайти со мной в лавку с вывеской «Султанка». Мне

казалось, что это должно быть удивительное место, где прямо с потолка свисают восточные костюмы, богато украшенные лошадиные сбруи, а продавец похож на джинна. А оказалось, что это лавка скобяных товаров, полное разочарование. Вот и здесь так же – узкие коридоры, разветвленные проходы, обычные комнаты вместо широких лестниц и балльных залов. Большинство завсегдатаев клуба – это не какие-то возвышенные светские деятели, а те люди, которых я прекрасно знаю и вижу в гимназии, в театре, в гостях, – всяческие кумы, сваты, шурины, сослуживцы, – многие в той же обыденной одежде, что и всегда. Даже и поделом мне – вечно я витаю в романтических даях.

Над коридором и дамскими комнатами, вдоль стены зала, на «хорах-балконе», разместился оркестр пожарной команды, который Общественное собрание приглашает на свои семейные вечера раз в неделю. Оркестранты выглядели очень парадно, и это как-то подняло мне настроение. Ужасно захотелось дотронуться до начищенной медной пуговицы на мундире какого-нибудь музыканта. Но как бы я это сделала? Конечно, после того как танцы закончились – я до балкона дошла и все там внимательно обшарила – все уголки. Вдруг, думаю, кто-то из них пуговицу все-таки обронил, но ничего не нашла. Конечно, у них там такая дисциплина – какие там пуговицы – такое ощущение, что они всю пыль после себя в мокрую тряпочку собрали и с собой унесли. Через балкон можно пройти в специальную женскую комнату, где Зина по обыкновению четверть часа пудрила свой нос. Как ее маленький носик выдерживает такие нагрузки – не представляю.

В главной зале стоят диваны и стулья для танцующих. Маман же сразу прошелестела юбками дальше, к сообществу мамаш, которые расположились вдоль дальней стены, у окон, откуда можно и зорко приглядывать, и степенную беседу с кумушками вести. Нас мама тоже пыталась за собой увлечь, но мы, конечно, не дались. А то к такому сборищу ни один кавалер в здравом уме не подойдет. Как Зина говорит, на них только взгляд кинешь – они уже и обвенчают тебя, и детей несуществующих крестят. Мы с Зиной чинно присели на диванчик в цетре залы, и я сразу же с ним слилась. Оказалось, что обивка абсолютно точно соответствует оттенку «Утреннее небо» на моем платье. В общем, пока Зина танцевала, я принимала на диване разные позы, пытаюсь придать своим телодвижениям грациозность и расслабленность. Получалось у меня, видимо, не очень, так как мама, устав бросать грозные взгляды на Зинаиду, призывающие ее подговорить своих кавалеров пригласить на танец и меня, вытащила папу из бильярдной, и весь остаток вечера они просидели, подпирая меня по бокам на злополучном диванчике. Папа пригласил меня на мой первый танец, тут все увидели, что я не так плоха, как кажусь на первый взгляд (ведь танцую-то я хорошо), и меня несколько раз приглашали. Два раза это были даже кавалеры, не связанные с нашей семьей никакой степенью родства или кумовства, – большой успех!

Танцами дирижировал взрослый гимназист на французском языке. В перерыве между фигурами кадрили танцевали легкие танцы. Оркестр играл очень хорошо, особенно вальсы: «Зимнюю сказку», «Дунайские волны», «На сопках Маньчжурии», «Над волнами». После моего любимого вальса Штрауса «Жизнь артиста» к папе подошла вице-губернаторша и сделала комплименты по поводу моего первого выхода в свет. В перерыве между танцами под пение приглашенного певца подали чай с закусками. Правда, пел он, выдавливая из себя звуки, и вид у него был

измученный, жалкий. Говорят, что перед концертом его экстренно вызвали в Петербург, и он очень торопился. А пианистка играла хорошо. И сама тоже хорошенькая, только очень бледна. Улыбка у нее – прелесть.

1994. Лена. 14 лет

Грязно, сыро, волочу ноги в старых осенних сапогах – мутотень одна. Как можно жить, когда одна стылая темень вокруг, с утра до ночи. В школе достали меня двойки по математике, и я стала прогуливать – гуляла просто, а если никого не было дома, то сразу домой шла. Классная позвонила маме на работу, и все вскрылось – ужас, ужас! Мама так раздухарилась, все кричала: «Что из тебя выйдет, какой специалист из тебя получится, как ты будешь жить?» Прямо предел мечтаний – взять счеты деревянные и костяшки перебирать, в немытое окно поглядывать. Или что там эти специалисты делают? Ах да, еще жидкий чай, наверно, пьют с тремя ложками сахара, макают туда заострившиеся бантики и «Санта-Барбару» обсуждают.

Я недавно за мамой на работу заходила, подслушала, как ее бухгалтерша рассказывала: «Сиси – такой импозантный мужчина, такой положительный, мне даже приснилось недавно, что мы с ним вместе по парку идем». Тетке на пенсию скоро, а она мечтает по парку с Сиси ходить. Вот приколы! Нет, я против «Санта-Барбары» ничего не имею, мне Мэйсон очень нравится. Но я сама хочу как в Санта-Барбаре жить – чтобы у меня был красивый дом с большой аркой, утром мне подавали кофе, потом я бы выбирала себе платье. Каждый день – новое платье, ездить по ресторанам... Не знаю, что еще? В Санта-Барбаре они больше ничего не делают – отношения еще выясняют. Но я чего-нибудь бы придумала еще интересное. И, главное, чтобы у меня было несколько пар сапог разного цвета, а не черный замызганный демисезон с рыбьим мехом комочками на три года. С мамой я, конечно, такими мечтаниями не делюсь. Она сразу замашет руками, заплачет, начнет вопрошать: «Кого я воспитала, кого? Бабушка, царство ей небесное, столько сил в тебя вкладывала, сказки Пушкина тебе по часу каждый день читала, стихи с тобой сочиняла, старалась, чтобы у тебя речь была литературная, образная. Видела бы она тебя сейчас!» Ну и все по накатанной – перевернулась бы в гробу, мы не об этом мечтали, одни выходные туфли на все общежитие, хуже не стали и все такое.

Придется таскаться на эту математику теперь каждый день, а то мама вообще озверела – даже карманных денег мне не дает, только на проезд. Я говорю: «Мама, мне голодать теперь, что ли?» Так она не поленилась, в свой перерыв съездила на автобусе до школы и отдала прямо в руки классной деньги за обеды на месяц. А я эту жратву столовскую терпеть не могу – переваренные сосиски в морщинах, над которыми пузырится целлофан, тепленький компот со склизкими фруктами и как венец творения – яйцо под майонезом. Хорошо хоть столовские тетki на выдаче у нас нормальные. Когда совсем еда отвратная, можно договориться, чтобы вместо комплексного обеда булки или коржик молочный с чаем давали. А так теперь даже ни жевачку купить, ни шоколадку в киоске. А так приятно было зайти в какой-нибудь модный магазинчик типа «Мадонны», прикупить там «Love is», сразу развернуть вкладыш, запихать в рот всю жевачку, а заодно все пообсмотреть в магазине внимательно – джинсы там, куртки, кофточки с черной сеткой,

салатовые юбки-резинки. Вот продавщица счастливая! Она же может вечером после работы все это мерять или даже надевать куда-нибудь на выход, а потом обратно возвращать. Если аккуратно носить – ничего и не заметно будет.

В общем – тоска, только и спасает, что у меня кассет много. Попов из класса мне позаписывал «На-На» там, «Кар-Мен», «Мальчишник», Алену Апиуну. После уроков закрываюсь в комнате и слушаю, танцую иногда. В танцевальном скоро отчетный концерт будет. Меня во все танцы в шестерку взяли, а в «Сударушке» – солисткой. Хоть это хорошо. Галина Борисовна кричит, конечно, на меня постоянно: «Меньше вульгарности, Агафонкина, благороднее, благороднее!» Но это ничего – можно и перетерпеть, покричит и перестанет. Это я только когда мне 7 лет было, боялась ее страшно. Она ведь не только орала, так еще и ходила с указкой, когда мы у станка занимались и за каждый промах била этой указкой по коленкам или по попе. Мне казалось, что меня жалит огромная медуза, которую я не могу от себя оторвать, просто парализовало от ужаса. Потом, когда я маме пожаловалась и она пришла с ней разбираться, та ей заявила, что особенно строга с теми, у кого большие задатки. С тех пор я к ее выкрикам отношусь спокойней, терплю. А то есть девочки, которым она вообще замечания почти не делает, но и ни в какие танцы их не ставит, а если ставит, то в четвертый ряд русской народной тоски платочком махать.

1913. Нина. 15 лет

Говорят иногда при рассматривании картины: «Как неправдоподобно! Таких облаков не бывает. Какое ужасное небо! Ничего подобного в природе нет». Но право, иногда самое невероятное бывает самым вероятным. Вот сейчас например чудесные, но и необыкновенные облака. Они совершенно неопределенного цвета: от розово-серого до великолепного желто-розового переходящего в бледно-крем. Хотела бы я их нарисовать масляными красками! Да так голова болит уже неделю, что руки дрожат. Вообще, когда голова болит – я становлюсь сама не своя, вся радость жизни пропадает, хочется только покоя и чтобы тебя жалели и по голове гладили.

Хорошо хоть в гимназии не очень много задают, а по педагогике – учитель новый. Находя, вероятно, неудобным, не познакомившись с классом, задавать урок, он стал читать книжку. Это – «Профанация стыда» сочинения Чарской. Она направлена к искоренению телесных наказаний, этих показателей нравственной грубости и отсталости. Ведь и теперь, несмотря на проповеди гуманности и призывы к ней, – ремень и плетка существуют. Я согласна с Чарской, что умение стыдиться – это показатель нравственной красоты человека и что избиванием эта красота уничтожается. Манера преподавания нового учителя мне понравилась. Видно, что он мечтатель, желающий видеть в людях только хорошее и верящий, что все дурное каждый может в себе подавить. Задал нам сочинение «О влиянии семьи, школы и среды на выработку нравственной личности человека». Для этого нужно прочесть сочинение Смайльса, Спенсера и Пэйю о воспитании. Но в библиотеке этих книг уже нет, и мне сказали, что их можно достать из мужской гимназии. Пришлось просить папу заручиться для меня годовым разрешением посещать библиотеку мужской гимназии два раза в неделю.

Немного страшно было идти туда первый раз одной, а ведь даже позвать никого из девочек нельзя – разрешение только на меня. Хорошо хоть, что библиотека в отдельном корпусе располагается.

Сама библиотека – прекрасна! Больше, наверно, нашей публичной и идеальная чистота и порядок. От витражей льется цветной свет. Поэтому, наверно, на меня всегда здесь благоговение какое-то находит, как в церкви. Вот бы у меня такая библиотека была в своем доме, когда я вырасту. Все до мелочей воображаю себе – отделку шкафов, резные балюстрады на антресолях, луч света, в котором пылинки плавают и конечно – скрипучую приставную лестницу, по которой нужно карабкаться до самых высоких полок. Я сама каталог изданий сделаю, чтобы любую книжку легко найти было и буду гостям показывать: «Здесь у нас современные авторы, в этом стеллаже – иностранная литература, а та секция посвящена вопросам философии. На этой полочке – коллекция моих любимых сочинений. Нет, нет, к сожалению, взять книгу домой нельзя – вы можете прийти к нам в любое время и позаниматься». Зина вон всегда книжки дает своим подружкам почитать, причем не стесняется и мои личные заимствовать. И что? Из пяти одна возвращается. Сама потом позабудет, кому что давала и на сколько, а учет вести толку нету. Печать свою личную закажу и лично все книги проштампую, чтобы ни у кого соблазна не возникало поживиться. Но, конечно, такую же обширную библиотеку формировать долго придется. Нужно просить, чтобы мне на все праздники одни книги дарили до старости, ну и самой покупать потихоньку, конечно.

На первый раз у меня было намечено купить три книжки: сочинения Надсона, сочинения Никитина и «Характер» Смайльса. И вот сегодня, зайдя с Зиной в магазин Мохова, я приобрела там себе сочинения Никитина. Купила книгу без переплета, так как переплеты прямо ужасные и не удовлетворяют даже малоразвитому вкусу, а кроме того, без переплета книги в два с половиной раза дешевле. Ведь когда капиталов немного, приходится и это в расчет принять. А переплести тетя Аничка попросит Василия Степановича, нашего гимназического письмоводителя. Он хорошо переплетает. Переплел мне уже: «*La dame aux Camélias*», полученную в подарок от тети. Она привезла и мне, и Зине из Петербурга по экземпляру. Заведующий библиотекой высокий и сухопарый надзиратель гимназии Алексей Иванович сначала на меня страх нагонял, а потом как-то мы с ним на почве книг разговорились, и я его бояться перестала. Благодаря его строгости и постоянным командам «вычищайте руки», «хлюпанье и кашлянье отставить» мальчиков в библиотеке было немного, а кто приходил, вел себя достойно, и я чувствовала себя в спокойствии.

Алексей Иванович отдельно показал мне книги из личной библиотеки Пушкина, оставленные в дар гимназии его вдовой Натальей Николаевной Пушкиной-Ланской. Хотя я к ней и неоднозначно отношусь, поступок – благородный. Среди этих книг есть Байрон на английском языке, весь испещренный личными пометками самого Пушкина. Просто поддержать такую книгу в руках – это уже редкое удовольствие. Есть интересное собрание книг Поль де Кока и «Декамерон» в заграничном издании с замечательными рисунками Густава Доре. Такие книги детям не выдают, конечно. Вообще кроме гимназистов здесь много кто бывает. Видела пару раз ссыльных, они в основном книги по кооперации или коммерции на английском и других языках берут. Губернские дамы рыться во французских романах приходят. Пару раз сталкивалась

с княгиней Торчаковой, нашей вице-губернаторшей. Какая-то она нелিপчатая. Росточку небольшого, а вертлявая и все время со свитой из странных господ, один из которых, граф де Дорфор, даже в библиотеку умудряется являться явно в нетрезвом виде. На прошлой неделе морозы были сильные, я как раз из библиотеки шла, когда вся их веселая компания во дворе гимназии из пролетки выгружалась. Морозно, все в шубы кутаются, а граф, одетый почему-то только в смокинг и цилиндр, чинно так княгине ручку подает, а сам не ежится и уши даже не красные. Я с дворником Федором Ивановичем в этот момент прощалась, мы прямо так и замерли, эту картину наблюдая. Он с восхищением на графа посмотрел и говорит: «Внутренний сугрев, наверно, у него сурьезный!» Я, когда дома эту картину в лицах пересказывала, все усмеялись.

1996. Лена. 16 лет

Мы едем в Испанию! Не Прибалтика, не Болгария – Испания – самая настоящая заграница! То, что я еду, – это уже точно, на меня купили билет. Он именной, и поменять его ни на кого другого нельзя, я специально узнавала. Упросила Галину Борисовну после репетиции мне его показать и потрогать. Мое имя, аэропорт прибытия – все по-иностранному написано.

Сначала, конечно, все было очень нервно, когда «Солнышко» на этот фестиваль испанский пригласили. Вроде бы уже согласились ехать, а когда начали обсуждать – выяснилось, что испанская сторона только проживание и питание нам предоставляет, а добираться нужно за свой счет. Галина Борисовна начала деньги с родителей трясти, и оказалось, что только четверо родителей из основного состава готовы полностью оплатить перелет. А у нас все танцы – минимум на 18 человек. Потом вроде договорились с администрацией, но она могла выделить деньги только на проезд автобусом, и то до Москвы. Автобусом! Это сколько бы ехать пришлось. Кое-как нашли каких-то спонсоров, которые дали денег на все билеты. Даже не знаю, где их и отрыли, таких щедрых, – бандиты, наверно.

Потом у нас начались внутренние волнения – кого возьмут. Ну тут я уже не беспокоилась, потому что я во все основные постановки в шестерку всегда вхожу, а многие девочки как с цепи сорвались. Как ни придешь на репетицию – сплошные разборки: «Да тебя берут, потому что твой папа заплатил», «Да у тебя такая задница, что тебя бы и за деньги не взяли» и все такое. Главное, пока музыка играет – все скачут и улыбаются так, что щеки сводит, стараются. Как только танец заканчивается или Галина Борисовна отвлекается – начинаются выяснения отношений. После того как Комарова с Борисенкой перед классикой подрались умудрились, нас всех срочно собрали и объявили гастрольный состав. В итоге едет почти вся взрослая группа основного состава. Не взяли только Комарову с Борисенкой за аморальное поведение и еще несколько человек, которые только недавно из «молодежи» перешли. Теперь на каникулы никого не отпускают – объявили срочные творческие сборы в спортивном лагере. Каждый день репетировать и комаров кормить – скуотища. Еще и Галина Борисовна будет в столовой между рядов ходить и считать, кто сколько съел, а потом, когда ты из столовки выходишь весь сытый и разомлевший, подкарауливать и объявлять – Агафонкина – 5 кругов вокруг лагеря, Петрова – 10 кругов, Селиванова –

15 кругов и без завтрака завтра. «Не стони, Селиванова. Жрать белый хлеб по три куса – ты не стонешь». Что-то разонравилась мне эта веселая лагерная жизнь совсем – выросла я уже, наверно. Никаких удобств, живем по двадцать человек в одной палате. В туалет ходить – одно мучение. Мало того что это все та же вонючая дощатая будка с кружком в полу, так еще и находится она чуть не за километр от домика, где мы живем. Я, пока добегу, пока подожду, чтобы там людей вокруг не было, чтобы мало ли какие-нибудь произвольные звуки ни до кого не донеслись, – вся измучаюсь. Еще защелка там обычно сломана. Вся раскорячусь там, чтобы одной рукой за дверную ручку держаться, а то вдруг кто-нибудь с набега наскочит. Живот у меня всегда начинает уже на второй день болеть. А если месячные – это вообще кошмар. Нужно ведь специально идти и договариваться с начальником лагеря, чтобы разрешение на ежедневное посещение душевой получить. По графику – каждый отряд вообще моется только раз в неделю. Остальное время, видимо, в речке нам подмываться полагается. Только ради Испании такое и можно вытерпеть. Хотя девочки говорят, что вроде одновременно с нами там городская юношеская сборная по футболу будет тренироваться. Может, это хоть как-то раскрасит наши тяжелые будни.

<...>

Сначала ехали до Москвы почти день в плацкарте. Вагон нам попался старый, дребезжащий, а внутри все какое-то облезлое, липкое. После нескольких часов тряски запахи туалета, жареной курицы и пыльных матрасов смешались, и получилась классическая плацкартная атмосфера. Только дембелей там не хватало для полного счастья. Мы почти весь вагон заняли, так что им, видимо, просто места не хватило. Девки еще порывались какой-то настойки выпить ночью, да Галина Борисовна сказала, что если хотя бы запах учует или, не дай бог, кто в туалете блевать будет, то она прямо с вокзала домой отправит, разбираться не станет. Галина Борисовна у нас женщина суровая, поэтому настоячку решили до Испании отложить. Полночи еще возня была с распределением бутылок по разным сумкам втихую.

На вокзале в Москве все притихли, прибились друг к другу, поняли, что в случае чего тут сгинуть навечно можно. Затолкают тележками, запихают локтями и в какой-нибудь тупичок столкнут, а сверху – банановой кожурой и обертками от шоколадок присыплют. Фиг кто найдет. Как назло, еще в очередь в камеру хранения стояли целый час, насмотрелись на привокзальных жителей. Ольга говорит мне: «А я думала, что Москва не такая. Я думала, что это самый красивый город мира. С детства мечтала на Красную площадь сходить, а тут один мусор и бомжи кругом». Ну я ей сказала, что в Москве, наверно, не везде так, а только на вокзале, но ее хрустальные мечты разбились, особенно после посещения вокзального туалета, который был еще и платный. Всем пришлось вокруг нее потом с водой и платками носиться, просить, чтобы она рвоту сдерживала, а то бы Галина точно подумала, что мы выпили-таки в туалете клюковки. Потом быстренько провели голосование. Кто хотел на Красную площадь – тот с Галиной на метро ушел, а кто в Зоопарк – с Эльвиркиной мамой. Даже если бы я на Красной площади и не была, то все равно ни в жизнь бы туда не поехала. Ведь зоопарк – это было просто прикрытие. На самом деле, мы пробыли там полчаса, пофоткались с жирафом и пошли в «Макдональдс»!

Я ни разу там не была. Правда, нам с Ольгой мама один раз, когда в командировку в Москву ездила, два гамбургера из «Макдональдса»

привезла. Она их упаковала тщательно, мы их дома в духовке подогрели, очень было вкусно. Это было перед 8 Марта, типа подарок нам был на праздник. А тут – и гамбургеры, и чизбургеры, и картошечка соломкой, и всякие пирожки, и мороженое с разными сиропами. Хорошо хоть очередь была в кассу, мы, пока стояли, все изучили внимательно, а то сразу трудно сориентироваться – это не в школьной столовой рожки с коричневой подливой заказывать. Так обожрались, что потом попы оторвать от сидения было трудно. Эльвирина мама взяла с нас клятвенное обещание никому не говорить, что мы в «Макдональдс» заходили, а то, мол, Галина Борисовна, сначала орать будет час про нашу неосознанность, а потом нам лично всем промывание желудка сделает. Это прямо очень похоже на правду, поэтому мы все улики уничтожили, у Селивановой два захованных пакетика картошки из сумки изъяли и доели, несмотря на ее вопли.

Галина Борисовна посмотрела на нас и ласково спрашивает: «Что-то у вас рожи больно довольные. Курили, что ли, мерзавки?» Мы все сделали честные глаза, головой мотаем, а Эльвирка, взяла ее под ручку и говорит: «Нет, конечно, Галиночка Борисовна, мы же не курим, а Селиванова с Петровой перед Испанией бросили. Честно, честно. С нами же моя мама была – она бы нам не позволила. Мы просто так душевно в зоопарк сходили. Столько там удивительных животных, вот, например, карликовый бегемот». В общем, опасность миновала.

Пока в аэропорт ехали на автобусе, Оля про Красную площадь рассказывала. Они все там продрогли, пока в очереди в Мавзолей стояли. «Мы, – говорит, – сначала сорок минут на ветру в очереди стояли со школьниками, которые матом со своей учительницей разговаривали, все замерзли, а потом нас, как стадо, через этот Мавзолей прогнали. Хотя мне и самой хотелось оттуда уйти поскорей. Лежит там восковой мертвый старичок, а мы как дураки посмотреть на него пришли». В общем, молодец я, что не пошла, а то бы расстроилась тоже. Все-таки Ленин – это Ленин. Помню, когда мне в садике хотелось домой, я на его портрет смотрела, и мне легче становилось. Нам же всегда говорили, что Ленин – это наш общий дедушка, который все видит и обо всех нас заботится. Вот мне и казалось, что Ленин меня как-то подбадривает, утешает. И взгляд у него теплый-претеплый, ласковый-преласковый.

В аэропорту все спокойно прошло, никто не потерялся, все погрузились. Такое чувство в самолете было нереальное. Все не верилось, что мы в Испанию на международный фестиваль едем, а не в Читу какую-нибудь в Доме культуры на слете самодеятельных коллективов выступать. Я же первый раз за границу поехала. Та же Эльвирка вон в Англию ездила в языковой центр на месяц, а Петрова – в Болгарию с родителями.

Очень это, конечно, ответственное дело. Я маму заранее стала подготавливать, что мне с собой денег нужно будет дать, хотя она сопротивлялась, говорила: «Вы же коллективом едете, вам жилье обеспечивают, трехразовое питание, зачем тебе вообще деньги? Только на всякие глупости тратить». Но всех родителей отъезжающих пригласили на родительское собрание, и Галина Борисовна сказала, что на карманные расходы валюту девочкам дать обязательно, это же капиталистическая страна! И что те, кто детям не доверяет, могут деньги ей отдать под расписку, она будет вести список с учетом трат и выдавать по мере необходимости. Мама мне так мало денег выделила, что даже сдавать их Галине не стала, еще и сказала: «Самое прекрасное в вашей поездке –

это впечатления, ты побываешь совсем в другом мире, постарайся это ощутить в полной мере. Если захочется воды купить или небольшие сувениры – денег тебе как раз хватит». Как будто кроме воды и магнитиков в Испании купить нечего, а одежда, а косметика? Это же Испания! Я прямо ночами на спала, все мечтала об испанских магазинах и думала, как бы мне это дело проверить.

Пришлось тайно организовывать встречу с папой, всяко жаловаться на свою тяжелую безотцовщину-жизнь с озверевшей мамой и кротким голосом просить помочь мне материально с поездкой. Папа, на удивление, денег дал, даже больше, чем я надеялась. За то, что я маму так в красках расписала, мне даже немножко стыдно было. Мама на самом деле нисколько и не озверела после его ухода, а наоборот, как-то успокоилась, смирилась что ли, только очень беспокоится за нас с Олькой и заставляет всякие тесты психологические выполнять, девочек каких-то под дождем рисовать. Но папе ведь не скажешь, что нам лучше стало, когда он ушел, вот и пришлось расписывать безрадостную жизнь. Тем более что муки совести ему на пользу только будут. Маме сказала, что папа сам мне немножко денежек дал, чтобы я хорошо там питалась и купила родным подарки. Тут уж ей возразить было нечего.

Деньги мы с мамой надежно сложили в самодельный кошелек и прикололи булавкой к лифчику. Здесь я не противилась. Лучше уж я при себе их надежно носить буду, чем переживать и проверять каждые полчаса. Тем более все девочки заначки в тайные места попрятали: кто к лифчику, кто к трусам приколот. У Галины Борисовны на досмотре в Испании, в аэропорту, ее кошелек, который она на шее на веревочке носит, нащупали и спрашивают на английском: «Мадам, что это у вас?». Эльвирка ей перевела. Галина, разволновалась, очки сняла и говорит: «Элечка, скажи, что у меня тут деньги на экскурсии для детей». Позорно, но что делать.

Когда наконец получили багаж и вышли из аэропорта, меня как будто мешком по голове ударили, но не пыльным, а с какими-то пахучими травками, теплым сладким воздухом и прорехой, из которой сыплется нагретый песок. Я, пока до автобуса шла, нарвала листьев с кустов, лепестков. Они на ощупь даже не такие, как у нас, – гладкие, шелковистые, мясистые какие-то. В автобусе кондиционер был и окна огромные. Пока до города ехали, такое ощущение было, что телевизор смотрим с увеличенной яркостью. Все такое нереальное, люди ходят, смеются, мороженое едят, и какие-то они все свободные, раскованные, яркие, как с другой планеты.

1913. Нина. 15 лет

Зина вчера получила письмо от своей любимой Маруси. Полвечера его читала, а потом нам час в лицах все пересказывала. Маруся ходила на открытие летнего сезона в яхт-клубе и Зине живописно описала неизбежное удовольствие от созерцания вальсирующих пар на эстраде, как будто выросшей посреди огромных сосен Заречного леса. Мол, она прекрасно провела время с семьей в чайном буфете с холодными закусками и фруктовыми водами. Зина вся распереживалась, что светская жизнь подружек бурлит, а она тут в деревенской глуши пропадает. Я ей и говорю: «Зинаида, читай между строк. За танцующими Марусяк наблюдает – значит, не приглашал ее никто, а фруктовые воды с мамашей

пила, потому как шампанское с кавалерами ей не разрешили, да и предложений-то, видимо, не было». Зина буркнула, что не очень-то и хотелось, но на душе, видно, полегчало, руки перестала заламывать. Папа сказал, что правление в этом году до последнего сомневалось – устраивать ли большой праздник и разрешить ли на него допуск дамам из-за прошлогоднего инцидента. В том году яхт-клуб отмечал юбилей водной феерией в итальянском стиле. Главной ошибкой было решение начать увеселительное мероприятие вечером, так как отдыхающие стали отмечать заходя в буфете и к спуску лодок на воду были веселы, но рассредоточены. Хотя действо было роскошное: десятки разукрашенных гондол и лодок сновали туда-сюда по реке, освещая путь фонарями или даже факелами для большей живописности. Однако закончился праздник страшным переполохом. На одной из лодок вспыхнули фейерверки, сидевшая вблизи барышня упала в воду, а один молодой человек в панике ринулся в примкнувшую сбоку лодку и чуть там всех не потопил. Барышню и притопленных вытащили, всех успокоили, скандал удалось замять. Но с тех пор зареклись от плавания по водам по ночам. Я сама-то не была, подробности в газете читала, ну и папа пересказал, что от сослуживцев слышал.

Мы в деревне уже вторую неделю. И сегодня так светло и хорошо. Кажется, будто и не уезжали отсюда, а учение и экзамены стали так далеки, точно отошли в область преданий. Зина ещё спит. Встали я и мама. Утро прекрасное. Сейчас поет, поет жаворонок; заливается где-то высоко в ясной синеве неба. На улице деревни никого нет, кроме крестьянских ребятшек. Дачники еще почти все спят. Во дворе курица квохчет над пушистыми цыплятами. Так благостно, свободно! Ходили с Зиной гулять после завтрака. Прошли улицей деревни и небольшим проулком в поле. Затем межой спустились к лесу. Походили немного, нарвали бессмертников, и я стала плести из них венок. Тут же встретились с Сониным папой, который шел на пески с портфелем и акварелями. Мне хотелось пойти с ним, но было уж много времени, и мы возвратились домой. Поиграли в крокет, но, когда пришел папа, я бросила игру. На первый раз играла отвратительно. После обеда пошли с ними погулять по деревне, посидели у дома Юдиных на скамейке, а потом пошли к нам «греться». Зашли все, даже Соня. Она уже второй раз была у нас здесь и сказала мне, что кроме нас не хочет быть ни с кем знакомой. Но вообще она нынче не так прячется от всех, как раньше. Миша в это лето тоже стал к нам выходить и теперь разговаривает со всеми, а не только со мной на литературно-общественные темы, что всегда было предметом для досужих домислов со стороны моей родни. А то раньше такой нелюдим был.

Хотя наш «дискуссионный клуб», как наши беседы Зина называет, мы по-прежнему с Мишей ведем. Вчера после чая, когда оба наши семейства ушли за молоком, оставив нас на веранде с папой, который мирно дремал в кресле-качалке, прикрывшись газетой «Вестник Трехречья», у нас был интересный разговор об эгоизме, жестокости, спокойствии и счастье. Начали с того, что я совершенно не могу объяснить себе добрые отношения цесаревны Елизаветы к крестьянам и презрительный взгляд на них императрицы Елизаветы Петровны. Я спорила с этим действительно не похожим на здешних студентом, и, чего я за собой никогда не замечала, довольно убедительно. Хотя мне очень понравилась его фраза: «Я удивляюсь, что нынешняя молодежь старается скрыть все, что есть в ней хорошего, человеческого». Мы солидарны,

оказывается, еще в нескольких вопросах. Вообще, могу сказать, положила руку на сердце, что моя человеческая симпатия к Мише не угасла. Он мне нравится, но не наружностью, а теми светлыми и хорошими взглядами, которыми он придерживается: на людей, жизнь, воспитание.

Иногда вечером мы садимся с ним у окошка в нашей гостиной и смотрим на реку молча, пока все остальные гомонят и играют в шарашки во дворе. Слушаем плеск воды от весел, глядим на мигающие огни рыбацких костров. Терпкий запах герани в горшках, нагретый за день деревянный скос подоконника, Мишино молчаливое присутствие – все это наполняет меня радостью больше, чем любое праздничное гулянье. Даже крепкая ругань плотовщиков, подчаливающих к берегу, не отвращает, а кажется какой-то правильной, понятной частью происходящего.

Завтра собираемся на заутреню в церкву, как здесь в Жерновогорье говорят. Александр Николаевич предлагает нам всем взять этюдники и краски и после службы ее нарисовать – больно уж она живописна. Помню, как она меня поразила, когда мы первый раз на лето сюда приехали. Белокаменное узорчье фасада снаружи, высокие арочные окна, беленый иконостас – все это создает какое-то ощущение приподнятости духа. Странные впечатления от храма в вятской глубинке, где обычно царит смирение под бряцанье затертых монет в кружке для подаяния. Местный батюшка нам рассказал, что постройка храма из местного опочного камня была мечтой для многих поколений жителей Кукарки. Богатые люди жертвовали деньги и опоку, а бедные работали на стройке, таскали песок, добывали глину и воду. По словам папы, он мало видел на Руси таких изящных узорчатых церквей. Как интересно, все это правильно передать красками – прохладу белого камня, спокойствие Вятки и Пижмы, между которыми стоит храм, чтобы это не было похоже на открытку? Там еще певчие были больно хороши в прошлом году. Басами да октавами, конечно, все вятские церкви славятся. Но тут еще вид у певчих былинный – все рослые, крепкие, с лохматыми хвостами и косицами. Низкие голоса так пели, что стекла дрожали. Папа говорит, что акустика в церкви очень хорошая.

1914. Нина. 16 лет

Морозно сегодня очень. С утра нас мама одела как маленьких, даже шаль мне наперекрест шубы повязала, валенки заставила напялить. Прибежали мы к гимназии и уже на подходе увидели синие сигнальные флаги на каланче. Так поздно вывесили, что все почти, отморозив щеки, пришли, чтобы там только узнать, что занятий не будет. Возвратились, напились чаю, еще даже самовар не успел остыть. Раз уж день неожиданно освободился, то решили загодя к Рождеству снять розовые шерстяные кофточки. Достали очень красивую прошивку, вместе с мамой и Зиной рукодельничаем. Вроде завтра по какой-то примете мама с Нюрой обещают потепление. Никогда их не запоминаю толком – дым без ветра стелется, Васька брюхом кверху лежит – что-то такое совсем ненаучное. Хорошо бы, а то я уже по гимнастике стосковалась.

Девочки многие ноют, стараются избежать уроков, а я так наоборот – все мысли дурные из головы выветриваются после упражнений. Я так переживала, что наша «Соколка» Зоя Петровна уедет от нас куда-нибудь и все наши спортивные упражнения закончатся. Ведь она на всю Вятку единственный преподаватель «сокольской системы» – женщина.

Один раз даже сам Ян Штагль в сопровождении директрисы приходил на наш урок, и говорят, что схему преподавания Зои Петровны одобрил. После урока о чем-то горячо с ней пошептался, и Зоя Петровна вызвала трех девочек из класса и предложила организовать дополнительный кружок для тех, у кого есть яркие способности. Я безумно обрадовалась, что и меня взяли.

Вообще спортивные кружки для девочек у нас не очень-то распространены. Охотничье общество, спортивная стрельба, яхт-клуб – везде заправляют мужчины, а девушки так – в гридеперлевых кружевных перчаточках в ладоши хлопать на соревнованиях. Зина, правда, говорила, что сестра ее одноклассницы Карелии увлекается шахматами и в сопровождении папеньки и брата ходит в шахматный кружок при реальном училище. Так в этот кружок по пять раз в год набор объявляют, никого набрать не могут, потому, поди, и на гимназистку согласились. На деньги там не играют, задачки какие-то все решают, соревнуются только друг с другом – никакого азарта, вот никто и не идет. А попробуй-ка в общество рысистого бега прийти даже с папой – завернут тебя с порога, еще и наговорят всякой чепухи – мол, ноги кривые будут, замуж никто не возьмет. А сами не столько на лошадях ездят, сколько ставки на скачках делают.

Вообще с приходом Зои Петровны досуг наш стал разнообразнее и здоровее, что ли. Зимой в саду гимназии теперь в обязательном порядке заливают горку и каток, и если не слишком морозно, то на мы коньках на спортивных занятиях катаемся, а малышей на горку выводят. Такие они смешные зимой – все закутанные, шарфами и шальями перевязанные, идут вперевалку за учительницей, как утята. Весной и осенью стали выравнивать площадку под лапту и даже все приспособления для лапты положили в корзинку рядом с дворницкой, чтобы кто хочет мог взять да поиграть. Не все, конечно, рады тому, что на большой перемене вместо того, чтобы в коридорах под ручку прогуливаться да шушукаться, надо галоши надевать и на улицу тащиться в чехарду или лапту играть под присмотром воспитателя. Но по мне так более полезное и развивающее занятие. Ну а кружок – вообще одно удовольствие, я так понимаю, что Зоя Петровна взяла программу Штагля и адаптировала ее для девиц, то есть убрала борьбу и добавила упражнений для гибкости. Еще она иногда приглашает нашего преподавателя музыки, чтобы он нам поаккомпанировал, а мы в это время делаем танцевальную импровизацию. Это моя любимая часть – просто танцуешь и ни о чем не думаешь. Лида с Анюткой сначала стеснялись, хихикали, а теперь по всему залу не хуже меня носятся. Зоя Петровна, правда, все время нам напоминает о том, чтобы мы музыку слушали, что танец, какой бы он ни был свободный, должен совпадать с музыкальным сопровождением, содержать определенный ритм, подчеркивать акценты. «Как река и лодка, – говорит она, – так и музыка и танец – невозможно представить себе, что лодку тащат по берегу три гребца, да еще и веслами размахивают вместо того, чтобы спустить ее на воду и поплыть. Так и вы – погружайтесь не в себя, а в музыку, садитесь в лодку и плывите!» Сейчас Зина рукодельничать закончит, я ее попрошу на мандолине поиграть, а сама потанцую, будут учиться совпадать с музыкой.

Вообще очень мне по сердцу такие незапланированные выходные! Никаких уборок, постирушек, гостей не намечено, можно натянуть машину душегрейку с истрепавшейся подкладкой из овчины, каждый час самовар ставить, не таясь, пить чай с сахаром вприкуску, как купчиха,

и в окошко смотреть, как снег идет да дым из всех труб валит. Я еще люблю дуть на горяченный чай и прихлебывать – так гораздо больше удовольствия получаешь. Жаль, что мама с Зиной этого совсем не понимают, жеманничают! А когда надоест чай гонять – можно газет из папиного кабинета набрать и читать всем вслух про разные интересные события и происшествия. Обязательно – с выражением и своими комментариями! Итак, новости на сегодня:

«В общественном собрании родительским комитетом реального училища устраивается вечер-концерт “Святки” в пользу недостаточных учеников. Концерт будет состоять из двух отделений. В первом будет разыгран водевиль, во второе войдут концертные номера. После будут непрерывные танцы (для учащихся средних школ до 1 ч. ночи) и живые картины. От 11 до 12 час. ночи – таинственный кабинет доктора Калиостро, а затем шествие “Святки”, конкурс загадок и т. д. Не обойдется и без счастливых бочек с призами».

«Взрослые горожане не дождались ныне ни одного народного чтения – этого разумного и полезного развлечения в досужее время. Нет у нас такого лица, которое взялось бы за постановку чтений. А крайне желательно, чтобы народные чтения возобновились и лица, располагающие знаниями и умениями, взялись бы за это дело».

И снова происшествия: «По данным Вятской городской управы, битье и кража уличных керосиновых фонарей, освещающих окраинные улицы, не прекращаются. С 18 декабря по 2 января по данным старшего ламповщика разбито ламповых стекол – 24, фонарей – 7, стекол фонарных – 12, похищено 13 ламп со стеклами. Бороться с этим явлением управа не в состоянии. Почему предполагается осветить все улицы электричеством».

«Проездом через город Вятку, только шесть дней, будет показываться живой страус, пойманный в Африке. Вышина страуса более сажени».

«В обществе “Северные охотники” – открытие сезона призовой и пулевой стрельбы. Приз общества (ценная серебряная вещь) разыгрывается при участии не менее восьми стрелков. Вечером иллюминация и катание с гор. В воскресенье состоится стрельба по бегущим зайцам (мишеням)».

«Сегодня в электротeatре “Модерн” после каждого сеанса картин – гастроли чемпиона мира, короля цепей Кириллова. Кириллов будет держать на себе оркестр из 12 человек, и на груди его будут разбивать молотами камень весом 15 пудов»

Мне страсть как охота пойти на страуса поглазеть или хотя бы на то, как оркестр на груди короля цепей Кириллова будет размещаться, я ведь очень представления люблю и всякие такие цирковые штуки, но кто же меня отпустит на такое «недостойное благородной девицы развлекательное мероприятие». Я даже и проситься не стала, чего зря воздух сотрясать. По мнению матушки, благородные девицы могут только на фортепианные концерты и драматические спектакли с глубоким патристическим смыслом ходить. Да и вообще, лучше никуда не шастать, а дома сидеть, носки вязать – полезное и благородное занятие, и ноги опять же не мерзнут! А ведь из обыденной домашней обстановки так здорово очутиться как будто совсем в другом мире. Еще я заметила, что в театре, в кинотеатре, в цирке – везде свой запах. В цирке-то, понятно, такой дух стоит, что Зина только и успевает платочек душить и к носу прикладывать, а вот театре нашем неожиданно пахнет немножко баней и березовыми листьями, потому что он полностью деревянный

и вообще похож на сказочную лесную избушку. Еще – жареными пирожками и керосином, ну и духами, конечно. Как глотнешь театрального воздуха, так сразу какое-то волнение появляется, предвкушение чего-то чудесного, чего не может быть в нашей обычной жизни. Люблю заранее прийти в зал, чтобы послушать, как оркестр настраивается. Зина, конечно, этого не одобряет. Она сначала в каждое зеркало в фойе смотрится, а потом по полчаса прохаживается, красоту свою неземную демонстрирует. Чтобы в буфет там зайти пирожное съесть или в уборную – ни-ни. Зинаида изображает благородную мамзелью, как наша Нюра говорит, а потом по приезде домой на еду накидывается и расстегав лапает по три штуки за раз.

Во время спектаклей некоторые господа сбивают, конечно, возвышенный настрой тем, что начинают усиленно сморкаться или крякать, а то и храпеть. Тогда все ближайшие ряды оборачиваются и на спутницу такого незадачливого зрителя бросают укоризненные взгляды, чтобы она его локтем потыкала. Я и домашние театры люблю, непрофессиональные, где актеры чувством берут, старанием. Особенно мне нравятся массовые сцены. Если много человек участвует, то всегда какая-нибудь нестыковка или курьез случается. Когда море изображают и полотном прикрываются – всегда чье-нибудь красное лицо в прореху высунется, чтобы воздуха глотнуть и снова погрузиться в пучину. Умора!

1996. Лена. 16 лет

Столько всего случилось, а мы всего три дня тут. У меня ощущение, что я видеофильм из какой-то заграничной жизни смотрю, а не наяву все это со мной происходит. Разместили нас в здании школы. Видимо, тупо вынесли из классов парты в коридоры и поставили кровати. Я сплю рядом с доской как раз. Вместо тряпочки там губка лежит, и сама доска – огромная, черная блестящая, совсем не как у нас, хотя пахнет так же – мелом и пылью. Школа, конечно, попримичнее, чем наша. Первый-то день мы так обезумели от счастья, что приехали наконец, что нам было все равно, а как ночь поночевали без кондиционера, так и пошли к Галине Борисовне просить, чтобы она права качать пошла к организаторам. Жара страшная, ночью душно, спать вообще невозможно, все просыпаются по пять раз и бегают в туалет ополаскиваться. Душ – во дворе – пляжная такая кабинка, без крыши. Все жители соседних домов по вечерам выходят на балконы и наслаждаются нашим помывочным процессом. Ну, насчет душа сказали, что ничего сделать не могут, а в спальню нам вентилятор принесли, и то полегче.

Мы с девочками специально у Галины Борисовны выпросили, коллективы из каких стран участвуют в фестивале, и все представляли, как мы будем вместе жить и с французами и испанцами тусить. А оказалось, что все нормальные живут отеле с кондиционерами, по два человека в номере, а только мы да белорусы – в школе. В общем, пофиг дым. Мы как приехали, затащили вещи и, хотя уже и темно, сразу побежали к морю. Пляж – прямо через дорогу от школы, повезло вот испанским школьникам. Пришли, а на пляже – полно народу, все сидят кучками, болтают, едят, кто-то даже с гитарой. У нас люди даже когда отдыхают, всегда настороже, что могут выгнать или кто-то напьется или подерется. А тут – какая-то атмосфера праздника, никто ничего плохого не ожидает, даже удивительно. Оказалось, что все собра-

лись закат встречать. Как солнце заходить начало, все сразу притихли, а в конце захлопали, засвистели, заулюлюкали даже. Я такой бурный восторг только на футбольном матче видела, когда мы всем классом на стадион ходили за нашу футбольную команду болеть. Хотя здесь закат как будто по телевизору показывают. Солнце – огромное, малиновое, и кажется, что оно в море прямо падает. У нас даже летом все бледное, выцветшее, а здесь – какое-то полноцветное, как будто с канала, где черно-белое кино показывают резко переключили на цветной фильм про заграничную жизнь.

В первое утро я проснулась полшестого утра, уже очень светло было и такое чувство, что нужно вставать и поскорее бежать, чтобы все самое интересное не пропустить, даже в животе кололо немножко. Смотрю – на соседней кровати Олька лежит, не шевелится, а глаза – по три рубля, сна ни в одном глазу. «Оль, – говорю, – ты чего не спишь-то?» А она: «Лен, я есть хочу так ужасно, прямо спать не могу». Пошли умываться, раз уж проснулись, а по дороге Галину Борисовну встретили. Она идет вся такая довольная, без очков, вид бодрый, посвежевший, но главное – в шлепанцах и в полотенце, окунаться бегала, пока мы все спим. Мы и давай ей жаловаться: всю ноченьку из-за духоты не спали, ели последний раз вчера днем в самолете, из-за голода прямо слабость на нас напала, Галиночка Борисовна, и все такое. Она, конечно, поворчала для виду, но отвела нас к себе в спальню, там, видимо, учительская была, а сейчас спальню для Галины Борисовны, тетеньки из Белоруссии и Эльвиркиной мамы сделали. Смотрим, а на столе на вышитом полотенчике и кипятильник в жестяной кружечке стоит, и буханка черного хлеба и палка копченой колбасы, и печенье «Юбилейное» – все подготовлено, чтобы русские люди на чужбине не оголодали. Накипятила нам Галина чаю, сделала по бутерброду, и, видимо, море ее размягчило как-то, порассказывала, как она ездила на международный студенческий фестиваль в Болгарию во времена своей юности и в нее влюбился сын какой-то болгарской партийной шишки, но она была тверда и устояла, потому что не могла предать Родину. Мы с Олькой друг другу все бока локтями истыкали, еле сдержались от смеха.

Мы хотели ее уговорить, чтобы она и нас отпустила искупаться, но тут уж она была непреклонна. «Я, – говорит, – за вас несу ответственность, утонете там или заманят вас куда-нибудь, как я в глаза вашим родителям буду смотреть». Мы пытались поспорить, что в шесть утра нас вряд ли куда заманят, а плаваем мы хорошо обе, но она ни в какую. «Будем ходить на плавание организовано, – говорит. – Это за граница, тут всякое может случиться».

Тут потихоньку все стали просыпаться, умываться, наряжаться, краситься. Галина Борисовна всех перед завтраком осмотрела, трех человек отправила переодеваться, юбки-резинки ей, видишь ли, развратными показались для завтрака, а четырех девочек, которые совсем недавно в основной состав перешли и еще суровый нрав Галины на себе не испытывали, самолично умыла. Их жалко, конечно, было, но они реально на себя по пол-кило тоналки намазали, там прямо трещины на лице даже образовались, с глаз ошметки теней падали. Что бы испанцы про нас сказали, ну и другие цивилизованные люди, если бы такое увидели?

Кормят нас в кафе при отеле, где почти все участники живут, это недалеко от нас. Первый раз мы, конечно, были немножко пришиблены,

вообще не знали, что можно брать, а что нельзя, переводчика нам еще не дали, поэтому мы минут пять сидели с пустыми тарелками. Потом упростили Эльвирку подойти к официанту и по-английски спросить, какую еду можно брать и сколько раз. Оказалось, что любую и сколько хочешь раз, система завтрака называется шведский стол – подходи и бери что угодно, только чай или кофе заказываешь и их приносят, но это тоже бесплатно. Сначала мы стеснялись и друг к другу жались, гуськом все ходили, разведывали, где круассаны и с чем, что за йогурт, пробовали соки из графинов, а потом разошлись и обожрались как сумасшедшие. Галина Борисовна нам ничего не сказала, она сама три раза к столу с едой подходила, а в конце еще две булочки с собой в полиэтиленовый пакетик положила. Обедом-то нас не будут кормить, только завтрак и ужин.

Завтра у нас уже все основные выступления закончатся, только через четыре дня гала-концерт, если нас отберут. Пока все идет хорошо, судьи лично к Галине Борисовне подошли и выразили восхищение нашей экспрессивностью и аутентичностью танца, что бы это ни значило. Эльвирку Галина Борисовна дергает переводить, поэтому мы в курсе всех деталей. Участвуют 12 коллективов – из Франции, Ирландии, Испании, один из Филиппин, один из Белоруссии и два из России: мы и московские девки. Они живут в отеле, все такие из себя столичные штучки. Но в целом-то нормальные девчонки, мы как покурили пару раз вместе, за пляжным туалетом, так градус пафосности и снизился. Договорились вместе в бар пойти и на дискотеку, сейчас все разведываем, где как и что, платный ли вход, продадут ли выпивку.

Ходим на пляж два раза в день – утром вчетвером с Эльвиркиной мамой и вечером – всей группой, централизованно – колхоз на выезде. Но все равно здорово, море, оно и есть море. Плещемся, загораем, рассматриваем, в каких купальниках ходят цивилизованные испанские девушки, строим глазки. В компании с Галиной Борисовной, конечно, ни с кем не познакомиться – она как цербер, всех отпугивает. А с Эльвиркиной мамой когда ходим, к нам несколько раз уже парни подкатывали. Правда, по-английски-то только Эльвирка хорошо говорит, Ольга хотя бы чуть-чуть изъясняться может, на уровне *My name is Olga* и все такое, все остальные вообще безъязыкие, чему нас только в школе учат. Я вот прямо серьезно стала подумывать о том, чтобы за английский взяться. Один парень, Паоло, когда подошел, все время на меня смотрел, улыбался, а как стали знакомиться, еще несколько раз мое имя повторил – Елена, Елена, так смешно у него получалось – Элэна, Элэна. Но когда стал разговаривать, а я ни бум-бум, постепенно на Эльвирку переключился, Эли ее зовет, приходит специально на пляж в одно время с нами и болтает с ней, подарил ей солнцезащитный крем, чтобы не обгорела. Провел ладонью по предплечью и говорит: «У тебя прекрасная белая кожа, Эли, не хочу, чтобы, она превратилась в кучу красных утолчков». Это Эльвирка нам перевела потом. Хотя приврала, наверно, чтобы покрасивше. Главное – даже Галина Борисовна запретить им общаться не может, Эльвирка – с мамой, а мама спокойно относится, даже отпускает их вместе за кока-колой сходить в местный супермаркет. Паоло на свои деньги берет несколько больших бутылок и угощает всех наших, а Эльвирке маленькую стеклянную бутылочку покупает. Ей прямо на кассе ее открывают и соломинку дают, я один раз с ними ходила, мне тампоны надо было купить, так он мне тоже маленькую бутылочку взял, Эльвирка была не очень довольна.

1914. Нина. 16 лет

Я впервые увидела море. Так часто себе его представляла, а оно оказалось все равно другим, не величественным и грозным, а ласковым и непослушным, как наша кошка Муся. Юдины собрались в Крым, там Александра Николаевича уже который год приглашали на свою пустеющую дачу их старые друзья, которые проводят каждое лето в Баден-Бадене. Он все отказывался, а тут Леночка говорит, что они уж особенно настойчиво звали, да и частные уроки ему нашли на все лето для соседских девочек – генеральских дочек, поэтому они и собрались. Я всю зиму болела. Как папа говорит, была очень плоха, два раза лежала в «мертвом доме», scarlatinном бараке уездной земской больницы да беспрестанно пила ртутный порошок. Ну и мама получила письмо от Елены Николаевны, в котором она зовет меня поехать с ними: мол, солнце и море помогут Ниночке оправиться, набраться сил, она нам как родная и все такое. Родители посоветовались, посоветовались с доктором, он эту идею горячо одобрил, и решили меня отправить. Да и Сонины письма в последнее время очень уж измелывали как-то. Очевидно, нужно обновление, подпитка, снова увидиться, поговорить, завести много новых общих секретов, тогда переписка снова оживится. Я все боялась, что может сорваться, но маман решительно запустила удочку в папин карман, все билеты были куплены заблаговременно, с Юдиными все уговорено, и мы отправились в путь.

Мама проводила меня до Петербурга, сходила в консерваторию на струнный концерт, всплакнула там по нашей провинциальной привычке, дала мне кучу наставлений, заставив даже кое-что записать (на обгорелую кожу нужно нанести деревенскую жирную сметану и прочая, и прочая), и наконец, передав в руки Юдиным, помахала мне платочком на вокзале. Девочки всего Мишу обсмеяли, что он в поезд во все белое оделся. Говорят, что он как узнал, что я тоже еду, так два месяца деньги копил, попросил Александра Николаевича найти ему двух учеников по рисунку, даже свой абонемент в филармонию кому-то продал, чтобы денег перед Крымом накопить и передо мной шикануть. Ну это так девочки говорят, я-то думаю, что это просто желание принарядиться и иметь свои карманные деньги на отдыхе, чтобы не просить каждый раз на кофе и мороженое у родителей. В общем, еще до отправления девочки Мишу так допекли, изображая, с каким надутым видом он стоял, когда к ним портной приходил костюм шить, что он не выдержал, обозвал их квелими дурами и ушел в мужское купе. В целом наше путешествие прошло хорошо. Выходили на станции прогуливаться, покупали пирожки и абрикосы, играли в шарады. В Одессе пересели на белый колесный пароход до Севастополя. Я была так ошарашена морем, что даже обезмолвела на какое-то время, Соня с Леной восторгаются, а я слова сказать не могу от счастья, слезы подступают.

От волнения не могла долго спать, вскочила, наскоро оделась и побежала на палубу. Вскоре вдалеке появился Севастополь. Оттуда нам навстречу бежали большие и маленькие парусные суда, летели крупные белые чайки. В самом Севастополе все бело, кроме синего-синего неба. Я так себе Грецию представляла, даже некоторые экипажи с белыми зонтами и бахромой. Миша прямо приосанился, хотя за время путешествия его костюм уже перестал быть кипенно-белым. Я в своем дорожном закрытом темно-зеленом платье вся вскипела и чувствовала себя ужасно, как древняя старушка, которая, несмотря на солнце и жару, неизменно вытаскивается на улицу в валенках и рваном ватном халате.

Выпили кофе, оставили вещи в гостинице, наскоро переоделись и до обеда пошли осматривать места исторической обороны Севастополя. Как вернулись, все окна были закрыты ставнями, для всех были приготовлены постели, как на ночь, и нам ничего не оставалось, как среди бела дня улечься почитать, так тут принято. С обеда до вечера отдыхают, а когда солнце скроется и воздух несколько остынет, начинают вечернюю жизнь. Нам во дворе накрыли чайный стол, принесли самовар, а затем мы пошли гулять на набережную. Все выгуливают свои наряды, драгоценности, а за неимением таковых – самих себя.

Я оделась в свое старое матросское платье, оно хоть уже и коротковато, зато очень легкое. Пришлось, конечно, шелковую накидку на плечи набросить, потому что, несмотря на жаркий климат, даже здесь приличные дамы с голыми руками не ходят, если они не на пляже. Ничего, вот доберемся до места, я там буду в одном купальнике целыми днями ходить и босиком – такая у меня мечта! Исходили набережную вдоль и поперек, только успевали по сторонам глазеть. Между светлыми соломенными шляпками с цветами и лентами и белыми офицерскими фуражками тут и там мелькают татарские меховые шапки и даже белая чалма муллы.

В каждом доме – лавка, лавочка или даже лавчонка, в которой зачастую помещается только продавец или мастер, который сидит прямо на полу, скрестив ноги по-турецки, и ленивая собака у порога, которая лежит и высунув длинный язык, тяжело дышит. Очень живописные старики, всем на вид лет по сто, сидят часами в кофейнях и чайных, коротают часы между молитвами в мечети. Только важный пузатый городской напоминает о том, что мы находимся в России, а не в каком-нибудь восточном царстве из сказок Шахерезады. Он лениво ходит в толпе, заложив руки назад, и важно глядит на всех из-под черных кустистых бровей. Запах еще тут такой: с одной стороны, аромат жареного мяса, с другой – сырых кож и меда, и все это перемешано с соленым ветром. Вот бы духи такие сделать – с запахом прибрежного города. Подушился ими, и сразу вокруг – толстые чайки, белеющие парочки и ощущение полной безмятежности! Миша купил орешки в меду, и мы, прогуливаясь под ручку с Соней и Леной, их грызли и все на свете обсуждали.

На следующей день мы прибыли на станцию Бахчисарай, которая оказалась настоящим татарским городишкой. Узкие кривые улочки с полуразрушенными мостовыми, красные черепичные крыши и заунывный призыв на молитву, разносящийся над городом несколько раз в день. Бахчисарайский дворец, так воспетый Пушкиным, честно говоря, на меня вообще впечатления не произвел. Я представляла себе роскошный замок с башнями и тронным залом, а оказалось, что это несколько малоэтажных построек, больше похожих на небольшое купеческое подворье. Только остроконечные минареты с полумесяцем добавляют восточного колорита. Внутри все небольшое, как будто игрушечное. Александр Николаевич сказал, что такое впечатление во многом из-за последней грубой реставрации, когда все старинные росписи закрасили, а интерьеры пытались сделать на манер европейских.

Конечно, Зине я все в письме опишу в более восторженных выражениях. Она-то вся мне обзавидовалась, что мы в Бахчисарай поедем и сможем воочию увидеть Фонтан слез. Ну и мне совестно, что я на море, а она в деревне тоскует, по кукарским сосновым лесам путешествует. Зине бы все равно здесь понравилось, как мне кажется. Она бы

бродила тут вся такая отрешенная и представляла себя любимой женой Крым-Гирея – Диляре, невероятной красавицей, из-за смерти которой хан так скорбел, что повелел запечатлеть свое горе в холодном мраморе в виде чаш, в которые льются его безутешные слезы. Очень это все, конечно, романтично, если не брать во внимание, что, до того как стать любимицей хана, Диляре была княжной Марией Потоцкой. Есть версия, что она была похищена татарами в результате очередного набега на Польшу и подарена хану в качестве трофея. А умерла она от горя и тоски по родине или от яда, которым ее отравила старшая жена хана – тут версии разнятся. То есть похитил девушку, насильно сделал ее женой, поселил в гареме вместе с десятком других невольниц, довел до смерти, а потом, значит, горюет, стихи и фонтаны заказывает, с наложницами утешается. Видела я изображение Крым-Гирея на иллюстрации Суреньянца – ничуть он не выглядит несчастным, возлежит на подушках в расшитом халате, усы в обе стороны топорщатся и кальян курит. Безутешные вдовцы кальян в халатах не покуривают – такое мое частное мнение. Еще и неизвестно, как Диляре умерла. Поговаривают, что ее сам хан задушил или отравил в припадке бешенства от того, что она так и не ответила ему взаимностью.

1996. Лена. 16 лет

В общем, как все случилось. Галина Борисовна обгорела, да еще морально был подавлена, так как во время вечернего купания рядом с ней загорала топлесс целая испанская семья – мама и две взрослые дочки с очень пышными формами. Она сначала на них бросала укоризненные взгляды, которые любого советского человека уже давно бы заставили прикрыться полотенцем, надеть купальник, шубу и уехать на постоянное место жительства в Караганду, но на испанок это совсем не подействовало. Потом она пыталась подговорить Эльвирку, чтобы она с ними по-английски поговорила и сказала, что рядом дети, это неприлично, надо подавать достойный пример подрастающему поколению. Эльвирка сказала, что она якобы не сможет это по-английски сказать, слишком сложно, и убежала на другой конец пляжа. Теткам, главное, хотя бы хны. Когда они стали маслом каким-то свои тела друг другу намазывать и прямо перед носом Галины замаячили груди мамыши, каждая килограмм этак по пять, та уже не стерпела и стала по-русски им выговаривать и руками размахивать. Весь пляж на нас глазел, стыдоба какая. Теткам хоть бы хны, только посмеялись. Галина Борисовна вся израсстраивалась и даже ужинать не пошла, намазалась сливками из маленьких коробочек, которые она за каждым завтраком штук по десять берет, и легла у себя с мокрым полотенцем на голове.

Тут мы и пришли. Не всей делегацией, выбрали самых приличных – Ольку, Петрову, меня и Эльвиркину маму. Ну и, воспользовавшись ее ослабленным состоянием, уговорили отпустить нас на дискотеку. Наврали там с три короба, что все участники и судьи туда пойдут, что чуть ли это не официальная вечеринка после закрытия фестиваля, она и разрешила под ответственность Эльвиркиной мамы. Тут у нас дым коромыслом начался, на гала-концерт мы так не собирались. От лака не продохнуть, везде идет дележ одежды. Я надела черное платье на бретельках, которое позавчера купила – простое, короткое, полностью

фигуру облегает, смотрится отпадно. У меня его тоже человека три пытались одолжить, но я, конечно, не далась. Все дни копила, даже на экскурсию в аквапарк с ними не ездила, чтобы побольше на шопинг отложить. Сейчас разбежалась я новое платье ненадеванное давать, чтобы они его облевали, потом своим провоняли, ну и вообще. Нечего было некоторым шиковать и ходить в пиццерию каждый день, тогда и на платье бы хватило.

Собрались, зашли за московскими девчонками и пошли в бар, в котором по вечерам больше всего народу. Как там классно! Все пьют коктейли, танцуют, болтают, а на террасе – шезлонги с пледами. Можно выйти, полежать, посмотреть на звезды, покурить кальян. Вход, главное, бесплатный. Встали мы в круг, сумки на пол, в центр поставили, чтобы не украли, стали танцевать – там все просто отпали. Девки-то еще все исстарались, все из себя извиваются, как будто они стриптизерши, а не участницы образцового ансамбля. Я тоже не отставала, конечно. К нашему сожалению, никаких медляков не было, только быстрая музыка. Все сниматься стали с бешеной скоростью, о парней каких-то незнакомых тереться. И вдруг ко мне подходит парень и что-то говорит по-испански, а я не понимаю, еще музыка орет, вообще ничего не слышно. Тут до меня доходит, что он спрашивает, как меня зовут. Я сказала, а он ответил: «Себастьян». Я прямо обалдела, Себастьяном самого симпатичного парня в сериале «Элен и ребята» зовут. Он даже на него немножко похож – такой же темно-волосый, высокий, зубы белые, в ультрафиолете прямо светятся. Тут мы разулыбались друг другу и стали танцевать вместе. Мне казалось, что это все не со мной происходит. Цвета стали ярче, музыка звучала прямо у меня в голове, а двигались все как в замедленной съемке. В голове только звучало – вот оно, вот оно! Тут заиграла какая-то песня, не очень медленная, но под нее все стали танцевать парами. Он взял меня за руку и так бережно положил ее себе на плечо, я просто растаяла. Глаза у него – голубые, манящие такие. Ну и мы стали целоваться как бешеные. Он выше больше чем на голову, и к концу танца у меня шея затекла ужасно. Музыка закончилась, Себастьян отстранился, и я поняла, что разогнуть шею не могу. Пришлось руками себе ее вправлять, так позорно было. Мы протиснулись к барной стойке, Себастьян спрашивает меня что-то, по смыслу я так поняла – про то, что я пить буду. Ну я же не понимаю ничего – коктейль говорю, он что-то спрашивает снова, тут я уже ничего не поняла, я из коктейлей только отвертку знаю, еще джин с тоником, но это я уж потом вспомнила. В общем, он взял нам по коктейлю – себе коричневый какой-то, сверху лимон плавает, а мне весь разноцветный, слоями и сверху какая-то разноцветная блестяшка на палочке. На вкус сладкий, но стопудово алкогольный, потому что после него я с табурета еле слезла, сразу голова загрузилась.

Мы еще потанцевали, девочки, конечно, бросали на меня взгляды с разными значениями, ну а мне-то что, я себя чувствовала королевой мира! Потом он мне жестами предложил выйти воздухом подышать, мы от бара немножко отошли, он меня что-то спрашивает, а я не понимаю. «Россия, – говорю. – Не понимаю». Он засмеялся: «Руссо, руссо». Вдруг меня осенило, что по-английски танцовщица – это дэнсер. Это же даже песня такая есть, я поэтому и запомнила. «Ай эм из дэнсер», – говорю. Он прямо в ладоши захлопал и повторяет: «Белла дэнсер!» Тут мимо него какой-то парень проходил, смотрит на меня, подмигивает и

Себастьяну палец вверх показывает, типа клевая девчонка. Себастьян все что-то говорит, я вообще ничего не понимаю, потом уже за руку меня взял и повел куда-то. Пришли мы на стоянку, я так удивилась, а он показывает на красную машину и говорит: «Май, май». Ну я худо-бедно поняла, что это его машина. Он дверцу заднего сиденья открывает и говорит: «Садись». Я поняла, потому что наша училка в начале уроке все время нам говорит: «Sit down, please».

Ну я и села. Ну не маньяк же он, маньяки такие симпатичные не бывают, наверно. И вообще – Испания, красивый парень, красная машина, а не заплыванный подъезд или продавленная плешивая тахта. Тем более что мне уже 16 лет, пора. Мы стали целоваться, и минут через 10 это случилось. У него был с собой презик, а нам на уроках ОБЖ фильм показывали, как его использовать, так что все получилось. К чему я была не готова – к тому, что будет так больно. Боль такая разрывная была, как во время месячных, только сильнее. Еще я боялась, что машину запачкаю, поэтому не могла как-то сосредоточиться на процессе, все пыталась платье взади одернуть, чтобы кровь на обивку не попала. Когда все закончилось, он меня по лицу погладил, и я наконец расслабилась. Хотя очень плакать хотелось почему-то. Пока я платье оправляла, трусы искала, он уже застегнулся и почему-то кошелек достал. Смотрю – он мне несколько купюр протягивает и говорит что-то. Короче, по ходу он подумал, что я проститутка, и не понял вообще ничего. Ну я не взяла, конечно, мне даже не обидно было, что он меня за кого-то не того принял. Я же сознательно все делала, сама хотела, чтобы первый раз был необычный, не как у всех. Мы вернулись на дискотеку, и девки меня увели домой, больше ничего не помню, голова очень кружилась.

В результате мы не договорились о следующей встрече, у меня никаких контактов его нет. Так обидно и странно. А ведь я размечталась, что мы с ним погуляем на набережной и он сводит меня в джелатерию и купит самое дорогое мороженое – банана сплит или еще другое, с вишенками и шоколадом и розовыми зефирками в форме сердца. Я там один раз была только с девочками, деньги все на шопинг экономила. Сегодня весь день, и когда на пляж ходили, и когда по магазинам, по сторонами оглядывалась. Все думала, что встречу его где-нибудь, ведь городок-то небольшой. Купила себе джинсы-клеш и кофточку на развале у набережной, маме – платок шелковый, она такие любит, а Ольке – водный пистолет, пусть в саду развлекается, помидоры в парнике расстреливает. Организаторы фестиваля сегодня устраивают прощальный банкет, Галина Борисовна всем раздала указания вести себя прилично и плотно поесть, так как завтра кормить нас уже не будут.

1999. Лена. 19 лет

Мама так звала меня на Новый год, как будто я не четыре месяца назад оттуда уехала, а лет десять уже дома не была. Все заманивала меня домашним празднованием, расписывала, сколько она всего наготовит, как мы будем пельмени вместе лепить и бенгальские огни зажигать. Я уже даже представила, как 31 декабря мы все толчемся на кухне. Я рюмкой кружочки из теста вырезаю на пельмени, мама трет соленые огурцы на свою фирменную «Мимозу», а на подоконнике стоит «Наполеон»,

и мы с Олькой тайком отковыриваем от него сладкие орехи, уже напившиеся сгущенкой, и раз в полчаса у мамы спрашиваем – когда он наконец настоится и можно будет съесть по кусочку.

Но потом я, к счастью, вспомнила, что к этому всему прилагаются еще маминны расспросы про мою работу, нравоучения, Олькины вопли по поводу того, что я не хочу с ней морозить попу на железной горке, настойчивые попытки обсудить со мной поздравительную речь Ельцина и рассудительно осталась в Москве. Накупили с девчонками готовых салатов в кулинарии, красной икры, мартини. В итоге наелись, напились, посмотрели начало второй части «Старых песен о главном», пообсуждали нашу общую детскую любовь Диму Маликова и поехали в «Пропаганду». Домой только в семь утра пришли. Хорошо еще, что у меня было два дня выходных перед сменой.

С одной стороны, я, конечно, рада, что у меня сейчас есть постоянная работа и по крайней мере мне не нужно каждую минуту думать, на что мне жить, а если не сложится – на какие шиши покупать билет домой, где меня встретит мама с бесконечным «я же говорила». Мои радужные очки с меня спали. С другой стороны, никто же мне не запрещает так же ходить по кастингам в свободное время. Если с карьерой модели что-то выгорит, то клуб я могу и бросить. А пока мне повезло, что у меня есть стабильная хорошо оплачиваемая работа. Катька говорит, что кастинг бывает раз в полгода и очередь до метро доходит. А я попала случайно. Из агентства отправили на конкурс красоты в казино «Мисс Кристалл». За участие платили 100 долларов, а победительнице – 1000 долларов фишками. Когда был конкурс в купальниках, мне больше всего хлопали. Я воодушевилась, улыбалась так, что левую скулу свело, а в итоге победила какая-то длинная белобрысая чушка, которая в представлении о себе стихи прочитала. Если ты такая интеллектуально возвышенная, так шла бы себе на конкурс чтецов, а не жопой трясти перед мужиками, которые в казино пришли играть и на девок полуголых посмотреть. В общем, сижу я расстроенная в гримерке, косметику смываю и думаю, как сто долларов на подольше растянуть, и тут ко мне подходит женщина – вся из себя такая ухоженная, дорого одетая и предлагает работу танцовщицей в элитном ночном клубе. Мол, у тебя такая красивая фигура и двигаешься ты прекрасно, сразу видно, что есть танцевальная подготовка. Я и говорю: «Разве она вообще нужна о шест тереться?» У нее сразу сталь в голосе появилась: «Детка, у нас танцуют девушки только с хореографическим образованием. К нам из ансамбля Игоря Моисеева, из кордебалета Большого театра на отбор приходят. В общем, вот тебе визитка, захочешь прийти на просмотр – позвони».

Конечно, я позвонила не сразу, недели две еще ждала непонятно чего, чудес каких-то. Ну а когда деньги закончились и ни один из трех кастингов за месяц я не прошла, сходила на вахту в общежитии, попросила у вахтерши позвонить. У меня от волнения пальцы несколько раз не в те дырочки на диске попадали. Вахтерша вся изворчалась: «Наростют тут когти, а потом даже позвонить по телефону не могут».

Оказалось, что самое трудное – это не раздеться, а сделать первый шаг на сцену, зная, что все эти люди, которые сейчас жуют салаты, курят и болтают, через две минуты увидят тебе голый. Внутри у меня все дрожало, но я собралась, вышла и к концу номера, когда сняла лифчик, уже ничего не чувствовала, включила свой автопилот для выступлений. Ну а когда я первую зарплату получила, меня такая эйфория накрыла.

Побежала сразу на Тверскую гулять. Вроде бы и одета я была как обычно, и на ногах у меня были все те же коричневые сапоги гармошкой, а на голове – мой старый дурацкий сиреневый капор, а чувствовала себя совсем по-другому. Деньги какое-то ощущение свободы дают, оказывается. Плечи расправились, взгляд перестал бегать. Впервые с тех пор как приехала в Москву, я почувствовала, что под моими ногами асфальт, а не болото с хлипкими кочками. Зашла в кафе, там меню в окне было выставлено, мне показалось, что не очень дорого. Заказала себе салат в хлебной корзинке и горячий шоколад. Старался жевать помедленнее, чтобы растянуть удовольствие! Уже когда стала есть, поняла, что никогда до этого не ходила есть одна. Ну там максимум шоколадный батончик себе в ларьке покупала или в столовке гороховое пюре. В общем, расслабилась, даже мысли появились бокал шампанского взять, очень захотелось почувствовать пузырьки на языке, да все-таки не решилась. Вдруг начнут спрашивать – какое шампанское, сухое там или сладкое, а я ничего не знаю, да и деньги будут целее. А после обеда еще зашла в парфюмерный магазин и купила себе мыло Dove. Мы дома только хозяйственным и детским мылом пользовались да еще иногда дегтярным, когда мама у нас с Олькой вошек истребляла. Я когда о Москве мечтала, то все время представляла, как я захожу в свою облицованную мрамором ванну и намыливаюсь белоснежным «Давом» с пушистой пеной, как в рекламе, которую по телевизору показывают. Еле вытерпела до общаги, прибежала в свою комнату и, не раздеваясь, достала мыло. Какое оно красивое – гладкое, не белое, а нежно-молочного цвета и пахнет пудрой и детским кремом. Положила его в упаковку обратно и решила не использовать пока, побережь. Один раз только в будний день, часов в одиннадцать, когда никого в душе не было, пошла и им немножко помылилась. Такое было ощущение, будто меня кто-то гладит.

В общежитии еще неделю прожила и переехала в квартиру к Катке, которая в клубе уже три года танцует. Как раз девочка, с которой она квартиру снимала, съехалась со своим парнем. Всего месяц прошел, а я уже привыкла. Анастасия Викторовна, наш арт-директор – холеная тетка, которая меня и завербовала, сказала, что я удачно вписалась. Девочки меня хорошо приняли, хотя Катка говорит, что нужно быть всегда начеку и все такие добренькие, пока меня не выпускают в зал и на приват-танцы. Я не особо и стремлюсь полураздетая за столики подсаживаться и выпивку выпрашивать, а тем более и оставаться наедине с какими-то извращенцами, но денег так гораздо больше можно заработать. Новеньких к таким прибыльным способам заработка не допускают несколько месяцев, присматриваются.

Мне нравится, что теперь мой день упорядочен и можно спокойно планировать свою жизнь хотя бы на несколько недель вперед, зная, что у меня всегда будет чем заплатить за квартиру, еда, деньги на шампунь и крем для лица. Маме сказала, что устроилась на подтанцовку к одной московской певице. Мама, конечно, вся разволновалась и стала спрашивать – не полуголая ли я танцую и как зовут певицу. Я говорю: «Мама, это не Алла Пугачева, так что ты ее не знаешь». А мама мне: «Лариса Долина?» Действительно, Лариса Долина ночей, наверно, не спала, ждала, когда я приеду и соглашусь с ней выступать. Сказала, что это молодая певица, еще не раскрученная, но если ее будут показывать по телевизору, то я обязательно узнаю день и время и заранее скажу.

1999. Лена. 19 лет

Вчера позвонили из агентства и пригласили на кастинг. Причем так необычно вежливо со мной разговаривали. Сказали, что кастинг закрытый и пригласили всего 20 избранных девушек. Про то, куда отбирают, правда, ничего не упомянули, а спросить мне неудобно было. Схожу завтра и все расспрошу. Заодно еще узнаю насчет фотосессии для портфолио, как раз я деньги начала на нее откладывать.

Уже неделю как выхожу в зал. Пока, правда, мое выступление ставят в самом конце. Я сначала так обрадовалась, обычно на концертах ведь последний номер – самый сильный. Только через несколько дней до меня дошло, что, пока я жду своего номера, все уже вышли в зал и самых адекватных клиентов разобрали. Все девчонки вдруг резко перестали быть дружелюбными, ничего мне уже не советуют, как хочешь – так и выкручивайся. Катька только одна меня выручает. Все подробно мне рассказала: как распознавать денежных клиентов, как раскручивать на приват-танец и, самое главное, как потом за все это получить деньги с администратора. Оказывается, самые выгодные клиенты – это не которые хорошо одеты, а те, у кого на столе много алкоголя и еды. Мне было вначале так стыдно произносить эту фразу: «Составить вам компанию?» Чувствовала себя беззубой побирušкой на Казанском вокзале. Даже Анастасия мне выговорила: «Почему ты подходишь с таким заискивающим видом, как будто милостыню просить собралась?» Посмотри на Машу – рост метр с кепкой, а идет как королева. Всем видно, что это она одолжение делает, когда к кому-то подсаживается. Я когда Машку впервые в одежде увидела, меня чуть смех не разобрал. Рост – метр пятьдесят, грудь с попой торчат, а над ними – детское личико с гладкой челкой, как пони в городском саду, такая же милая. Оказалось, что танцует она средненько, но, когда Машка в зал выходит, все наперебой ее за свой столик зазывают. Может, потому, что она совсем не похожа на модель и с ней не страшно заговорить, обычная девчонка. Вот и мне Катька тоже твердит: «Будь проще, не смотри так настороженно, улыбайся». Естественно улыбаться, выглядеть незаинтересованной, но открытой и в то же время ошупывать зал жадным взглядом – все это вместе мне пока неподвластно. Но я стараюсь.

Насчет приват-танца тоже очень нервничала, хотя мне сразу сказали, что никакого интима в клубе не допускается, везде установлены видеокамеры и если заметят что-то неподобающее, то меня сразу выгонят. Катька говорит, что здесь действительно строго за этим следят, хотя в Москве полно клубов, где танцовщицы обязаны вступать в интимные отношения с клиентом, если он того захочет. Не все посетители, конечно, наши правила воспринимают. Девчонки говорят, что за последний месяц только две драки было с поножовщиной. Один охранник вон две недели уже в больнице лежит, ждет, пока дырка в боку зарастет. Ну так время такое. По телевизору постоянно какие-то криминальные сводки показывают: то перестрелка в центре Москвы, то киоски грабят, то еще что. Мама, когда я ей звоню, постоянно причитает: «Ой, я смотрела новости, опять в твоей Москве посреди бела дня прямо на Петровке кого-то убили, машину подожгли. Ты вечером одна не ходи, проси, чтобы тебя мальчик какой-нибудь провожал». Прямо сплю и вижу, как мальчик в болоньевой курточке и шапке петушком встречает меня из клуба с пожухлыми гвоздичками, зажатыми подмышкой, и провожает, старательно следя, чтобы я в лужу не наступила. Ах, да, по пути он

еще заинтересованно расспрашивает, как прошел мой рабочий день. А я ему такая бодрым голосом: «Ты знаешь, очень продуктивно. Раскрутила двух клиентов на шампанское из спецменю, получила синяк на левой ягодице от потного нефтяника, когда он мне деньги в стринги запихивал, полчаса в приват-кабинке изображала кошку для постоянного клиента и наконец удостоилась своего процента за ночь от администратора. Ах да, к деньгам еще прилагался шлепок по попе, прямо по свежему синячку. А у тебя как дела? Сколько пар в институте?»

Хорошо еще, что я маме сказала, что у нас в квартире телефона нет и сама хожу звонить ей с Главпочтамта раз в неделю. И то она почти каждый день мне сообщения на пейджер шлет.

– Делали снеговика из ваты. Оленька получила первое место на конкурсе новогодних игрушек. Целую, мама.

– Провожали на пенсию Клавдию Петровну, было душевно. Холодно, не забывай про шапку. Целую, мама.

– Водила Олю смотреть на братика. Вылитый ты в детстве, такие же пухлые щечки. От папы – привет. Целую, мама.

Представляю, как девушки-операторы угорают, когда мама звонит и такую фигню им надиктовывает, они же всегда все еще переспрашивают по сто раз. Хотя в какой-то мере даже такие глупые сообщения и разговоры раз в неделю меня поддерживают. По крайней мере, я знаю, что у меня есть семья, которая обо мне беспокоится. Кому-то не все равно – надела ли я шапку.

1917. Нина. 19 лет

Вчера были на концерте бывшего Придворного оркестра, теперь – Национального. Исполняли произведения Чайковского: симфонию, скрипичный концерт и фантазию. Миша с нами не пошел, сказал, что нездоров. Действительно, я нахожу, что он похудел и стал какой-то печальный. Бедный, что же с ним? Верно, простудился.

Отправила Зине большое письмо, где было натолкано много чего: и социал-демократическая программа, и бытовые новости, и пословицы, которые просила перевести ее на английский. Как интересно будет: «Не зная броду – не суйся в воду»?

Написала ей, чтобы она не боялась за свободу, за будущее народное и за мое тоже. Если сейчас труднее жить, то это временно. Во-первых, после переворота, пусть и почти бескровного, нельзя требовать, чтоб сразу всё пришло в порядок и все сразу поняли всё. Ведь прежний режим так давил свет и свободу, что освобождение из-под него, конечно, вызвало отклонение в другую совсем сторону, но это пройдет.

Во-вторых, ведь всякий народ есть. Теперь, когда ничто не давит, большинство, на мой взгляд, сознательно отнесется к свободе, будет не дисциплина – формальная, казенная, а порядок, который осознанно поддерживается каждым человеком. Но надо запастись терпением. Нельзя требовать, чтобы в один месяц вырос народ, насильно удерживаемый в темноте старым режимом.

Суть не в деталях. Когда видишь, что свобода есть и нет преград к просвещению народа, то все будет! Теперь народ растёт скоро. Все волновались, как пройдут здесь похороны жертв за свободу. Говорят, что это был экзамен народа – русского гражданина. И он выдержан блестяще – порядком поражаются все, кто видел. Это было целый день,

по районам проходили процессии мимо Марсова поля, где будет памятник свободы. Порядок, говорят, был образцовый, все поражаются этому. Возможно ли было такое во времена полиции и старого режима?! Дуся ходила смотреть и случайно попала так удачно, что видела хорошо. Я была дома, так как занятий, понятно, нигде не было. В процессии участвовать – надо было на целый день устроиться, а смотреть толпой – ничего не увидишь. Так что мы с хозяйкой сидели дома, слушали рассказы Дуси, я занималась, пользуясь свободным днём, а на другие дни читала в газетах описание этого события. Только я за родственников переживала, все так официально было, успели ли они с родными попрощаться? Все-таки это похороны были чьих-то мужей, отцов, сыновей, а превратили все в манифестацию.

Временное правительство – из умных людей, один Керенский чего стоит, мне он очень нравится! Будет скоро Учредительное собрание, и всё придёт в порядок. Правда, материальное состояние – не демократии, а средних классов – будет нелегким, но зато нравственное удовлетворение большое. «Свобода, равенство и братство» – это святые слова, а где они были при старом режиме? А теперь осуществиться могут, может быть, не в идеале, но могут. Лишь бы войну скорее кончить, и тогда бы – мир, вечный мир, и народ пошёл бы свободной дорогой к свету, просвещению.

Вообще сейчас куда ни пойдешь – все спорят, что-то обсуждают, видно, что течение жизни бурлит. Намедни мы с Соней дискутировали насчет обращения «ты» и «вы». Меня коробит, что сейчас везде тыкают, я вижу в этом признак грубости, неуважения. Все-таки обращение на «вы» придаёт сознание спокойного собственного достоинства, взаимного уважения, а это нужно, для свободного гражданина нужно. Раньше писарям начальство не подавало руки, тыкало, хорошо было это «ты», унижающее человеческое достоинство? Соня отчасти согласна, но считает, что теперь «ты» будет звучать только дружественно, означать не грубое обращение, а равенство. Хотя мы с ней сошлись, что народ у нас свободу понимает как отсутствие всякой дисциплины и ничего не понимают ни мужики, ни бабы, если с ними говоришь хорошо, деликатно. Пока они понимают только громкий голос и резкости. Все равно я бодро смотрю на всё это. И всем сомневающимся, как своей квартирной хозяйке, тоже советую побольше читать газет, речи министров и проникаться бодростью и оптимизмом.

Хотя и у меня бывает упадническое настроение. Особенно я расстроилась, когда после болезни пришла-таки на Миллионную и никого там не застала. Входная дверь почему-то была разломана и снята с петель, а зал, где мы занимались, весь заставлен скамейками. На затоптанном полу валялись рваные газеты и шелуха от семечек. Трудно было представить, что мы танцевали там босиком, грустное зрелище. Попыталась расспросить у сторожившего мастраса, по каким дням теперь танцы, так он так зыркнул на меня из-под фуражки и сказал, что все танцы для барев закончились и теперь тут только политические собрания для сознательных граждан.

Ушла от греха подальше и решила наудачу зайти домой к Саше, с которой мы в первый день на танцах познакомились. Она недалеко от Миллионной живет, я к ней несколько раз после занятий заходила на чай, так что дом и квартиру хорошо помню. Долго стучалась, наконец через дверь Сашин голос: «Кто там?». Я говорю: «Сашуля, это я, Нина с танцев». Лязг замков, и наконец Саша стоит на пороге – вся какая-

то встрепанная, в кухаркином фартуке почему-то. Обрадовалась мне и пригласила в залу. Оказалось, что Ксения Ивановна, наша преподавательница по танцевальной импровизации, внезапно уехала в Кисловодск, и все занятия прекратились. Саша, обычно очень спокойная, была не совсем в себе, от всех громких звуков за окном вздрагивала и все время дергала свой кухарский передник. Сказала, что они тоже уедут со дня на день в Киев, а оттуда еще куда-нибудь, когда ее отец решит вопрос, как перевозить сбережения. Тут уж я вступила в полемику и сказала, что все такие порывы – от малодушия, неверия в свободное будущее, которое можно построить только сообща, всем вместе, не боясь за свое собственное я, а радея за коллективное самосознание! Думала, что Саша будет со мной спорить, но она вообще мои слова мимо ушей пропустила. Только смотрела на меня как-то странно и сочувствующе, а потом сказала, мне можно будет поискать новый кружок пластичек, когда все подуспокоится. На ее взгляд, новая власть должна их поощрять, так как дело это революционное, новое, связанное с отрицанием старорежимных устоев. Тут пришла из лавки их кухарка, отобрала у Саши фартук, угостила нас киселем, который она по какой-то новой методе в силу нехватки продуктов из монпансье делает, и я ушла восwoяси. Вот еще посмотрю на Сашу, когда она через полгодика вернется и будет сокрушаться, что все самое интересное произошло без нее.

Грустно, что люди видят угрозу в переменах, печально без танцев. Я пока болела, то все представляла себе, как приду и мы будем танцевать под Баха. Он так хорошо действует, когда грустное настроение. У него музыка чистая, отвлечённая, когда слышишь ее, входишь в эту сферу чистой, созерцательной отвлечённости от всего житейского, земного. Как Миша говорит, переходишь от от трёхмерного измерения к ближней сущности вещей самих в себе. И тогда, конечно, все свои личные горести кажутся такими далёкими, маленькими и разрешимыми.

1999. Лена. 19 лет

Блин, весна в Москве – это так классно! У нас в это время грязница, кучи старого серого снега на тротуарах, сосулистые глыбы тают и падают с крыш прямо на головы, а у большинства людей такой серый цвет лица, как будто они из подземелья повылазили. На весеннем солнце особенно заметна убогость заношенных пальто, малиновых турецких курточек с вылезающим из прорех пухом и дешевой красной помады не в тон, которая скатывается комочками в уголках губ. Снизу – обязательно колготки из лайкры 40 ден неестественного коричневого цвета, а сверху – распущенные мышиного цвета волосы, лезущие всем в автобусе в глаза. И я такая же была – всерьез радовалась тому, что можно наконец ходить без шапки и радовать всех видом своих коленок, надеясь, что это отвлечет внимание от моих потрескавшихся сапог цвета коричневой жижи.

Здесь ползимы вообще асфальт был как летом – сухой, чистый. Если наледь только немножко образуется, то ее сразу же убирают. Как так? Зимой – чистый асфальт, уму непостижимо. Ну а весной – все такие сразу модные, сумка в тон сапог, помада в тон ногтей, еще и стразы сверху приклеены на ногтях. Я тоже себе обновок прикупила – джинсовую курточку с мехом, обтягивающее голубое платье до колена и сапоги, конечно! Две пары сразу взяла – голубые замшевые под курточку

и черные из гладкой кожи, чтобы ко всему подходили. Все деньги, которые мне Мишаня дал последний раз, спустила. Сначала мне вообще неловко было его Мишаней называть – взрослый солидный дядька с пузом, с лысиной, но он так просил. Говорит, что его мама так всегда называла. Что мне, жалко, что ли? Девки до сих пор удивляются, что я с первого раза в Лужках такого крутого мужика подцепила. Главное, что не особо я как-то и старалась, но как пришли на дискотеку – разошлась, не могла сдержаться. После танца третьего только заметила, что вокруг меня кольцо из мужиков, которые на меня пялятся, а больше всех – мой Мишаня. Он, правда, в отличие от всех, еще и пританцовывал, пузом своим в такт музыке покачивал. Кроме меня там и смотреть было особо не на кого. Вроде модели все из себя, а пляшут – два притопа-три прихлопа или изображают какой-то дешевый вульгарный стриптиз. Засыпал меня комплиментами – как я круто танцую, какая у меня точеная фигура, ну я и решила с ним пообщаться, тем более что меня ни к чему это не обязывало. Пошли в ресторан, а я смотрю – за нами два шкафообразных качка каких-то идут, чуть ли не на пятки наступают. Я сначала вообще не поняла, хотела сделать им замечание типа: «Не видите, что ли, люди идут, куда прете?» Потом смотрю, Мишаня не реагирует никак, ну и просекла, что это его охранники. Вот была бы дурой, если бы начала наезжать на них.

Посидели в ресторане, поели, поговорили. Он, на удивление, был мил, все меня расспрашивал, откуда я приехала, чем занимаюсь, где учусь. Все ему честно рассказала, что мне скрывать. Правда, сначала как-то сомневалась – говорить ли про стриптиз. А потом думаю – кто он мне такой, чтобы врать еще ему с три короба. Оказалось, что он прекрасно знает клуб, Анастасию Викторовну и нашего главного хозяина. Сказал, что давно не бывал, так как много работы и все время в разъездах, а раньше ходил часто. Меня подмывало прямо порасспрашивать его про то, кого из девок он у нас знает, но я сдержала все-таки себя. Это было бы совсем уж по-дурацки. «Михаил, а кто из наших танцовщиц вам больше всего запомнился? А, Карина, да-да, скромная и приятная в общении девушка, и грудь ее пятого размера, наверно, навевает милые воспоминания». Прикусила язык и старалась поддерживать беседу на нейтральные темы: жизнь в Москве, погода, природа и все такое. Про себя он, правда, почти ничего не рассказывал. Сказал, что занимается бизнесом только, и все. Звал, конечно, меня в номер. Типа у него такой вид из окна открывается, что нужно обязательно на него в непроглядную темень полюбоваться. Не пошла, понятно, еще очень переживала, что он сейчас просто скажет охранникам меня затащить куда-нибудь, и все. Но все прошло мирно, он мне ручку на прощание поцеловал и свалил, даже телефон не попросил. Я уж и думать о нем забыла, а через дней десять он мне позвонил на домашний и предложил встретиться в ресторане «Пушкин», так все и закрутилось.

Встречаемся, правда, нечасто, зато каждый раз он меня в ресторан водит и денег дает. Денег – это уже после всего, у него дома. Квартира – роскошная, двухэтажная, в подъезде консьерж сидит, а из окон реально Кремль видно. Мое самое любимое место в квартире – это лестница. Перила – как у нас в Ленинском парке, кованые, ажурные, только красивее. Я все время обеими руками по ним провожу, ощущение пролады и спокойствия от них почему-то. Один раз, когда Мишаня не видел, я даже щекой к ним прижалась, а можно было бы – так я бы кусочек выпилила и в кармане всегда носила, чтобы при случае чего подпиты-

ваться уверенностью. Катька мне вся обзавидовалась, когда про Мишаню узнала. Сказала, что все девки его в клубе окучивали и даже с парой у него что-то было, но так, чтобы постоянно встречаться, – никто из наших не смог. Типа он женат, но жену его никто не видел, вроде бы она в Испании живет, в общем, здесь не отсвечивает. А в Москве постоянные отношения у него были с «Вице-мисс Россия», такой стервозной брюнеткой. Вроде и любил он ее, всем капризам потакал, квартиру ей купил, а она взяла и в Японию по контракту уехала. Говорят, что Мишаня потом агентство, которое ее отправило, чуть не разнес. Я прямо загордилась собой. Значит, я как минимум не хуже «Вице-мисс Россия». Почему, правда, она от него свалила?

1999. Лена. 19 лет

Мишаня уехал, а я сначала и не спохватилась, мы же не так часто делились, у него работа, дела. А тут у меня уже деньги закончились. Майские праздники на носу, а он не звонит, хотя сам говорил, что в длинные выходные поедет куда-нибудь отдохнуть. Звоню ему на домашний – никого нет, на сотовый – все время короткие гудки. Подумала, что он в командировку куда-нибудь уехал, не везде ведь сотовая связь есть. Стала звонить его охранникам и водителю – все недоступны. Тут я уже заволновалась, недавно взрыв в «Интуристе» был, он там бывал иногда на встречах, вдруг с ним что-то случилось. Поехала к нему домой, прошла в подъезд с соседом с другого этажа. Звонила, стучала, никто не открывает.

Консьержка, очкастая мымра, на шум поднялась и сквозь зубы процедила, что Михаил Константинович уехал, попросил его цветы поливать и сказал, что вряд ли скоро вернется. Еще она с нескрываемым удовольствием попросила меня к ним в дом не приходить, раз у меня знакомых здесь больше нет. Я попросила мне квартиру открыть, чтобы я могла свои вещи забрать. У меня там вещи, косметика осталась, все брендовое, дорогое, Мишаня дарил. Ночнушка – вообще из «Дикой орхидеи», 12 тысяч стоила, я потом зашла специально цену посмотрела. Так эта баба так разоралась, что у нее чуть глаза из очков не повылазили. Сказала, что сейчас милицию вызовет, чтобы они проверили, на каких вообще основаниях я в Москве нахожусь и шляюсь тут по подъездам, предлагая интимные услуги. «Интимные услуги» она прямо так протяжно, с удовольствием выговорила, тварь очкастая. А ведь, когда я с Мишаней приходила, она мне улыбалась, Леночкой называла:

– Леночка, какая у вас милая пушистая шапочка!

– Леночка, заберите корреспонденцию для Михаила Константиновича, из ваших рук ему будет приятнее ее получить.

Корова старая, обматерила ее и убежала, еще правда вызовет милицию, разбирайся потом, прописки-то ведь у меня нет. Конечно, не то чтобы я прямо влюбилась в него, но привыкла уже, рассчитывала на его помощь, планировала, как мы поедem отдыхать, а потом он позывает меня наконец к нему переехать. Представляла, как буду по вечерам устраивать гнездовье на своей любимой лестнице. Принесу туда подушек, пледов, обложусь глянцевыми журналами и буду пить кофе со сливками. А он даже не удосужился сообщить мне, что уезжает. О цветах своих он, значит, позаботился, а просто позвонить мне и попрощаться – это слабо.

Я ведь тоже человек. Один раз у него что-то с сердцем было, так я ему врача вызывала, за ручку его держала, когда ему укол делали. Он мне про свое детство рассказывал, как ему бабушка всегда горячее молоко с медом давала, когда он болел. Так я специально на рынок съездила, гречишный мед купила в трехлитровой банке, в маленькую баночку перелила, чтобы не с полиэтиленовым пакетом тащиться, а в сумку вошло и ему сюрприз сделать. Когда я кружку ему принесла в кровать, он чуть не расплакался. На следующий день расспрашивал, есть ли у меня права и какие машины мне нравятся. Я уж чуть было на курсы вождения не пошла записываться, так обрадовалась. В общем, чувствую себя как приبلудная шелудивая собачонка, которой в подъезде миску с едой оставляли, а потом в мороз пинком под зад выпнули снова у мусорных баков копать.

Девкам из клуба, видимо, Катька что-то рассказала, потому что они все как одна стали такими вежливыми, добренькими, не к месту начинали рассказывать свои истории про то, как мужикам нельзя доверять, как их парни кидали и что, мол, я еще легко отделалась, без пуза и без ребенка осталась. Подтекст у всех был одинаковый – не дура ли я, что на что-то рассчитывала. До Анастасии Викторовны тоже слухи дошли или она по виду моему поникшему что-то заподозрила, так что она заловила меня после репетиции, отвела к себе в кабинет, напоила горячим чаем и сказала, чтобы я собралась и не разнюнивалась. Я все держалась, но когда она передо мной гору конфет «Коровка» на блюдце вывалила – не замогла и разревелась. Понятно, что как дура я себя вела. У него семья, встречались мы раз в неделю, а я себе нафантазировала уже на десять лет вперед. Конечно, и не любила я его, и первое время наедине мне вообще было противно, но потом как-то притерлась. Я почувствовала, что чего-то стою, раз меня выбрал такой значительный человек. Анастасия Викторовна приобняла даже меня и сказала, что хорошо, что такое случилось почти сразу, как я в Москву приехала, и что это научит меня быть всегда настороже и выстраивать свою жизненную стратегию самой, чтобы мужчины от меня зависели, а не я от них. Я головой киваю, а у меня слезы по лицу текут и в чай капают. Утереться не могу, так как руки заняты – конфеты разворачиваю и ем. Про Мишаню Анастасия сказала, что слышала, что у него какие-то проблемы серьезные, вроде бы уголовное дело на него завели, и он срочно все бросил и уехал, ни с кем не попрощался. Мне даже как-то легче стало – значит, дело не во мне.

1917. Нина. 19 лет

У нас – переворот. Во главе Временного правительства – Родзянко. Всё, на что надеялись немцы, пропало. Соня говорит, что теперь война подвинется вперед и русские будут, а не немцы везде. По мне так что русские, что немцы – все равно, главное, чтобы люди были хорошие. Соне свои рассуждения не озвучиваю, а то скажет, что я по-мещански рассуждаю. Вечером после нескольких дней сиденья дома, так как в городе были серьезные беспорядки, прибежали как раз Соня с Мишей. В отсутствие сахара мы ели соленую манную кашу на воде, которую хозяйка наварила из каких-то старых запасов, и читали газеты и телеграммы Временного исполнительного комитета.

Когда все это началось, то я была уверена, что Государь номинально останется во главе страны, хоть и немецкая партия будет парализована.

В России должен быть царь. Но напрасно я так предполагала. Милюков раньше, чем следует, сказал об отречении Государя представителям иностранных держав. И даже некрасиво обозвал его и резко. Это уж совсем нехорошо – неделикатно, нетактично. Это подрывает доверие, не делает ему чести. Мы сошлись с Соней на мнении, что представители любого правительства должны быть справедливы. Надо быть благородным и очень наблюдать за собой, когда говоришь и делаешь что-то для страны и от имени всей страны. Неблагородно пользоваться своей силой и безнаказанностью над незащищенным и побеждённым. Мне почему-то Государя стало так жалко! Он отрёкся. Конечно, это всё-таки вынужденное решение. Нелегко ему, разве делают эти вещи с лёгким сердцем, но какая обуза с него спала. Ведь так досадно и больно видеть собственное безволие, постоянно чувствовать чужое влияние, тяготеющее на тебе, и не иметь силы всё-таки его сбросить. А вот его дочкам гораздо труднее. На них тяжести такой не лежало, они привыкли к всеобщему вниманию, у них уж образовалась привычка к комфорту, к первенствованию, к поклонению. Им лишиться всего – тяжело, ведь они не испытывали мучений совести, не устали от непосильной тяжести, и им не хочется отдохнуть. Но кому теперь всего мучительнее приходится, кто теперь больше всего страдает – это Государыня. Вот уж человек, который лишился всего. Всё в руках было, всем правила, как послушной лошадкой, и вдруг – лошадка вырвалась и даже вожжей не осталось в её руках. Брат государя, Михаил, тоже отказался – впредь до всенародного избрания. Миша с горячностью настаивает, что напрасно он это сделал. Конечно, по отношению к брату этот поступок и правильный. Как будто он говорит: «Если он не хорош, то лучше ли я?»

Но я согласна, что «для блага родины», а именно это – лозунг переворота, Михаил должен был взять власть в руки на этот момент. Всё теперь так шатко, так неустойчиво. Вот «всенародное избрание», на которое Великий князь ссылается, состоится ли оно? Уже сейчас ясно, что думцы будут агитировать в пользу революции. А это – несвоевременно, не нужно, не свяжется с ходом всей истории России. России нужен царь, хотя бы он и пользовался ограниченной властью, хотя бы он был царём номинально. Пусть это будет только имя, пусть воля его будет ограничена. Царь должен быть! Удивительно, как все вокруг меняется и у меня переменяются взгляды и мысли. Миша посмеялся надо мной и сказал, что раньше за такие слова и рассуждения я была его газетой и называла «монархистом», «постепеновцем» и «черносотенцем».

Глупенький он, разве дело в названиях. Он смеялся, а у меня глаза были на мокром месте.

<...>

Сегодня принесла «Плейбой» домой – видела бы мама! Из агентства позвонили и сказали, что скоро в русском «Плейбое» кастинг на девушку месяца и они меня пригласят. А я знаю, конечно, что там про голых девушек, но в руках его не держала никогда. Хотела изучить, кого там выбирают, как девушки позируют и все такое. Странно, что на обложке группа «Лицей», учитывая, что все они плоские. Для маскировки отсутствия груди их фруктами посыпали, какое-то извращение просто! Еще бы майонезом помазали и следку сверху положили. Правда, журнал старый, я когда в солирий ходила, его там на ресепшен стащила, чтобы самой деньги не тратить. Сейчас, может, уже другие стандарты. Мне кажется, я бы хорошо там смотрелась в дорогом белье – не красном кружевном, как у нас все любят в клубе, а в гладком атласном

кремового цвета, как на манекене в «Дикой орхидее» на Тверской. Даже через стекло витрины можно представить, как оно холодит кожу. Я бы такое белье надевала не на свидание и не так, чтобы лямки от лифчика или полоски от стрингов сзади торчали, а под какое-нибудь закрытое платье или голубые джинсы с простой белой футболкой. Надо было Мишаню на белье раскрутить, да я думала, что все успеется. Тем более что он был в восторге и от моих комплектов с прозрачными вставками и стразами, которые я на рынке покупала.

Не знаю только, как я маме буду объяснять, если меня реально в «Плейбой» возьмут. У нас же журналы с полуголыми всегда в газетных киосках на самое видное место выставляют. Их, видимо, покупают лучше всего. Вдруг мама захочет купить «Провинциальные вести», чтобы местные новости и афишу культурных событий просмотреть.

<...>

Я в шоке просто, позвонили из агентства, уточнили на руках ли у меня загранпаспорт, и сказали срочно привезти его, чтобы отдать на визу. Получается, что меня даже без кастинга взяли! И я еду в Ниццу! На четыре дня, правда, но какая разница! Какая-то девушка из уже отобранных не смогла, и срочно стали искать замену из тех, у кого загранпаспорт есть. Слава богу, что мне еще для поездки в Испанию паспорт сделали на пять лет.

Не совсем понятна, правда, суть работы, но после Лужков я уже особо не парюсь на эту тему, тем более что нас будет пять человек на одного мужика. Девки говорят, что даже при всем желании к нему не подберешься. Он ходит везде, а мы всей толпой за ним таскаемся. Если он не позовет, то тусим просто у отеля. Катька ездила так в Куршавель вместе еще с 9 девушками. Говорит, что мужчину, которого они должны были сопровождать, она видела только в самолете туда-обратно и один раз за ужином, и то девки сидели за одним столиком, а он за другим. Проживание, питание – все оплачивают. Главное – хорошо выглядеть с утра до ночи, ходить везде толпой, чтобы везде шептались – это девушки такого-то и были впечатлены их количеством и качеством. Когда Катька ездила, все девушки были исключительно блондинками с большой грудью в ассортименте от третьего до пятого размера. Представляю, этот детский сад грудастых блондинок на выходе. За веревочку их, интересно, не заставляли держаться?

Я даже не расстроилась, что меня в последний момент взяли. Надо радоваться тому, что имеешь. Даже карманные деньги дадут! Можно будет там что-нибудь прикупить. Хотя, наверно, дорого там все будет, это же Италия. Или Ницца – это Франция? Точно не помню, надо в агентстве спросить. Еще выдали нам каждой по красному и белому купальнику, сказали обязательно их взять с собой, потому что будет фотосессия во время прогулки на яхте. Во время прогулки на яхте! Я только на лодке по пруду у цирка каталась вместе с папой и Олькой. А тут – яхта! В клубе поменялась просто сменами с Катькой, отработаю потом две подряд. Маме сказала, что певица моя на гастроли поехала, будет в Ницце в казино выступать. Мама, конечно, вся разволновалась: «Что за казино? Все как-то сомнительно! Ни в коем случае не играй в азартные игры!» Все как обычно. Притом что я, кроме дурака и акул, ни во что больше играть не умею. Сомневаюсь, что в Ницце такие игры популярны. Просила как-то папу меня в покер научить, так он все откладывал, откладывал, а потом уж и ушел от нас. В любом случае ни во что играть я и не собиралась. На какие шишы, спрашивается?

1917. Нина. 19 лет

Вчера были в Мариинском на «Майской ночи» – я, Соня и Елена Николаевна. Соне почему-то не хотелось идти, и она плелась еле-еле, так что мы с Еленой Николаевной практически тащили ее под руки. В результате мы опоздали, и капельдинер долго не открывал ложу. А я не люблю слушать не сначала. То ли дело до начала посидеть, на людей посмотреть, прийти в себя, сосредоточиться и тогда уже и слушать. В одном антракте на сцену вышла делегация Черноморского флота, и один матрос говорил речь. Конечно, были аплодисменты, овации, гимны, «Марсельеза» и так далее. На сцене с делегатами почему-то остались стоять некоторые артисты – русалочки, малороссы и Панночка. Интересно, конечно, только, на мой взгляд, опера от этого пострадала, цельного впечатления от музыки не осталось.

Вообще из-за переворота сейчас происходит много странного, непонятного мне. Много нехорошего, много грязи, и из-за общественного бурления она стала видна, всплыла наверх, но раз ее видно, ее можно смыть. Соня говорит, что хуже если бы она веками копилась внутри, а снаружи было бы все шито-крыто. Она, как отъявленный агитатор, встает у печки спиной, чтобы попу погреть, и с таким энтузиазмом вещает, что иногда слюни до нас с Мишей долетают:

– Да, сейчас – грязь и темнота, пока еще ночь, но близко утро, и никто не будет закрывать плотными занавесками тот просвет, чтобы народ оставался темным. Возможно, что с дневным светом придется увидеть и что-то малопривлекательное, но легче будет это искоренить, исправить. Это лучше, чем закрывать глаза на все тягостное. Это не розовые очки, нет. Здесь в Петербурге много непривлекательных сторон. Те, кто приезжают сюда из других городов, удивляются распушенности и трудности жизни петербургской, и здесь, возможно, больше всего отзывается революция, переворот ведь начался отсюда.

Правда одна – что мы действительно живем во время судьбоносных событий. Надеюсь, что если не нам, так следующим поколениям будет лучше. Я думаю, что и война кончится скоро тем, что все престанут воевать, силы истощены. Я недавно читала «Сказку» Горького в газете «Новая жизнь» о Кузьмичах и Лукичах. Вот хорошо написано, неужели так и будет? Может, это легкомысленные надежды, ведь теперь тяжело, трудно и даже неизвестно, будет ли скоро легче. Теперь брожение, переустройство всего, но в конце концов все должно ведь как-то устроиться. Многим привыкшим и свыкшимся со старым порядком теперешняя ломка кажется беспорядком, равенство – возвышением низших классов и насильным унижением высших до среднего уровня. Трудно поспевать за всем, такое ощущение, что все вокруг происходит слишком быстро. Как будто попал в снежную бурю и пытаешься что-то разглядеть, чтобы добраться до дома, за что-то уцепиться, чтобы не сшибло с ног, но видишь только какие-то белые пятна и чувствуешь, как колючки снега хлестают тебя по лицу. Несмотря на это, ты стараешься идти наугад, а когда буря заканчивается, то вдруг обнаруживаешь себя не по дороге к дому, а в каком-то заснеженном поле посреди чахлах елок. Вот и сейчас примерно так же.

Миша говорит, что у него и Александра Николаевича скупили все картины. Странно, в такое время все коллекционерами вдруг заделались. Причем много отдают продуктами и вещами, они сейчас ценятся больше, чем деньги. Александр Николаевич написал на заказ

картину с бурным морем, получив взамен пошив добротного зимнего пальто на ватине. За Мишин «Снежный день» с замерзшим прудом, на котором маленькая девочка в валенках, закутанная в шаль, изображает фигуристку, дали двадцать фунтов белой муки, десять фунтов сахарного песка и гуся. Уговаривала Мишу не продавать, так он – ни в какую, сказал, что еще пять таких картин напишет, а мне жалко вусмерть.

Девочки с курсов, которые ходят помогать в лазарете, тоже говорят, что солдаты не стали признавать никакой дисциплины, вплоть до того, что воруют спирт в открытую и главного врача батей называют. У нас так странно понимают свободу. Каждый – по-своему. Дуся наша рассказывает нам с хозяйкой, что бабы говорят. Когда она за водой к колонке ходит, у них там дебаты почище, чем у депутатов, изображает нам в лицах:

– Ну, слышь, нынче лишних барынь не будет.

– Всех кухарок отберут.

– Сами и стряпать будут. Умора!

В одном вопросе бабы едины:

– Как можно без царя!

– У нас все говорят, што царя надо.

– И солдат пришёл раненый – баёт, що солдаты-те не идут в бой-то. За кого-де мы теперь пойдём? Царя-то у нас взяли.

А многие эту самую свободу вот как понимают: идёт человек по улице, понравилась ему барышня – он подходит, обнимает и целует её со словами «Свободная Россия!». Вот как, значит: для мужчин свободная Россия, когда можно любую девушку за попу потрогать! А для девушек в чем свобода тогда? Терпеть такое? Неужели наша неприкосновенность не гарантируется свободой? Ведь это что же за хулиганство такое. Нужно ведь уважать себя, чтобы не сделать чего-нибудь неподобающего, и не меньше уважать чужую свободу. А вот об уважении чужой свободы у нас не привыкли думать. А если бы каждый так думал – как значительно легче стало бы жить! Или еще солдаты в трамвае говорят: «Теперь все равны. Мы получаем полтинник в месяц, пусть и прапорщики столько получают». Они сами плохо, бедно живут, так пусть и остальные так же. В это разве смысл перемен? А бабы деревенские поддакивают: «Теперь равенство, ну и не всё городским в шляпах ходить, мы купим тоже».

В общем, пока у нас свобода – это не добровольное обязательство уважать чужие права наряду со своими. Равенство так понимается – хочу быть грубым и нахальным, и не смейте мне возражать, если вас я поцелую, а другому плюну в физиономию! Еще равенство – это купить шляпку и туфли на каблуках и ехать в первом классе.

1999. Лена. 19 лет

Завтра мама приезжает, а у меня в квартире – бардак ужасный, половину еще только прибрала. Катьку просила, как человека, у себя тоже привести все в порядок – обещала, обещала и ничего не сделала. Колготки и трусы ее аж на телевизоре висят. Распихаю барахло по шкафам, пусть сама потом разбирается.

Тяжко так возвращаться в нашу квартиру после Франции. До сих пор не могу поверить, что я в Париже побывала. Я же в школе фанатела

от «Элен и ребята», все карманные деньги тратила на жевачки со вкладывающимися в них портретами. В гостинице напрягла свой английский как могла, пыталась расспросить портье, как найти кафе «У Альфредо», где они в сериале все время тусуют. Сначала он мне что-то все втолковывал про ресторан при гостинице, все повторял «Мишлен, Мишлен», видимо, называется так, туда меня спроваживал. Только минут через 10 до него дошло, когда я уже весь сериал ему в лицах практически изобразила. Как можно жить во Франции и не знать про «Элен и ребята»? Маша, наша девочка, тоже вниз спустилась зарядку для телефона попросить и перевела мне, что такого кафе в природе не существует и что этот тип говорит, что во Франции этот сериал был популярен лет семь назад, удивительно, что в России его так любят, ведь он совсем не реалистичный и молодые люди во Франции живут на самом деле совсем не так, как в «Элен и ребята». Прямо разошелся. Работает администратором в гостинице, а разглагольствует как телезвезда, будто кому-то интересно его мнение. Ну и в итоге мы с девками просто пошли гулять, поехали, точнее, потому что нам выделили машину и велели все время быть под присмотром. Поднялись на Эйфелеву башню, проехали на кораблике по Сене и потом приехали в их самый главный магазин – «Галери Лафайетт», типа как у нас ГУМ или ЦУМ на Красной площади. Уже из машины повыскакивали, чтобы быстрее все обежать, времени-то на все про все всего два часа дали, как тут Вадик, охранник, достает свою кожаную барсетку и со словами «хозяин приказал» дает нам каждой по две купюры в 500 евро. Девки, главное, схватили, как так и надо, а я держу в руках и поверить не могу, прямо оцепенение на меня напало. Вадик мне говорит: «Ты это, деньги-то убери, а то тут карманников больше, чем в Москве». Я кое-как деревянной рукой их в кошелек запихала и за девчонками побежала. Бегу и думаю – не спрятать ли мне их в лифчик, но решила уж не позориться, а просто быть бдительной, рот не разевать.

Как там нереально красиво! На улице жарко было, а в магазине – прохлада, все витрины украшены, один манекен был одет в платье из живых цветов, еще одна витрина – вся в рисунках, выложенных стразами. Но все – бешено дорого! Тыща евро – это так, платьишко себе купить и даже на сумку уже не останется. Я просто в панику впала – купить себе что-нибудь или побереечь деньги, не тратить. С другой стороны, это же так круто – купить себе шмотку во Франции. Взяла себе в итоге белые брюки, они изначально стоили 450 евро, а продавались со скидкой – 50 процентов. Я попросила Машу спросить у продавщицы – нет ли на них какого-то брака, обычно ведь скидка, если зацепки на вещах или пятно. Так эта наша фифа даже спрашивать не стала, сказала, что это обычная скидка во время летней распродажи на вещи из коллекций прошлого сезона. Тут она, конечно, так на меня посмотрела слегка презрительно, чтобы дать понять, что она-то уж не позарится на какие-то прошлогодние вещи даже со скидкой. А мы люди не гордые. Взяла и купила еще к ним кофточку в синюю полоску – такую, как тельняшка, заметила, что в Париже так носят.

Главное, ведь я даже не знала, что мы в Париж поедem, в агентстве только про Ниццу говорили, или так голову от счастья потеряла, что особо и не вслушивалась. Оказалось, что сначала будет Париж, где мы все должны одеться в черное с декольте до пупа и поехать на футбольный матч, а потом уже Ницца и яхты. Конечно, мне кажется, странным во Франции тащиться на футбол и брать с собой еще кучу девок,

ну да хозяин – барин. Я на футбол ходила только в детстве с папой и дядей Сережей на стадион «Динамо». Там команда маминого завода против какого-то оборонного предприятия играла. Профком обязал каждого сотрудника обеспечить явку не меньше трех человек для поддержки своих футболистов. Мама, конечно, не пошла, сказала, что будет окна мыть и обед готовить, а нас отправила. Болельщики пили пиво и орали, я нарвала лопухов, которые росли между скамейками, и махала ими всем подряд. Потом папа купил мне эскимо с шоколадной рожницей, и я облизывала палочку от мороженого еще дня три, пока вкус мороженого совсем не испарился и палочка не потерялась.

Короче, привезли нас на огромный переполненный стадион, в отдельную ложу, как в театре. Кроме нашего там было еще полно мужиков, практически все с девушками типа нас. Был накрыт стол с шампанским, можно было подходить и брать все что хочешь. Главное – нужно было лавировать туда-сюда и улыбаться. Сначала игру особо никто не смотрел, все обсуждали какие-то свои дела. И вдруг наши стали забивать, все бросили девок, еду и ринулись к бортику. Один депутат в запале так орал «Димыч, Димыч, головой пасуй», что перевесился через бортик и чуть не упал. Его за пиджак схватили и утащили в глубину, чтобы он на безопасном расстоянии болел. Наши играли с французами, понятно, что весь стадион болел за своих, кричали, дудели на дудках каких-то, махали шарфами, безумствовали. Но наши тоже дали жару, один этот депутат чего стоил. А уж когда мы выиграли – такая вакханалия началась, французы-то были действующими чемпионами мира! На весь стадион было слышно, как мы «оле-оле» кричим.

А после матча наш в раздевалку пошел к футболистам и нас с собой взял. Футболисты все потные, сырые, кто в чем – кто в трусах, кто – в полотенце, все давай обниматься, орать, звать нас отмечать. Девки было загорелись, но нас быстренько завернули и отправили в отель собирать вещи, чтобы ехать в Ниццу. Жалко, некоторые были вполне себе ничего, особенно один, который забил, но девки сказали, что он женат. Прямо проблема какая! Женился, наверно, еще в каком-нибудь своем Задрюпинске, когда в дворовый футбол играл, а она ему яичницу на завтрак жарила, а сейчас у него масса возможностей, а жена – старая, еще задрюпинская. Жалко, конечно, что нас к ним не отпустили потусоваться.

В Ницце было хорошо: набережная, яхта, мои белые брюки. Правда, я думала, что там будет весело, а там одни пенсионеры отдыхают. Они такими глазами на нас смотрели, когда мы фотосессию топless на пляже устроили, грозились даже полицию позвать – прямо как наши старушки на лавочке у подъезда, такие же моралисты. Ну, мы быстренько оделись и свалили на яхту. Девки устрицы жрали, а я просто белое вино пила, не могла себя заставить эту скользкую мякоть проглотить, даже смотреть на жующих было противно. Маша, королева наша, тоже устрицы не ела: «Типа в них слишком много белка». Еще бы сама понимала, что это значит. Скорее всего, ей тоже мерзко было или раздвигать их не умеет. Девки остальные кочевряжились как могли, пока вскрывали и из раковины их выковыривали, печальное зрелище. В конце концов пришел повар и провел мастер-класс по поеданию устриц, а то это могло кончиться печально: одна себя уже ножом порезала, вторая все из раковин на палубу повыливали, третья вместо устрицы себе лимон в глаз выдавила – позорище.

1999. Лена. 19 лет

В Москве в августе жара стоит, как в Африке! Вчера из клуба возвращалась, так на улице полно мамаш с колясками и старушек на лавочках. Все ночью выползают подышать. Катька весь холодильник колой и фантой забила, пьет эту химию беспрестанно, жиры свои сахаром питает. Мне даже минералку некуда поставить. Мы с Русланом обедать ходили в ресторан на Манежной площади, так дети прямо в фонтане купаются. Причем никто их не гонит. После обеда поехали в диоровский бутик на Кузнецкий мост. Я, пока этих дурацких резиновых осьминогов ела, все переживала, вспомнит или нет, что обещал туфли купить. Сам, думаю, со мной поедет или денег даст? Девки говорят, что если мужчина едет с тобой по магазинам, то это показатель серьезности его намерений. Сам поехал, продавщиц там заставил побегать. Я просто чувствовала себя Джулией Робертс из «Красотки». Туфли, платье шелковое, кардиган и сумочку еще мне выбрал. Сумка просто песня – кожаная, но на ощупь как атласная, жемчужного цвета, гладкая и прохладная. Стоит 1170 долларов, офигеть! Я чек на всякий случай сохранила. Вдруг замочек сломается, ну и вообще, на память. Буду в 40 лет пить чай с пряниками и вспоминать, какие дорогие подарки мне поклонники дарили. Хотя, конечно, гложет мысль, что на те деньги, которые он в «Диоре» потратил, а бы три года в «Наф-Нафе» одевалась и ничуть не хуже выглядела, но, с другой стороны, знающие-то люди с первого взгляда секут, в «Наф-Нафе» ты или в люксовых шмотках.

Я сразу заметила, что он на меня в клубе запал – прямо дырку глазами на мне просверлил. Сначала я даже и не поняла, что он нерусский. Волосы темно-русые, а не черные, глаза вообще голубые, нос – да, большой, но без горбинки и не огромный, прямой формы. Зовут Русланом, но у нас вот в параллели два Руслана училось, оба чистокровные русские с бабушками в деревне. Разговаривает вообще без акцента, потом уже выяснилось, что он два года в Лондоне учился и английский и французский свободно знает. Офигеть, чеченцы в Англии нынче учатся. Я думала, что они только в Москву и Питер ездят фруктами и цветами торговать. Или фруктами – это грузины? После магазина поехали, понятно, в гостиницу. После шопинга я была на подъеме, так что все хорошо прошло, лучше на порядок, чем с тем же Мишаней. Дольше терпеть, правда, зато он моложе и живота у него нет.

Если так все пойдет, то попрошу, чтобы он мне квартиру снял. С Катькой жить уже невозможно. Она, конечно, делает вид, что она моя закадычная подруга, а сама завидует так, что прямо в лицо меняется, когда у меня новую шмотку видит. Она постоянно еще достает, чтобы я замолвила за нее словечко Костику из агентства, чтобы ее тоже на эскорт брали. Я пыталась как-то деликатно ей намекнуть, что ее формы в последнее время стали женственнее, что реально значит, что она растолстела, как свинья. Эффекта – ноль, по-прежнему думает, что она неотразима. Анастасия Викторовна ей каждую репетицию при всех говорит про ее свисающие бока, а она обещает похудеть и после каждой смены в «Макдональдс» идет завтракать. Я, конечно, тоже не придерживаюсь строгой диеты, но у меня обмен веществ хороший, и все равно какие-то очевидно вредные вещи я стараюсь есть пореже. Когда почти каждый день выходишь перед сотнями людей голая – так 10 раз подумаешь, прежде чем на ужин есть жирную шаурму из непонятно чего, купленную у метро. Как сказала бы Катьке моя мама:

«Катерина, ты катишься в бездну». И поклонники в последнее время что-то у нее схлынули. Надо мне от нее валить, короче. Это она после последнего аборта так распустила себя. Все что-то нюнится, в квартире – бардак.

Как ни придешь – валяется в халате, жрет хлопья прямо из коробки и смотрит «Мою семью» по телику или еще какую-нибудь белиберду, где якобы родственники, а на самом деле безработные актеры из массовой отношения выясняют за 3 рубля на человека. Я, конечно, тоже не идеал нравственности и здорового образа жизни, но надо как-то уметь собираться. Как будто первый раз у нее такое. Ну сделала аборт, ну бросил ее какой-то мужик, но она по-прежнему молода, живет в Москве, перед ней – куча возможностей. А то она дождется, что из клуба ее выпрут, за квартиру будет нечем платить, что тогда? Придется возвращаться в свою деревню под Красноярском и работать там кассиршей в супермаркете на заправке. Надо поговорить еще раз с ней серьезно, все-таки не чужой мне человек.

Мама еще мне мозг выносит, звонит по домашнему телефону и на полном серьезе прямо кричит в трубку: «Лена, беда-то какая!» Я уж распереживалась, думала, что с Олькой что-то случилось, уже мысленно давай продумывать, как сейчас поеду билеты на поезд покупать, лихорадочно соображаю отпустят ли меня в клубе. А мамочка и говорит: «Беда-то какая, Степашина отправили в отставку, что же теперь будет?» Как будто Степашин – это как минимум ее муж и теперь ему нашу семью кормить будет не на что. Объяснять маме, что ее переживания никак на политическую ситуацию в стране не повлияют – бесполезно. Она еще что-то там про бандитов, которые в Дагестан вторглись, мне пыталась зачесать, так я уж слушать не стала, сказала, что у меня репетиция и я опаздываю. Вот не жалко ей деньги тратить, чтобы такую фигню со мной пообсуждать. От ее мнения вообще ничего не зависит, кому оно нужно – Степашину, Ельцину? Как будто кому-то интересно, что она там думает. Не смешите меня.

1999. Лена. 19 лет

Ужас какой-то творится. Эти взрывы – сначала один, другой. Все рассказывают про друзей друзей или каких-то знакомых у родственников, которые там погибли. Просто кошмар. Мама как сошла с ума, звонит каждый день и уговаривает вернуться. Что, интересно, я буду делать там? На культуролога учиться, а потом работать администратором в салоне красоты? Полировать ногти и радоваться ухаживаниям какого-нибудь занюханного менеджера по продажам? Руслан еще уехал. Хорошо хоть позвонил и предупредил, что уезжает в Америку в длительную командировку. Послал мне с водителем 3000 долларов на прощание. Хороший все-таки мужик. Понятно, что после этих взрывов чеченцам вообще не жизнь в Москве. Страшно всем стало, девки в клубе вообще сейчас с нерусскими боятся мутить – чеченцы, дагестанцы, армяне – не разберешь, кто из них кто, всех избегают. В клубе, что неудивительно, по ночам – толпы. Днем все тихарятся, только и обсуждают новые мешки со взрывчаткой, которые милиция во всех городах находит, а вечером валят в клубы – нажираются как свиньи, блюют в туалете, дерутся с охраной, в трусы по сотке долларов засовывают – все как в последний раз.

Людей, конечно, очень жалко, такие истории девки рассказывают – про детей, который без родителей остались, и про целые погибшие семьи. Но надо понимать, что у нас поговорят все месяц-другой и забудут. Через несколько недель примут какой-нибудь новый закон, Чубайс выступит по телику, «Руки вверх» напишут новую песню, и все будут ругать правительство, поносить рыжего на чем свет стоит и обсуждать, почему Сережа Жуков такой толстый и пишет такие глупые песни, но при этом такой популярный. Меня, главное, расстраивает, что опять у меня парня постоянного нет. Что ж мне не везет-то так! Столько сил на них трачу, обихаживаю, все терплю, подстраиваюсь, два аборта уже сделала, столько денег на врачей потратила, а все без толку. Временная какая-то удача, но никакого постоянства.

Все время думаю о том, как бы выбраться, закрепиться, пусть не замуж, но чтобы надежно. Хочу свою квартиру, машину, чтобы можно было по магазинам ходить, когда захочешь, а не когда кто-то даст чаевые за то, что я грудью трясла перед его красным носом в прожилках, из которого пучками торчат черные волосы. Так хочется брендовых вещей, отдельный шкаф для туфель в своей собственной гардеробной, «мерседес» с лаковыми боками, ходить с презрительным взглядом, смотря только перед собой и чтобы все мне завидовали!

1917. Нина. 19 лет

В новом учебном году надо худо-бедно обустроить хозяйство мое. Записала таблицу здешних цен, чтобы планировать расходы на неделю да сдавать Фросе деньги на закуп провизии, с этим нынче очень сложно. А так как я окончательно перебралась к Юдиным в целях безопасности, то теперь у нас общее домохозяйство.

Итак, колбаса – 2 рубля 40 копеек фунт, яйца – 1 рубль 60 копеек десяток, масло – 2 рубля 60 копеек фунт; сыр – 3 рубля 50 копеек и 6 рублей фунт, мясо по карточкам – 95 копеек фунт, а без карточек – 2 рубля 80 копеек, свинина – 3 рубля 80 копеек, баранина – 2 рубля 60 копеек, курица – 1 рубль 40 копеек, картофель – 35 копеек фунт, капуста – то же. А с тех пор как мы приехали из деревни (скоро месяц), мы не видели ни капли молока. Однако как-то и чем-то наполовину сыты. На Поляне мы ели много и пить хотелось. А теперь – как-то не чувствуешь, голоден или сыт – такое неопределённое состояние.

Хотели вчера с Мишей и Соней пойти в Эрмитаж, но оказалось, что Эрмитаж закрыт, потому что праздник и «корниловщина» не кончилась. Эрмитаж готовят к эвакуации, и только, наверное, через четыре-пять лет можно будет увидеть картины по-прежнему. Зато на обратном пути мы видали Керенского! Мы так были рады, что до сих пор не можем спокойно об этом вспоминать.

Шли мы себе расстроенные по набережной Невы, а там всегда ездят взад и вперёд автомобили с министрами, делегатами, послами. Ну а тут и Керенский проехал, и не просто так, а прямо на нас посмотрел и слегка так улыбнулся. Это точно был он, не узнать его по его фирменному бобрику было невозможно! Отец Керенского был инспектором в Вятской гимназии, потом перевёлся в Казань, а до этого был преподавателем русского языка. Сам Керенский (теперешний) окончил с золотой медалью гимназию и университет. Но его страшно много, несправедливо бранят. Но не надо верить тому, что про него будут плохое

говорить! Он очень-очень хороший! Весь бедный, больной, ещё удивительно, как он выдерживает. Говорят, ведь иногда по несколько дней и ночей не спит, а иногда часа два в кресле на месте заседания дремлет.

Сегодня хорошая погода, небо бирюзовое. Надо обедать. Есть хочу! Сегодня мы два раза пили чай, но не было ни куска хлеба, и поэтому в животике – одна жидкость. Надо отвлечься и изобразить Зине письмо. Елена Николаевна сказала, чтобы я обязательно написала, что в воду для купания младенцев надо добавлять серебряные монетки для очищения и череду для спокойствия. Хотя мама-то уж, поди, знает. Уже два письма Зине лежат запакованные, а все отнести их не могу. То в очереди за хлебом дежуришь с Юдиными, то за керосином. И вот ещё – забастовка на железной дороге. Надо дожидаться её прекращения. И так письма и лежат, и беспокоит меня мысль, что Зина ждёт их и либо сердится, или думает, что я забыла о ней в своем республиканском порыве.

А какой тут порыв, уже нет того весеннего вдохновенья и оптимизма. Может, тяжелое чернильное небо так воздействует? Мечтается уже не о прекрасном будущем для всех, а о сухих пуховых носках и горячем самоваре лично для себя. Юдины тоже все в смятении. Теперь у Александра Николаевича – только институт и казенное жалованье, других уроков нет, и если его вдруг закроют, то он лишится и этого последнего заработка. И ехать некуда. В Вятке мамы с папой нет, да и что там делать сейчас. И потом, оставить здесь квартиру – на верное разграбление, так что придётся снова начинать жизнь. Положение не из важных. Чувствуется, что Юдиных этот вопрос гнетёт так, что им трудно дышать, и физически ощущается тяжесть на их плечах. Мне хорошо – я зарываюсь носом в ворсинки Мишиного старого пальто, которое он мне дал поносить ввиду того, что мою душегрейку поела моль, и все тревоги сразу отступают. Главное – чтобы мы обязательно вместе что-то делали, только вдвоем, пусть даже стояли за половинкой ситного в очереди в булочную. А после наших хождений – чтобы он уговаривал меня погреться в парадном и мы обнимались, вздрагивая от каждого шороха.

<...>

С 25 октября началось выступление большевиков. В ночь на четверг, 26 октября, была стрельба – обстреливали Зимний дворец, где было Временное правительство. Мы вечером, экономя керосин, при маленькой лампе сидели с Юдиными за чаем, когда началась стрельба. Меня, конечно, уложили с Соней и Леной, никуда не пустили, хотя я собиралась проведать свою хозяйку и Дусю. Когда мы укладывались и взбивали подушки, то трещали пулемёты, пушки палили. Было слышно, как пули шлепались о крыши, стены домов, мостовую. Надевали ночные сорочки и засыпали молча – всем было так тревожно, что никто не мог вымолвить ни слова. Несмотря на щелканье пуль, спала я, подложив под голову мою любимую гостевую подушку с сушеной крымской лавандой, крепко и сладко, как всегда у Юдиных, а проснулась от того, что было тихо и только дворник рубил дрова. Треск дров, а потом шорканье метлы было таким размеренным, таким умиротворяющим. Разве может что-то ужасное произойти, если утром на работу выходит дворник и, как обычно, метет двор? Несколько дней потом сидели дома у Юдиных, никуда не таскались, ждали, когда все утихомирится.

Зимний дворец весь в крапинах от пуль, изрешетили его основательно. Сегодня мы с Соней проходили мимо него: публика любопытная толпами глазет на оспины в стенах и окнах дворца. А большевики не-

долго останутся на коне. Наверное, ещё не один переворот будет. Всё равно кто. Надо теперь мира, упорядочения всеобщей жизни, а этого не могут дать большевики. Их опять свергнут, потом – опять тех, кто будет после большевиков, и так далее. Неизвестно, что будет, нам ничего не остаётся, как ждать, что дальше, искать в этом хорошее и приспособляться. Мы все живы, здоровы. Миша не ходит в Академию, у Лены гимназия закрыта до понедельника, а мы с Соней снова на Курсы таскаемся. Хотя в трамвае теперь плата 20 копеек, так что 40 копеек надо в день на одного, а это дорого. Надо бы хоть в один конец пешком, а нам чего-то не получается, лень ходить далеко. Я лентюха ужасная стала: на занятиях двигаюсь, как черепаха в зимней спячке.

Итак, мы живём опять во время крупных событий и близко от них, потому что Дворец, казармы и штаб – рядом. Одно время мосты, вокзалы, банки были заняты солдатами, и без паспорта не пропускали. Александр Николаевич шёл из Академии, и хорошо, что он всегда носит паспорт с собой, а то бы его не пустили домой. Автомобили без пропусков тоже не пропускали, а отводили к казармам. Теперь всё пока спокойно на улицах, граждане ходят как ни в чем не бывало, стоят по-прежнему в бесконечных хвостах очередей.

Угнетает только, какой убогий стал наш Питер. Зимний дворец – в дырках, недалеко от него, за Адмиралтейством, Панаевский театр сгорел. Был огромный пожар, всё выгорело и провалилось внутри, так что он такой обгорелый, развалившийся, недавно перестал только дымиться, как вулкан. Не превратился бы Петроград в груды развалин. Одни здания обгорели, другие обстреляны, третьи в грязи потонули. Листья облетели, на улице холодно и серо. На Дворцовой площади – сор. Из Зимнего дворца тащили чего-то, добро какое-то. Что не дотащили и поломали – уронили в грязь, потоптали. Так грустно и больно было смотреть на эти разорванные и грязные шали в луже, осколки с вензелями. Как будто чью-то жизнь вытащили, разломали и испачкали. У многих теперь привычка тащить всё, что и плохо, и хорошо лежит, и изничтожать что не надо.

Да ещё я безнадежно и бесплодно жду по утрам писем. Теперь ведь почтальонша отдает дворникам почту, и их надо поймать, усмотреть, когда они в дворницкой, и побежать за письмами самой. И разносят почту небрежно. То нам попадет из десятой квартиры письмо, то две одинаковых газеты, то вечерней газеты не окажется. В общем – беспорядок. Немудрено, что письма теряются. Например, почтальонша видит, что дворницкая заперта, и бросает через форточку почту внутрь – без всякой церемонии. А я писем так жду, что обидно такое пренебрежение к ним.

<...>

Иногда Миша выманивает меня на кухню, чтобы побыть вдвоем. Там тепло и тихо. Только у Фроси теперь часто бывают гости: то ее подружки-кухарки, а то вдруг «товарищи» повадились. Те приходят как к себе домой, пьют кипяток, читают «Ниву», газеты, гадают по «Оракулу», спорят. Соответственно, нам приходится убираться в комнаты. Сейчас все обсуждают – кто за кого голосовал на выборах в Учредительное собрание. Я сначала думала – за социалистов-революционеров-«оборонцев», но потом мы решили за Трудовую народно-социалистическую партию, у нас номер один в списке она была. Пока относительно спокойно, но вот когда начнется Учредительное собрание, может быть, что-нибудь и будет. Хотя кто знает, может быть, и не будет,

так как пока по подсчёту голосов большевики стоят на первом месте. Теперь как выхожу на улицу, к людям, то ощущаю, точно в воздухе носится что-то. Как чувствуется приближение грозы, так и тут чувствуется, что нарастает тревога. Еще новость, как обухом по голове – Керенский арестован. Все твердят о том, что это начало конца, не хочется даже в это вдумываться – какого конца, почему? Даже темная Фрося, узнав об этом за самоваром, крестится и вздыхает: «Да, уж теперь, Спаси Господи, люди Твоя!»

Новость приятная в том, что за всё время пребывания здесь с лета Александр Николаевич первый раз достал бутылку молока за 1 рубль 50 копеек и мы все выпили с наслаждением «с кипятком молоко» вместе с полубелой булкой, оставшейся от именин Лены.

Вся иззаботилась, как там в Вятке, как Станислав Иосифович и тетя Аничка. Тетя Аничка впервые за все время написала письмо мне, а то от нее ни слуху ни духу не было. Пишет, что уволилась из гимназии и уезжает под Самару к своей двоюродной сестре – там, мол, спокойнее и не хватает учителей в местной школе. Она уже несколько месяцев думала об этом, а тут мы все поразъехались, и в тревожную пору она оказалась одна. Особенно напугало ее, что делалось у нас в дни разлития спирта. Оказалось, что когда в Вятку пришла телеграмма из Петрограда о низложении Временного правительства и захвате столицы большевиками, то местные власти постановили считать попытку переворота незаконной, продолжая признавать Временное правительство. Однако в городе был свой комитет РСДРП, который не признал власти Верховного Совета и продолжал агитацию среди рабочих городских заводов и солдат расквартированного в Вятке 106-го запасного пехотного полка. Отовсюду с мест поступали тревожные сообщения о начавшихся нападениях на винные склады и магазины. А в Вятке на винном складе хранились большие запасы спирта, и в городе знали об этом практически все. Еще страшней было то, что казармы 106-го полка находились совсем рядом со складом – напротив, через дорогу. Опасаясь нападения на склад, защищать который у властей не было сил, земское собрание не придумало ничего умнее, как тайно ночью вылить почти весь хранящийся там спирт в реку. Однако Вятка к тому времени уже замерзла. Спирт был вылит, он вытек на лёд и, растопив снег, образовал огромное водочное озеро.

Тетя Аничка пишет, что в тот день гимназическое начальство отпустило всех по домам рано. Нынче ведь занятия через пень-колоду проводятся – то волнения, то на собрания всех до ночи сгоняют, то еще что. А тут прошел слух, что винный склад громят. Она побежала домой, и на улице было большое движение. Отовсюду к реке бежали радостные толпы людей – кто с чем, кто без всего, а кто и с коромыслами. Она прибежала домой, занавесила окна и в щелочку подсматривала, что там творится. Через какое-то время на улице появилось много множество пьяных. Пришла соседка Клава ее провести и рассказала, что нелегкая ее понесла около полудня на рынок за молоком, так молоко на рынке упало с трёх рублей до 75 копеек. Мужики и бабы торопились освободить посуду, чтобы не опоздать начерпать спирту. Рассказывали о счастливишке, который подоспел к реке затемно, в числе первых, и успел наполнить спиртом в своем дворе целую бочку для поливки огорода. На льду творилось нечто невообразимое: кто-то черпал дармовой спирт валенком, кто-то – шапкой.

Слухи распространились, и многие приезжали специально с Макарья и Дымкова, как на ярмарку целыми семьями, чтобы унести поболь-

ше. Рыбы много дохлой – запилась. Тетя Аничка вырезала и вложила в письмо записку о происшествии из «Крестьянской газеты Вятского губернского земства»:

...В субботу, 11 ноября, с раннего утра по городу ураганом разнесся слух, что у завода Зонова винный склад вылил спирт. Побывавшие там, полакомившиеся и сделав запасы, добавляли: он вылит так хорошо, лежит на льду толстым пластом, что только знай бери, кому сколько угодно. Эти слухи сразу многих очень обрадовали. Улицы на редкость оживились. По тротуарам и дороге спешила разная публика: солдаты, рабочие, женщины, подростки. С собой они несли разную посуду: пустопорожние ведра, жестяные чайники, жестяные бураки из-под молока, четвертные бутылки, пивные, разные небольшие склянки, эмалированные кружки, бокалы, чашки и т. д. Как будто нарочно, для удобства публики, спирт вылит на молодой лед реки Вятки у самого берега. Он разлился сажень на 200, образовав на реке «спиртовое озеро». Как передают, спирт лился из винного склада в реку всю ночь на субботу, через особую трубу. Беспрепятственное снятие «сливок» происходило до 8-9 часов утра. Около этого времени для охраны уже начавшегося разбавляться спирта явились наряды милиционеров и солдат, которые образовали собой в разных местах заставы. Одновременно были приняты все меры, чтобы испортить спирт. С этой целью в «спиртовое озеро» было вылит 5 бочек дегтю, нечистоты, керосин, приезжали пожарные заливать спирт водой. Но ни образовавшиеся заставы, ни порча спирта не могли задержать начавшегося паломничества «посудников» из центра города. Для большей части населения это шествие вселяло панику и страх.

Одновременно с этим в городе начали закрываться лавки и магазины. Паломничество на «спиртовое озеро» продолжалось до глубокой ночи 11-го, весь день 12-го и продолжалось 13 ноября. За спиртом приходили приехавшие в город по случаю субботы крестьяне, а также жители окрестных деревень. Ночью в городе во многих местах была слышна стрельба.

В течение субботы были столкновения пьяных с патрулями, в результате которых произошла кровавая стычка у магазина Кардакова. Между прочим, толпой солдат убит дружинник-охотник П.Э. Неандер, бывший губернский тюремный инспектор. За 11 ноября в Вятскую губернскую земскую больницу были доставлены 10 человек, из них 4-ро с различными легкими поранениями, а остальные как сильно пьяные. В числе сильно пьяных большинство неизвестные лица, есть один мальчик. За 12 ноября в губернскую больницу доставлены два лица с огнестрельными ранениями. За губернской столицей подоспели и уезды – в Слободском 17-го ноября толпа солдат, рабочих и жителей слободы Демьянки ворвалась во двор пивоваренного завода, сбила замок на двери и стала расхищать пиво. Пиво набирали в чайники, ведра и бочки. Сбежался весь город. Караул не выдержал и смешался с толпой.

1999. Лена. 19 лет

Короче, Катька съехала наконец, я ей помогла все ее тряпки сложить, чтобы она, не дай бог, ничего не забыла и не возвращалась. Простились хорошо, пожелала ей удачи на новом месте. Она – молодец, что взяла себя в руки и договорилась с другим клубом, пока окончательно не разжирела и Анастасия Викторовна с позором ее не выперла. Там и требования не такие строгие, и в квартиру ее поселили прямо рядом с местом работы. Правда, там еще две соседки, ну так веселее будет. Я три дня кайфовала одна, а потом заехала наша новенькая – Ксюша.

Грудь маловата, но сама такая худенькая, гибкая, прокачанная, волосы натуральные рыжие – гимнастка, кмс из Красноярска. Сначала мы с ней не очень приружились, буду я тут с каждой соплей возиться, да и она не очень-то стремилась к общению, днем все куда-то бегала, нос задирала. Не, без базаров, друг с другом вежливо, но без душевного общения. А потом я смотрю – девка-то молоток, все содержит в чистоте, раз в неделю делает генеральную уборку, плитку моет, в туалете не блюет, никого не водит, по ночам не жрет. По сравнению с Катькой – просто небо и земля. Ну и я ей предложила прибираться по очереди, и мы потихоньку стали болтать.

Оказывается, днем она ходит заниматься в команду болельщиц. Мне сначала показалось, что это какой-то детский сад, а потом я реально вспомнила, что в американском кино часто показывают, как эти девушки на стадионах выстраиваются в пирамиды, трясут блестящими помпонами и орут, а у главной болельщицы – обязательно роман с капитаном футбольной сборной. Ксюшка сказала, что у нас уже появилось несколько команд по черлидингу в Москве и скоро будут первые профессиональные соревнования. Ну, я сначала не прониклась – самодеятельные коллективы – им бы только посоревноваться за песочный торт с масляной розочкой. Ксюшка вообще не особо такая разговорчивая, прямо душу тебе не выворачивает. Но постепенно мы стали общаться нормально, и оказалось, что самое-то прикольное в том, что футбольные и хоккейные клубы стали приглашать их на постоянно выступать перед матчами. Один раз они даже переодевались вместе с футболистами «Спартак» в одной раздевалке. У меня прямо как в голове щелкнуло – бинго! Это же можно и с футболистом познакомиться, и с хоккеистом, или вон, как Ксюшка, с баскетболистом замутить. Просто озарение на меня снизошло. И они же все молодые, бодрые, богатые! Надо еще поузнавать, кто лучше из спортсменов зарабатывает, но в целом дело пахнет керосином, как говорит моя мама в минуту душевного волнения.

Как до меня дошли открывающиеся перспективы, так я сразу Ксюшке ничего не сказала, вытерпела неделю, потихоньку контакт устанавливала. Как-то вечером, когда была не наша смена и мы с Ксюшкой дома чай пили, я баночку мамино вишневого варенья открыла, повосхищалась Ксюшкиной растяжкой, рассказала про «Солнышко», она – в ответ, как с четырех лет гимнастикой занималась. Ксюшка мне и говорит: «Ты же настоящая танцовщица, а не просто титьками потрясти, не хочешь в нашу команду по черлидингу?» Меня прямо пот прошиб, как я все красиво разыграла, прямо Шерлок Холмс, ну или доктор Ватсон, гений, в общем, подковой игры. Я еще поломалась для виду, дала себя поуговаривать, но в конце концов согласилась пойти на ближайший кастинг. Ксюшка говорит, что у них все строго, никого по блату не берут, все через отбор, который проходит раз в три месяца. А вообще там много девчонок из акробатического рок-н-ролла, из гимнастики, из спорта приходит. Те, кто профессионально уже спортом не занимается и из детских коллективов вырос, а желание танцевать и развиваться есть. У некоторых, правда, ложное впечатление, что черлидинг – это помпонами шуршать и юбку задрать, Ксюшка говорит, что на кастингах такие кадры бывают – танцуют под Вадима Казаченко, как на субботней дискотеке в каком-нибудь ДК, и потом рыдают, что их не взяли. На самом деле, я скучаю по настоящим выступлениям, когда рядом еще 30 человек двигаются с тобой в такт и ты физически чувствуешь, как

прогибается пол от стука ваших каблуков, по конкурсам, когда скулы сводит от улыбки и через три минуты она уже превращается в оскал, который не сходит еще несколько минут после ухода за кулисы. По аплодисментам особенно скучаю. В клубе очень вяло хлопают, всплески бывают только когда ты лифчик снимаешь, а когда заканчиваешь танцевать – жидкие хлопки, и все сразу начинают глаза отводить, как будто им стыдно – за себя, за тебя, за все, что здесь происходит.

1917. Нина. 19 лет

Вконец распрощалась с хозяйкой, с Дусей нашей прекрасной, забрали с Мишей оставшиеся пожитки, и я переселилась к Юдиным, потому что боязно, шибко боязно. <...>

Мы запираемся с 6 часов. И в столовой завешиваем окна одеялом и шалью, чтобы не просвечивало. А в зале лампы закрываем бумагой. Смешно! Электротeatры второй день не работают. Хотя кому сейчас нужны электротeatры? С пяти на улице тихо-мертво. Прохожие – только случайные. Такая тишина! Даже странно, точно ночью. Чудо, что дошла телеграмма от родителей, ничего сейчас не доходит, никакая корреспонденция. Миша по моей просьбе ходил на старую квартиру проверять, нет ли писем, и забрал у квартирной хозяйки телеграмму, которая еще третьего дня пришла. Миша говорит, что хозяйка вся напугана, встрепана, сидит на чемоданах, никуда не ходит, ждет, когда ее сын-офицер за ней придет и увезет куда-то, где безопасно. А где сейчас безопасно? Все под контролем большевиков, здесь по крайней мере.

Папа телеграфировал, чтобы я срочно приезжала в Париж, написал адрес его знакомого, который там живет, чтобы я у него остановилась, и что Якубовский мне поможет деньгами. Еще приписал, что все живы и чтобы я срочно телеграфировала. Видимо, письма не доходят мои, и их ко мне тоже. Телеграмма дошла запечатанной, и я Мише не могла три дня рассказать, что да как. Какой-то морок на меня нашел, ничего не делала. Вставала, кое-как причесывалась, натягивала гимназическое коричневое платье, пила пустой кипяток, жевала размоченный в нем сухарь и садилась на скамейку у чадающей печки на кухне. Зябла сильно, не могла согреться. В руки книжку брала, но не читала, не могла, делала вид только. Куда поехать, зачем поехать, как поехать? У меня денег нет, а Миша – как, а Соня, а все Юдины, а курсы же как? Я же за новые учебники столько денег отдала, зазря, что ли?

Миша меня сначала расспрашивал, не заболела ли я, что там в телеграмме. Я отвечала, что все хорошо, все здорово, и он отступился. Елена Николаевна Мише старое пальто Александра Николаевича перешивала, девочки все дни ссорились из-за каких-то пустяков – в основном из-за музыки, кто ее лучше чувствует и чья очередь на фортепиано играть. Александр Николаевич с Мишей в Академию все бегали, там решался вопрос с эвакуацией преподавателей и студентов. Юдины очень удручены, денег мало и неизвестно, будут ли платить большевики, и на Поляну, конечно, не придется ехать нынче летом, потому что её, наверное, погромают в конце концов, и потом, проезд по железной дороге страшно дорог.

Все сильно похудели и киснут, поэтому я даже не знала, как вступить со своим Парижем, что сказать, да еще, не дай бог, взвалить

на них бремя с моим отъездом. Они маются, что в деревню не смогут съездить, а я в Париж собралась, курам на смех. Каждый день большевики еще что-нибудь преподносят: то отмену пенсий, то захват банков, то ещё что-нибудь. На четвертый день после телеграммы Миша дежурил в Академии и ушел на целые сутки, а Лена учила свой доклад про французских философов и все время застревала на цитате Монтескье «Самая жестокая тирания – та, которая выступает под сенью законности и под флагом справедливости». Когда она в двенадцатый раз повторила слово «жюстис», я не выдержала и кинула в нее тяжелым, коричневым в заламах, томом эпоса «Калевала», который был у меня в руках. Вдруг раздался звонок в дверь и зашли Якубовские.

2000. Лена. 19 лет

Такой крутой Новый год замутили, что все никак отойти от него не могу. На саму новогоднюю ночь я работала, а потом мы с девками, как были в костюмах, поехали по клубам тусить. Сначала в «Цеппелин» заехали, там прямо на лестнице стали танцевать, все нам давай деньги пихать в трусы. У Машки трусы были на цепочке, она с одного бока порвалась, так та попросила у какого-то парня рубашку, подвязалась и давай дальше жопой трясти. Люди думали, что мы просто оделись так, разделись, точнее, под стриптизерш, а они типа нам подыгрывают, приколы! Я-то ладно, в образе Бритни Спирс была, а некоторые – реально в лифонах и перьях. Встретили там Катю и каких-то ее мужиков знакомых, они предложили нам дальше в «Тринадцать» двинуться. Мы уже поддатые были, согласились. Вышли на улицу, все почти без колготок – холодно, а к этим мужикам сразу несколько «ламборджини» подъехало. Офигеть! Не ожидала такого от Катюки, она, правда, потом сказала, что с ними познакомилась за пятнадцать минут до того, как с нами столкнулась. Не уточнила, правда, где. В мужском туалете, наверно, тусила, как обычно. Один, который с двумя парами часов был, прямо в машине предлагал ей повторить, так Катюка как-то неожиданно при всех застеснялась.

В «Тринадцати» еще круче было. Все обычные фрики приоделись и выглядели очень гламурно. Правда, на шоу акробатов отрубилась музыка и свет, и все зашумели, но потом быстро принесли свечи. Все политику обсуждали как ненормальные – даже девки наши. Если бы мама мне не позвонила днем и не сказала, что Ельцин уходит, то я вообще бы не в теме была. Узнала бы, что Ельцин уже не президент, только когда следующий собрался бы уходить! Вот приколы-то были! Чего всех это так волнует? Я не понимаю! Ясно ведь, что если ты сам о себе не позаботишься, то никакой президент тебе не поможет. Кто у нас хорошо живет? Кто наворовал, обманул или кто ко власти примазался. Поэтому успокоила маму, что все перемены к лучшему, хотя так я думаю, что ничего кардинально не изменится. А то мама так взволнована была, все спрашивала, знаю ли я Путина, слышала ли я про него что-то? Ничего про него не знаю, да и знать не хочу. Какая разница? Вчера – Ельцин, сегодня – Путин, завтра – еще какой-нибудь.

Главное то, что я с парнем таким перспективным замутила. Как раз в «Тринадцати» его встретила, он там с пацанами из команды и девушкой своей был. Они около бара тусили, я сразу поняла, что он на меня запал. Сам такой симпатный, и часы дорогие на руке. Я уж в таких вещах стала

разбираться. Его девушка тоже просекла опасность и висела на нем как подорванная, а потом, видимо, приспичило в туалет, и свалила. Я сразу к бару пошла, сок себе за триста рублей заказала. Новый год же – могу себе позволить! Ну и все, он сразу подвалил, мой телефон записал и сказал, что завтра мне позвонит. Тут его деваха вернулась и нашу милую беседу прервала. Я уж старалась как могла. Невзначай так на коленку руку ему положила, губы облизывала. По классике работала. Бармен сказал, что он вроде футболист, сам бог велел нам замутить! Свой телефон, кстати, я ему не дала, сама записала его номер, а то еще потом забудет, не позвонит! Надо брать инициативу в свои руки. У него еще рядом друг какой-то терся, вообще какой-то отстойный, но тоже вроде из футбольной команды. У того вообще аж слюни капали, когда он на меня смотрел. Его номер тоже записала, когда основной ушел. Вдруг с тем не выгорит, так этот будет в запасе. Как его там зовут? «Димон», – вроде он сказал.

1917. Нина. 19 лет

Миша пропал. Пошел за маисовой мукой в Академию, и два дня уже его нету. На улице было беспокойно, постреливали, все его отговаривали, а он сказал: «Не пропадать же пайке», – и ушел. Александр Николаевич через день после того как он не вернулся, в Академию ходил. Вернулся растерянный, с куском вяленой конины и плесневелой брюквой, но без муки и, самое страшное, без Миши. Мы-то думали, что, может, его заставили в Академии дежурить или он сам вызвался помогать архивы прятать. Они со старыми преподавателями договорились, что Брюллова, Серова, Грабаря надо понадежнее припрятать в самой Академии, а то большевики вообще без разбору все громят, изничтожают под прикрытием борьбы с пережитками прошлого.

Два дня прошло, а его все нет. В Академию он дошел, взял муку и побежал домой, по словам дежурных. Они еще ему велели, чтобы он кулек под пальто спрятал, так он отмахнулся и не стал. Отмахнулся и не стал. Фрося как услышала такое, так сразу стала причитать, что Мишу нашего по башке поленом стукнули и муку сперли. Разве за кулек маисовой муки можно человека так стукнуть, что он потом до дома дойти два дня не может? Брюкву с кониной Александру Николаевичу бывший ректор дал, он до его кабинета дошел посоветоваться насчет того, где Мишу искать. Тот как раз свои вещи собирал. Он почему-то сказал, что нигде искать не надо, а то самому можно пропасть, сунул сверток с провизией, который ему в качестве подарка бывшие сослуживцы собрали, и заплакал. Говорил, что все рушится и ничего человеческого скоро может не остаться. Но я не верю в это, не верю.

Может, Миша просто решил где-нибудь переждать, раз на улице стреляли? Хотя сама понимаю, что не стал бы Миша ждать, даже если опасно. Он ведь знал, что мы забеспокоимся. Правда-то в том, что люди звереют. Продовольствие дают по карточкам. У бывших чиновников, преподавателей – карточки второй, а то и третьей, самой плохой категории. По ним положено только 1/8 фунта хлеба в день. А хлеб-то рыхлый, мусорный, с какими-то опилками. Говорят, что рабочим дают хлеб получше и в два раза больше по дополнительному пайку. Какое же тогда равенство?

Все разговоры нынче только о еде. На десерт после кипятка нам Елена Николаевна гомеопатические таблетки дает. У нее запасы

большие, она серьезная поклонница гомеопатии была в мирные времена, а многие таблетки обвалены в сахаре, чтобы поприятнее на вкус. Зеленые таблетки – это у нас белевская пастила, потому что немножко вкус яблок чувствуется, коричневые мы прозвали баранками с маком, а белые – это сахарочек, рафинад. Как проснемся с Соней – так сразу, не открыв глаза, начинаем обсуждать, будто чувствуем запах воображаемой готовящейся еды. Соня говорит: «Мон шер, пахнет чем-то заманчивым и теплым с ягодной ноткой. Наверно, мама печет пирожки с вишнями?» Я ей отвечаю: «Нет, мон ами, это пахнет гамбургскими булочками с абрикосовым конфитюром. Фрося, наверно, сбегала в булочную Филиппова и купила всем к завтраку». Потом у нас начинается в унисон бурлить в животах, мы встаем, одеваемся и идем пить чай без сахара с тонким печеньем из кофейной гуши, которое очень вкусно пахнет, а по вкусу похоже на горький картон. Фрося эту гушу годами не выбрасывала, хранила на кой-то ляд, вот и сгодилась. Станислав Иосифович говорит, что для самогонки, наверно, берегла.

К чему это я о еде? Чтобы не думать о том, что Миша лежит в канаве, потому что сопротивлялся и не отдал ворах кулек с дрянной маисовой мукой, из которой и лепешки-то получаются на вкус как вареная сорная трава. Не думать про такое, не думать! Александр Николаевич убежал искать нынешнюю полицию, которая совсем и не полиция, а какой-то управление по порядку – временное, как все сейчас. Всех городских и околоточных перебили, перестреляли еще весной. К кому теперь за защитой обращаться, непонятно. Страшно, что Александр Николаевич тоже пропадет. Станислав Иосифович тоже рвался с ним пойти, так мы его не пустили. Его как ни одень – сразу видно, что он из бывших господ, как сейчас говорят. Кто из бывших – те не люди, что ли? Главное, что нам уезжать через четыре дня, все уж чемоданы собраны и разрешение с такой кровью добыто. Все деньги, все ценности отдал Станислав Иосифович за разрешения на выезд и билеты для четверых: себя, супруги и меня с Мишей. За Мишу даже снял с жилетки карманные часы. Золотые часы дедушка ему подарил на 10 лет, там гравировка есть по-польски на обратной стороне – «Станику от дедушки». Я спрашивала Станислава Иосифовича, как же он семейную реликвию не пожалел, а он ответил: «Все отберут, Нинуша. Люди, которые сейчас правят – они все отберут, разденут догола, потом штыком заколют и из черепа плевательницу сделают! Да мой дедушка был бы счастлив, узнав, что его часы на такое дело пригодились. Выбираться надо любыми способами».

Как я без Миши поеду? Я без Миши никуда не поеду, пусть они едут, а я останусь. Пока Мишу не придет – не сдвинусь с места. Люди пропадают, но не Миша же. Его просто случайно задержали ни за что, и он там где-то ждет, пока начальство разберется. Вот в этой временной полиции разберутся и выпустят его. И тогда мы поедем, поедем на поезде в Финляндию, а оттуда во Францию, где мы сможем прекрасно жить-поживать, ведь Миша-то художник! Где же жить художнику, как не в Париже?

Я сейчас выйду тайком и пойду по госпиталям, обойду их, вдруг Мишу туда забрали в беспамятстве, а мы и не знаем. Они все говорят, что нельзя сейчас девице идти, что могут убить или измучить без всякой причины, просто так. Но как же я жить-то потом буду, если не пойду? Как же я буду жить?

2007. Лена. 27 лет

Духота такая, все стразы на ногтях воском обкапала, а народ вокруг так и напирает, все теснятся с разных сторон как селедки в бочке. И все главное – с такими просветленными лицами, прямо куда деваться – православные в четвертом поколении. Сами крестятся через одного не в ту сторону – в церковь, небось, пришли во второй раз в жизни. В первый, понятно, венчались, это же сейчас так модно, чтобы на твой оголенный силикон поп кадилом помахал! А во второй – на Пасху с Путиным приперлись. Точнее, лучшее надели и приперлись. В «Булгари» вчера заехала заказанный крестик забрать, так еще двух жен из сборной встретила, кресты на всю родню брали, одной уже не хватило, так мы ее в «Картье» отправили. Реально, не будешь же перед всей элитой прабабкиным медным крестом светить. Кого тут только нет – прямо как концерте в Кремле! Политики, это понятно, они все вокруг Путина и Медведева согласно приближенности, видимо, расставлены, ну и певцы всякие, актеры, спортсмены. Интересно, будет ли Семенович из «Блестящих»? Вроде в прошлом году она была, мне кто-то рассказывал. Интересно было бы посмотреть на нее в обычной одежде. Без декольте до пупа там и глядеть-то, наверно, не на что.

Хотя совсем скромно одетых тут не очень много, в основном около Путина. Наверно, специально ему настоящих прихожан подогнали, устроили кастинг в какой-нибудь замшелой церкви с отваливающейся штукатуркой на окраине для истинно верующих, чтобы они там все эти песни церковные наизусть знали, руку правильно у батюшки целовали и все такое. И дети все как на подбор перед ним в рядочек выстроились – худосочные, со светлыми волосами, все разного возраста и роста, но какие-то одинаково изможденные. Девочки миловидные, но в длинных темных юбках, и платки надвинуты на самые лбы, как у древних старушек. Видно, что не перед зеркалом завязывали. А мальчишки – толстые, жалкие, как будто вот-вот у них сопля потечет и они заревут и начнут кулачком утираться.

И стоят ведь все, включая детей, не шелохнутся, может, им еще приплатили? Хотя типа это и так очень престижно – Пасха в храме Христа Спасителя, вместе с президентом. Чаепитие им какое-нибудь потом устроят в ихней церкви, выложат каждому по засохшему прянику и соевой конфетке на липкую клеенчатую скатерть, да и хватит с них. Церковь у нас и так не бедствует, слава богу, все попы на «мерседесах» да БМВ. Хотя когда Милену крестили, то священник на подержанном «форде», что ли, был и сам такой спокойный, рассудительный, никаких денег в конверте не взял, заставил официально все оформлять через церковную лавку, так там даже чек дали. Заставил еще нас с Димкой прийти на собеседование до крещения, говорил о душе ребенка, как родители могут ему помочь, какие ориентиры задать. Мы вообще в шоке были, Димон всю дорогу домой молчал, хотя, когда туда ехали, самыми последними словами меня поносил – да зачем мы туда поперлись, да ты меня позоришь своим поведением, и все такое. Я просто специально его маме позвонила, чтобы она заставила его пойти. Потому что у него очко-то играло к лахудре своей побежать, он ведь уже начепурился, душ принял посреди бела дня, парфюмом набрызгался, который я ему за 600 баксов купила на 23 февраля. А нос-то вначале воротил, говорил, что пахнет как специями из супа. Эксперт просто, парфюмер деревенский, да мы когда познакомились, он дезодорантом «Олд спайс» только по праздникам под мышками брызгал, экономил.

Блин, скорей бы уже эти хождения вокруг церкви начались, у меня ноги уже отваливаются, надо было лаковые полусапожки Джимми Чу надеть, там каблук пониже, и сейчас, после «Секса в большом городе», все с ума по Джимми Чу сходят, наши девки бы заценили. Но Димке они не нравятся, говорит, что я как тоскливая секретарша в них и типа совсем не секси. Что он вообще понимает? Для него секси – это как актриса порно надо одеться. Пришлось «Прада» напяливать с высоченной шпилькой. До машины еле дошла, по гололеду вся искорячилась. Этот впереди идет, по телефону разговаривает, ни руку не подал, не обернулся даже – козел деревенский! Забыл, как я с ним после перелома осталась и четыре месяца выхаживала его, на реабилитацию возила каждый день, даже с мамой его подружилась после такого. А как он плакал, когда его клуб в аренду отдал, весь розовый пиджак «Диор» мне слезами закапал, потом в химчистку его было стыдно отдавать, весь непонятно в каких пятнах. Я его, конечно, утешила, поддержала, не пилила, подумала, что еще есть шанс, что он наверх выберется, а сама уже хотела с тренером из «Динамо» замутить. Тренер-то, он понадежнее, чем футболист все-таки – не так зависим от травм, карьера уже сложилась, и сам он был ничего такой, прикольный. На юбилее у подружки познакомились, у которой муж в «Динамо» тоже играет. Димка как раз после травмы в реабилитационной клинике был, и я решила сходить развеяться хоть ненадолго. Ну и мы сидели за соседними столами, и так как я изображала из себя скромную, переживающую за больного мужа девушку, то особо не пила, ну а есть, так я вообще на банкетах не ем – один глютен и пустые калории. Ну а он за соседним столиком сидел и клюнул на меня. Все жрут, пьют, ржут, как кони, а я сижу и листик салата ковыряю, водой запиваю. В общем, перепихнулись мы пару раз, а потом Димон из клиники вышел, стал тренироваться, клуб аренду отозвал, и слухи появились, что его в сборную хотят позвать, а моего тренера как раз в Германию пригласили к их местной команде. Так все и сошло на нет.

А после того как Димка окончательно поправился – опять гулянки, девки, и меня ни в грош не ставит. Я уж, конечно, и с адвокатом консультировалась по поводу развода. Адвокат сказал, что это счастье, что у меня есть Миленка и нет брачного контракта. Это-то понятно, а то бы он давно уж выгнал меня с голой жопой в однокомнатную съемную халупу в Черемушках. Блин, а я ведь, дура, Миленку не хотела. Как только поженились – я сразу залетела и ему не сказала, аборт сделала. Только деньги пошли нормальные, в Дубаи первый раз съездили. Я стала в ЦУМ на шопинг ходить, как за картошкой на рынок в былые годы. Димка попал в какой-то рейтинг самых перспективных футболистов года, нас на тусовки стали звать, а тут – беременность. На фига мне это надо, он, значит, по гулянкам будет скакать, а я обкаканные памперсы менять? Даже не сказала ему, сходила на аборт, да и все. Правда, врач сказал, что этот аборт должен быть последним, а то, мол, детей не будет потом. Я как-то в голову-то не взяла, а потом, когда он загулял так серьезно и с этой «Мисс Бикини Сибирь», или как там ее, связался, прямо запаниковала. До этого все разные девки были, а тут одна и уже полгода. Мы с девками, женами футболистов в соларий пошли, потом в рестик шампанского попить, я там размякла, еще перезагорала, как помидор вся красная была. Пожаловалась им на Димку, и они насочетовали родить скорее. «Ты что вообще, такая дурища, можно было уж двоих родить и жить спокойно, считай, на всю жизнь обеспечена».

Жалко, конечно, фигуру мне было, полгода как грудь сделала, но в нищету-то возвращаться нисколько не хотелось. Я уже такие мысли гоняла: что делать, если он меня погонит, может, на «Дом-2» пойти или какую-нибудь школу стрип-дэнса открыть?

Он вечером пьяный пришел от бабы своей, ну а я орать не стала, как обычно, а наоборот: «Давай, говорю, я тебе ванну с пеной сделаю?» Виски с колой туда еще ему в красивом стакане принесла. Он уж никакой был, поэтому со мной и лег, так-то мы уж полгода вместе не спали, он в кабинет уходил ночевать, даже когда мама с Олькой приезжали. Я им сказала, что типа это доктор такой режим ему прописал, чтобы ногу не беспокоить. В общем, слава богу, что тогда Миленка и получилась с первого раза, а то вообще не знаю, что бы я делала. Потом он на сборы уехал, а приехал и такой: «Мне надо с тобой поговорить». А я как будто не догадываюсь о чем! Мне девки-то рассказали, что эта лахудра даже на базу к нему приезжала, около забора там отиралась. Режим строгий, в гостиницу к себе приводить никого нельзя, а выходить с базы тоже запрещается. Вот эти в кустах и валялись. Вообще, конечно, никакого уважения к себе нет, без трусов под забором валяться с чужим мужиком.

Ну а я такая, типа ничего не знаю, вся такая спокойная, в шелковом белом халатике Гучи, взяла его за руку и говорю: «Я беременна». Он просто офигел. Сначала орал на меня, говорил, что не от него, что мы чуть не год не спали. Но как ему напомнила про ту ночь, когда он пьяный пришел и я ему ванну набирала, так сразу и присмирел. Я, главное, не наезжала на него, не материлась, все так на релаксе: «Люблю тебя, не могу, жду ребенка, как обрадуется твоя мама!» И спрашиваю его: «А ты мне что хотел сказать, дорогой?» Он сквозь зубы так процедил: «Ничего, сука». И ведь даже не ушел, дома остался, знал ведь, что я сразу бы его маме позвонила, а мама бы ему не простила, что он от беременной жены свалил.

Вот бог помог – не иначе! Ну и все наладилось потихоньку. Эта Сибирь уже месяца через три сама собой отпала, в Дубаи, что ли, она улетела на эскорт или что-то такое. Он опять стал с разными мутить, но без фанатизма. У меня живот быстро вырос, и я как-то подрастала. Ну не выгонит же он меня с животом на улицу? Мы даже снова стали спать вместе, и когда его мама приходила, то все вместе ужинали и обсуждали там разное про будущего ребенка. Раньше только про Димочку она могла говорить: каким он был чудесным мальчиком, как он на первый гонорар купил ей стиральную машину «Вятка-автомат» и все такое. А теперь у нас общие темы для разговора появились: чего беременным можно и нельзя делать, кто родится, как назвать, что нужно купить. Все ко мне прямо с каким-то уважением стали относиться. Я-то еще до последнего надеялась, что будет мальчик, все-таки у мужиков особое отношение к сыновьям, продолжение рода и вся такая лабуда. Даже хотела тоже его Димой назвать, чтобы он не посмел с матерью своего сына, в честь него названного, как-нибудь плохо поступить. Так рыдала, когда на УЗИ сказали, что будет девочка, что даже Димка меня утешал, цветы мне подарил. Мама его науськала – сто процентов! Сам бы он не додумался своей тупой футбольной башкой. Купил уродские багровые лилии в разводах, на которые у меня и обычно-то аллергия, а тут вообще я вся опухла, как опарыш, нос заложило, но я терпела, пока они не завяли, – первые цветы от него с моего дня рождения это были.

Пророведь началась наконец, я никогда смысла не понимаю. Лучше, когда они просто поют, хоть и не разобрать ничего, но песня и есть песня.

А когда говорят и вроде слова отдельные улавливаешь, но ничего не понятно – чувствуешь себя просто душой стоеросовой. Все наши, смотрю, тоже напрягаются. Лбы свои пластиковые аж пытаются нахмурить, чтобы поумней казаться. Наверно ведь, это рассказ про что-то, а не бессмысленный набор слов, но звучит как тарабарщина – что-то про обжигающее зло, прощение, победу добра и немощность плотской любви. И еще так громко! Хотя голос у попа красивый и внешность такая – как у доброго волшебника из детской сказки. Блин, скорее бы уже закончилось все, а то уже сил нет стоять. Еще же потом тусоваться все пойдут, разговляться – не знаю, правильное ли это слово для тех, кто ни на каком посте не был, а просто типа потому, что так принято, решил пожрать и выпить. Еще так глупо все будут говорить друг другу: «Христос Воскресе!» Так смешно на это смотреть! Видно, как некоторым людям сложно произнести такие слова, они прямо сглатывают, произнести правильно не могут, какие-то речевые конвульсии у них начинаются. Понятно, если самые добрые и ласковые слова в твоей жизни «здорово, братан, как житуха и ваще, зачет», то сказать «Воистину воскресе» просто язык не поворачивается. Я просто говорю: «С праздником», чтобы не позориться.

Няня завтра с утра самого тоже заведет свою пластинку православную, Миленку нарядит в белое платье с оборками до пола, будет с ней яйцами стучаться. Та вся извозюкается, захнычет, Димка начнет орать на меня, что я ее не могу успокоить, и уйдет из-за стола. Нянька губы свои узкие морщинистые подожмет и уведет Миленку успокаивать и переодевать. Сколько раз уже так было. Как меня дети бесят своим нытьем. Хорошо хоть, что у нас няня на ночь остается, а то Миленка по три раза за ночь просыпается – то пить ей, то писать, то страшно. Когда нянька болеет – я сначала сама к ней приходила, а потом стала Димкину маму вызывать, пусть побегает, а то все только усюсюкает над ней.

Вон, наконец, с фонарем пошли. Надо Димку локтем ткнуть, чтобы он двигался, а то стоит столбом, рот разинул. Наверно, подпевает сам песням про ангелов. Главное, чтобы на меня никто не напирал, а то в прошлом году какая-то лупоглазая баба в рыжем платке мне на ботильоны Гучи своими грязными болотными сапогами наступила. Я вообще не понимаю – это храм Христа Спасителя или какая-то сельская церквушка при деревенской избе? Какой-то отбор-то должен быть? Скорей бы уже все закончилось, сесть в мой «порш» любимый, включить Максим и успокоиться. Еще вроде кокса осталось немножко с прошлого раза в бардачке, надо у Димки спросить. Если он добрый будет, то поделится своими богатыми запасами. Праздник все-таки – надо радоваться и делиться своей радостью с близкими.

1925. Нина. 26 лет

Опять придется бежать до трамвая вприпрыжку, потому что я совершенно напрасно поддалась на уговоры девочек почаевничать после работы и теперь опаздываю к началу своей любимой радиопередачи про мнение женщины. Оказывается, что у женщин может быть мнение по любому поводу, но особенно, судя по передачам, ценится их экспертность в таких очень значимых для общества вопросах, как домохозяйство и мода. В прошлой передаче невыносимо долго обсуждали мужские головные уборы. Не скажу, что я вообще не заинтересована

в таком важном вопросе. Все-таки мягкая шляпа на мужчине выглядит привлекательнее, чем ранешний котелок или цилиндр, или вообще какое-нибудь полотняное кепи, но вот я не могу представить, чтобы бородатые серьезные мужчины на полном серьезе полчаса обсуждали модные в этом сезоне женские шляпки без полей из мягкого фетра. Хотя часто и про книги дискутируют, хорошо хоть, что женщины могут иметь мнение и по поводу серьезной литературы.

Поболтать по дороге не с кем, Наташа сегодня со мной не пошла, так как ее встретил ПНСМ – поклонник на синей машине и увез на дачу. При этом он даже не снял свои очки-консервы на пол-лица и не вышел, чтобы открыть дверь, а просто так лениво поманил ее рукой в кожаной перчатке – мол, запрыгивай. Ну и нравы у нынешних автомобилистов. Зато никто не схватит меня под руку, не будет жаловаться на то, что каблучки застревают в брусчатке, и читать мне мораль по поводу того, что я предложила, всего лишь предложила запрыгнуть в трамвай на ходу. Все так делают, даже девушки и дамы. Юбки-то до земли нынче никто не носит, а трамваи ходят еле-еле – отчего бы и не запрыгнуть.

Хотя в теперешнем моем положении я бы не рискнула – даже ради дискуссии о роли женщины в современном мире по радио. Права была Зина, когда писала, что когда становишься мамой, то все меняется. Еще никто не знает и никакого живота у меня и в помине нет, а я уже ощущаю себя преисполненной важности гранд-дамой, которая может чуть-чуть поспешить на трамвай, но запрыгнуть в него на ходу или перелезть через забор – ни за что.

Почему-то утаила от Миши три дня назад, что пошла к врачу, а потом не могла рассказать ему. Столько чувств у меня было, хотелось побыть с ними наедине, понежить их, привыкнуть. Миша, конечно, сразу заметил неладное, начал подозревать, что я простыла и бегаю тайно кашлять в коридор, а ему не говорю, чтобы не тревожить. Отговорила сезонной меланхолией – обычная отговорка русских людей. Плохая погода – все грустят и печалются, хорошая – проклинают жару и ноют о прохладе.

На самом деле, я когда узнала, – меня будто накрыло ударной волной, все звуки пропали, все вокруг замедлилось. Я слышала, что доктор что-то говорит, но совсем не понимала смысла. В электротеатре такое только видела в лентах про войну, когда в кого-то стреляют или задевает взрывом и герой лежит и ошарашенно смотрит вокруг, где все бегут, что-то взрывается, а он уже не может никуда поспешить, для него все замедлилось, и тапер еще на этом месте посреди бравой мазурки вдруг начинает играть медленный вальс или, если он в курсе последних модных музыкальных тем, – вариацию Чарли Чаплина «Всегда есть кто-то, кого не забыть». А потом актер такой смотрит в небо и тоскливым застывшим взглядом изображает, что вся жизнь проносится у него перед глазами, как у Андрея Болконского под Аустерлицем – «Где оно, это высокое небо, которого я не знал до сих пор и увидел нынче?»

Нужно было прийти в себя, вынырнуть из-под этой ударной волны, почувствовать, что звуки и запахи вернулись и принять сразу множество чувств, среди которых больше всего пульсировали и будоражили два – огромная радость, наполняющая всю меня розовыми лимонадными пузырьками, и сверлящее беспокойство оттого, смогу ли я уберечь моего ребенка от всех этих ужасов и нелюбви людей друг к другу и миру вокруг. Может ли становиться мамой девушка, которая только на той неделе дюжину раз перечитала «Митину любовь», всякий раз обливалась

слезами и даже втайне от Миши отправила письмо в издательство с нижайшей просьбой на имя Ивана Бунина переписать концовку. Миша видал, что я письмо пишу, насмеялся надо мной, поэтому я сказала ему, что отправлять свое прошение не стала, а как взрослая мудрая женщина просто излила свои переживания на бумаге. Сама-то, когда его дома не было, натянула голубой берет, хорошие калоши и прямо под дождем побежала впробегутки на почту. Учитывая, что книга издана у нас, в Париже, все шансы есть, что письмо дойдет и автор его прочитает.

Сегодня обязательно расскажу Мише, нету сил уже хранить в себе, три дня – это мой рекорд для такого большого и важного секрета. Тем более собирались вечером пойти отметить Мишин успех на Парижской выставке. Это тебе не шутки – золотая медаль за картину «После снежного дня», которую он написал мне в подарок заместо той, которую в России поменяли на гуся и муку. Я ее напротив кровати повесила, чтобы, когда просыпаешься, вот в тот момент, когда ты уже приоткрыл глаза, но не можешь стряхнуть с себя дрему и теплое одеяло и сразу встать, а даешь себе время понежиться в кровати, – можно было сразу на нее смотреть. Ничего вроде бы на ней особенного – мама раздевает в сенях маленькую девочку, которая пришла после катка. На старую пуховую шаль, которая завязана наперекрест, и дряхленький тулупчик налип снег, у девочки – красный нос и щеки, она смеется и, держа конек в одной руке, делает ласточку, показывая маме, как она научилась кататься. Мама сосредоточенно ее раздевает, одновременно смотрит на девочку и улыбается одними уголками губ. Я Мишу спрашивала, почему он сделал маму на этой картине похожей на меня, ведь так трудно пока представить меня в роли мамы. А он отвечал, что ему очень хотелось передать ту мягкость, с которой я улыбаюсь, когда смотрю на него или на Тиму и Елену, когда они у нас гостят. Ничего про то, какой прекрасной мамой я буду и все такое, – мы вообще эту тему никогда не обсуждали, подразумевалось, что все случится, когда мы оба будем готовы.

Вроде бы Миша хотел пойти в «Лилу», занять круглый столик у кустов отцветшей сирени и запивать говядину фламбе абсентом под поздравления коллег из Академии, которые постоянно там ошиваются. Ведь даже Родченко, которого он так почитает, наградили только серебряной медалью! Я подозреваю, что он тайно надеется, что после такого успеха ему наконец заведут в «Лиле» личное деревянное кольцо для салфеток, что будет означать большее признание в обществе, чем полагающаяся денежная премия и официальные поздравления. В другой раз я была бы рада, тем более Миша обещал представить меня Хуану Миро, а тот, говорят, иногда бывает там вместе с Хемингуем, вдруг и с ним бы познакомились! Но это праздник не совсем для моей новости.

После таких отметаний мы еще обычно кого-нибудь выпившего утихомириваем и отводим домой, а сегодня мне совсем не хочется таких приключений. Может, уговорить Мишу просто пойти выпить вина в лавке угольщика. Там бы ему и рассказала. Знаю, что он тоже любит эту темную каморку, где в одном углу навалены мешки с углем, а в другом можно выпить домашнего вина, вдыхая терпкий запах молодого козьего сыра и перемеща пальцы с бокала на прохладный цинк, которым обит прилавок. Тем более Мише симпатизирует владелец лавки – крепкий гастонец с очень суровой душой, которой очень проникся к нам, когда узнал, что Миша – художник, а я его любимая модель. Он

любит под настроение Мишу порасспрашивать, почем нынче продаются его картины, а один раз даже приносил показать из дома сокровища, как он их назвал, – карандашные эскизы Тулуз-Лотрека и Эмиля Коля, доставшиеся ему от отца, предыдущего владельца лавки. Он еще так трогательно его называет – не отец, а папа. Рисунок Тулуз-Лотрека, по его словам, был выменян папой без большого желания на бутылку белого вина и три пучка лучины у самого автора просто потому, что у того не оказалось при себе денег. Советовался с Мишей – сейчас продать или еще подождать. Миша посоветовал ему выждать, что, мол, еще через несколько лет на них можно будет поместье под Парижем купить или домик в Ницце. Гастонец проникся и пообещал не спешить.

А завтра пойдем в «Лилу» и отпразднуем там, можно еще, кстати, и Станислава Иосифовича с с Анной Николаевной с нами позвать. Его там шибко уважают, в общем, как и почти во всех ресторанах Парижа, где он учил кондитеров готовить русские пирожные, пряники и выпечку. Некоторые так наловчились, что медовые коврижки и ромовые бабы вкуснее, чем в кафе «Централь» на Невском проспекте, делают. Я-то знаю, потому что Станислав Иосифович частенько меня на дегустацию приглашает в те рестораны и кафе, которые обучали кондитеров по его курсу. Люблю эти выходы – только мы вдвоем, летняя терраса в тени деревьев или парадный чайный зал зимой, постукивание серебряных ложечек, запах кофе и дети, выковыривающие изюм из печенья, – мне все это очень напоминает Вятку и те времена, когда мы с Зиной приходили помогать в кондитерской.

Стихи по кругу

Юрий РЯШЕНЦЕВ

Москва

* * *

Луч ищет щель в переплетенье веток,
(пять «е», пусть в длинном слове, — перебор).
Роскошный парк нам приготовил предок,
да вокруг него решительный забор.
Лежи на травке молча, глухо, немо,
захочешь — навзничь, а не хочешь — ниц.
Нет, навзничь лучше: над тобою небо,
хоть самолетов больше в нем, чем птиц.
И веточка, как девушка на ринге,
от ветерка прогнулась напоказ:
натянута туго, без морщинки
открылась синь, безвестная для нас,
поскольку ни новейшим луноходам,
ни гениям — хоть в жизни, хоть в кино —
ее, — хоть горб нажив, хоть мимоходом —
понять, пока мы живы, не дано.

В театре

Сценографы такого типа
не нравились мне никогда.
Смущала липовая липа.
Пугала твёрдая вода.
И над страданиями актера
висел так косо небосвод,
что было ясно: рухнет скоро
и не в финале, а вот-вот.

Но я не понимал в театре.
Меня лишь удивляло то,
что в этом трендовом теракте
мне не был мил почти никто.
Мила старушка мне, чью веру
так красит глаженный батист.
Она цветы несёт премьеру
в упёртости, что он — Артист.

А ведь ему, с повадкой тухлой
играющему эту дичь,
старушьею подлинности жуткой
ни в коем разе не достичь.

* * *

И как уж он надыбал повод
ту Алку в лес зазвать, подлец:
там реже овод, глубже омут,
малина слаще наконец.
Был омут теплым с перестою.
Запруде поддалась река.
И небо было над водою
черно, как классная доска.
И веткой непредупрежденной
ночная тихая ольха
касалась Алки обнаженной,
нагой, как Ева до греха.
И ни звезда им не светила,
а только шалая луна
вдруг глянула, как выходила
на берег илистый она.

Довольно врать! Ты был при этом?
Подсматривал? С каким лицом
ты рядом с ним ходил при этом?

Я просто был тем подлецом.
Я сам бы щедро расплатился,
чтоб разгадать загадку ту,
как трюк котяры превратился
во что-то... слова не найду...
Она из речки выходила,
как дух, надумавший в астрал.
Во всей ее повадке было
все то, о чем я знать не знал,
все торжество в конечном счете
над юной нищенской бедой,
все превосходство дивной плоти
перед ничтожною нуждой.

Юрий КРЫЛОВ
Москва

* * *

Кромешный снег. Слепой, не встреченный.
Стеклом царапает по стеклам.
Простором, снегом перечерченным,
до верху набивает горло.

На шею бледное нашествие.
Вода кристаллами на голову.
Безмолвье с одноцветьем скрещены.
Губа к губе пришиты холодом.

Из бережливости молчащий
угадывает происшествие,
один, из многих состоящий
живых, засыпанных, замешанных.

Баланс нашедших и искомого
нарушен наполнением неба –
нашли патрульные убогого
над коркой ледяного хлеба.

Дороги конному и пешему,
к теплу котельных и градирен.
Под снегом кружит очумевшая
бездременная птица Сирина.

Светлана ЛЕОНТЬЕВА

Нижний Новгород

* * *

Ах, жена Лота, лишённая имени, без Лота – кто ты?
Ветер бьётся большой головой,
изображая участие,
полый кувшин – ты, вихрясь где рёбра пустоты,
листья сухие, бездомные в розовом – мчатся.
Выжженный столп соляной на глухом перекрёстке,
ждущий и жаждущий, символ сверхверности женской,
символ – мой дом, моя крепость. А дома нет, доски
все прогорели. А крепость кто? Ты – нынче крепость.
Вьются сухая трава, семя, комья, скорлупки,
здравствуй, подруга бессмертье – подруга несмертье,
здравствуй, полынное поле и мёртвое море,
да, ты чуть-чуть постарела за эти столетья,
по постареть разве горе?

Ах, жена Лота, лишённая имени, полная смысла!
Что ты вот здесь сторожишь, где тростник с горя ссохся?
Луковкин мёд, лён кукушечий, донник пятнистый?
Глазки анютины, луносемянник даосский?
Вот и сошёл с гор: Сион, Чертово Городище
лёд безымянный, как ты, что без имени, право!
Мёртвого моря живее нет, Чёрного чище,
Красного нет бирюзовее. Ляг в свои травы,
хватит стоять соляным истуканом, так Флавий
после сказал бы. Но так вот стоять в вещи силы,
не умирая, всё ждать, ждать у моря погоды.

Все поколения сменились, и женщины новых родили
жителей новых содомских, гоморровских и мореходов.
И поколение девок-давалок грешащих
тоже сменилось на девок-давалок моложе.
Кто клеветал, тот клеветает, кто лгал, тоже так же,
те, у кого душа нежная, также без кожи.
Глиняной этой посудыной, каменной, жжёной,
пусть голова будет в небе, цепляясь за корни
всей бирюзы скоморошьей, оранжевой кромкой,
да – не со всеми,
да – против. Да, всех непокорней!
Да, быть наказанной. В деле, но вовсе без дела.
Да, правдой быть, но во лжи, при друзьях, но без друга.
Да, быть орущей, кричащей, но окаменелой,
да, всем чужда. Но в объятьях терзаться двуруко!

Татьяна ДИВАКОВА

Москва

Родник

*В крутом овраге под горой
Бьёт из камней родник студёный.*
И. Бунин. «Родник»

Я иду к роднику потаённой тропой,
Тут крапива – по пояс, а склон –
Сплошь терновника ветки, да в зарослях злое
Верещанье драчливых ворон.

День отчаянно хмур, полнедели – и осень,
Опустел покосившийся скит;
Повзрослевшие ели окрасила проседь –
Паутиной на иглах висит.

Я спешу к роднику: как живется, приятель,
Вдалеке от найденных мест?
Над тобою, как встарь, вознесён благодатью
Почерневший от времени крест.

Помню, в детстве со мной ты играл, напевая
Ручейками мотив в унисон:
«Приходи, я тебя напою, приласкаю,
Обниму, убаюкаю в сон...»

Много вёсен исхожено, стала ли ближе
Я делами к иному, кто в Раю?
Всё с нас спросится свыше.
Прими – о, прими же
Покаянную думу мою!

800 лет Нижнему Новгороду: эпохи, судьбы, факты

Валерия БЕЛОНОГОВА

Родилась в Дрездене, ГДР, в семье военнослужащего. Окончила Ленинградский университет. Работала в редакциях нижегородских и московских газет, в Государственном музее-заповеднике А.С. Пушкина «Болдино», преподавала в Нижегородском госуниверситете им. Н.И. Лобачевского, Нижегородской государственной консерватории. Кандидат филологических наук, доцент, историк культуры, критик.

Автор книг «Выбранные места из мифов о Пушкине» (2003), «Болдинский ключ» (2009), «Что вам нужно в этом Нижнем? Город в зеркале литературы» (2011), «Забытая мелодия. Жизнь и труды Александра Улыбышева» (2016), «Открытый остров. Болдинские реалии и образы Пушкина» (2017), «Утренний человек Даниил Хармс» (2020), статей и очерков по истории литературы и музейному делу. Составитель и редактор нескольких сборников и монографий. Дважды лауреат литературной премии «Болдинская осень» (2010, 2018).

Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

СИБИРСКИЕ ШПИОНЫ НА МАКАРЬЕВСКОЙ ЯРМАРКЕ

Непревзойденный мастер приключенческого жанра, знаменитый французский писатель-фантаст Жюль Верн (1828–1905) никогда не был в Нижнем Новгороде. И в России вообще. Но в 1876 году он написал роман из русской жизни «Михаил Строгов», действие двух глав которого происходит в нашем городе.

Ничего удивительного. Он не бывал и во многих других странах, не плавал по океанам, не спускался к центру земли и на Луне тоже не был. Правда, в одиннадцатилетнем возрасте он нанялся юнгой на корабль, идущий в Индию, но отец возвратил беглеца с судна, уже снявшегося с якоря. С тех пор, похоже, Верн вообще не покидал Франции. Но вместе с героями своих романов прошел сотни тысяч лье по земле, по воде, под водой и по воздуху. «Дети капитана Гранта», «Пять недель на воздушном шаре», «Из пушки на Луну», «Двадцать тысяч лье под водой», «Вокруг света за 80 дней». По количеству переизданий на всех языках эти книги занимают одно из первых мест в мире. А ведь Жюль Верн писал еще и научные труды, выпускал иллюстрированную географию.

Но главное его достижение, конечно, – жанр научно-фантастического романа, одним из создателей которого он по праву считается. Об удивительном даре научного предвидения, в полной мере явленном в его книгах, писали К.Э. Циолковский, В.А. Обручев, Д.И. Менделеев, И.А. Ефремов. Французский физик Клод Жорж утверждает, например, что мысль о возможности получения электроэнергии из погруженных на разные глубины моря проводников, теперь широко применяемой, принадлежит исключительно автору романа о капитане Немо и подводных странствиях его «Наутилуса». Впрочем, русский роман Жюль Верна – совсем о другом.

Строго говоря, никакой научной фантастики там вообще нет. Там, если можно так выразиться, фантастика социальная. В центре сюжета – вымышленное автором восстание татар и киргизцев, происходившее якобы у нас в середине XIX века на территории Туркестана и Сибири. И вот что интересно: подобно тому, как в своих научно-фантастических романах Жюль Верн предвосхитил многие открытия в области физики, химии и механики, в этом – он, в каком-то смысле, предвосхитил или предвидел явления социальные. В XIX веке никаких крупных народных восстаний в восточных районах империи у нас замечено не было. Но в 1915 году в Казахстане, например, имели место серьезные национальные волнения. А в 1925 году в Якутии происходило крупное восстание под предводительством Кожевникова.

Итак, о чем роман? Чрезвычайно живо и увлекательно рисует писатель полное опасностей путешествие, которое совершают главные герои – царский курьер Михаил Строгов и его обаятельная спутница Надя. Через всю Россию, кишашую шпионами и тревожным ожиданием надвигающегося бунта, они спешат в Иркутск к брату царя. И, пройдя невероятные испытания, плен у бунтовщиков, пытки, речные водовороты, снежные заносы и пожары (среди зимы горит подожженная главным злодеем нефть на Ангаре!), они успевают-таки передать царское послание в руки великого князя, спасают его от верной гибели и помогают защитникам Иркутска продержаться до подхода правительственных войск.

Какую роль играет в сюжете Нижний Новгород? Не такую уж и маловажную. Здесь герой пересаживается с поезда на пароход. Обстоятельства сводят его во второй раз с Надей. А главное, тут он встречается на ярмарке переодетого цыганом предводителя сибирского восстания изменника Ивана Огарева с сообщниками. Правда, царский посланник еще о нем ничего не знает. Основные приключения впереди. И тот же Томск или Иркутск будут потом описаны романистом гораздо подробней и красочней, чем Нижегородский кремль и ярмарка.

В родном Омске герой встретит мать и, вынужденный сохранять инкогнито, сделает вид, что её не знает. Потом будет душераздирающая сцена в плену у коварного Огарева с избиванием матери и ослеплением главного героя. Потом, в ходе решающей схватки выяснится, что Строгов только притворялся слепым.

Схватка эта написана необыкновенно динамично и красочно. Вообще типичный «экшен» с драками и погонями, да еще и с непременными русскими медведями. Неслучайно во Франции этот роман Жюль Верна популярен и в XX веке был даже экранизирован. А одна французская турфирма, говорят, предлагала советскому «Интуристу» организовать специальный туристический маршрут «По строговским местам». «Интурист» отказался.

В России «Михаил Строгов» впервые был напечатан только в 1900 году. Понятно, что дореволюционных издателей останавливал сомнительный, с точки зрения политкорректности, и от начала до конца вымышленный факт освободительного восстания в Российской империи. В Советской России роман вообще не издавался (вплоть до самой перестройки). И тоже понятно почему. При распространенном у нас тогда вульгарно-классовом отношении к художественной литературе совершенно недопустимым был промонархический настрой произведения. Царь и его клеветы выведены вполне симпатичными, а предводитель «иноверческого» восстания – наоборот, отпетый негодяй. Между прочим, из бывших политических ссыльных, чуть ли не декабрист!

В общем, создатель образа свободолюбца и тираноборца капитана Немо на этот раз перед Россией «проштрафился». И «русский» роман замечательного француза для нескольких поколений российских читателей так и остался практически неизвестным. В том числе и его «нижегородские» страницы.

В них не обошлось без ошибок и неточностей. Ни разу не бывавший в России писатель пользовался, скорее всего, справочниками. Поэтому и картина ярмарки у Верна – усредненная, краткая. Деревянные постройки, железные, рыбные, пушные, мануфактурные ряды, пестрота наречий, ярмарочные балаганы. Понтонный мост, соединяющий город с ярмаркой, у него переброшен не через Оку, а через Волгу. И гостиницы «Константинополь», где остановился царский фельдъегерь Михаил Строгов, в городе никогда не было. Но, строго говоря, все это не так уж и важно для приключенческого романа.

А вот дыхание большого города чувствуется, и то, что волнения в Средней Азии и Сибири сразу же сказались на ярмарочной торговле, и сам факт срочного закрытия ярмарки, – все это выглядит весьма убедительно. И паника разноплеменной толпы, и неразбериха, начавшаяся в городе в связи с указом нижегородского генерал-губернатора о срочной высылке инородцев, выписаны вполне убедительно. Если что... наверное, так бы оно и было.

А главное, этот город, единственный кроме Петербурга город европейской части России, фигурирующий в романе, так сказать представляет от ее имени. Это узловой пункт, важный и в географическом, и в экономическом, и в демографическом смысле. И это используется незримым штабом восстания, распространившим здесь свою шпионскую сеть. Так что в сюжете романа город занимает одно из узловых мест.

«УДАРНИК ПРОХОРОВ ПРОЕХАЛ НА МАШИНЕ...»

Холодным декабрьским утром 1927 года на платформу Ромодановского вокзала в Нижнем Новгороде вышел из вагона высокий импозантный господин. Его встречала делегация партийных работников и литераторов. И специально выделенный для гостя автомобиль. Это был Теодор Драйзер (1871–1945). Кажется, автор «Американской трагедии» стал первым зарубежным классиком, побывавшим в Нижнем Новгороде после революции. Возникшее на карте Восточного полушария небывалое государство Советов, как магнит, тянуло к себе писателей-коммунистов и сочувствующих коммунистам писателей со всего мира. Вот почему, получив официальное приглашение советского правительства приехать в Советский Союз и принять участие в праздновании 10-летия Октябрьской революции, Драйзер был счастлив. И за два с половиной месяца осени–зимы 1927–1928 годов посетил Москву, Ленинград, Пермь, Новосибирск, Киев, Ростов и еще несколько городов, среди которых был и Нижний. Результатом поездки стала изданная в США книга «Dreiser looks at Russia», которая у нас в полном объеме, увы, до сих пор так и не напечатана.

В Нижнем Новгороде Драйзера поселили, разумеется, в самой фешенебельной тогда гостинице «Россия» на главной площади города. Но американец хотел своими глазами увидеть русскую деревню, простых рабочих и крестьян. И 10 декабря вместе с нижегородскими литераторами П. Штатновым и Г. Федоровым он приехал в село Ближнее Борисово, что неподалеку от города на Арзамасской дороге.

Посетили сельскую школу, почту, телефонную станцию, избу-читальню. Увидев в школе стенгазету, писатель попросил свою переводчицу американскую журналистку Рут Эпперсон Кеннел перевести каждую заметку дословно. Засыпал вопросами сопровождавшего гостей предисполкома. «А радио у вас в деревне есть?» «А что читают крестьяне?» «А какие у них земельные наделы?» Заходили и в деревенские избы. Хозяйку одной избы, чисто прибранной к приходу гостей, Драйзер обескуражил просьбой показать тараканов! Зато его самого обескуражил вопрос другого борисовца: «Сколько годов-то ему? На вид крепкий, а седой». А вечером ближнеборисовская молодежь пела для гостя русские песни и плясала, и 56-летний писатель сам пробовал пройтись вприсядку. «Это один из лучших моих дней в России», – перевела Рут слова Драйзера.

На другой день была встреча с журналистами в городе, поездка по предприятиям, поход в кинотеатр «Рекорд» (посмотрели фильм о Пушкине «Поэт и царь»), прогулка по Откосу. Говорят, в кафе на Верхневолжской набережной Драйзер тогда отметил с нижегородцами день своего рождения.

После его отъезда в «Нижегородской коммуне» было опубликовано письмо Драйзера о Советской России с пространным комментарием газеты. Автор комментария И.А. Марченко не соглашался с «индивидуалистическими представлениями об искусстве» американского писателя и выражал надежду, «что в результате более длительного ознакомления с нашей страной Драйзер придет к тому выводу, к которому пришли и приходят миллионы трудящихся всех стран: что коммунистическая программа вообще для всех стран более полезна».

Книга Драйзера о России, вышедшая на следующий год в Америке, для российских читателей в полном объеме так и осталась неизвестной. В 1961 году ее сокращенный перевод был подготовлен к печати в редакции журнала «Иностранная литература». Однако в последний момент материал был снят с публикации. Шесть глав, касающихся в основном вопросов литературы и искусства, вошли в изданный в Москве в 1988 году сборник публицистики Драйзера «Жизнь, искусство и Америка». В 1999 году в журнале «Международная жизнь» напечатана еще одна глава. Публикация называлась «Теодор Драйзер: Если коммунизм не допустит в будущее красоту и даже какую-то роскошь, он обречен на провал». Интересно, а что все-таки написал знаменитый американский романист о Нижнем Новгороде в своей книге?

Маленький фрагмент из главы «Фабрики и промышленность», в котором описывается поразивший писателя эпизод на Молитовской текстильной фабрике в Нижнем, был помещен в книжке «Гости о нашем городе», изданной Волго-Вятским книжным издательством в 1971 году. Вот он.

На одной фабрике, вблизи Нижнего Новгорода, где конопля превращалась в бечеву, веревку и «дорожку», меня заинтересовало происшествие, показавшееся мне типичным для русского темперамента и мировоззрения русских и которое было бы невозможно в Америке. В одном из помещений не ладилось с вентиляцией. Случаи легочных заболеваний беспокоили, и кое-где в помещениях фабрики возникло недовольство. В связи с этим и поскольку в подобных условиях находились далеко не все, решено было провести голосование с тем, чтобы определить желание большинства:

1. Либо увеличение зарплаты для всех, либо 2. расход в сумме 350 тысяч рублей на исправление вентиляции в помещениях; это имело значение для здоровья лишь части рабочих. Единогласно все рабочие проголосовали за улучшение вентиляционных условий для меньшинства, это означало одновременно, что собственная зарплата рабочих оставалась без увеличений. Могло ли быть нечто подобное у нас?

Зато не раз переводилось и издавалось у нас все, что писал о Советской России «основатель соцреализма во Франции», как называла его наша критика, Анри Барбюс (1873–1935). Он приезжал в Советский Союз в 1927, 1928, 1929, 1932, 1933 и 1935 годах. В свой последний приезд он и умер в Москве.

Пребывание в России летом 1928 года было связано для видного писателя-интернационалиста с крупной агитационной акцией, проводимой тогда в нашей стране – агитполетом на гидроплане «Все в Осоавиахим!». Барбюс принимал участие в акции и побывал тогда в нескольких городах Поволжья. В том числе и в Нижнем Новгороде. 15 августа гидросамолет облетел Стрелку и приземлился на нижегородском рейде.

Дальше все шло по плану. Статья в местную газету «Нижегородская коммуна» под названием «Необходимо созвать антифашистский конгресс!» Встречи с рабочими, посещение Сормова, Нижегородского университета, радиолaborатории имени В.И. Ленина. Но 18 августа писатель внезапно заболел и с высокой температурой был доставлен в больницу № 3. Консилиум лучших врачей города поставил диагноз: «рассеянная, блуждающая бронхопневмония с сухим плевритом». Двадцать три дня Анри Барбюс находился на излечении в нижегородской больнице. А когда, выздоровев, покидал город, у него здесь было уже много друзей. Особенно сблизился он с председателем Нижегородской ассоциации пролетарских писателей Иваном Марченко, заведующим литотделом газеты «Нижегородская коммуна», впоследствии партийным работником. Между знаменитым французом и нижегородским журналистом (кстати, прекрасно владевшим французским языком) завязалась активная переписка.

Партийный идеолог нижегородских писателей И.А. Марченко и в дальнейшем держал Барбюса в курсе дел «социалистического строительства в Нижегородском крае». «Видели ли вы в “Известиях” мою статью о Нижнем, которую я написал в значительной мере по документам, полученным от вас», – спрашивал его Барбюс в письме от 24 ноября 1928 года. «Нижний Новгород – один из самых красивых и самых больших русских городов, – писал он в этой статье. – Город, перед которым открываются богатейшие возможности, город, окрестности которого суровы, но непременно грациозны, город, который растет не по дням, а по часам...» Автор антивоенных романов «Огонь» и «Ясность» был искренне увлечен энтузиазмом наших первых пятилеток, он был буквально влюблен в Советскую Россию. Ему нравились революционные песни, ему нравились молодежные стройки, ему нравилось здесь все. В том числе и волжский город, который стремительно превращался в крупный центр советской промышленности и, действительно, рос не по дням, а по часам. В благодарность вылечившим его нижегородским врачам Барбюс, вернувшись в Париж, прислал в Нижний редкий по тем временам прибор для исследования и лечения заболеваний почек – цитоскоп.

Барбюс был не одинок в своем увлечении Советской Россией. «Инженеры человеческих душ» из разных стран мира стремились тогда на родину социализма. Ромен Роллан, Бернард Шоу, Луи Арагон, Анна Зегерс, Иоганнес Бехер. Стремилась «на огонь» личности главы советской литературы А.М. Горького. Ехали, чтобы сверить свои представления о социально справедливом обществе с реальностью страны величайшего социального эксперимента. И видели иногда только то, что хотели увидеть.

Датчанин, писатель-коммунист Мартин Андерсен-Нексе (1869–1954) побывал в 1933 году в нескольких городах Поволжья. Вот что писал он о городе Горьком (так в честь великого земляка стал называться Нижний с 1932 года) в своей книге «Два мира. Мысли и впечатления от поездки в СССР».

...По речному берегу тянутся длинные набережные, доки, судостроительные верфи, эллинги. За ними лежит старый ярмарочный город со множеством низких, желтых, каменных лавок, где в былое время торговцы со всех концов земли сбывали задешево свои товары. Теперь здесь студенческие общежития. Немного подальше вглубь – косогор, подымающийся на высоту в несколько сот футов,

и разбросанные в зелени сотни дач и особняков, окруженных великолепными садами. Раньше тут жили богатые купцы города, славившегося крупнейшей мировой ярмаркой; теперь это детские дома, дома отдыха и т. п. Еще выше, на плато раскинулся самый город, со своим кремлем и живописными церквями. Многие из них построены купцами-богатеями, чтобы откупиться от ада. Искупительная жертва небу от испуганных живодедов! Как неловко, должно быть, чувствуют себя теперь богачи-купцы, когда у ада отняты муки, а у неба – блаженство!.. Имя Горького зажигает огонек в глазах каждого индустриального рабочего. Во имя его борются 25 тысяч рабочих автомобильного завода Горького, соревнуются с другими автомобильными заводами Советского Союза за первенство по числу выпускаемых в течение года автомобилей.

Еще не так давно бывший город мировой ярмарки красовался здесь во всем своем капиталистическом великолепии. Город со своим стотысячным населением побивал рекорды во всех отношениях: ни в каком другом городе не было столько богатеев-купцов, ни в каком другом русском городе – такого обнищавшего пролетариата. Сегодня денежных магнатов нет и мировой ярмарки – тоже.

Горький – оживленный и промышленный город без романтики, сотканной из пурпура и лохмотьев, но со здоровым и бодрым населением трудящихся. Пульс нового времени бьется здесь так же сильно, как в любом другом месте Советского Союза.

Голосу датского писателя-коммуниста созвучен голос обаятельного Юлиуса Фучика (1903–1943), чешского коммуниста, писателя и журналиста. Весной 1935 года Юлиус Фучик приезжал в Горький. Побывал в Сормове, на автозаводе, в Канавине. И вдохновенный образ большого социалистического города вырастает в его репортажах и очерках. На автозаводе он, например, познакомился с передовиком производства Василием Ивановичем Ивановым. Результатом знакомства стал очерк «Вечер у Василия Ивановича».

В очерке «Путеводитель по Нижнему Новгороду» Фучик пишет: «За семнадцать лет Советской власти город Горький до неузнаваемости изменился, так что старые нижегородские жители и не узнали бы его». И дальше о том, что не стало городских окраин, не стало драк и беспорядков в городе, что по переименованным улицам ходят теперь не купцы и заводчики Добровы, Башкировы, Рукавишниковы, а простые рабочие люди... «Ударник автозавода товарищ Прохоров проехал на машине...»

Протоиерей Владимир ГОФМАН

Родился в 1953 году в городе Городце Горьковской области. Окончил Рыбинский авиационный техникум, историко-филологический факультет Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского и Московскую духовную семинарию. До рукоположения в сан работал литейщиком на производстве, журналистом. С 1993 года – священник Русской православной церкви.

Автор ряда поэтических сборников, книг прозы и множества публицистических статей. Лауреат ряда литературных премий, за книгу рассказов «Персиковый сад» в 2012 году удостоен диплома 3-й степени Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

КУПОЛА, СМОТРЯЩИЕ В НЕБО

Храмы Нижнего: между прошлым и будущим

Начало в № 5, 2019 – № 5, 2021

НЕ ОСКУДЕЕТ ВЕРА ПРЕДКОВ НАШИХ

Почти два года на страницах журнала мы рассказывали о действующих и утраченных храмах нашего города. О многих из них останется только память, некоторые восстановлены, немало построено вновь. Завершить публикацию о нижегородских святынях, думается, уместно рассказом о новых храмах – их появление свидетельствует о том, что связь времен не оборвалась, что вера предков жива и будет жить, как и Церковь Христова, которую «не одолеют врата ада» (Мф. 16:18). «Русь святая, храни веру православную, в ней же твое утверждение!...». Эти слова запечатлены на скрижалях нашего сердца.

Храмовый комплекс в Щербинках

Настоящей жемчужиной южной окраины Нижнего Новгорода называют храмовый комплекс в честь святого великомученика и целителя Пантелеимона в Щербинках. И это воистину так. Особенность его в том, что он воплотил черты стилей церковной архитектуры Византии и Великого Новгорода.

Комплекс включает в себя три однопрестольных храма: в честь новомучеников и исповедников Нижегородских, в честь святого праведного Иоанна Кронштадтского, в честь святого великомученика и целителя Пантелеимона. Уникальная архитектура храмов – Византия и Древняя Русь – придает комплексу в целом неповторимый вид. Особенно это касается храма в честь св. Пантелеимона Целителя. По словам

автора проекта архитектора Андрея Анисимова, он спроектирован в русско-романском стиле и внутри напоминает первые христианские храмы, представляя собой соединение древней базилики с новыми устройствами.

...Все началось двадцать лет назад – 25 ноября 2001 года был освящен престол временного деревянного храма в честь новомучеников и исповедников Нижегородских, пострадавших за веру в годы гонений. Строительству храма помогала администрация Приокского района и работники Академии сельского хозяйства.

Поскольку небольшая деревянная церковь не справлялась с наплывом прихожан в воскресные и праздничные дни, остро встал вопрос о постройке более вместительного храма. Решение было принято, но так быстро, как хотелось бы, завершить строительство не позволили обстоятельства. Более десяти лет богослужения совершались в деревянной церкви новомучеников и исповедников Нижегородских.

Новый храм в честь святого праведного Иоанна Кронштадтского был рассчитан на 260 человек. Автор проекта заслуженный архитектор России Андрей Анисимов подошел к делу творчески. Храм в честь святого Иоанна Кронштадтского, по его мнению, призван и внешне нести в себе черты эпохи, когда жил праведник. Эту идею он и воплотил в проект. Купол нижегородского храма напоминает купол Никольского собора в Кронштадте, а сам храм продолжает русско-византийскую традицию храмового строительства конца XIX века, то, что называют неорусским стилем. Этот стиль был широко распространен в России конца XIX века.

24 июля 2013 года на купол храма был водружен крест, освященный митрополитом Нижегородским и Арзамасским Георгием, а 8 ноября того же года здесь состоялось первое богослужение – всенощное бдение. На следующий день владыка Георгий совершил чин великого освящения, и в новом храме в честь святого праведного Иоанна Кронштадтского начались ежедневные богослужения.

Как говорится, лиха беда начало. Появилась задумка построить здесь большой соборный храм. И вскоре она претворилась в жизнь. 6 июля 2013 года митрополит Георгий совершил чин закладки храма в честь святого великомученика и целителя Пантелеимона, а 11 декабря – освятил для него два креста. Через полтора года был освящен третий храм в комплексе – в честь великомученика и целителя Пантелеимона. Чин Великого освящения совершил митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий.

Обращаясь к народу, он подчеркнул, что этот храм являет собой новое слово в архитектуре, соединяет традиции Востока и Запада. Идея опять же принадлежала зодчим во главе с Андреем Альбертовичем Анисимовым и была успешно претворена в жизнь. Митрополит назвал новый храм лучшим из построенных за сто лет в Нижнем Новгороде не только по своему архитектурному решению, но и по убранству, красоте, благолепию.

И это действительно так. Здание храма состоит из двух частей: крестово-купольная церковь совмещена с романской базиликой. Шлемовидные главы напоминают, что храм – это воин Христов, призванный защищать людей и землю от козней врага рода человеческого.

Над церковью установлен четырехконечный крест, форма и рисунок которого восходят к кресту Дмитриевского собора во Владимире. В основании креста лежит древний символ Господа, пришедший на Русь

из Византии, – цата, часто ошибочно принимаемая за полумесяц. Размещение креста с цатой на куполе собора напоминает православным верующим о том, что этот храм принадлежит Господу.

Аскетичность церковного интерьера подчеркивают белые стены в сочетании с деревом и камнем. На этом фоне выполнены мозаики, росписи, киоты для икон; на стены нанесены тексты тропарей и кондаков.

Центральная часть каменного иконостаса выполнена в виде часовни с большими проемами под иконы. Иконы специально установлены таким образом, чтобы у верующих была возможность видеть происходящее в алтаре и осознанно участвовать в богослужении.

Для фресковой росписи неслучайно были выбраны евангельские сюжеты, связанные с исцелением больных. Они напоминают верующим, что к великомученику и целителю Пантелеимону обращаются с молитвой во время болезней, душевных и телесных недугов. Даже панникадило (центральная люстра) и то здесь особенное. Оно выполнено по прототипам и образцам церковных светильников Византии, в особенности знаменитого храма святой Софии в Константинополе.

Вместимость храма 800 человек. Высота здания 28 метров. Храм в честь святого праведного Иоанна Кронштадтского и храм во имя святого великомученика и целителя Пантелеимона соединены галереей и венчаются колокольней, высота которой 34 метра.

...Горят на солнце купола церковного комплекса, органично вписавшегося в современную жилую застройку. Звонят колокола, зовут прихожан на службу. Как будто так было всегда. А ведь так оно и должно быть – храм стоит там, где живут люди. Потому что он – Божий дом. А человек призван от рождения идти к Богу. Не зря и народная мудрость гласит: «Жить – Богу служить».

Храм в честь святого великомученика Георгия Победоносца

И еще один новый храм появился в Приокском районе – в честь святого великомученика Георгия Победоносца. Он открыл двери молящимся на улице Кащенко. Весной 2013 года под строительство нового храма по итогам всенародного слушания был выделен земельный участок, а 3 ноября митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий совершил чин закладки храма. Не прошло и полгода, как владыка совершил чин освящения колоколов и крестов, которые были установлены на купол и звонницу храма.

Как и в комплексе святого великомученика Пантелеимона строительство храма взяло на себя Товарищество реставраторов «Мастерские Андрея Анисимова». И на этот раз храм выстроили уникальный. Он получил каменный иконостас с ростовыми иконами, фасад с белокаменной резьбой. Венчает храм купол, напоминающий шлем воина. Церковная звонница имеет семь колоколов и выполнена в традиции Пскова и Новгорода Великого. На сегодня такого типа звонниц в Нижнем Новгороде больше нет.

14 августа 2014 года, в день празднования Происхождения честных древ Животворящего Креста Господня, состоялось освящение нового белокаменного храма великим чином. Его совершил митрополит Нижегородский и Арзамасский Георгий. Примечательно, что в этот день глава Нижегородской митрополии отмечал свое 50-летие.

Церковь в честь Казанской иконы Божией Матери

Известно, что в былые времена на Зеленском съезде стояла деревянная, а потом каменная церковь в честь Казанской иконы Божией Матери. В середине XX века она была разрушена. Не осталось от храма и следа. А в начале века XXI-го на том же месте подобно мифическому Фениксу возник белый храм.

История возрождения Казанской церкви связана с возникновением нового праздника – Дня народного единства, установленного в день празднования Казанской иконы Божией Матери – 4 ноября. И праздник этот, и храм – знаковые не только для города, но для всей России. Они оба возникли в связи с подвигом нижегородцев под предводительством К. Минина и князя Д. Пожарского – народным ополчением XVII столетия, спасшим страну от интервентов.

Новую церковь заложил 3 ноября 2005 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Спустя некоторое время по инициативе архиепископа Нижегородского и Арзамасского Георгия был организован конкурс эскизных проектов будущего храма. Лучшим из них был единодушно признан эскиз архитектора Евгения Пестова. Он и был воплощен в жизнь.

22 января 2009 года архиепископ Нижегородский и Арзамасский Георгий освятил кресты, купола и звонницу строящейся Казанской церкви. 3 ноября 2012 года он совершил чин освящения и служил первую Божественную литургию в храме в честь Казанской иконы Божией Матери. Ему сослужили епископы Ветлужский и Городецкий Августин и Выксунский и Павловский Варнава, а также клирики Нижегородской епархии.

Новый храм встал на месте разрушенного. Ошибки в истории исправляются покаянием людей и богоугодными их делами.

Публицистика

Владимир КУТЫРЕВ

Родился в 1943 году в деревне Высокой Горьковской области. Учился в Заволжском строительном техникуме и на философском факультете МГУ. Профессор Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, доктор философских наук.

Автор более 400 статей и 18 книг. Основатель научной школы «Философия антропоконсерватизма». Дважды лауреат премии Нижнего Новгорода (за книги «Естественное и искусственное: борьба миров» и «Бытие или Ничто»). Вклад в российскую философию отмечен медалью С.Н. Булгакова. Включен в изданную в США антологию «Русская философия в XXI веке» для англоязычного мира. Почетный работник сферы образования Российской Федерации. Живет в Нижнем Новгороде.

ЧЕЛО-ВЕК XXI: ПРОГРЕСС ДЕГРАДАЦИИ*

Победоносно распространяющаяся машинерия мучает и пугает меня. Она подбирается медленно-медленно, как гроза. Но путь ее предопределен. Она придет и застанет нас врасплох.

Гете

И вот пришла. Но мало кого пугает. На передовых рубежах прогресса (по крайней мере людьми, которые именно себя только считают современными) распространяются двусмысленные толки о необходимости улучшения и совершенствования человека, вплоть до его приведения к «бессмертию», естественно, искусственным путем, а также вполне успокоительные речи даже об Апокалипсисе. По-научному его называют сингулярностью, но это, мол, только обновление, так как возможна «позитивная смерть», «пережизнь», «творческое исчезновение» и «светлый апокалипсис». Не умрем, а благодаря техногенным достижениям только «усовершенствуемся», целое направление – трансгуманизм. Сначала эти идеи в философии и гуманитаристике были встречены в штыки, но теперь оно растет и крепнет...

Допустим, такое возможно, но во что тогда мы превратимся? Предлагаются разные варианты: перепишемся на флешку, а потом станем

* Продолжение «эсфоризмов» из серии «Унесенные прогрессом». Их предыдущие публикации в журнале «Нижний Новгород» см: «Философия всегда» 2016 № 1; «Прощание с природой» 2017 № 1; «Техника решает все(х)» 2018 № 2; «Традиционный человек: многая лета и вечная память». 2018 № 6; «Мир и человек, которых мы теряем» 2019 № 5; «Если положение безнадежно, надо сделать все, чтобы его изменить». 2020 № 4; «Про(сти)жай, Человек!» 2021. № 1.

стальными роботами, железными или кремниевыми, или, напротив, совсем «уйдем в Интернет», став голографическими или световыми коконами и будем жить там. В «виртуале». Будем есть, пить, целоваться, влюбляться, любоваться закатами, смеяться и плакать? А зачем это в виртуале-то? Зачем подводной лодке ощущения кита, а самолету садиться на ветку и пением приманивать самку. Никаких мотивов для жизни «там» и «в железе» с электрическим питанием у человека нет. Только чистые=стерильные=пустые=вычислительные мысли ничтожной капли в/об океане информации. – Помаленьку в(у)ходим. И нас заменит «Искусственное планетарное сознание». Как в «Солярисе» Ст. Лема. На традиционное человеческое восприятие – это мертвая планета. Заменяет! Оче-видно, что это отрицание человека и «начало начала» чего-то Иного, постчеловеческого. А поработанные ученостью и ее бездумной пропагандой люди, с мировоззрением уровня 12-летнего (не старше) подростка, все радуются. Радуются, что живут присосками к компьютеру «не вставая с дивана», становятся бесполовыми транссексуалами, научными «зомби», Digital natives (цифровыми аборигенами), скоро будут радоваться, что рождаются аутистами.

Ах, эти околотеоретические обыватели, озабоченные самоуничтожением и, если думать хотя бы на сантиметр дальше своего носа, дезертиры жизни, бывшие «антропологи»! Уже торопятся согласиться с человеческой катастрофой. Да еще и недостойно лгут, культивируя (само)обман. *«Антропомортологи».*

* * *

В своих взглядах большинство людей легче всего воспринимают крайние точки зрения. Либо наивные, либо предельно заумные, конспирологические. Например, о причинах пандемии коронавируса. 1) Сам человек ни при чем, все из-за змей или летучих мышей, которых продавали в Китае на рынке. А может быть, еще какие-нибудь животные как разносчики заразы. 2) Нет, вирус создан в лаборатории и намеренно выпущен из Китая для нанесения ущерба экономике мира, а может, как биооружие. И 3) наименее популярна простая, но наиболее вероятная причина: да, манипулируя генами, воспроизводя вирус искусственно, с ним работали на материале летучих мышей в лаборатории в Ухане (она самая большая в Китае), как манипулируют генами и вирусами во всех лабораториях мира. В защитных одеждах, следуя строгим требованиям безопасности, но случайно, не все ведь можно предусмотреть, а может быть – по халатности, его вынесли за пределы особой зоны в окружающую среду. Также как заражаются врачи в обычных больницах, уже не один десяток смертных случаев, несмотря на все красные зоны, спецкостюмы и особые меры предосторожности. Подобно авариям на атомных станциях, которые произошли несмотря на... Как всегда, об этом свойстве массового сознания наиболее ясно сказал Ницше: «Что требует основательных и самых упорных доказательств, так это **очевидность**. Ибо слишком многим не хватает глаз, чтобы видеть ее».

Диалог глухих

Упорный консерватизм (К) традиционалистов и неуязвимый оптимизм прогрессистов (П):

К: Русские (французы, немцы, евреи, латыши, киргизы...) могут исчезнуть, надо стремиться всем сохранять национальные традиции и культуру.

П: Ну а какая разница, вместо них на этом месте будут другие этносы, гастарбайтеры, мультикультурализм или вообще все сольются в одно целое.

К: Белая раса на краю гибели, азиаты, африканцы занимают Европу, ее коренные народы впадают в мазохизм и превращается в меньшинство, надо бы что-то делать. Или хотя бы обсуждать как проблему.

П: Ну а какая разница, это такие же люди, вам просто не хватает толерантности. Да и вообще, вы опасно не политкорректны.

К: Деление людей «по полам» – фундаментальное условие продолжения человеческого рода. Его инфицирование гендеризмом, разлагая специфику мужского и женского, ведет людей в состояние «оно» и к вымиранию.

П: Это мачизм. Вы против равенства женщин, не желаете дать им хотя бы историческую компенсацию. А достижения генетики позволят продолжить человеческий род по-другому.

К: Людей вытесняют машины, Искусственный интеллект лишая субъектности и подавляя человеческие способности, делает нас паразитами, превращая в свой придаток.

П: Ну а какая разница, это тоже интеллект, Разум! Даже более сильный, могущественный.

К: Природа гибнет, Земле грозит превращение в необитаемую планету, нужно соблюдать экологические константы.

П: Ну а какая разница, есть другие планеты, полетим в космос и переселимся на них, мир бесконечен. Или станем роботами.

К: Вы, в конце концов, состаритесь, будет немощь и болезни, не лучше ли заранее, вот сегодня умереть. Мы вам поможем. Прямо сейчас. – Замахивается.

П: Ну а какая раз... – задумывается. Побежал... Почему? Для либерал-прогрессиста это (а)логично, ибо, в самом деле, есть же много других людей, народов, рас, планет. *Или нет?*

Они не ведают, что творят

Таков девиз, под которым современные люди идут по пути прогресса. Великий Исход... Перезагрузка... Из реала в виртуал. В мнимое бытие, на субстанциально чужой, не живой и не языковой = цифровой основе. *По пути аутофобии*. Вместо Логоса – Матезис. Ибо цифра – субстанция Искусственной интеллектуальности. И на этой техногенной почве – новая материя. Она, одновременно – старая, более ранняя, что еще/уже была без/до появления жизни – как на мертвых планетах, которые, возможно, когда-то тоже были живыми. Теперь замкнулся круг (для) Земли... Через Апокалипсис, о котором почти все говорят, ждут, но представляют по-разному. Мне больше нравится, как у Г. Гейне в стихотворении «Goetterdaemmung»:

Земля, Земля!
Твои страдания знаю!
Кипучий жар всю грудь твою сжигает.
И в жилах кровь пылает нестерпимо
И извергает пламя, мрак и дым...

Сидит на светлом троне
Бледный Бог,
Снимает в ужасе с главы своей корону –
Бичами из огня бьют карлы черные
архангелов бегущих, что пригибаются и мечутся от боли.
И падают на Землю без дыхания...

Раздался крик

один

По всей Вселенной
Земля и Небо рухнули в пространство
С ужасным треском, вдруг...
И воцарилась
Пустая тьма ветхозаветной ночи...

(Цит по: «Полярная Звезда». 1861. Книга шестая. М., 1968. с. 203–204.)

Да, страшная, ужасная картина, любого нормального человека она пугает. Но это поэзия. У ученых – *Сингулярность*. На самом деле: Люди, не бойтесь, по всем признакам вашего восприятия текущих процессов, гораздо вероятнее, что ужасов апокалиптической сингулярности не будет, а будет ... ЭВТАНАЗИЯ. Счастливая смерть в техногенном раю. Мы не будем знать, когда нас не будет. Уже не знаем. Все идет под лозунгом «Прогресс не остановишь», и толпа радуется, читая заголовки журнальных статей типа «Илон Маск придумал, как вживлять гаджеты в мозг. Подробности о Neuralink». Гаджеты – это мини-компьютеры. «Прямо в мозг». В-место мозга. Если это достижение радует, а не пугает, то чего дальше бояться? По крайней мере, принимаем, соглашаемся, стараюсь не понимать, к чему реально это приведет и что происходит прямо сейчас. Раньше говорили: не понимает, хоть кол ему на голове теши. Теперь надо сказать: не понимают, хоть чип им в голову вставляй.

Свет(л)обесие

Обычно говорят о мракобесии, имея в виду погружение в какую-то темноту. Обычно в религиозность. Но беситься, неистовствовать, быть одержимым можно на любой почве. Современность одержима технологиями, информацией, контролем любых действий человека, «прозрачностью» всего. Наблюдающие камеры на каждом шагу, что не предвидели знаменитые антиутописты XX века (в романе «1984» в комнате был угол, куда теленаблюдение не доставало, от контроля можно также было «укрыться» на улице). В современной (компьютерной) физике основой мира, в конце концов, тоже провозглашается свет. И Бог – Свет. Светоносный Бог сливается со светогенной Вселенной. Все тонет в Свете. Мир без природы (даже без материи) и жизни. Уже сейчас, современные люди эстетическое удовольствие получают «от экранов» или оно заменяется внешней вакханалией фейерверков. Потому что внутренней, собственно душевной радости уже нет, организм ее «не вырабатывает». Наш пес Мадрас, который живет еще чувственной жизнью, боится этих световых залпов и сполохов панически. Они чужие всему живому. Коварство света таково, что в световых картинах городов он может притвориться даже тьмой. Все – свет. Слепящая тьма. Световое загрязнение мира = транспарентность всего, от банков

до бань. «Light тоталитаризм», абсолютная прозрачность всего как конец нашего вещного, предметного = «темного» света. Через Свет на тот свет.

Нужна экология Тьмы. Скажем «нет» мраку свет(л)ового будущего.

Комфорт везде

Входят в моду аудиокниги, аудиочтение. Удобно. А в сущности, это программирование сознания, «вложение в мозг», некая гипнопедия. Слушать надо живую речь, реагируя на нее, реального рассказчика, лектора, оратора, а письменно-печатную – читать глазами, воображать и смотреть как на остальной мир. Самая широко распространенная и первая стадия программирования – онлайн-образование. Впрочем, уже есть чипы (не больше монетки), которые, внедренные в голову, не только обучают, но даже (как добавляют особенно изощренные дурачки) «избавляют от депрессии». В сущности, наркотик, однако если он электронный – только приветствуют. Вот они, (не)счаст(н)ливые жертвы прогресса, которых все больше.

Мультимедийное оснащение музеев. Гордятся им. Хотя, если думать о сути явлений, это ликвидация музеев, их подмена. Смерть музейного дела через виртуализацию. Ведь где виртуализация, туда можно не ходить. Вам все «придет» в кровать. Чтобы вы могли жить «не вставая с дивана» (высшее стремление, идеал современного информационного общества). Что противоположно предназначению музея как возможности предметного приобщения к прошлому, потому что там остался «его кусочек», в отличие от книг, кино и других опосредованных приемов познания. Виртуализация музеев – это хуже, чем новоделы. Но новоделами еще не гордятся, а критикуют, т. е. чего-то остаточно понимают. А здесь уже нет. Усиленно напихиваются информацией. Техника засломила смысл. Все больше и везде. Раскрывать ее жертвам суть дела – дело безнадежное. Почему же все-таки надо писать? Потому что еще есть люди, готовые понимать.

В некоторых театрах в спектакли начали вставлять виртуальные эпизоды. Тут у меня просто нет слов. Виртуальный театр – это как жареный снег. (Само)убийство жизненного мира человека. Театры до сих пор были последним прибежищем непосредственно человеческого общения. И вот пожалуйста. Да оставьте тогда одни экраны – и никакой реальности не надо.

И ты Бру(а)т...?

Симфонические оркестры с их десятками музыкантов, многие из которых играют свою партию за весь концерт не больше 5–10 минут, ради экономической эффективности и во имя прогресса давно надо разогнать. (Недолго быть им осталось.) Компьютерные синтезаторы исполняют что угодно и сколько угодно часов. А мне говорят – противник прогресса, алармист. Конечно, если видеть не дальше своего носа и исходить из принципа эффективности всего, так людей вообще можно заменить. «Оптимизировать», что и делают помаленьку. Теперь особенно радуются, что можно «везде», а с появлением ИИ даже в творчестве. «Я по каплям выдавливал из себя человека», – говорил выдающийся человек, мой «любимый враг» методолог коммуникативного мышления, «советский постмодернист» Г.П. Щедровицкий. Только

либерально-колониальное сознание нашей интеллигенции не позволяет считать его великим в XX веке. Великим врагом человечества. Они предпочитают не понимать, что происходит с человеком с помощью западных авторов – «ботать по Дерриде». Вот и деятели культуры, музеев и театров, которые это делают – бедные, глупые, но = прогрессивные. «Аватаризация» ума – всего.

* * *

Можно ли сказать: «Наша безмозглая наука» – нет, почти нет. «Наше бесчувственное искусство» – нет, но все чаще да. «Наша бездушная философия» – да, почти всегда – да. Большинство людей смотрят на мир закрытыми глазами. Все спутано, и куда что идет не понимают. Не таковы ученые и философы. Они смотрят на мир «широко закрытыми глазами». В своей теоретической массе они: Перекормлены информацией... Несварение головы... Со всеми вытекающими отсюда последствиями...

Из-за этого бывает так, что не хочется слышать ни одного будто бы умного слова. Противно.

Мыслить принципиально и самостоятельно стало выражением консерватизма. И провинциализма. Прогрессивно – пересказ, «референс» последних достижений западных авторов. А у западных авторов – друг друга. Отсюда чудовищное количество сносок, ссылок, чуть не больше самого текста. Рейтинги значимости – по количеству ссылок. Общество субъектов и деятельности, в том числе мыслительной, становится обществом агентов и коммуникации. «Смерть автора», «постистина» вовсе не выдумка постмодернистов. Вот она, происходит на глазах, в характере текстов. От науки к наукометрии.

Века рассуждений, монбланы книг о смысле жизни и назначении человека. Многие жизнь загубили в поисках ее оправдания. Перед кем? Великие мудрецы давали изощренные наставления о том, как жить, во что верить и каким быть. А все можно выразить просто, несколькими словами. Будь в этом мире добрым, умным и веселым. В несчастье – мужественным. В конце – мудрым: оставив в нем продолжение себя как индивида в виде наследников, спокойно отправь старую форму в видовую переплавку.

Что сложнее всего на свете? *Просто-та/к.*

* * *

Свои поступки и действия мы стремимся обосновать необходимостью. Поступки других относим к области свободы. Это значит, что их могло бы не быть. Но наши дела и мы сами – обязательны.

Цена свободы – ответственность. В ней воспроизводится отвергнутая свободой необходимость. Отрицание отрицания.

Чем я сегодня занимался? Руководил миром по телефону. Каков результат? Мир по-прежнему сопротивляется.

Как проводить день? Утром обратиться к должному, а вечером к желанному. – Высокий ответ мудрецов древности. А как быть тем, кто работает в ночную смену? – Низкий вопрос функционеров современности.

Учитесь радоваться малому: пришел с работы, а квартира не сгорела и все близкие живы. Как это чудесно, как таинственно!

Все остальное уже роскошь.

Превратности социального прогресса

Бесконечные толки и множество теорий о причинах социальных кризисов, волнений, революций. Обычно ищут экономико-социальные, политические, обусловленные недовольством несправедливостью распределения богатств, и это правильно, это главное, только надо все-таки учитывать и «природу человека». Это значит, что разного рода социальные кризисы и борьба могут возникать без конкретного политического мотива или он только повод, а не причина. «От скуки», от желания выразить свою пассионарность, проявить себя эмоциональнее, чем позволяет текущая суeta, сбросить энергию, особенно у молодых. показав власти кукиш – любой.

Я застал, как по деревням на престольный праздник планировались драки парней. Каждый год, мы, младшие, заранее знали, где будет драка (от нашей деревни обычно на Ильин день на лугу, к концу гуляния) и как к ней готовятся, еще даже не зная с кем. Определившись, посылали «парламентеров» договариваться, чтобы без кастетов (свинчаток на пальцах рук). Потом в техникуме мы, жившие в общежитии, задирали(сь), особенно «на танцах», враждуя с поселковыми. Или наоборот. В городе среди подростков драки тоже были почти нормой – двор на двор, о которых могут вспомнить, если бы захотели, даже некоторые наши высшие политические руководители. Когда можно было проявить себя не как в учебе, а смелыми, рисковыми, на что нет спроса в обычном быту. И тогда на первый план выдвигаются те, кто «не отличники». Завоевывали себе и перед собой уважение более ярким, чем послушание, способом. Причина могла быть самая пустяковая, надуманная, типа «не на ту посмотрел». Главное – *потребность в более полном самовыражении*, насколько и потому, что человек не равен потреблению и поведению по правилам рассудка, как требует официальное общество.

И гл(т)упа та власть, что «зажимает все», преследуя любую эмоциональность в поведении, требуя, чтобы даже на стадионах сидели как в театре, преследует стычки фанатов, назначая тюремные сроки за любое мелкое хулиганство. Вместо реализации страсти к борьбе, хотя бы через спорт, природный (а не тот, где «все включено») туризм, военизированные игры и т. п. или смотря сквозь пальцы на случайные неорганизованные стычки, практикует ее полное подавление через ужесточение законов, оставляя для страстей только алкоголь (устаревает) и наркотики (прогрессируют), незаконные и узаконенные психиатрами. Тем самым создает почву для внезапных выбросов энергии, вроде массовых уличных протестов, бунтов и восстаний с неизвестными целями. Или эту энергию целенаправленно используют враждебные не только этой власти, но и стране политические силы – внутренние и внешние. «Ум как порох, опасен только сжатый», – писал Николаю I из Петропавловской крепости декабрист А. Бестужев, парадоксально объясняя выступление против режима его строгостями.

Интеллигенции легче, она самовыражается, злобствуя против существующего положения в газетах и литературе. Какое бы состояние дел ни было, при любой власти, чтобы она ни делала, ничем не руководившие и никогда ни за что не отвечавшие умники и эгоисты от искусства будут ее критиковать. Теперь можно в интернете, тем более, что по мере его распространения, сидящих в нем, никогда не любивших

и никем нелюбимых людей становится все больше, они все неудовлетвореннее, а значит, критичнее и хотя как-то компенсируют ситуацию виртуонанизмом, это, однако не всех пока устраивает (у компьютерно-диванного поколения Next пережитки жизни сохраняются «по определению»).

«Беспричинные» анархисты-революционеры, которых тоже обзывали «террористами», известны по литературе еще с конца XIX – начала XX века. Готовые кидать бомбы в заполняющих рестораны праздных людей «просто так». Еще их называли: «Безмотивники»! Но мотив у них был, как есть и у нынешних цветных революционеров, желтых жилетов, «школоты» на улицах и прочих беспокойных элементов. Только он иррациональный, интуитивный. Против буржуазно-мещанской, а теперь потребительской, техно-бюрократической, все сильнее сковывающей, лишаящей человека не только свободы, а вообще действия, превращая его в «кинетическую амёбу» и «шевелиющуюся протоплазму», глобальной цивилизации! Против жизни «не вставая с дивана» как провозглашаемого идеала будущего «Нового Прекрасного мира», описывавшегося в антиутопиях и которым всех пугали, а теперь насаждают и восторгаются, но, оказываются, не все. Против становления электронного концлагеря, даже если они не осознают своих мотивов. Да, в конце концов, молодым и еще живым, вступать в какую-то борьбу просто *интересно*.

Надо понимать, что, в сущности, это фронда. (Движение феодалов против усиления королевской власти во Франции XVI века, получившее название, как говорит словарь, 1) «от безвредных сражений уличных мальчишек с игрушечными пращами или “фрондами”; 2) «непринципиальная оппозиция по отношению к чему-либо, объясняющаяся мотивами личного или группового характера; 3) недовольство кем-либо, чем-либо».) Для подростков это протестное самовыражение естественно, и только опутывающие каждую мелочь законы и неуклюжие действия силовиков возгоняют фронду в действительно враждебную своей стране оппозицию. Да, их можно запугать и подавить, но останется ненависть к государственности на всю жизнь, даже когда она этого не заслуживает и делается все возможное для сохранения и развития страны. Будет ли благополучным такое общество?

А нужны по отношению к «фронде» социальное терпение и политическая гибкость, может быть, ей надо даже радоваться, что не вся молодежь превратилась в «тела без органов» как присоски к компьютерам и все еще хочет чувствовать себя живыми, а значит, деятельными людьми.

Тело и поведение – это объективированная воля, говорил А. Шопенгауэр. А желание разрушения – творческая страсть (М. Бакунин). В сущности говоря, спонтанное неосознаваемое отрицание – это необходимый элемент творчества как разновидность страсти к новому, но не выходящей за пределы старого, своего рода консерватизм в революционной форме. Не реализованная, у многих она обращается против их самих. Тоска, депрессии, психические болезни. Теперь, кажется, у всей цивилизации, которая, культивируя социальный мазохизм, нападает на себя – в пользу Техноса, расчищая для него место. Никто ее не разрушит извне, она кончит самоубийством. И не заметит этого. А пока стадия разложения всего естественного и живого в ней – на нас (на)падают «тени будущего», торжество стандарта, фальши и демонстративности, да все так называемые политкорректные ценности – это идейная пред-

посылка превращения человека в роботообразное. Возникает «со-общество мутантов», «силиконовая мафия», если серьезнее, то это своего рода новый господствующий класс как носители и предтечи замены человеческого общества постчеловеческим Техносом.

* * *

В заполярной тундре иногда можно видеть удивительное зрелище. Тысячные стада мышей-леммингов, теснясь и давя друг друга, несутся к Ледовитому океану и, бросаясь в него, тонут. Ни одна особь не способна уклониться от этого массового самоубийства. У людей, к счастью, так не бывает. Всегда находятся 3–5% индивидов, которые понимают, что происходит, и пытаются объяснить остальным опасность безудержного, всепоглощающего поток(н)а технических новаций и инноваций, гибельность бессмысленной соревновательной гонки по пути нерегулируемого прогресса. Доказывают, увещевают, призывают к сдержанности. Бесполезно. Но не зря. В этом проявляется уникальность человека, мы спасаем его честь и достоинство как разумного существа. Были, мол, и такие: не просто мыши, а философские, кто-то о чем-то думал, с действительным *sapiens*-ом.

Вперед, к философии мутантов

Говорят о кризисе и смерти философии. Не верится. Хочется думать, что это интеллектуальное кокетство снобов. Однако проблема существует. Ведь постмодернизм – культура цитат и, кроме технологий, ничего не рождает. Сейчас можно сочинить миф, но он будет искусственным. Собственно мифология все-таки в прошлом. Значит – умерла. Фольклор и религия – тоже. Современный человек не способен, в сущности, ни верить, ни любить. Эти вершины духа остались позади нас и уже недостижимы. Умерло, в мейнстриме, даже искусство, все больше становящееся «игрой ума». Прикладной наукой. Так и с человеческой философией. Она существует прежде всего как история. История философии. Значит – умерла.

Говорят о смерти философии. В определенном смысле это верно – как следствие кризиса человека. Но в другом отношении, вследствие того же кризиса, у нее есть будущее. По мере того как люди вместо жизни переходят к рассуждениям о ней, философия получает новые импульсы. Общий вектор развития направлен от бытия и любви к информации и рефлексии. Возник феномен технософии и филотехники. На этом *пути Вырождения* философия вполне может процветать. Пышно-чахлые цветы де(э)волюции. Вспомните, господа пессимисты: пир во время чумы был философским. И будет. *Философия мутантов*.

И все-таки, да/нет. Преподавание философии в технологических вузах, которыми становятся почти все университеты, превращающиеся «в корпорации», вот-вот отменяет. Спотыкаясь и хромая, то на одну, то на другую ногу, Россия устремилась догонять Запад. А там общего философского образования в вузах нет. Из-за чего колониальное сознание наших верхов сильно страдает и дальше вряд ли потерпит подобную самость. Рейтинги составляются по западным стандартам. И страна утратит свое преимущество более широкой мировоззренческой подготовки выпускников, из-за чего наши технические специалисты ценились

на Западе, почему их туда приглашают, переманивают, оплачивают. Потому что не такие ограниченные и узколобые. Более неожиданно, своеобразно мыслящие. Были. Теперь (не)будут. Наше образование (по) теряет свою последнюю ценность. Не говоря уже об окончательной потере его человеческого характера. Все сольется в глобальном экстазе «расширенного сознания» и оглуляющей стандартизации. Для тяжелых сциентистов, пытаюсь противодействовать этому обезьянничанию, аргументирую «от прогресса»: если не будет философии или ее заформализуют, «занаучат», то студенты, у кого не умерла душа, пойдут в религию, эзотерику, секты, а может, куда и опаснее. Будут искать мировоззрение и смысл там. Живых-то у нас еще немало. Лучше ли это для науки? И встречаю иногда проблеск понимания. Но не больше.

В чем сила, брат?

В правде. В чем правда, брат? В силе. «Все великие вопросы человечества решаются силой», – говорил К. Маркс. В конце концов, после разной, простой и дипломатической болтовни. А счастье? Прожить жизнь «в правде» как согласии с самим собой, а значит со смыслом, ощущая это в течение жизни. И прожить дольше – «натворить больше», пропустить через себя больше энергии, по-русски говоря, силы, т. е. *прожить полно-ценно*, а не просто по календарю. Человеческое существо должно как можно полнее использовать заложенные в нем потенции – воз-можно-сти и «взять от жизни все», поскольку «один раз живем», но это не значит прожигать жизнь, а значит всесторонне развить свою сущность, до конца исчерпав отведенное природой время. *Быть счастливым – нравственно*. Это важнейший долг человека, который, правда, (не) все не выполняют.

Написал мемуары. Книгу своей жизни. О том, как не надо жить.

Говорят: с ним случилось несчастье. Но ведь бывает и по-другому. С человеком случается счастье. Отчего же считают, что оно к нему «приходит». Видимо, все мы надеемся, что это не случай, а некий закон.

Сидит в кругу племя. Голодные, принесли добычу, делят. По разным признакам, возрасту, близости к вождю или шаману, часто по силе. Тому досталось, а тому нет, он без доли. Обездоленный, без своей части. Или мало. А этот с частью. Да и кусок хороший, он Счастливый. Такая вот проза.

Можно ли быть счастливым в тюрьме! К счастью, не знаю, но полагаю, что можно. Если не в одиночке и не пытаются. Потому что когда служил в стройбате, строили в лесу на болотах первые ракетные площадки, условия были самые примитивные, хуже, чем в тюрьмах. Так говорили, кто сидел раньше, их, если срок был не больше 2-х лет, после отбытия наказания в стройбат (в нем без оружия) призывали. (Деревянные казармы на сто человек с двухэтажными койками, в обоих концах топились две печки-буржуйки, подход к казарме – мостки, хлюпающие над болотом, в центре квадрат песчаной площадки для построения всего батальона из 4 рот.) Немного в стороне длинный ряд прорезанных туалетных дыр с общим навесом, где по утрам мы сидели, как галки на проводах; ракетчики приходили после нас на все более благоустроенное, с кирпичными казармами. А все равно бывало всякое – и несчастное сознание, с уходом ото всех в лес, и состояние внутренней радости. Может, оттого, что все скрашивалось смыслом: «крепили оборону

Родины». Но единственный бесспорный плюс от этой жизни, как ни странно, для моего стиля философствования: неспособность к схоластическому манипулированию словами без предметного смысла, когда слушая ответ философа на свой вопрос, перестаешь понимать вопрос. Не могу ни говорить, ни писать, если за текстом нет фактов, прозы, «земли».

Звери и дети – самые счастливые существа, с умилением говорят взрослые. Несчастье, однако, в том, что звери и дети не знают об этом. Так и все счастливые почти не знают о своем счастье. А узнав, начинают бояться за него. И счастье кончается. Знание – враг счастья. И вообще – бытия. Чем больше образованных, тем больше несчастливых? Безбытийных? Нет, это было бы сильно сказано. Мы не несчастные, мы – *бессчастные*.

* * *

Если теряем природу, пусть будет хотя бы дух, а не разум и интеллект.

Если теряем предметы, пусть будут хотя бы образы и свойства, а не только знаки и отношения.

Если теряем естественную реальность, пусть будет хотя бы искусство, а не только наука и техника.

Если не способны молчать, пусть будет хотя бы речь, а не только языки программирования.

Язык человечества – образы и понятия. Язык машин – символы и знаки. «Письмо». Математика, грамматология, цифры. Для человека он искусственный, а для машин естественный. Машинам его дал человек, но теперь они дают его нам. Возникает два языка: «родной» и «машинный». Не забудем мать родную! *Фундаментализм*.

Борец со своим временем

Алкоголь, наркотики и масс-медиа – это одно и то же. Может быть, к ним иногда и надо прибегать, но в принципе живым и духовным человек должен быть сам. Информация – это только сырье, а в избытке шлак и энтропия. Я хочу иметь знания – о мире и понимание – человека, а не информацию о них.

Знать – владеть информацией. Понимать – проникать *за* знания, *сквозь* информацию. Знание (информация) – экран, который надо преодолеть, чтобы выйти к другому, войти в другое. «Достать», как говорит сейчас молодежь. До-стал – п(р)онял – по(н)-ял, поимел. Адам познал Еву, скромно пишет Библия. Войти и выйти в тело, в душу, в со-знание. Сделать их своими. О-свой-ть. О-влад-еть. Понимать – «владеть вопросом». Большинство людей «знают, но не владеют». Понимающих мало. Очень мало. Особенно среди умных. Да и нельзя все понимать. Ум – преграда для понимания, причем неодолимая, не просто экран, а настоящий забор, если у человека нет души. Не зря фраза: «счастье – это когда тебя понимают» – стала крылатой.

Понимание – акт «спиритуального совокупления» с миром, который невозможен без сильных к нему чувств: это любовь, при-частие, слияние, коммутация. Познавание – это бездуховный секс, взаимодействие, соединение и в самом ослабленном варианте – коммуникация. Компетентность – поиск информации, безопасный секс (с презервативом),

прикосновение. Запоминание и перелопачивание готовой информации – самосекс, аутизм, онанизм. Дистанционное онлайн манипулирование чужой информацией как идеал нынешнего образования – онанизм в презервативе. «Постсекс». Гарантированно бесплодный. Но именно это современно и прогрессивно, компьютерное программирование. Никакой любви. И даже без секса. Ибо это отсталость... о(т)сталость... с миром.

* * *

Для обыкновенного человека мир состоит из объектов. Объект – часть мира, выделенная в чувственно-предметной деятельности и закрепленная в образе. Однако сейчас расчленение мира предварительно происходит в уме, в теории. Сначала знак, который онтологизируясь, превращается в симулякр. Симулякр – это напившийся крови знак. Знаки как вампиры – высасывают из тел и вещей кровь. Опирающаяся на них цивилизация высасывает из людей жизнь. Лингвистический (к языку), а потом контрлингвистический (к цифре) поворот(ы), (анти)семиотическая революция.

A propos: Первыми представительницами малого секса были русалки. Французский поцелуй – их изобретение. Ведь туловище у них рыбье, для любви только рот. Этим они и завлекали «б(л)едных юношей». А не каким-то там «пением». Да и пели сирены про такую любовь, от которой трудно отказаться. Поэтому Одиссей заклеил аргонавтам уши воском. А сам привязал-ся к мачте.

Живые люди всех стран, соединяйтесь!

Особенно страстно надо бороться за то, что неосуществимо против того, что побеждает. Это подлинно диалектический подход к реальности, действительная задача настоящего человека. Объективные тенденции реализуются сами. Для них достаточно исполнителя. Марионетки. А для противостояния им нужен Герой. *Борец со своим временем*. И его несвое(со)временные мысли.

«Гребите против течения» – таков должен быть призыв философа к человечеству, которым овладело желание собственной гибели по рецептам эвтаназии. По крайней мере, к его мысле-чувствующей части. Которая должна призывать к этому всех остальных. Кто остался с желанием. Жизни. Чувствами и собственным мышлением. Людями.

Грести против течения – это жить вопреки, **быть реакционером**. Оставаться человеком. Осмелиться? Да! Кто еще? Кто смелый, не боится правды – сюда. Все, кто способен выносить трагическое состояние сознания и решается смотреть сфинксу в глаза, вместо того, чтобы пересчитывать волосы на кончике его хвоста. Вступайте в ряды консерваторов и реакционеров.

Приверженцы трансгуманизма, чаще всего молодые ребята, вполне хорошо понимают логику (все-таки ученые), и когда показываешь бессмысленность их новаторских идей «улучшения человека»: на чем, на какой модели остановиться? понимая невозможность ее опровергнуть, впадают в раздражение. Каких только эпитетов я не получаю по интернету: идиот, контра, дебил, реакционер, мракобес, интеллектуальный импотент, но по сути ничего возразить не могут. Уровень культуры

мышления не позволяет. А без лжи себе, чтобы заниматься заменой себя как представителя рода «человек», неизвестно чем, не зная какой самый лучший образец им нужен, обойтись не могут. Бессмертие улучшенного кого-чего-чье это будет, тоже сказать не могут. Больше всего надеются стать «Разумной плесенью». Боятся признания принципиальной бессмыслицы своих идей и занятий. Отсюда гнев.

Представители будущей прогрессивной «Искусственной разумной плесени» или «световых коконов» (кому что больше нравится) упрекают меня в пессимизме. Может быть да. Но опаснее начинающееся «безболезненное» восприятие болезни, превращение патологии в норму. Привыкание. Пессимизм же не (обязательно) пассивизм. Я призываю стоять и надеяться до конца: корабль тонет, а матросы заделывают пробойны и заряжают пушки. Стреляют. Я матрос. Не спускаю флага. До воды.

Доказательство бытия Бога № 11.

Феноменологическое:

например, происхождение человека. Непрерывные тысячелетние споры. Великая борьба. Конечно, мы – животные. Наш ближайший родственник действительно обезьяна. Наше тело – это мясо, кровь, кости, лимфа, наша любовь завершается выбросом какого-то белого вещества, слезы – это вытекание из глаз особой жидкости, смех – это икание, непроизвольное открывание и закрывание рта. + «Низ-менное». И т. п. Такова проза=действительность *поддержания* жизни. Так видит человека чистый разум, физиология, наука вообще. Однако РЕАЛЬНО, для собственно человеческой жизни мы воспринимаем все иначе. Мифологически, феноменологически, экзистенциально, эстетически. **ДУХОВНО!** Какая совершенная или неуклюжая фигура и красивое или неприятное лицо, какой благородный или невыразительный взгляд и отточенные или нелепые жесты, какой задорный или печальный смех. Мы видим, что с горки скатывается ребенок, а не тело весом 20 кг под углом 30 градусов, и кричит он радостно, а не испускает волны какой-то частоты. И т. д., даже «внизу» не все противно. Потому что и когда мы отвлекаемся от физиологических и физических отпавлений, не знаем о них. Иначе, без этой духовной оболочки, как и без кожи, невозможно жить. Нельзя быть человеком. Т. е. на самом деле мы мышлению и науке не верим. Или верим только частично, ситуационно. **Человек живет поэтически** (М. Хайдеггер).

Логично, что таким же должно быть наше «Большое мировоззрение». **Одухотворенное.** Люди сотворены Богом по его подобию. Они не обезьяны, а почти ангелы. У нас душа, а не психика. Прекрасное тело, а не постоянно отмирающий организм. Каким-то образом мы воскреснем для вечной жизни. Земля не песчинка во Вселенной, не вакуум и не кручение пространства, а наш Дом, живая и теплая. Небо голубое, а не оптический обман и черный космос. Любовь – цветение и радость бытия, а не лежание друг на друге двух особей с выбросом вязкой жидкости... Где тут реальность, а где иллюзия? Обе «есть». Реальность (физиология) нужнее, а иллюзия (духовность) важнее. Первая – это низшая форма жизни, ее фундамент = тело, а вторая – высшая, ее крыша = голова. И обе, *друг в друге*.

Из-за засилья науки религиозным мифам и феноменологическому восприятию мира перестают верить. Или только иногда. А жаль. По науке можно функционировать, а не жить. Жизнь засыхает, человек становится депрессивным и бесплодным. Да и сам исчезает. В контексте структурализма и когнитивизма (передовой уровень наук о человеке) Его тоже нет. Вслед за Богом, Он тоже «умер» – миф. Что мы, люди, не только не субъекты и не личности, но вообще – видимость, об этом, об исчезновении человека, вопят (пишут) все прогрессивные философы и ученые. Гуманисты же теперь должны быть верующими. Будут ли для них хотя бы церкви-резервации? Помолиться о Человеке.

Ради блага жизни, чтобы не утратить радость ее духовного воспри(н)ятия, теоретическое мировоззрение надо бы забывать. Смотреть на мир *субстанциально-феноменологически* – таково о(бо)снование моей школы философской антропологии. Прочь Коперника, долой Дарвина, на свалку Венера. Можно ли их забыть и насколько? Тем более Илона Маска...

Все нужное человеку уже изобретено

Где-то к середине XX века, до того, когда произошла Великая пост-человеческая революция – до открытия микро- и мегамиров. Сотворено. Дальнейшее творчество, новации, в особенности их современный взлет, ведут к его демонтажу. И одновременно – к затуханию творческих способностей человека. К деградации мышления. Изобретение электронно-вычислительных машин (ЭВМ) было изобретением электронно-мыслящих машин (ЭММ). Но как «всякий охотник хочет убить фазана», так всякая машина хочет стать автоматической. И становится. Значит, это было изобретение мыслящих автоматов = автоматическое мышления, делающего ненужным «ручное» = головное мышление. Как более ранние автоматы сделали ненужным физический труд. Возник Искусственный Интеллект. Отсюда неизбежная эрозия собственно человеческого, смыслового мышления. Что нагляднее всего видно на образовании, в сфере, где учат, вернее, учили мышлению. Кто-то удачно сказал, что компьютерное образование без преподавателя похоже на обучение игре на гитаре по самоучителю. Получается примитивно, схематично, без неявного = неформализуемого знания и ауры живого опыта. Происходит самозатухание творчества, и мы, как радостно сообщают прогрессивные теоретики, вступаем в «посткреативную эпоху». Человеку останется только описать задачу, а «решать ее будут суперкомпьютерные системы». Значит, и ставить задачу будут они, однако эта очевидность выше понимания энтузиастов дальнейшего бесконтрольного развития технологий. Ну всему радуются, главное, чтобы «было прогрессивно». Руководители образования, в качестве профессиональных функционеров, обеспечивающие его цифровизацию и автоматизацию, становятся врагами подлинного, т. е. творческого мышления и, следовательно, образования. Адептами тестирования и компетенции – вместо знания и понимания. Адептами вырождения и де(э)волюции = деградации человека. Американцы (это уже заметно по их «кистеблишменту» и вообще, по лицам) де(э)волюционировали – и достигли громадных материально-технических успехов. А мы – отстали. Поэтому не надо удивляться, что многие современные управленцы имеют какой-то странный оттенок в лице и поведении. Само высшее

образование уже лет двадцать захвачено техноидами. Им (и не только) управля(ют)ли прямые или бессознательные мутанты. Уничтожить человеческий характер образования (трудовое, личностное, смысловое, живое, проблемное), его как таковое – такова их страшная и, в своей тупой необходимости, трагическая роль. Когда эта принципиальная и грязная работа в пре-образовании образования в «онлайн программирование» будет исполнена, оно автоматизируется. Скажут: Искусственный интеллект и «электронное правительство». Оставшиеся живые люди будут его под-данные.

Вперед, к де(э)волюции человека!

Формула четвертой технологической революции: from Homo sapiens to (AI + Homo dementia)

А формула объяснения сущности человека должна быть, по-видимому, такой: говоря гносеологически (по истине) он произошел от обезьяны, а ради бытия (онтологически), его создал Бог. Знание про-ду(кт) цент бытия. Знание про-тив бытия. Знание против бытия. Знание за-бытие. Забы(ва)ть знание! Когда оно мертв(ящее)ое. Таково драматрагическое искусство жизни. А форм(ул)а Жизни Господа Бога (не)нашего Иисуса Христа, Магомета, Кришны и т. д., объединяющая фидеистов и рационалистов будет: Бог, разумеется, не существует, но он Есть; Бога нет, но Он, конечно, существует. В разных формах, у всех людей, тысячи лет. Зря, что ли. Как вечность через/сквозь время, бытие сквозь/через ничто. Вот почему я, в свои 70+, уже не способный к любви, кроме «вообще», но еще не способный к вере, кроме как «от ума», говорю: *наверное, все-таки, Бог есть. Как пока (и) Человек.*

Вера в Бога и Человека – это низшая сте(у)пень знания и высшая сту(е)пень мудрости.

* * *

Человека пожелал, придумал, изобрел Бог. Сначала сделав себе (р)ебенка. Потом приручил, как домашнее животное. Так пусть за нас отвечает. (В)от-Ец наш Небесный, соз(по)датель Жизни на Земле Саваоф, который «Всемогущий Державный Царю! Восседая на облаках, почивая в Вышних...» – С-паси! Сотвори Чудо, останови технонауку! «Постнеклассическую» = постчеловеческую = мегасайенс = технуку. Заставь нас, тупо жмущих на газ, использовать и тормоз, ее регулировать. По-милуй!

(Бес)спорные истины

Все к лучшему в этом лучшем из миров, – говорил Лейбниц. Теперь пришло время сказать: все к худшему (для нас) в этом (созданном нами) лучшим, хотя несовершенным из миров. Через его превращение в совершенный.

Коварство совершенства в том, что от хорошей жизни люди становятся плохими: ленивыми и безответственными. Жизнь должна быть хорошей, но не слишком. Не без проблем и страстей, а значит свободной, с правом на риск. Настоящей. Человеческое бытие предполагает

свободу «по определению». Теперь ее ликвидируют. Уже не просто политически, а технически. Непрерывное машинное наблюдение и контроль со стороны Искусственного Интеллекта (Великого Инквизитора, как предвидел Достоевский) – это борьба не только со свободой, а с бытием. С нашим жизненным миром.

В близкой совместной жизни люди испытывают друг с другом всю гамму чувств. От любви – до ненависти. Стремиться только к «счастью», значит хотеть розу без шипов, климат без погоды, быть духовным потребителем, брать только одну сторону жизни – хорошую. Быть сладкоежкой. Близость же, как все на свете, бывает и горькой. Имеет тень. А многие хотят только солнца. Пляжники. Мечтают, но уже не умеют быть близкими нигде, ни на солнце, ни в тени. **Самолюбив(м)ые.**

А может, все это у меня пустые домыслы? И дело в другом? Однажды в молодости слышал запись авторской песни (в ритме рэпа, по слогам):

Ни-че-го не по-ни-маю в этой жизни я.

Может, просто обострилась шизофрени-я?

С годами понял, что иметь хорошую несбыточную мечту или утопию – это не так плохо. Она и есть настоящая. Мечта, которая может сбыться, не обладает полнотой своего бытия. Не лучше было бы людям, если бы исполнялось все, что они пожелают. Так, кажется, говорили древние. Сбывшаяся утопия не существует вообще. Погибшие мечты – это когда они сбылись или не сбылись?

Все мечты сбываются... когда это уже не нужно. Пусть мечты сбываются! Но не все. Для сохранения смысла (и) жизни.

Где-то похожее, может быть у «Толстоевского», читал, да забыл, но о смысле жизни (много пишут) можно сказать так: 1) *Жизнь не обязана оправдываться перед мыслью.* Т. е. отвести вопрос как праздный; если же кому очень надо, то: 2) *Он в возрастании души, чтобы под конец (света), каждый, кто еще имеет, мог отдать ее Богу в наилучшем виде. Более совершенной, чем получил. Вот он, прогресс!*

Вехи памяти

Николай СИМОНОВ

Родился в 1950 году в городе Горьком. Около полувека проработал судосборщиком и слесарем-монтажником на заводе «Красное Сормово».

Публиковался в нижегородских и российских газетах, журналах, альманахах, антологиях и коллективных сборниках. Автор двенадцати поэтических книг стихов и пародий. Лауреат премий журнала «Нижний Новгород» и имени Александра Люкина. В 2013 году за книгу «Великий Чудотворец» удостоен премии Нижнего Новгорода. Участник и дипломант двенадцати всероссийских фестивалей иронической поэзии «Русский смех», лауреат трёх из них.

Член Союза писателей России с 1999 года. С 2004 года возглавляет сормовское литературное объединение «Волга». Живёт в Нижнем Новгороде.

ПОЭТ, ГРАЖДАНИН, ЧЕЛОВЕК СТРАСТЕЙ...

Исполнилось 200 лет со дня рождения Николая Некрасова

Большой русский поэт, прозаик и публицист, классик русской литературы Николай Алексеевич Некрасов родился 28 ноября (10 декабря по новому стилю) 1821 года в городке Немирове Подольской губернии. Создатель эпической поэмы «Кому на Руси жить хорошо», поэм «Русские женщины» и «Мороз, Красный нос», стихотворений «Железная дорога», «Дедушка Мазай и зайцы», «Коробейники», «Генерал Топтыгин» и ряда других произведений, посвящённых трагедии крестьянства и страданиям простого народа. Некрасов широко использовал народную разговорную речь, ввёл в русскую поэзию богатство фольклора. Он первым решился на сочетание лирики и сатиры и элегии в одном стихотворении, что до него не практиковалось. Его творчество оказало большое влияние на развитие русской, а позднее советской поэзии. Кроме того, он был одним из самых видных журналистов своего времени – двадцать лет руководил журналом «Современник» и десять лет был редактором «Отечественных записок».

Вряд ли жуткий картёжник и страстный охотник Алексей Некрасов осенью 1817 года, увозя с офицерского бала красавицу Елену Закревскую, мог предположить, что она родит ему великого поэта, который унаследует его страсть к охоте и картам. 28-й егерский полк квартировал в Херсонской губернии. Участник войны с Наполеоном поручик

Некрасов был знаком со многими будущими декабристами Южного общества, но их собрания посещал крайне редко. Его больше привлекали охота и карты. Страсть к игре в карты была наследственной в дворянском роду Некрасовых, начиная с предка Николая Алексеевича – Якова Ивановича, богатого рязанского помещика, который довольно быстро лишился своего богатства. Впрочем, и вновь разбогател он достаточно быстро: одно время Яков был воеводой в Сибири. В результате страсти к игре его сыну Алексею досталось уже одно только рязанское имение. Женившись, он получил в качестве приданого ярославское село Грешнево. Но уже его сын, Сергей Алексеевич, заложив на срок Грешнево, лишился и его. Алексей Сергеевич, когда рассказывал своему сыну Николаю, будущему поэту, славную родословную, резюмировал: «Предки наши были богаты. Прапрадед ваш проиграл семь тысяч душ, прадед – две, дед (мой отец) – одну, я – ничего, потому что нечего было проигрывать, но в карточки поиграть тоже люблю».

Чаще отец поэта посещал балы, так как «дикий красавец» женщин любил больше, чем политику. На одном из балов он познакомился с красивой девушкой, умной, образованной, обладающей певческим талантом. Это была дочь местного богача Елена Андреевна Закревская. Влюблённый поручик посватался. Ему отказали.

И талантливая девушка, сбежав с полуграмотным поручиком, после венчания разделила кочевой образ жизни с мужем.

Незадолго до рождения будущего поэта его отец при разделе наследства получил господский дом в сельце Грешневе. В 1923 году А.С. Некрасов выходит в отставку в чине майора, затем переезжает с семьёй в Грешнево в статусе мелкопоместного помещика, где в наследство ему досталось лишь 63 души мужского пола. Его дед (воевода) и отец (штык-юнкер в отставке) поспособствовали этому, проиграв в своё время в карты несколько тысяч душ.

Но Алексей Некрасов был человек напористый и взялся судиться с разными родственниками. К началу 1840-х годов он выиграл несколько тяжб о наследствах. Теперь, имея 400 душ, он стал помещиком средней руки.

Старший сын барина Андрей был болезненным и в январе 1838 года умер. Николай был более крепким, он отлично ездил на лошади и метко стрелял. И отец, забрав мальчика из пятого класса гимназии, отправил его тем же летом в Петербург в Дворянский полк, где выпускников кадетских корпусов и дворянских детей готовили к производству в офицеры.

Но будущий классик обманул отца. Он задумал поступить в Санкт-Петербургский университет. Правда, сдавать экзамены пока не имело смысла, потому что о многих предметах, особенно о латыни, он имел самое смутное представление. Отец был взбешён и отказался содержать сына.

Деньги, взятые из дома, быстро кончились. Но юный Некрасов легко сходилась с людьми, и уже в октябре его познакомили с редактором журнала «Сын Отечества» Николаем Полевым. «Строки дать перевести некому», – не раз жаловался Полевой в письмах брату. И еле читавший по-французски Некрасов пригодился и стал получать задания: перевести заметку из французских газет или журналов, написать отзыв о книге или театральной пьесе.

Но нужно было готовиться к поступлению в университет. Оригинальным образом нашёлся репетитор по латыни.

Однажды Некрасов встретил в увеселительном заведении Успенского – профессора духовной академии. С откровенностью молодости рассказал свои нужды. «Я вас выучу латыни, приходите жить ко мне». Как рассказывал поэт: «Две-три недели учит очень хорошо, там опять запьет. Ходил с ним к дьякону Прохорову. То была правая рука у митрополита Серафима, У отца дьякона вечный картёж. Тут я выучился играть в преферанс».

Но ни в 1839, ни в 1940 году Некрасов не выдержал экзамены в университет. И пробыв два года вольнослушателем, бросил его, хотя отец уже смирился с выбором сына.

Денег, добытых случайными заработками, хватало на жизнь в чуланах, на чердаках и на обеды в самых дешевых кухмистерских.

Но осенью 1840 года улыбнулась удача – Некрасов стал сотрудником театрального журнала «Пантеон», редактором которого был драматург и критик Ф. А. Кони, и быстро сделался ближайшим помощником этого высокообразованного человека. Весной 1841 года, уехав по делам в Москву до конца лета, Ф. А. Кони оставил ежемесячник на Некрасова. Но с оплатой его труда начались перебои. В июле Некрасова ждали на родине – выходила замуж его старшая сестра Елизавета, а редактор упорно не отвечал на письма с просьбами о деньгах.

В отчаянии Некрасов совершил ошибку: при коллегах сказал несколько резких слов о Кони. Их передали ему в преобразованном до клеветы виде. Деньги на поездку Некрасов нашёл, но работу потерял. С тех пор Некрасов никогда никого не обсуждал с другими и не составлял мнение о человеке по сплетням, выходящим вокруг него, – потому многие считали его сухим и замкнутым.

К разрыву с Кони добавилось ещё большее горе – умерла горячо любимая мать.

В Петербург Некрасов вернулся лишь в конце года.

Н. А. Некрасов стал писать для самого успешного тогда журнала «Отечественные записки», владельцем и редактором которого был А. А. Краевский. В 1844 году он дал Некрасову постоянную работу в «Литературной газете» за 6 тысяч рублей в год. Лучшему критику России В. Г. Белинскому, заведовавшему критическим отделом «Отечественных записок», Краевский платил меньше.

Новый дружеский круг, и прежде всего Белинский, как признавался Некрасов, производили его из литературного бродяги в дворяне. Но от идеализма, которым заразили его друзья-писатели, Некрасов жаждал излечиться. «Того идеализма, который в разрез шел с жизнью, – объяснял он позже. – И я стал убивать его в себе и стараться развить в себе практическую сметку. Идеалисты сердили меня, жизнь мимо их проходила, они в ней ровно ничего не смыслили, они все были в мечтах, и все их эксплуатировали».

Бывая в типографиях, общаясь с книгопродавцами, предпринимавшими мелкие издательские проекты, видя, на каком хламе они умудряются делать деньги, Некрасов решил попытаться счастья в этом бизнесе.

Первый сборник, на обложке которого он поставил своё имя, появился в продаже в 1845 году. Он назывался «Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов под редакцией Н. Некрасова». Многих из журналистской братии взбесила наглость неизвестного миру господина Некрасова, объявившего себя «ценителем дарований литераторов русских». Почти все издания набросились

на сборник, ругая его за «низость тем», ведь в нем описывались мелкие чиновники, дворники, шарманщики, петербургские углы и подворотни. Но поднятый ими шум помог росту продаж сборника.

«Петербургский сборник» с произведениями Тургенева, Достоевского, Белинского принес Некрасову 2 тыс. руб. И он жалел, что не рискнул напечатать на полторы тысячи экземпляров больше.

25-летний Некрасов почувствовал в себе силы быть редактором и издателем ежемесячного журнала. Но организовать новое периодическое издание было очень сложно, так как после восстания декабристов на это требовалось разрешение самого императора. Однако можно было взять в аренду уже существующий журнал. Верный друг литератор И. И. Панаев обещал дать 25 тысяч рублей, Некрасов внес 5 тысяч, взяв их в долг у жены Герцена. Для первых номеров материалы были: многие писатели, желая поддержать болевшего и нуждавшегося в деньгах В. Г. Белинского, подарили ему свои произведения для того, чтобы он по примеру «Петербургского сборника» издал бы их в виде альманаха и вырученные за него деньги оставил себе. Некрасов убедил критика не заводить книжку, а уйти из «Отечественных записок» и взяться вместе с ним и Панаевым за издание своего журнала, в котором и публиковать все заготовленные материалы.

В аренду взяли «Современник», имевший в 1846 году всего 200 подписчиков. Его владельцу Плетнёву договорились платить 3 тысячи рублей ассигнациями в год. Белинскому положили 8 тысяч рублей в год. Правда, он рассчитывал быть пайщиком, соиздателем. Пока шла подготовка к выходу первого номера, все посвященные в это думали, что новый журнал создается как орган Белинского. Но практичный и трезвый Некрасов понимал, что смертельно больному критику жить осталось недолго, и, если его взять в совладельцы, вскоре придется потерять тысячи рублей на выплатах наследнице – жене. «Я, – писал В. Г. Белинский, – почти ничего не сделал в нынешний год для “Современника”, а мои 8 тысяч давно уже забрал».

С новым «Современником» связано много скандалов. Н. А. Некрасов, И. И. Панаев и его жена Авдотья Яковлевна, к которой ветреный Панаев давно охладел, а Некрасов был равнодушен, стали жить вместе. Чтобы быть поближе к самому ценному сотруднику – В. Г. Белинскому, квартировавшему на Фонтанке, – осенью 1846 года они арендовали квартиру в доме княгини Урусовой, где разместили и контору журнала. В 1848 году у Некрасова и Панаевой родился первый сын, а в 1855 году – второй (оба ребенка умерли в младенческом возрасте). Здесь Николай Алексеевич и Авдотья Яковлевна написали два огромных романа «в две руки» – «Три страны света» и «Мёртвое озеро», чем опять вызвали возмущение и насмешки знакомых, которые заявили, что романы, сочиненные вдвоем, – это балаганство и унижение литературы.

Петербург негодовал, наблюдая совместную жизнь Авдотьи, Некрасова и Панаева, причём доставалось больше всего Ивану Ивановичу. «Только божественное его легкомыслие помогло ему в течение стольких лет играть эту невыносимую роль, которой и часу не вынесли бы более глубокие души. Его спасла его святая пустота, про которую ещё Белинский говаривал, что она “неизмерима никакими инструментами”», – писал спустя десятилетия о нем Чуковский.

Ещё до отъезда в Петербург молодой Некрасов крутил романы с горничными в доме отца, в столице пользовался услугами девиц лёгкого

поведения. В 22 года он познакомился с женой писателя и критика Ивана Панаева – Авдотьей. Она была красивой женщиной, писательницей, мемуаристкой и хозяйкой литературного салона. За её внимание боролись многие известные литераторы: Герцен, Гончаров, молодой Достоевский. Она всех отвергала, но в итоге выбрала Некрасова. Это был один из громких романов в среде русских литераторов, который длился 20 лет. Они жили в гражданском браке, часто ссорились (Некрасов был очень ревнивым), скандалили и быстро мирились. Иван Панаев, которому жена давно была неинтересна, не мешал их союзу. Авдотья стала музой поэта, а двенадцать строчек стихотворения «Мы с тобой бестолковые люди» вполне могут считаться кратким путеводителем по их отношениям:

Мы с тобой бестолковые люди:
Что минута, то вспышка готова!
Облегченье взволнованной груди,
Неразумное, резкое слово.

Говори же, когда ты сердита,
Всё, что душу волнует и мучит!
Будем, друг мой, сердиться открыто:
Легче мир – и скорее наскучит.

Если проза в любви неизбежна,
Так возьмем и с нее долю счастья:
После ссоры так полно, так нежно
Возвращенье любви и участия...

Журналы, по словам Некрасова, «стали скучны и пошлы до крайности». И стали терять подписчиков. В 1849 году у «Отечественных записок» их число уменьшилось на 500 человек, у «Современника» – на 700. Деньги от подписки не окупали затрат на издание, «Современник» задолжал за бумагу, типографии и некоторым авторам. Спасали карты. В начале 1850-х годов Некрасов начал ездить в Английский клуб играть в коммерческие карточные игры, прежде всего в преферанс.

А. Я. Панаева вспоминала: «Я несколько раз замечала Некрасову, что он втянулся в карты; он самоуверенно отвечал, что у него всегда хватит настолько характера, чтобы бросить игру, когда захочет. А когда я говорила, что карты вредно должны действовать на его нервы, то он возражал: “Напротив, за картами я ещё притупляю мои нервы, а иначе они бы меня довели до нервного удара. Чувствуешь потребность писать стихи, но знаешь заранее, что никогда их не дозволит напечатать. Это такое состояние, как если бы у человека отрезали язык, и он лишился возможности говорить”».

Обладая феноменальной памятью, умея владеть собой и наблюдать за соперником, Некрасов был одним из самых удачливых игроков в Английском клубе. Когда хотели играть на большие суммы, то из клуба переезжали на квартиру к Некрасову – играть без зрителей, чтобы только узкий круг знал, кто сколько выиграл и проиграл. Иногда просиживали за картами по 12–14 часов. Если одна и та же компания постоянно собиралась у кого-нибудь с часу дня до шести вечера, то такие встречи назывались утренниками. Если Некрасов играл с кем-то одним из компаний, то это именовалось единоборством. Его выигрыши достигали

нескольких десятков тысяч. Самый крупный за одну игру, по признанию писателя, был 83 тысячи рублей.

Но необходимость в карточных играх диктовалась не только нуждой в деньгах. Карты давали возможность редактору «Современника» общаться с сильными мира сего: министры, высшие чиновники министерств, генералы, аристократы в течение двух десятилетий были партнерами Некрасова за карточным столом. Разгоряченные игрой и вином, они много говорили и таким образом позволяли узнать, куда дует политический ветер.

«В то время, – писала А. Я. Панаева, – Некрасов исполнял все свои прихоти, не задумываясь о деньгах. Многие, конечно, завидовали ему, многие обращались к нему: кто за деньгами, кто за покровительством чьим-нибудь его влиятельных знакомых». Плата авторам доходила до размеров баснословных.

Поэт музыки гнева и печали, певец народного горя, глашатай мук и стонов всех обездоленных – и вдруг большую часть жизни был окружён полным комфортом и почти роскошью, сладко ел и пил, играл в карты...

«Сам я, – разъяснял Некрасов, – не в тягость кассе журнала. Когда у меня нет своих денег, я беру деньги из неё, вообще я расходую и деньги подписки, и займы журнала как хочу, на свои надобности. Но у меня бывают временами свои деньги: я из них употребляю на расходы журнала, сколько считаю возможным, а свои заимствования из его кассы уплачиваю всегда все. Не скажу Вам, что вовсе не беру никакой доли из его доходов в вознаграждение себе за редакционный труд, но думаю, что это меньше, чем те деньги, которые расходую на журнальные надобности из моих собственных денег. Видите ли, я играю в карты: веду большую игру. В коммерческие игры я играю очень хорошо, так что вообще остаюсь в выигрыше».

Щегольская коляска, прекрасные лошади, охотничьи собаки, выпитые из-за границы, одежда от лучших петербургских портных, роскошные обеды – все эти атрибуты новой жизни Некрасова раздражали многих его современников.

Когда Некрасов проезжал в санях по Невскому в модной боярской шапке, то едва успевал отвечать на поклоны прохожих и проезжих.

Критик А. М. Скабичевский писал: «Всего этого оказалось достаточно, чтобы людям, привыкшим мыслить по шаблонам, совсем разочароваться в Некрасове не только как в человеке, но и как в поэте».

Сколько же времени могло так продолжаться? Охота, клуб, карты. «Головорез карточного стола» – окрестил Некрасова Тургенев, а Белинский, как-то раз, разозлившись после проигрыша, сказал Некрасову: «С вами, батенька играть опасно, без сапог оставите!»

Но Некрасову не просто везло в картах, У него были свои правила:

1. Никогда не испытывать судьбу.
2. Если в одной игре не везёт, переходи на другую.
3. Расчётливого и умного игрока надо брать измором.
4. Перед игрой надо посмотреть партнёру в глаза: Если он взгляда не выдержит, игра ваша, но если выдержит, то больше тысячи не ставить.
5. Играть только на деньги, которые отложены заранее, именно для игры.

В 1862 году умирает Иван Панаев. Авдотья официально овдовела, а ей уже за сорок. И ей страстно хочется семьи. Ей хочется ребёнка. Тут-то и подвернулся некто Головачёв, сделавший ей предложение. И она решилась. Ну а что Некрасов! Он давно к ней охладел, думала она.

После разрыва с Панаевой поэт встречается с французской актрисой Селиной Лефрен. Она не была красавицей, плохо говорила по-русски, зато умела играть на рояле, пела и остроумно шутила. Некрасов её содержал, а всем его знакомым она очень нравилась. В 1867 году они поехали вместе в Париж, но Некрасов вернулся оттуда один. Селина бросила его.

Единственной законной женой Некрасова была крестьянская девушка Фёкла Викторова. Они встретились, когда поэту было 48, а ей 23. Так как имя Фёкла ему не нравилось, Фёкла Анисимовна стала называться Зинаидой Николаевной. Она учила наизусть стихи Николая Алексеевича и восхищалась ими. Последние годы Некрасов тяжело болел, и Зинаида ухаживала за ним. Незадолго до смерти поэта они обвенчались.

Но свои лучшие лирические стихи «Три элегии» и романс «Прости», поэт посвятил Авдотье Панаевой:

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья –
Не помни бурь, не помни слёз,
Не помни ревности угроз!

Но дни, когда любви светило
Над нами ласково всходило
И бодро мы свершали путь, –
Благослови и не забудь!

Этим некрасовским строкам принадлежит своего рода рекорд: более чем сорок композиторов положили их на музыку. Среди них – Чайковский, Римский-Корсаков, Кюи...

С 1877 года деньги Некрасова потекли к врачам, которые лечили его от рака кишечника. В одном из писем к брату Федору писатель жаловался: «Наличность плывет, как вода». Десятки тысяч рублей ушли на лечение, операцию, на наблюдение и уход после нее. Зиночка и его родная сестра Анна Алексеевна Буткевич, сменяя друг друга, провели у постели писателя все страшные дни до его кончины 27 декабря 1877 года.

Во время похорон 30 декабря 1877 года оригинальным образом поминули поэта его коллеги. Сын писателя М. Е. Салтыкова-Щедрина, ставшего после смерти Некрасова официальным редактором «Отечественных записок», К. М. Салтыков вспоминал:

«Мы всей семьёй, за исключением отца, отправившегося отдать последний долг своему бывшему редактору, собрались у окон, выходивших на улицу. Скоро перед нашими глазами предстала громадная процессия людей всех слоев общества. Похороны были – величественны. Гроб несли на руках, толпа заполнила всю ширину проспекта, сотни голосов пели покойному “вечную память”».

За катафалком ехал ряд карет. Из одной из них вдруг высунулся папа и, показав нам игральную карту, скрылся в окошечке экипажа.

Когда отец приехал домой, то мама спросила его, что значил этот его жест, на что он ответил, что, едуци на кладбище, он и его компаньоны по карете засели за партию в винт, будучи уверенными, что душа Некрасова должна была радоваться, видя, что его поминают тем же образом, каким он любил проводить большую часть своей жизни».

Георгий Валентинович Плеханов (1856–1918) на похоронах Некрасова представлял тайное революционное народническое общество

«Земля и воля». Землеволюцы широко использовали поэзию Некрасова для революционной пропаганды, похоронам Некрасова они придали политическое значение.

Воспоминания Плеханова – слово революционера, отстаивавшего революционную сущность поэзии Некрасова:

«Нам было известно, что у гроба Некрасова будут произнесены речи, и общество “Земля и воля” нашло нужным со своей стороны выдвинуть оратора, который должен был, не стесняясь присутствием тайной и явной полиции, высказать то, что думала об авторе “Железной дороги” тогдашняя революционная интеллигенция. Выбор пал на меня. Я не помню, много ли ораторов говорило передо мной. Помню только, что в их числе были Засодимский и Достоевский. Речь народника Засодимского преисполнена была высочайшим сочувствием к поэзии Некрасова. Мы вполне разделяли это сочувствие, однако к речи Засодимского отнеслись довольно холодно. Зато речь Ф. М. Достоевского вызвала в наших рядах большое оживление. Как известно, уже скоро после его выступления на литературном поприще у Ф. М. Достоевского были довольно большие неприятности с кружком Белинского, к которому принадлежал также Некрасов. Эти неприятности оставили свой след на отношении Достоевского ко всему кружку. Но и помимо того, не подлежит ни малейшему сомнению, что Достоевский не мог без весьма существенных оговорок одобрять направление некрасовской музыки. Тем не менее, Достоевский, как видно, захотел на этот раз держаться правила: о мертвом надо говорить хорошее или вовсе не говорить. Он выставлял только сильные стороны поэзии Некрасова. Между прочим, он сказал, что по своему таланту Некрасов был не ниже Пушкина. Это показалось нам вопиющей несправедливостью.

– Он был выше Пушкина! – закричали мы дружно и громко. Бедный Достоевский этого не ожидал. На мгновение он растерялся. Но его любовь к Пушкину была слишком велика, чтобы он мог согласиться с нами. Поставив Некрасова на один уровень с Пушкиным, он дошел до крайнего предела уступок “молодому поколению”.

– Не выше, но и не ниже Пушкина! – не без раздражения ответил он, обернувшись в нашу сторону. Мы стояли на своем: “Выше, выше!” Достоевский, очевидно, убедился, что нас не переговорить, и продолжал свою речь, уже не отзываясь на наши замечания».

Три анкеты о Некрасове

В декабре этого года исполнилось 200 лет со дня рождения одного великих поэтов России – Николая Алексеевича Некрасова. Ни один из наших поэтов и прозаиков не вызывал столько споров и противоречий, поэтому и отношение читателей и писателей к нему всегда были предметом интереса и изучения.

Ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Тютчев с Фетом не удостоились даже одной всероссийской анкеты, А жизни и творчеству Некрасова были в разное время посвящены три анкеты, на которые отвечали писатели, критики и художники. Ответы очень разнообразны, противоположны и неоднозначны: от полного неприятия и безразличия до почитания и пылкой любви, так как и сам Некрасов был человек неоднозначный. Талантливый поэт, успешный редактор, борец с пороками общества, помещик, охотник, игрок и ловелас.

Впервые, в 1902 году, общественно-политическая и литературная газета «Новости дня», выходявшая в Москве, попросила ответить современных деятелей культуры на вопросы анкеты «Отжил ли Некрасов?». Вызвало эту анкету высказывание Льва Толстого: «В русской поэзии... после Пушкина и Лермонтова (Тютчев обыкновенно забывается) поэтическая слава переходит сначала к весьма сомнительным поэтам Майкову, Полонскому, Фету, потом к совершенно лишённому поэтического дара, Некрасову».

Ещё раньше Тургенев сказал о Некрасове: «Любители русской словесности будут ещё перечитывать лучшие стихотворения Полонского, когда самое имя г. Некрасова покроется забвением. В измышлениях “скорбной” музыки г. Некрасова – её-то, поэзии-то, и нет ни на грош». И эти слова говорили бывшие друзья, соратники по журналу «Современник».

Многие писатели и другие деятели искусства откликнулись на эту анкету. Вот некоторые ответы.

Леонид Андреев:

Некрасов не был моею первою любовью и захватывал меня меньше, чем другие поэты, и менее всего захватывали меня его гражданские стихотворения. Очень часто они казались мне неискренними, быть может, под давлением тех смутных и особенно сильных в своей неопределённости слухов о личности поэта, которые циркулировали тогда в обществе... В настоящее время Некрасов, как мне кажется, уважаем более, чем когда-нибудь, и менее, чем когда-нибудь, читаем.

Пётр Боборыкин:

Я не считаю себя достаточно компетентным для того, чтобы решать вопросы поэтического творчества в их тесном смысле, но что касается Некрасова, я глубоко убеждён, что... это настоящий поэт с крупным темпераментом, с большим лирическим подъёмом. Как художник он написал ряд литературных шедевров, давно ставших достоянием большой публики, он создал свои собственные, вполне оригинальные «некрасовские» темпы и ритмы; значение его для своего времени вне всякого сомнения.

Некрасов наложил сильный отпечаток не только на литературу, но и на настроение тогдашнего общества. Даже в своих обличительных вещах он не прозаик в стихах, а поэт с искренним художественным одушевлением.

Антон Чехов:

Я очень люблю Некрасова, уважаю его, ставлю высоко, и если говорить об ошибках, то почему-то ни одному русскому поэту я так охотно не прощаю ошибок, как ему. Долго ли он еще будет жить, решить не берусь, но думаю, что долго, на наш век хватит; во всяком случае, о том, что он уже отжил или устарел, не может быть и речи.

Илья Репин:

Разумное общество всегда будет с великим почтением относиться к своему великому поэту...

Давно ли Некрасов, как поэт-гражданин, царил в нашей литературе как звезда первой величины; со страстью декламировался молодёжью и корифеями в литературе, считался примером, как принцип истинной поэзии. И вот не прошло и 25 лет со дня смерти поэта, как во вкусах и требованиях просвещённой части нашего общества произошли такие перемены в воззрениях и симпатиях, что уже требуется доказать, был ли Некрасов поэтом.

В 60-х годах, когда поэт-гражданин стоял в зените своей славы; когда издевались над Фетом... когда обвиняли Пушкина за идиотизм Онегина, – тогда «желанным» был Некрасов...

Поэт истинно русский. У него зычный голос, меткий язык и живой здравый ум с сарказмом ко всякой несправедливости. Правда – девиз этого рыцаря печального образа.

Иван Бунин:

Я очень люблю Некрасова, и часто перечитываю его с большим удовольствием. Это большой и яркий талант: возьмите хотя бы Некрасовский «Мороз, Красный нос» – какое это ослепительное великолепие! Как хороши в нем картины русской природы, как пленительны образы русской женщины. Я положительно удивляюсь, как Толстой, этот великий художник, почти со сладострастьем изображающий картины пластичного мира – вспомните, напр., его описание царскосельских скачек – не оценил поэтического дарования Некрасова.

Николай Минский:

Я считаю Некрасова одним из великих поэтов. Я сам вырос под его влиянием. Я думаю, что истинной поэзии не чужды ни гражданские, ни политические мотивы, которые столь же жизненны, как все другие мотивы. Кроме поэта народного горя, я вижу в Некрасове одного из величайших пейзажистов и жанристов русской деревни. Я, однако, считаю Некрасова грешным в том отношении, что он пошел против традиции, завещанной нам Пушкиным, – избегать сентиментальности и драматизма. Он ввел в литературу своими слезливыми поэмами о народном горе элемент сентиментальности, и писатели последних десятилетий выросли под его влиянием. К сожалению, он своей слезливостью понизил искренний, строгий и суровый строй северной литературы.

Валерий Брюсов:

«Мне борьба мешала быть поэтом» – вот слова, в которых Некрасов определил свою судьбу. Но, несмотря на все помехи, какие он сам ставил своему творчеству, не быть поэтом он не мог. Слова Тургенева, что в стихах Некрасова «ее-то, поэзии-то и нет ни на грош», грубая несправедливость. У Некрасова самообытный склад стихотворной речи, свои, ему одному свойственные размеры и рифмы: это внешние, но безошибочные признаки истинного дарования. Некрасовские стихи легко узнать без подписи: у него свое лицо; это не безличный стих нынешних эпигонов гражданской поэзии. После Пушкина и Лермонтова Некрасов запел на особый лад, не подражая своим учителям, – что тоже доступно только большим дарованиям. Некрасов сумел найти красоту в таких областях, перед которыми отступали его предшественники. Поэзия Некрасова до сих пор не оценена справедливо, и конечно первая причина тому – его «гражданское служение». Оно сделало из его стихов предмет партийных споров и лишило их спокойных читателей и критиков.

Кстати, тот же Валерий Брюсов в 1905 году в статье «Родная поэзия» утверждал, что: «...второстепенные поэты пушкинского времени понимали, что такое стих, в чём его сила. А в 50-х, 60-х и 70-х годах ясное сознание этого таилось лишь в Фете и Тютчеве. Даже такие сильные художники, как Майков, Полонский и Некрасов, знали о «тайне» стиха лишь смутно, «по слухам». А – Яхонтов, Михайлов, Плещеев, даже Мей, даже Апухтин, и особенно пришедший позже Надсон – не знали даже азбуки своего искусства...» Правда, впоследствии, как бы извиняясь перед Некрасовым, он называет его одним из лучших поэтов города, наряду с Пушкиным и Достоевским.

В 1919 году Корней Иванович Чуковский, подробно изучавший жизнь и творчество Н. А. Некрасова и написавший много критических и литературоведческих статей о нём, потом объединённых в книгу, составил свою анкету о Некрасове. На неё ответили многие писатели: Асеев, Ахматова, Блок, Волошин, Гиппиус, Горький, Городецкий, Гумилёв, Замятин, Вячеслав Иванов, Маяковский, Мережковский, Сологуб и художник Репин.

Илья Репин, написавший картину «Бурлаки на Волге» говорил о Некрасовских «Бурлаках»:

Разве может бурлак петь на ходу, под лямкой?! Ведь лямка тянет назад, – того и гляди – оступишься, или на корни споткнёшься...

Оказалось, что многие любили стихи Некрасова. В их числе Ахматова, Блок, Волошин, Городецкий, Гумилёв и другие. Например, на девятый вопрос: «Каково ваше мнение о народолюбии Некрасова?» – Гумилёв ответил: «У Некрасова к народу отношение иностранца». А на десятый вопрос: «Как вы относитесь к распространённому мнению, будто Некрасов был безнравственный человек?» – ответ Николая Степановича был: «Ценю в его безнравственности лишнее доказательство его сильного темперамента». Александр Блок на этот вопрос ответил так: «Он был страстный человек и “барин”».

Но были те, кто не признавал Некрасова и его творчество. Это Асеев, Горький и Замятин. Некоторые отвечали уклончиво. Например, Маяковский на первый вопрос – «любите ли вы стихи Некрасова?» – ответил: «Не знаю». На девятый вопрос о народолюбии Некрасова, ответ был: «Дело тёмное». А на десятый вопрос о безнравственности Некрасова, он выдал: «Очень интересовался, – не был ли он шулером».

Но, тем не менее, в стихотворении «Юбилейное» написал:

А Некрасов
 Коля,
 сын покойного Алёши, –
 он и в карты,
 он и в стих,
 и так
 неплох на вид.
 Знаете его?
 вот он
 мужик хороший.
 Этот
 нам компания –
 пускай стоит.

А о связи Некрасова с семьёй Панаевых, он ничего не сказал. У самого была аналогичная связь с семьёй Бриков.

Значительно позднее – в 1986 году – Московская центральная универсальная научная библиотека имени Н.А. Некрасова распространила ещё одну некрасовскую анкету, автором которой являлся В.Н. Леонович. И на неё отвечали современные поэты и писатели.

В год 200-летнего юбилея поэта Ярославская областная универсальная научная библиотека имени Н.А. Некрасова хотела бы поддержать и развить эту традицию. Сотрудники библиотеки просят дать свои ответы на анкету Корнея Ивановича Чуковского.

Обращение к творчеству Николая Алексеевича Некрасова заставит нас вновь подумать о сострадании, совестливости, сочувствии, о возможности «любить не себя, а свою родину» и о том, достойны ли мы, знать и понимать творчество поэта.

Работая над статьёй о Некрасове, я тоже решил ответить на анкету, составленную Корнеем Чуковским, всё-таки я родился 8 января, в день смерти Некрасова по новому стилю, и вот что получилось.

1. Любите ли вы стихи Некрасова?

Люблю, но не все. Мне не нравятся его плачи и стоны, типа – «Назови мне такую обитель...» и «Выдь на Волгу, чей стон раздаётся...». Я люблю поэму «Кому на Руси жить хорошо»,

2. Какие стихи Некрасова Вы считаете лучшими?

«Мороз, Красный нос», «Генерал Топтыгин», эпиграммы и некоторые из его сатирических стихов, например: «Современная ода», «Колыбельная песня», «Нравственный человек» и другие.

3. Как вы относитесь к стихотворной технике Некрасова?

В технике-то он слабоват. Хотя и выработал свой стиль и размер. Правда, строка у него длинновата. И рифмовка не всегда точна.

4. Не было ли вашей жизни периода, когда его поэзия была для Вас дороже поэзии Пушкина и Лермонтова?

Никогда, кроме раннего детства.

5. Как относились вы к Некрасову в детстве?

В раннем детстве, в 5-6 лет, едва научившись читать, на новогодних ёлках, я читал наизусть длиннющие стихи Некрасова – «Мороз, Красный нос» и «Генерал Топтыгин».

Мне нравились его «Крестьянские дети» и «Дедушка Мазай и зайцы». Одного я только не мог понять, как человек, любящий зайцев и прочих зверьков, мог хладнокровно их убивать на охоте. Позднее я написал пародию-подражание Некрасову в цикле пародий «Вышел зайчик погулять»:

ОДНАЖДЫ

Опять я в деревне, писать неохота...
В усадьбе моей и тепло, и уют,
Но душу мою будоражит чего-то,
Мне мысли о зайцах уснуть не дают.

О, милые плуты! Кто часто их видел
Тот, верю я, любит пушистых зверьков.
Ни разу я в жизни своей не обидел
Косых беляков, заводных русаков.

Однажды, в студёную зимнюю пору,
Я к лесу шагал, несмотря на мороз.
Гляжу, поднимается по кособору
Охотник, он зайца убитого нёс.

«Охотник», – спросил я его с интересом:
«Откуда зайчишка?» – а тот отвечал:
«Послушай, дружище, пошёл-ка ты лесом,
Ты вроде не егерь!» И я замолчал.

Был заяц прострелен, покойник, калека,
И уши повисли, и лапы сплелись...
В лесу раздавался топор дровосека
И залпом четыре ружья раздались.

Что звук раздаётся, – да всё это – враки,
Что в школе внушали нам всем до поры.
Везде раздаются работы и драки,
Рубанки, подпилки, ножи, топоры.

Чего не напишут бумагамараки,
Чего не придумает русский поэт:
В России с утра раздаются собаки
И кошки на крышах, когда меркнет свет.

И это открытие прошлого века
До вас донести я ничуть не боюсь.
В лесу раздаётся топор дровосека,
Я тоже с топорным* стихом раздаюсь.

Я тоже вития, да жаль не мессия.
Но всё раздаётся, и я не пойму: –
Повсюду с утра раздаётся Россия,
А кем раздаётся, почём и кому.

6. Как относились вы к Некрасову в юности?

Никак. Я думаю, в этом виновата школа, которая пресытила нас Некрасовым.

В юности я искал своего любимого поэта, но это, по моему мнению, должны были быть не Пушкин, Лермонтов и Некрасов, которые были для всех, а кто-то другой. У меня любимые поэты чередовались. Сначала это были Есенин и Блок, Потом Белый, Брюсов и Бальмонт. Затем я познакомился с французами. Первыми были Бодлер и Вийон, потом я узнал Рембо, Верлена и Аполлинера. До Тютчева и Гумилёва я дошёл уже в зрелом возрасте.

7. Не оказал ли Некрасов влияния на ваше творчество?

Любовь к России, к её народу и языку я впитал с молоком матери. А Некрасов показал мне: чтобы быть истинно народным русским поэтом, надо писать русским народным языком и использовать в своём творчестве все наречия и диалекты нашего языка, всё богатство нашего фольклора.

8. Как вы относитесь к известному утверждению Тургенева, будто в стихах Некрасова «поэзия и не ночевала»?

Я не обращаю внимания на мнения прозаиков о поэтах и поэзии. Все прозаики – это неудавшиеся поэты. Потому что все в юности

* В. Г. Белинский высказывался в адрес гражданской лирики Некрасова: «Что за талант у этого человека! И что за топор – его талант!»

начинали со стихов. Например, наше всё в прозе, Лев Николаевич Толстой, в молодости, в Крымскую войну, писал стихи, крайне длинные и неудачные. После, полностью перейдя на прозу, стал утверждать, что поэзия – это танцы за плугом. «Я вообще считаю, что слово, служащее выражением мысли, истины, проявления духа, есть такое важное дело, что примешивать к нему соображения о размере, ритме и рифме и жертвовать для них ясностью и простотой, есть кощунство и такой же неразумный поступок, каким был бы поступок пахаря, который, идя за плугом, выделял бы танцевальные па, нарушая этим прямоthu и правильность борозды. Стихотворство есть, на мой взгляд, даже когда оно хорошее, очень глупое суеверие».

А сам Лев Николаевич, своими многими страницами на французском языке, с последующими переводами, в романе «Война и мир», отвратил от этой книги многих читателей, не понимающих по-французски. То ли это было желание автора блеснуть познаниями в иностранных языках, то ли просто погоня за количеством строк и страниц.

Что касается Тургенева, то он начал со стихов, но скоро бросил их и сам своих стихов не любил. Заслуживает внимание его стихотворение «В дороге» из которого получился романс «Утро туманное, утро седое...» и стихи в прозе. Повторюсь: в прозе! А Некрасовские стихи он поначалу сравнивал с пушкинскими.

Что же касается творчества Некрасова, то, по моему мнению, поэт, создавший собственное течение, литературный стиль и оказавший влияние на родную литературу, достоин права называться классиком.

9. Каково ваше мнение о народолюбии Некрасова?

Конечно, это тоже спорный вопрос. Некрасов, будучи сыном помещика, с детских лет видел классовую несправедливость, самодурство отца, но, конечно, свою мать он жалел больше, чем крепостных крестьян. И поэтому тоже стал помещиком, но после отмены крепостного права.

10. Как вы относитесь к распространённому мнению, будто Некрасов был безнравственный человек?

К этому я отношусь спокойно. Ничто человеческое нам не чуждо. Некрасов любил играть в карты, но нет доказательств, что он был шулером. Пристрастие Николая Алексеевича к картам обсуждали и осуждали и после его кончины. Но И. А. Панаев, многолетний соратник Н. А. Некрасова по «Современнику», в своих воспоминаниях писал: «Много почитаемых и уважаемых людей играют в карты, и это не мешает им быть почитаемыми и уважаемыми в обществе. Клевета не касается их имени. По крайней мере, деньги, выигранные Некрасовым у людей, которым ничего не стоило проиграть, были им употребляемы уже гораздо лучше, чем деньги, выигранные другими. На деньги Некрасова много поддерживалось неимущих людей, много развилось талантов, много бедняков сделалось людьми».

Все предки Некрасова любили играть, но в основном проигрывали.

И только нашему поэту, как говорят картёжники, – «масть пошла!»

Некрасов играл в клубе на протяжении многих лет; случалось ему иногда и проигрывать, но общий счёт был в его пользу и шёл на сотни тысяч. Один только будущий министр финансов Александр Абаза проиграл Некрасову в общей сложности более миллиона франков.

Министр Императорского двора и личный друг Александра II, генерал-адъютант Александр Адлерберг тоже проиграл Некрасову немалую сумму. Благодаря своим выигрышам, поэту удалось сколотить небольшой капитал и вернуть родовое имение Грешнево, которое было отобрано за долги его деда. Часть выигранных денег шла на расходы, связанные с изданием журнала «Современник».

О необычайных успехах Некрасова в игре и его любви к карточным выигрышам ходили анекдоты. Например: Однажды познакомиться со знаменитым поэтом пришёл провинциальный купец, приехавший в столицу продавать лес. Знакомство это дорого обошлось простаку. Спустя несколько дней Белинский поинтересовался у Некрасова:

– Что, хороша ли была игра?

– Да он у меня восемь тысяч украл! – с гневом воскликнул Некрасов.

– Как украл? Ведь вы его обчистили!

– Да, обчистил, но он умудрился в другой пойти и там ещё восемь тысяч проиграл – не мне! Не мне!

Что же касается его связи с Авдотьей Панаевой, то это в большей степени вина Ивана Панаева. «В нем есть что-то – доброе и хорошее, – писал об И. И. Панаеве В. Г. Белинский, – но что за бедный, за пустой человек – жаль даже».

Но что бы ни говорили, что бы ни писали о Некрасове, несмотря на все противоречия, он приблизил литературу к народу и необычайно расширил стилистический диапазон русской поэзии. Его творчество учит нас чувствовать духовную красоту и щедрость русского характера. В редкой поэтической отзывчивости на чужую радость и чужую боль Некрасов и сейчас исключительный и неповторимый поэт.

Михаил ЧИЖОВ

Родился в 1946 году в Горьком. Окончил политехнический институт. Член Союза писателей России. Автор нескольких сборников прозы и публицистики. Биографическое исследование «Константин Леонтьев» получило «Серебряного Витязя» на VII Международном Славянском литературном форуме «Золотой Витязь» 2016 года и вошло в шорт-лист Бунинской премии. Дважды лауреат премии «Болдинская осень», неоднократный обладатель премии Нижнего Новгорода.

Ранее – инженер-электрохимик в крупном химическом объединении, действительный государственный советник Нижегородской области I класса. Живет в Нижнем Новгороде.

«А Я УЖЕ СТОЮ В САДУ ИНОЙ ЗЕМЛИ...»

К 100-летию со дня гибели Николая Гумилева

*...Но всё в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.*
Николай Гумилев

Николай Гумилев всю жизнь (35 лет) оставался верен этим высоким заветам: любил мир и верил в Бога. «Мир» для него был широк и включал в себя страны света, города и неизведанные веси, куда его неодолимо влекла жажда путешествий, людей – с ними он легко сходилась, мировую войну, в пекло которой он смело ворвался рядовым кавалеристом, любимую поэзию и литературную работу, напоминающую порой подёнщину – одно лишь название литературного кружка «Цех поэтов» с 1911 года говорит о многом. А как не верить в Бога внуку рязанского священника? После Октябрьской революции Гумилев с некоторым даже вызовом крестился на все православные петроградские храмы, попадавшиеся ему по пути. Современники отмечали, что демонстративное подчёркивание веры во Всевышнего отчасти послужило причиной включения его в расстрельный список.

Нарушая привычные каноны хронологических жизнеописаний великих людей, рассказ о Николае Гумилеве ограничим последними пятью годами жизни. Самыми плодотворными, самыми важными, самыми бурными, самыми непредсказуемыми и... смертельными.

В военное лихолетье 1916 года Николаю Степановичу Гумилеву исполнилось третьего апреля тридцать лет. Юбилей! К этому времени

он известный в России поэт, основатель нового поэтического направления с символическим названием акмеизм (ἀκμή в переводе с греческого – высшая степень, расцвет). Поэзия акмеизма пришла на смену символизму, ярким выразителем которого был Валерий Брюсов, верным учеником которого считал себя Николай Гумилев. Девизом стихов нового направления стали «ясность, простота, утверждение реальности жизни» с некоторой долей рафинированности. Гумилев считал себя последователем французского поэта и публициста Теофиля Готье (1811–1872), восклицавшего: «Жизнь – вот наиглавнейшее качество в искусстве; за него можно всё простить...» Все поэтические сборники Гумилева, в том числе и проза («Африканский дневник», «Записки кавалериста», например) посвящены тем или иным периодам жизни и отражают личные его впечатления и отношение к ним.

Новый, 1916 год Гумилев встречает в Царском Селе вместе с женой Анной Ахматовой – отношения их к тому времени были уже чисто формальными: любовь угасла, как оказалось, навсегда. Трёхлетний сын Лев (будущий родоначальник теории этногенеза) с грудного возраста воспитывался бабушкой – матерью Николая Степановича – в усадьбе Слепнёво Бежецкого уезда Тверской губернии. Семье знаменитых российских поэтов было не до ребёнка, тем более отцу-фронтовику Первой мировой войны.

Жена старшего брата Николая в своих мемуарах писала: «А.А. Ахматова была высокая, стройная, тоненькая и очень гибкая, с большими синими грустными глазами, со смуглым цветом лица. Она держалась в стороне от семьи (свекрови. – М. Ч.). Поздно вставала, являлась к завтраку около часа... Потом исчезала в свою комнату; вечерами либо писала у себя, либо уезжала в Петербург». Сама Ахматова признавалась позже Лидии Чуковской (дочь Корнея Чуковского): «У меня в молодости был трудный характер, я очень отстаивала свою внутреннюю независимость и была очень избалована... Это был поспешный брак». Ничего себе «поспешный», если учитывать, что Николай Гумилев добивался руки Ахматовой целых шесть лет.

Супруги стояли друг друга. Гумилев напишет о себе. «Я всегда был снобом и эстетом. В четырнадцать лет я прочёл “Портрет Дориана Грея” и вообразил себя лордом Генри. Я стал придавать огромное внимание внешности и считал себя некрасивым. Я мучился этим. Я действительно, наверное, тогда был некрасив – слишком худ и неуклюж. Черты лица ещё не одухотворились – ведь они с годами приобретают выразительность и гармонию. К тому же, как часто у мальчишек, красный цвет лица и прыщи. И губы очень бледные. Я по вечерам запирали двери и, стоя перед зеркалом, гипнотизировал себя, чтобы стать красавцем. Я твёрдо верил, что силой воли могу переделать свою внешность».

Внешность он, конечно, не переделал, да это и не главное, но силой воли «смонтировал» себя таким, как хотел. Ученик Гумилева Георгий Иванов в эмиграции утверждал, что учитель часто повторял, что поэт «должен выдумывать себя». По прошествии многих лет современники отмечали твёрдость его характера, надменность (благодаря ей недостатки внешности не столь заметны), очень трепетное отношение к себе вплоть до честолюбия. Результаты аутотренинга дополнялись природной гордостью. Уже в раннем детстве, играя со старшим братом (три года разницы) в индейцев, Николай брал на себя роль вождя. На возражения брата, что не все будут так безропотно ему подчиняться,

он отвечал: «Я упорный, я заставляю!» Скорее всего, и стихи-то он стал сочинять из-за жажды славы.

И тем не менее облик Гумилева сразу приковывал к себе внимание: неправильно посаженные косящие глаза, короткая стрижка, необычная одежда, снабженная какими-нибудь экзотическими деталями – оленьей дохой или галстуком необычной расцветки.

За две недели до нового юбилейного года выходит из печати шестая книжка стихов Николая Гумилева «Колчан», а на Рождество к ним приезжают знакомиться Сергей Есенин и Николай Клюев. Николай Гумилев подарил Есенину книгу «Чужое небо» (1912) и сухо надписал её «Сергею Александровичу Есенину. Память встречи. 25 декабря 1915 г. Н. Гумилев». Анна Ахматова отдалась поэмой «У самого моря».

Сборник «Чужое небо» посвящен абиссинским впечатлениям Гумилева после двух путешествий в Африку, но и не только. Критики и друзья (В. Нарбут, М. Кузмин, В. Брюсов, С. Городецкий) книгу оценили в основном благосклонно, и только, пожалуй, нижегородец Борис Садовской, живший уже в Москве, разнес поэзию Гумилева в пух и прах (журнал «Современник», 1912)). Садовской считал, что Гумилев «прежде всего не поэт», а «полный безнадёжности автор», стихи его – не крик души, а искусная имитация творчества с тщательным конструированием. «Поэт никогда ничего не “ищет”, а его самого находит Бог; отсюда выражение: поэт Божией милостью. И ни родные, ни “чужие небеса” не дадут “понять органа жизни глухонемому”», – писал Садовской.

Супруги Гумилевы негативно (мягко сказано) относились к поэзии Сергея Есенина. По словам акмеиста Георгия Адамовича, Гумилев публично не признавал таланта Есенина: «Гумилев сразу заявил, что Есенин, “как дважды два, ясен, и как дважды два, неинтересен”, – и демонстративно принимался разговаривать, когда тот читал стихи...» Анна Ахматова вспоминала день встречи с Есениным так: «Немного застенчивый, беленький, кудрявый, голубоглазый и **донельзя наивный** (выделено мной. – М. Ч.), Есенин весь сиял, показывая газету». Речь шла о рождественском номере «Биржевых ведомостей», где были опубликованы стихи всех известных поэтов того времени, в том числе Есенина, Гумилева, Блока и других. Не будем забывать, что Есенину в это время всего лишь двадцать лет. В ответ Николай Клюев называл столичную богему «петроградской знатью». Ахматова всю свою жизнь, по утверждению Павла Лукницкого, считала Есенина хамом как человека, а стихи его слабыми и никчёмными, хотя порой перечитывала их не раз, а на гибель Есенина в 1925 году отреагировала хорошим стихотворением, из которого становится ясно, что она не верит в самоубийство поэта.

Отзыв Николая Гумилева с фронта был вызван чисто военными причинами: в сентябре 1915 года его направляют в Петроградскую школу прапорщиков. С окончанием её приказом главнокомандующего армией Западного фронта за № 3332 от 16 марта 1916 года ему присваивают звание прапорщика и переводят из улан в гусарский 5-й Александровский полк. В этом кавалеристском подразделении занятия литературой не поощрялись, и «Записки кавалериста» пришлось оставить. В одной из кавалеристских атак на мае Гумилев простужает легкие: сначала воспаление, а потом хронический бронхит (с детства Гумилев был слаб здоровьем). Врачи рекомендуют лечить бронхит на юге. В крымской Массандре он лечится, пишет пьесу «Гондла» и не забывает флирт. На

этот раз предметом его обожания стала петроградская поэтесса Маргарита Тумповская. Ей Гумилев посвятил такие строки:

За то, что я теперь спокойный,
И умерла моя свобода,
О самой светлой, о самой стройной
Со мной беседует природа.

Позже Тумповская так отзывалась о Николае Степановиче: «Ведь его взгляды на женщину были очень банальны. Покорность, счастливый смех. Он действительно говорил, что быть поэтом женщине — нелепость».

Николай Гумилев в 1914 году шёл на фронт за блестящей и быстрой победой, за славой победителя. Он писал жене с фронта: «Меня поддерживает только надежда, что приближается лучший день моей жизни, день, когда гвардейская кавалерия одновременно с лучшими полками Англии и Франции вступит в Берлин. Наверно, всем выдадут парадную форму, и весь огромный город будет как оживший альбом литографий. Представляешь ли ты себе во всю ширину Фридрихштрассе цепи взявшихся под руку гусар, кирасир, сипаев, сенегальцев, канадцев, казаков, их разноцветные мундиры с орденами всего мира, их счастливые лица, белые, чёрные, желтые, коричневые». Так кто более всего наивен, крестьянский сын Сергей Есенин или рафинированный аристократ Николай Гумилев, спросим мы себя, вспомнив характеристику Анны Ахматовой о наивности Есенина? Ну да ладно, история культуры расставила всех спорщиков по своим местам.

Летом 1916 года Гумилев совсем остыл к военным подвигам, и даже успешный Брусиловский прорыв (4 июня — 16 августа 1916 года) не внушил ему оптимизма. Гумилев окончательно понял, что война как творческий импульс перестала быть ему интересной. Он уже удручён ею, и, как только представился случай (ему предложили сдать экзамен на офицерский чин) Гумилев с удовольствием возвращается 19 августа в Петроград.

С удивительной для него самокритичностью отзывается он (надо понимать о себе и своём отношении) о войне в пьесе «Гондла».

Ахти, мальчик жестокий и глупый,
Знай, что больше не будет войны.
Для чего безобразные трупы
На коврах многоцветной весны?

Когда он лечил в Крыму бронхит и писал эту пьесу, два его друга, «два Жоржа» — Георгий Адамович и Георгий Иванов — возрождают «Цех поэтов» и направляют Гумилеву приглашение. Время было самое неподходящее, и, как напишет Гумилев Анне Ахматовой, «первое заседание провалилось, второе едва ли будет».

Вообще же 1916 год оказался для Гумилева более мирным, чем фронтовым. Славу, которая была возможна для него рядового, а потом унтер-офицера, была достигнута — два Георгиевских креста четвёртой и третьей степени украшали его грудь. Главное, что он прослыл человеком хладнокровным с удивительной выдержкой и безрассудной смелостью, что было для него очень лестно. В сентябре–октябре сдавал экзамены на чин корнета, но завалил «фортификацию».

В начале октября Гумилев в письме жене отметит: «Я скромно держу экзамены, со времени последнего письма выдержал ещё три; остаётся ещё только четыре (из 15-ти), но среди них артиллерия – увы! Сейчас готовлю именно её. Какие-то шансы выдержать у меня всё-таки есть».

И как правильно сомневался Гумилев – увы! Ему, истинному гуманитарии, с гимназических лет испытывающему нелюбовь к точным наукам, не удалось пройти это испытание – 25 октября 1916 года Николай Гумилев возвратился на фронт и вернулся из окопов только в январе 1917 года.

2

Может быть, он и сдал бы экзамен по артиллерии, если бы не новая и очередная любовная лихорадка, с головой охватившая его. На этот раз роковой роман с Ларисой Рейснер – будущей комиссаршей, послужившей прототипом героини пьесы «Оптимистическая трагедия» Всеволода Вишневского. С ней он познакомился в кабаре «Привал комедиантов».

В Москве литераторы собирались в «Стойле Пегаса» на Тверской. В Петрограде богемные поэты, писатели и театралы облюбовали литературно-артистическое кабаре «Бродячая собака» на Михайловской площади (ныне площадь Искусств). После его закрытия в марте 1915 года из-за антивоенной речи Маяковского местом сходов стал ресторан того же хозяина «Привал комедиантов» на Марсовом поле. Здесь они могли «отдыхать» всю ночь и отрывались на полную катушку. Завсегдатай В. Пяст вспоминал: «Ночью публика приносила свои запахи духов, белья, табаку и прочего, – обогревала помещение, пересиливала полугар и перегар... И так, акмеисты: то есть Ахматова, Гумилев, Мандельштам – и потом так называемые «мальчики» из “Цеха поэтов” – Георгий Иванов, Георгий Адамович; потом другие “примыкавшие” – будущие учёные, как-то В. Гиппиус, В. Жирмунский, – и сколько ещё других! – одни чаще, другие реже, – но все отдавали дань “Бродячей собаке”».

Нам (мне, и Мандельштаму, и многим другим тоже) начинало мерещиться, что весь мир, собственно, сосредоточен в “Собаке”, что нет иной жизни, иных интересов, чем “Собачий”.

Лишь Блок никогда не появлялся в “Собаке”, всегда оставаясь “дневным человеком”».

Тепло, если не сказать восторженно, отзывались о ночных посиделках в «Бродячей собаке» в своих воспоминаниях Г. Иванов («Петербургские зимы»), Ирина Одоевцева («На берегах Невы»), Виктор Шкловский («Жили-были»). Анна Ахматова признавалась: «Да, я любила их, эти сборища ночные». Что ж, молодым всегда хочется покурить и покуржиться.

Или вот ещё одни воспоминания от поэта и фронтовика Бенедикта Лившица: «Затянутая в чёрный шелк, с крупным овалом камеи у пояса вплывала Ахматова, задерживалась у входа, чтобы, по настоянию кидавшегося ей навстречу Пронина (владелец кабаре. – М. Ч.) вписать в “свиную” книгу свои последние стихи...

В длинном сюртуке и чёрном регате, не оставлявший без внимания ни одной красивой женщины, отступал, пятясь между столиками, Гумилев, не то соблюдая таким образом придворный этикет, не то опа-

саясь “кинжального” взора в спину... Он сталкивался с нами почти каждый вечер в “Бродячей собаке”, где нередко досиживал до первого утреннего поезда, увозившего его в Царское Село».

В этом кабаре прозвучали многие новые стихи Гумилева, в том числе и стихи из сборника «Колчан», вышедшего в канун 1916 года. Наряду со стихами о войне («Наступление», «Смерть», «Видение») Гумилев включил в сборник и гражданские стихи («Памяти Анненского», «Венеция», «Рим»).

И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

(«Наступление»)

Или:

Но вино, чем слаще, тем хмельнее,
Дама, чем красивей, тем лукавей,
Вот уже уходят ротоzeи
В тишине мечтать о высшей славе.

– из стихотворения «Болонья».

«Колчан» критиками был принят тепло: вышло десять рецензий в «Русских ведомостях», «Журнале журналов», в приложении к журналу «Нива» и других популярных изданиях. «Серебряный» век поэзии продолжался и довольно успешно. Литературовед А. Павловский писал: «“Колчан” явился по существу первой по-настоящему, от начала до конца, “Гумилевской” книгой. В ней мы видим почти все наиболее характерные черты и особенности как сложившейся и утвердившей себя творческой манеры и метода, так и поэтического облика писателя». Но одновременно критик Борис Эйхенбаум попрекнёт содержание сборника таким образом: «Русь пока не даётся Гумилеву», «чужое небо» было ему свойственной». Ему вторит критик И. Оксёнов в «Новом журнале для всех»: «В творчестве Гумилева нет ни России, ни античности – ибо поэт блестяще поверхностен, и совсем не по плечу ему Инн. Анненский, учеником которого он себя считает».

В колчане (и не впервой) нашлись и острые стрелы Амура, которыми Гумилев ранил красивую и молодую студентку Психоневрологического института Ларису Рейснер, ставшую плодотворной журналисткой и известной революционеркой. В кабаре «Привал комедиантов» Гумилева как-то очаровали тембр её голоса и слова, буквально бросаемые в посетителей с пылом и яростью. Нет, не качество стихов (Гиппиус поставила «крест» на творениях Рейснер: «С претензиями: слабо») повлекло его к этой девушке с губами в голубой помаде, а внешняя красота. Он же привык волочиться за каждой юбкой, тем более такой красивой. Гумилев возомнил в ней Прекрасную Даму (Средневековье всегда привлекало его), женщину Судьбы.

Забегая вперёд, можно с очень большой степенью вероятности предположить, что именно Лариса Рейснер стала Судьбой Гумилева в самом прямом смысле этого слова. Многие биографы не без оснований считают, что именно она посодействовала включению Гумилева в расстрельный список, хотя и была в это время

в Афганистане, куда направили её мужа Раскольников. Почему? Ответ прост и сложен. Хитрая и расчётливая женщина, знающая о своей неотразимой для мужчин внешности, часто ставит перед собой амбициозные цели в достижении высот в той или иной сфере: будь то поэзия, театр, медицина, общественная или политическая деятельность. Механизм достижения прост – муж, известный в названных выше кругах. Захотелось Ларисе стать «великой» поэтессой – она делает всё, чтобы привлечь внимание литературного мэтра Гумилева, а тот, очарованный, вводит её в высший литературный свет. Потом Ларисе захотелось стать комиссаршей – и пожалуйста – она жена Фёдора Раскольникова, командующего Волжской флотилией. Да, она безрассудно смела, точнее авантюрна, но по большей части – это рассчитанные, как в шахматах, ходы. Потом Лариса решила стать очеркистом и завела роман с лысым «карликом» Карлом Радеком (Собельсоном), членом ЦК РКП(б), секретарем Исполкома Коминтерна, сотрудником газет «Правда» и «Известия». Он помог ей отточить журналистский стиль и брал с собой в длительные заграничные командировки.

Опытный сердцеед Гумилев, видимо, подсознательно чувствовал некую искусственность своих отношений с Ларисой Рейснер, томную тяжесть её страсти. Пусть не о ней он писал, но всё же богатейший опыт общения с женщинами виден в его творчестве:

Мне не нравится томность
Ваших скрещенных рук,
И спокойная скромность,
И стыдливый испуг.

Лариса Рейснер признавалась, что Гумилев был первым её мужчиной, и не скрывала, что хотела выйти замуж. Однако натолкнулась на холодное недоумение – вспомним слова М. Тумповской о банальности гумилевских отношений с женщинами. И озлобилась не на шутку.

Анна Ахматова вспоминала, как в 1920 году Рейснер «о Николае Степановиче говорила с яростным ожесточением, непримиримо враждебно». И приводила пример злобности Ларисы: она, используя все свои немалые связи в начальственных кругах, настояла в 1920 году, чтобы Гумилева лишили литераторского пайка. Это могло означать только одно – голодная смерть.

Любовно-яростная переписка Гафиза (так Лариса звала Гумилева по имени героя его поэмы «Дитя Аллаха») и Лери (героиня пьесы «Гондла») впервые опубликована в журнале «В мире книг» в № 4 за 1987 год. Вот пример. Гумилев – Рейснер: «Я помню все Ваши слова, все интонации, все движения, но мне мало, мало, мне хочется ещё... Так мне хочется Вас увезти. Я написал сумасшедшее письмо, это оттого, что я Вас люблю». Рейснер – Гумилеву: «Ах, привезите с собой в следующий раз поэму, сонет, что хотите, о янычарах, о семиголовом чертере, о чем угодно, милый друг, но пусть опять ложь и фантазия украсятся всеми оттенками павлиньего пера...» В прощальном письме она напишет: «Мой милый, мой возлюбленный», а после оценки чувства добавит: «...Странное и такое похожее на любовь».

Кроме того, Лариса Рейснер написала об их отношениях «Автобиографический роман», в котором дала такой портрет своего возлюбленного (возлюбленного ли?). «Он некрасив. Узкий и длинный череп (его

можно видеть у Веласкеса, на портретах Карлов и Филиппов Испанских), безжалостный лоб, неправильные пасмурные брови, глаза – несимметричные с обворожительным пристальным взглядом».

Та же Тумповская вспоминала: «На литературных вечерах, где мы с Н. С. бывали вместе, он ухаживал одновременно и за Ларисой Рейснер. Уходил под руку то со мной, то с ней. Л. Р. была впоследствии из тех революционерок, которые и под гильотиной принимают позу».

Как бы там ни было, скажем мы, но с честолобивыми женщинами даже поэтам надо быть осторожнее.

3

Монархист Николай Гумилев, по крайней мере так он себя позиционирует прилюдно в ответах слушателям творческих вечеров, на Февральскую революцию почти не обратил внимания. По крайней мере, в его стихах отречение императора Николая II не нашло никакого отражения. Видимо, это событие – не та экзотика, что всегда влекла Гумилева. Чтобы как-то оправдать своё равнодушие, он в одной из анкет указал в ответе на вопрос о принадлежности к той или иной партии – «аполитичен». Весной 1917 года Гумилев стал добиваться перевода к союзникам России по Антанте на Салоникский фронт. Живи он в наше время, учитывая его боевитость, быть бы ему наёмником в какой-нибудь частной военной компании.

Гумилев обращается за помощью к Михаилу Струве, внуку пермского губернатора и акмеисту, считавшему Николая Степановича своим учителем. Струве служил в Генеральном штабе и помог своему творческому наставнику выхлопотать необходимые документы. С командировочным предписанием 15 мая 1917 года Гумилев отправляется через Скандинавские страны и Англию в Париж – в главную штаб-квартиру России в «Тройственном согласии» (Антанте).

Проплывая по Северному морю, Гумилев отдаётся, как всегда, грёзам о военных подвигах и любви под новым чужим небом (вспомним сборник «Чужое небо»):

О, да, мы из расы
Завоевателей древних,
Взносивших над Северным морем
Широкий крашеный парус
И прыгавших с длинных стругов
На плоский берег нормандский –
В пределы старинных княжеств
Пожары вносить и смерть...

И заканчиваются эти грёзы словами:

Но всё-таки женщины грезят –
О нас, и только о нас.

Но, как оказалось чуть позже, не все женщины грезили о Гумилеве.

По пути в Париж Гумилев ненадолго задерживается в Лондоне у старого знакомого художника-монументалиста Бориса Анрепа, точнее фон Анрепа. С 1914 года, со времени знакомства Анны Ахматовой с Борисом, она посвятила ему более 30 любовных стихотворений,

думала о нём до старости, а за год до смерти встречалась с Борисом Васильевичем в Париже.

Фон Анреп вводит Гумилева в литературные круги британской столицы. Гумилев знакомится с писателями: Олдосом Хаксли (тем самым, что написал пророческую книгу «О дивный новый мир»), с Д. Лоуренсом, Г. Гарднером, Г. Честертоном и другими. Встреча с видным переводчиком поэзии Артуром Уэлли поспособствовала тому, что Гумилев увлёкся переводами. Он и раньше перевёл книгу стихов Теофиля Готье «Эмали и камни», а теперь Гумилев переводит стихи Г. Гейне, Р. Саути, китайских поэтов. Он начинает перевод вавилонского «Эпоса о Гильгамеше», но не напрямую с аккадского языка, а с французского подстрочника, выполненного востоковедом П. Дормом. Гумилев и в Лондоне не потерялся: даёт интервью местным газетам и радиовещательным компаниям, вынашивает литературные планы с новыми знакомыми, упорно изучает английский язык.

Николай Степанович прибывает в Париж лишь 1 июля, но о фронте (из-за Февральской революции союзники отказались от наступления в Эгейском море), ни о корреспондентской работе разговора с ним никто не ведёт, как обещал Струве. Тем не менее генерал русских войск во Франции Зенкевич включает Гумилева в состав управления Военного комиссариата Русского экспедиционного корпуса во Франции. Появляется много времени для занятий литературой и новых встреч с творческой интеллигенцией (в основном русскоговорящей) Парижа. Гумилев знакомится с русскими художниками М.Ф. Ларионовым и его женой Н.С. Гончаровой, поэтом К.Н. Льдовым и другими представителями искусств. Наталье Гончаровой он посвящает рассказ «Чёрный генерал», но все лирические стихи отданы новой пассии – Елене Карловне Дюбуше, полурусской-полуфранцузенке. Вот она-то и остаётся холодна и безразлична к любовным увещаниям известного поэта. Её не трогают рассказы Гумилева об африканских путешествиях, о военных подвигах, она меркантильна и понимает, что кроме стихов, ей посвящённых, Гумилев ей ничего не подарит. Страдальческие стихи о «новой» неразделённой любви вошли в посмертный сборник «К синей звезде» (1923, Берлин).

Поэт и литературный критик, основатель издательства «Аполлон» Сергей Маковский (сын известнейшего русского живописца Константина Маковского) отзывался о сборнике так: «Всё же не надо преувеличивать значения “несчастной” парижской страсти Гумилева. Стихи “К синей звезде” искренни и отражают подлинную муку, однако остаются “стихами поэта”, и неосторожно было бы приравнивать их к трагической исповеди. Любовная неудача больно ущемила его самолюбие, но как поэт, как литератор, прежде всего, он не мог не воспользоваться горьким опытом, дабы подстегнуть вдохновение и выразить в гиперболических признаниях не только своё горе, но горе всех любивших неразделённой любовью. С точки зрения формальной, стихи “К синей звезде” часто небезупречны, неудавшихся строк много. Но в каждом есть такие строки, что останутся в русской лирике».

Каждый день мой, как мертвец, спокойный,
Все дела чужие, не мои,
Лишь томленье вовсе недостойной,
Вовсе платонической любви.

Или:

Как ты любишь, девушка, ответь!
По каким тоскуешь ты истомам?
Неужель ты можешь не гореть
Тайным пламенем, тебе знакомым?

Или:

Страсть пропела песней лебединой,
Никогда ей не запеть опять,
Так же как и женщине с мужчиной
Никогда друг друга не понять.

В Париже Николай Гумилев создаёт трагедию (настроение диктует) «Отравленная туника» и сообщает в предисловии время её действия 533–534 гг. и место – Византия. Герои император Юстиниан, императрица Феодора, а также поэт (так во всех пьесах Гумилева) араб Имр. Его речь рифмована, другие персонажи изъясняются белым стихом. Как и в других пьесах Гумилева, главный герой-поэт влюбляется в себя и императрицу, и её падчерицу, но и сам любит и ту и другую. Мотив похож на трагедию «Медея», переведённую Иннокентием Анненским.

После Октябрьской революции Советская Россия вышла из войны, и управление Военного комиссариата в Париже 4 января 1918 года было расформировано, но Гумилева оставляют «на учёте старшего коменданта русских войск в Париже». Судьба солдат и офицеров Русского экспедиционного корпуса более трагична, нежели любовь поэта Имра. Большинство из них не вернулось на родину: порт Бизерта в Тунисе стал для них последним пристанищем. Но это уже другая история.

Гумилева никак не устраивает эта чиновничья должность, он рвётся на Персидский фронт, но... Тогда он решает попасть на Месопотамский фронт и для этого возвращается в Лондон, но и там отказываются от его услуг, выражаясь языком XXI века. Уж если не удалось принять участие в военных битвах, то литературные всегда легко найти, тем более в России. И Николай Гумилев начинает оформлять документы для возвращения на родину. Три месяца ушло на эту процедуру: ведь он уехал из одной страны, а возвращался в совершенно другую. Настолько другую, что такой ещё свет не видел.

Вот это настоящий поступок сильного духом человека. Многие интеллигенты мечтают удрать из мятежной, голодной и опасной для жизни России на вожделенный Запад. Например, его друг и издатель «Аполлона» Сергей Маковский уже в апреле 1917 года уехал в Крым, а потом вместе с войском Врангеля – в Европу. Гумилев 4 апреля 1918 года уезжает из Лондона, где можно жить легко и обеспеченно, как, например, живёт тот же фон Анреп и сотни других соотечественников. А может, его сердце жжет ревность к любовнику Анны Ахматовой, пока ещё его жены, которой он везёт подарок от Анрепа? Кроме него он везёт игрушки сыну Льву, «китайские стихи», незавершённую «Отравленную тунику» и сожаления о несостоявшихся баталиях в битвах бывших союзников.

Как часто бывает, сразу же после приезда Гумилева без преувеличения окатили холодным душем. Анна Ахматова нашла другого обожателя – ассириолога Вольдемара Шилейко, бывшего Гумилеву другом по африканским и ближневосточным пристрастиям. Жена тут же, с первых дней появления Гумилева в Петрограде, потребовала развод. Конечно, как мы знаем, Николай Степанович далеко не безупречен был в супружеской жизни, да и Анна тоже. Достаточно вспомнить её горячий роман в Париже с художником Модильяни, кстати, во время свадебного путешествия. Тогда Николай Гумилев был вынужден срочно возвращаться в Россию, боясь дальнейших осложнений. Однако выбор Анны его уязвил. Шилейко не блистал внешностью, а эстетика для поэтессы есть наиглавнейшее чувство, так думал Гумилев.

Владислав Ходасевич писал о Петрограде 1918 года: «Город был мёртв и жуток. По улицам, мимо заколоченных магазинов, лениво ползли немногочисленные трамваи. В нетопленных домах пахло воблой. Электричества не было». Нужно, конечно, усомниться в верности последнего утверждения, что не было электричества, так как трамваи идут на электрической тяге. Видимо, электричество для общественного транспорта всё же было, но горожанам оно не подавалось. Для чего эта ремарка? К тому, что даже к воспоминаниям очевидцев надо относиться с известной долей здравого смысла.

Пятого августа 1918 года супруги разводятся, и, чтобы скрыть свои переживания и показать, что на Анне Ахматовой свет клином не сошёлся, самолюбивый Гумилев тут же сватается к своей старой знакомой Анне Николаевне Энгельгардт, дочери известного историка.

Ирина Одоевцева писала о ней: «Аня Энгельгардт казалась четырнадцатилетней девочкой не только по внешности, но и по развитию. Очень хорошенькой девочкой, с большими темными глазами и тонкими, прелестными веками». Брат «Анны второй» (так литературное окружение Гумилева окрестило вторую его жену) вспоминал: «Николай Степанович приехал к нам как жених сестры познакомиться с её родными и пробыл у нас всего несколько часов. Он уже снял свою военную форму и одет был в серый изящный спортивный костюм, и всё его существо дышало энергией и жизнерадостностью. Он был предельно вежлив и предупредителен со всеми...»

С новой женой Гумилев живёт сначала в её доме, пока родители Анны были в отъезде, потом переезжает в освободившуюся квартиру Сергея Маковского, которую он при бегстве в Крым в 1917 году завещал сотрудникам журнала «Аполлон». Туда же в августе 1918 года приезжает из Бежецка мать Николая Степановича с его сыном Львом. Родовое имение Львовых (девичья фамилия матери) в селе Слепнёве Бежецкого уезда Тверской губернии из-за угрозы крестьянского погрома в 1917 году пришлось покинуть.

Отправляясь по литературным делам, Николай Гумилев брал Льва с собой, иногда завозил его к Анне Ахматовой, жившей с востоковедом Шилейко, который вольно или невольно пробудил у юного Льва интерес к истории, к Востоку. После рождения дочери Гумилев летом 1919 года отправляет всех: мать с Львом, «Анну вторую» с Еленой в Бежецк, где легче было прокормиться.

Энергия и жизнерадостность, которые, по верному замечанию брата «второй Анны», переполняли Николая Гумилева, проявили себя сразу

же по приезде из Лондона. Уже 13 мая он выступает на «Вечере петербургских поэтов» (город с 1914 года назывался Петроград, а поэты именовали себя петербуржцами). В нём принимали участие А. Блок, О. Мандельштам, Г. Иванов, Г. Адамович, М. Кузмин. За лето он заканчивает перевод «Эпоса о Гильгамеше», консультируясь с Шилейко и Михаилом Леонидовичем Лозинским, которому посвятил такие шуточные строки.

Над сим Гильгамешем трудились
Три мастера, равных друг другу,
Был первым Син-Лики-Унинни,
Вторым был Владимир Шилейко,
Михаил Леонидыч Лозинский
Был третьим. А я, недостойный,
Один на обложку попал.

Литературно-просветительская деятельность стала высоким смыслом всей его жизни. В 1918 году он переиздаёт свои сборники «Романтические цветы», «Жемчуга», издаёт новые: «Мик», «Фарфоровый павильон», «Костёр», возрождает с Г. Адамовичем и Г. Ивановым новый «Цех поэтов». С этого года и до самой гибели постоянно читает лекции в многочисленных студиях и поэтических кружках, принимает участие в создании петроградского отделения «Союза поэтов», Дома поэтов и Дома искусств (ДИСК), журнала «Дом искусств», поэтической группы «Звучащая раковина» (1921). И главное, по приглашению Максима Горького работает одним из редакторов издательства «Всемирная литература», в котором вместе с А. Блоком и М. Лозинским стали создавать поэтическую серию. Вся эта литературная кипучая работа сделала Гумилева одним из самых значительных литературных авторитетов того времени.

Не забудем, что шла жесточайшая Гражданская война, что Северо-Западная армия Н.Н. Юденича пошла с 28 сентября 1919 года в наступление на Петроград и к 22 октября захватила Царское Село, то есть была в нескольких километрах от города. Передовые отряды белых видели купол Исаакиевского собора. Прибывший в Петроград Троцкий приказал строить баррикады на улицах города, но, к счастью, уличных боев удалось избежать.

Вернёмся к поэтической работе Николая Гумилева. Лекции, выступления сформировали вокруг него большой массив учеников и учениц-обожателей. Прямолинейная Ахматова с издёвкой упрекала бывшего мужа: «Обезьян растишь». Как бы в пику Александру Блоку и Борису Садовскому, утверждавшему, что поэтом можно стать лишь по Божьей милости, Гумилев учил новичков своих кружков и студий, что поэзия – это ремесло. При этом, овладев теорией и навыками стихосложения, утверждал он, можно стать неплохим поэтом. Участник группы «Звучащая раковина» Николай Чуковский (сын Корнея Чуковского) вспоминал: «Вся эта наивная схоластика была от начала до конца полемична. Она была направлена, во-первых, против представления, что поэзия является выражением тайного тайных неповторимой человеческой личности, зеркалом подлинной отдельной человеческой души, и, во-вторых, против представления, что поэзия отражает общественные события и сама влияет на них. В те годы оба эти враждебные Гумилеву представления о поэзии с особой силой были выражены в творчестве

Блока... И все эти таблицы с анжембеманами, пиррихиями и эйдолологиями были вызовом Блоку. Блок, между прочим, отлично понимал, в кого метит Гумилев».

Его отец Корней Чуковский писал в своих воспоминаниях о литературном Петрограде той поры и, в частности, о Гумилеве так: «Так как печатание книг из-за отсутствия бумаги в те дни почти прекратилось, главным заработком многих писателей стали занятия в литературных кружках. Гумилев в первые же месяцы стал одним из наиболее деятельных студийных работников. И хотя он никогда не старался подольститься к своим **многочисленным** (выделено мной. – М. Ч.) слушателям, а, напротив, был требователен и даже суров, все они с первых же дней горячо привязались к нему, часто провожали его гурьбой по улице, и число их из недели в неделю росло. Особенно полюбили его пролеткультовцы. Между тем курс его был очень труден. Поэт изготовил около десятка таблиц, которые его слушатели обязаны были вызубрить: таблицы рифм, таблицы сюжетов, таблицы эпитетов... от всего этого слегка веяло средневековыми догмами, но это-то и нравилось слушателям, так как они жаждали верить, что на свете существуют устойчивые твёрдые законы поэтики, не подверженные никаким изменениям, – и что тому, кто усвоит как следует эти законы, будет наверняка обеспечено высокое звание Поэта (счастье, что сам-то Гумилев никогда не следовал заповедям своих замысловатых таблиц).

Даже его надменность пришлась по душе его слушателям. Им казалось, что таков и должен быть подлинный мастер в обращении со своими подмастерьями. <...> Они, увидя его гордую осанку, услышав его начальственный голос, сразу же уверовали, что это очень важный и многозначительный чин... Ни о чём другом, кроме поэзии, поэтической техники, он никогда не говорил со своими питомцами, и дисциплина на его занятиях была образцовая».

В послереволюционный период количество таких студий в Петрограде исчислялось десятками. Многие из тех, кто хоть чуть-чуть владел грамотой, мечтали стать писателями и поэтами. Можно сказать, что «выращиванием обезьян» Гумилев занимался, чтобы победить Блока в очно-заочном соревновании за первое место в российской литературе, за решающее влияние на её судьбу. А можно так не говорить, потому что «чужая душа – потёмки». Всё же Гумилев сам признавал тщетность создания поэта из «глухонемого» и бездушного человека. Он писал: «Я вожусь с малодаровитой молодёжью не потому, что могу сделать их поэтами. Это, конечно, немыслимо – поэтами рождаются, – я хочу помочь им по человечеству. Разве стихи не облегчают, как будто сбросил с себя что-то. Надо, чтобы все могли лечить себя писанием стихов... Над стихом надо изводиться, как пианисту над клавишами, чтобы усвоить технику. Это не одно вдохновение, но и трудная наука. Легче ювелиру выучиться чеканить драгоценные металлы... А ведь наш русский язык именно драгоценнейший из них. Нет в мире другого, равного ему – по красоте звука и по гармонии концепции».

Эти мысли о русском языке, о слове Гумилев выразил в таких ярких строках:

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово – это Бог.

В конце 1918 года вышла из печати новая книга стихов Гумилева «Костёр», которую критики считали самой русской по содержанию. В ней стихи об иконописце Рублёве, о русской природе, о детстве.

Я ребёнком любил большие,
Медом пахнувшие луга,
Перелески, травы сухие
И меж трав бычачьи рога.

Наконец-то Гумилев отразил своё отношение к России, показал опыт много повидавшей, повзрослевшей души. Недаром строгий Александр Блок, даря свою книгу, надписал: «Дорогому Николаю Степановичу Гумилеву – автору “Костра”, читанного не только днём, когда я “не понимаю” стихов, но и ночью, когда понимаю». А. Блок. III. 1919».

Поэт и критик Владислав Ходасевич, возглавлявший московское отделение «Всемирной литературы» и болевший от голода и холода, в 1920 году по приглашению М. Горького переехал в Петроград. Здесь Ходасевич получил место в общезжитии «Дома искусств» и паёк. Он писал в своих воспоминаниях с названием «Некрополь», что влияние Гумилева на литературную молодёжь «Блок считал духовно и поэтически пагубным». И далее: «Для Блока его поэзия была первейшим, реальным духовным подвигом, неотделимым от жизни. Для Гумилева она была формой литературной деятельности. Блок был поэтом всегда, в каждую минуту своей жизни. Гумилев – лишь тогда, когда он писал стихи. Всё это (и многое другое) завершалось тем, что они терпеть не могли друг друга – и этого не скрывали».

Где-то Ходасевич был прав, где-то неправ, ведь у каждого своё видение происходящего, свои способности и возможности мозга и памяти. Как бы то ни было, но определение Ходасевича двух типов поэтов актуально и до сих пор.

Как культурные и порядочные люди Блок и Гумилев своё личностное отношение к поэзии не выплёскивали прилюдно в словесных баталиях. Сам конфликт был сложным и скрытым. При полном различии позиций они уважительно относились друг к другу, о чём свидетельствует хотя бы надпись на книге, приведённая чуть выше, но воззрения на поэзию были важнее.

При всём при том Гумилев сохранил доброе и уважительное отношение к поэзии Анны Ахматовой. Рецензируя в журнале «Жизнь искусств» в ноябре 1918 года сборник бывшей жены «Арион», он отметил, что «Ахматова захватила чуть ли не всю сферу женских переживаний, и каждой современной поэтессе, чтобы найти себя, надо пройти через её творчество». И вот ведь каковы особенности брака Гумилева с Ахматовой: её любовники и мужа все последние десять лет сопровождали Николая Степановича. Фон Анрепа и Шумейко можно назвать добрыми попутчиками, а вот будущего мужа Ахматовой Николая Пунина к таковым не отнесёшь. Скорее, его можно назвать злым гением Гумилева. В декабре 1918 года он публикует статью, которую смело можно назвать плохо завуалированным доносом: «Мы вышли год тому назад из-под многолетнего гнёта тусклой, изнеженно-развратной буржуазной эстетики. Признаюсь, я лично чувствовал себя бодрым и светлым в течение всего этого года отчасти потому, что перестали писать или, по крайней мере, печататься некоторые “критики” и читаться некоторые поэты (Гумилев, например).

И вдруг я встречаюсь с ним ними снова в “советских кругах”. Они не изменились за это время ни одним волосом. Те же ужимки, те же стилистические выкрутасы... Этому воскрешению я в конечном счёте не удивлён. Для меня это одно из бесчисленных проявлений неусыпной реакции, которая то там, то здесь нет-нет да и подымет свою битую голову. На этом небольшом, но характерном примере мы можем многому научиться. И прежде всего тому, что опасность реакции может исходить именно изнутри, из среды, близко стоящей к советским кругам, от лиц, пробравшихся в эти круги, по-видимому, с заранее определённой целью». Обращает на себя внимание, что в качестве примера этого доноса (можно не бояться этого слова) приведена лишь одна фамилия – Гумилева.

Не будем забывать, что в августе 1918 года убит председатель Петроградской ЧК Моисей Соломонович Урицкий и было покушение на В.И. Ленина, после которого начался «красный террор» с расстрелом заложников. К числу их можно отнести и Николая Гумилева, но только в 1921 году. Читаешь эту «статью» Николая Пунина, и мороз продирает по коже: как «своевременно» написан этот донос. Знала ли об этой статье Анна Ахматова, выходя замуж за Николая Пунина?!

Конечно, такие «статьи» не добавляли оптимизма Гумилеву, но он в эту беспокойную пору много работает, несмотря на холод, полуголодное бытие (чтобы пропитаться, ему приходится продавать вещи и одежду). Он тщательно исследует творчество французского поэта Шарля Бодлера и публикует биографическо-литературное исследование о нём. Создаёт биографический портрет Алексея Константиновича Толстого. Переводит «Орлеанскую девственницу» Вольтера, а также стихи британца Р. Браунинга, немца Г. Гейне, французских поэтов Ж.М. Эредиа, Вьеле-Гриффена, Жана Мореаса. Совершает вместе Михаилом Кузминым поэтическое турне в Москву, где выступает в Политехническом музее, этой поэтической Мекке того и более позднего времени, а также на фабрике «Гознака». Работоспособности и энергии у Гумилева было на десятерых.

К лету 1920 года «Цех поэтов» изжил себя, и 4 июля на общегородском собрании поэтов был образован Петроградский Союз поэтов. Председателем избрали Александра Блока, секретарём – Всеволода Рождественского. Последний вспоминал такой эпизод из взаимоотношений Блока и Гумилева.

«Однажды после долгого и бесплодного спора (Блока и Гумилева. – М. Ч.) Гумилев отошёл в сторону, явно чем-то раздражённый.

– Вот смотрите, – сказал он мне. – Этот человек упрям необыкновенно. Он не хочет понять самых очевидных истин. В этом разговоре он чуть не вывел меня из равновесия...

– Да, но вы беседовали с ним необычайно почтительно и ничего не могли ему возразить.

Гумилев быстро и удивлённо взглянул на меня.

– А что бы я мог сделать? Вообразите, что вы разговариваете с живым Лермонтовым. Что бы Вы могли ему сказать, о чём спорить?»

Как бы ни был почтителен Гумилев к Блоку, уважение к старшему коллеге не помешало ему занять место председателя Союза поэтов. Блок, уже серьёзно больной, записал в дневнике: «В феврале (1921 года. – М. Ч.) меня выгнали из Союза и выбрали председателем Гумилева».

Председатель и есть председатель. Начальник! В мае 1921 года Осип Мандельштам знакомит Гумилева с В.А. Павловым – флаг-секретарём наркома морских сил. Тот пригласил председателя Союза поэтов Петрограда «прогуляться» в июле к Чёрному морю в поезде наркома контр-адмирала А.В. Немитца. Гумилев, которого всегда влекла муза странствий, с радостью принял приглашение. Поездка имела и вещественное воплощение: с помощью контр-адмирала Гумилев в несколько дней издаёт книгу африканских стихов «Шатёр» в количестве 50 экземпляров. Она посвящена «памяти моего товарища в африканских странствиях Николая Леонидовича Сверчкова» (племянник Николая Гумилева. – М. Ч.).

По возвращении из Севастополя в «Петроградской правде» в 20-х числах июля было опубликовано первое сообщение об арестах участников Петроградской боевой организации (ПБО) под руководством Владимира Таганцева. Если бы Гумилев действительно был участником ПБО, то до 3 августа (дата ареста) у него хватило бы времени что-то предпринять: перейти на нелегальное положение, скрыться, в конце концов, в Эстонии, как это сделал в своё время Игорь Северянин. Николай Гумилев не сделал даже попыток, он был уверен в своей аполитичности и думал, что все из власть предержащих, знают об этом.

Одним из последних произведений Николая Гумилева была «Поэма начала». Совершенно аполитичная вещь о жреце и Драконе, которому жрец отдаёт свою жизнь ради её продолжения. Поэма о бренности жизни и её вечности, о космической и земной её ипостаси. Вот, например, такие строки:

Пробудился дракон и поднял
Янтари грозových зрачков,
Первый раз он взглянул сегодня
После сна десяти веков.
И ему не казалось светлым
Солнце, юное для людей,
Был как будто засыпан пеплом
Жар пылавших в море огней.

Даже вооружившись электронным микроскопом в поэме нельзя найти никаких политических намёков. Эстетика ради эстетики. Чистое искусство в совершенном изысканном виде. Но вот поди же, его арестовывают и без суда и следствия расстреливают. А в это время Есенин пишет другую поэму – «Страна негодяев», где почти неприкрыто имя Троцкого в образе злодея Чекистова. И ничего. Значит, не в стихах дело. Гумилев был слишком заметной фигурой. Он раздражал и Ларису Рейснер, и Николая Пунину, и «революционного диктатора» Петрограда Григория Зиновьева (Гершена Радомысльского). Последний неприкрыто враждовал с Максимом Горьким, а Гумилев был сотрудником издательства «Всемирная литература» под руководством М. Горького. Владислав Ходасевич вспоминал: «...К осени 1920 года, когда я переселился из Москвы в Петербург, до открытой войны дело еще не доходило, но Зиновьев старался вредить Горькому где мог и как мог. Арестованным, за которых хлопотал Горький, нередко грозила худшая

участь, чем если бы он за них не хлопотал». Горький же хлопотал об освобождении многих писателей и поэтов, в том числе и Гумилева.

«Гришка третий» – так презрительно петроградские интеллигенты называли Зиновьева («предшественники» – Гришка Отрепьев и Григорий Распутин) – имея неограниченные полномочия, выступал главным организатором «красного террора» против бывшего дворянства и русской интеллигенции, вплоть до полного уничтожения «эксплуататорских классов».

Подполье в Петрограде всё же было, и оно планировало в конце апреля 1921 года организовать восстание в Кронштадте и одновременное выступление рабочих в Петрограде, но план был нарушен стихийными волнениями рабочих в феврале 1921 года и столь же стихийным восстанием кронштадтских моряков 28 февраля – 1 марта 1921 года. По утверждению Ходасевича после разгрома того и другого восстания «Уцелевшие матросы в переодетом виде ходили к Горькому, и, наконец, в руках у него очутились документы и показания, уличавшие Зиновьева не только в безжалостных и бессудных расстрелах, но и в том, что самое восстание было отчасти им спровоцировано. <...> о самом факте провокации Горький мне говорил много раз. С добытыми документами Горький решился ехать в Москву. По-видимому, он надеялся, что на этот раз Зиновьеву несдобровать».

Ленин принял знаменитого писателя и в присутствии Троцкого и Дзержинского решил вызвать Зиновьева в Москву для объяснений. Заранее предупреждённый Троцким Зиновьев в Москве симулировал сердечный приступ. Дело кончилось тем, что Зиновьева слегка пожурили и он вернулся в Петроград к диктаторским полномочиям. Ясное дело, что Зиновьев был крайне раздосадован, если не сказать взбешён, вмешательством Горького в его дела. Весомость же мнения Максима Горького в Москве упала до нуля.

6

Николай Гумилев ещё в 1915 году в «Чужом небе» напишет:

Наше бремя – тяжелое бремя:
Труд злоеший дала нам судьба,
Чтоб прославить на краткое время,
Нет, не нас, только наши гроба.

Предчувствия своей судьбы присущи многим великим поэтам, тем более предчувствие близкой смерти. В 1921 году Гумилев предсказывал:

А я уже стою в саду иной земли,
Среди кровавых роз и влажных лилий,
И повествует мне гекзаметром Вергилий
О высшей радости земли.

Во время похорон Александра Блока, умершего 7 августа, в толпе разнесся слух, что 3 августа арестовали другого большого поэта – Николая Гумилева. Критик Эрих Голлербах, учившийся с Гумилевым в одни и те же годы в Царском Селе, откликнулся на расстрел ровесника таким виртуальным утверждением: «Мы не знаем, что происходит в мире тайных сил... Может быть, та самая коса, которая скосила Блока,

рукояткой своей ударила насмерть Гумилева; может быть, смертный час Блока... рикошетом убил Гумилева».

Отставим в сторону красивое и фантастическое умозаключение. Верные Гумилеву «цеховики», в их числе Н. Оцуп, Н. Волковвысский, А. Волынский, С. Ольденбург, пошли в Петроградский ЧК от имени Академии наук, издательства «Всемирная литература» и других организаций и семинаров, где работал, преподавал или сотрудничал Гумилев. Пошли с наивной просьбой взять поэта на поруки. Пролетарские поэты, узнав об аресте, испугались и отреклись от Гумилева, чего, в общем-то, следовало ожидать. В ЧК ничего не знали об арестованном или притворились, что не знают: «Да чем он, собственно занимается, ваш Гумилев?.. Писатель... Не слышали...» Когда же Николай Оцуп позднее позвонил в ЧК узнать о судьбе писем в защиту Гумилева, ему ответили: «Ага, это по поводу Гумилева, – завтра узнаете». И узнали из «Петроградской правды» (№ 181 от 1.09.1921 г.), напечатавшей официальное сообщение ВЧК о расстреле в чекистских застенках 61 человека из числа так называемой ПБО В. Таганцева. Под номером 30 фамилия Гумилева и слова: «Гумилев, Николай Степанович, 33 л. б. дворянин, филолог, поэт, член коллегии “Из-во Всемирной Литературы”, беспартийный, б. офицер. Участник П.Б.О., активно содействовал составлению прокламаций к.-револ. содержания, обещал связать с организацией в момент восстания группу интеллигентов, которая активно примет участие в восстании, получал от организации деньги на технические надобности».

Исследователи В. и С. Лукницкие сумели найти и опубликовать том № 177 «дела Таганцева», но, читая его, невозможно понять вину Николая Гумилева. Любое обвинение в ту пору можно было состряпать запросто, и следователь ЧК Якобсон легко эту задачу выполнил. И он весьма и весьма торопился, так как в «деле» неверно указан возраст, с отчеством поэта там тоже путаница: он то Сергеевич, то Станиславович, тем более на обложке дела фамилия написана такая – Гумелев. Интересен такой потрясающий факт. «Таганцевское дело» зарегистрировано под № 214224. Идёт только 1921 год, а «дел» в Петроградской ЧК более двухсот тысяч. О чём они?! Мало того, в этом «деле» насчитывается 382 тома, и только с двух из них снят гриф секретности, в том числе и гумилевского тома. Возникает естественный вопрос: на дворе XXI век, прошло сто лет, и какие такие «секреты» этого «дела» нужно скрывать?

Между тем сохранились слова Гумилева, сказанные им в 1921 году: «Я удивляюсь тем, кто составляет заговоры... Слепцы, они играют на руку провокации. Я не трус. Борьба – моя стихия, но на работу в тайных организациях я теперь бы не пошёл».

Был в Италии поэт-пессимист Джакомо Леопарди (1798–1837), известный и прозаическими произведениями, наиболее известны «Диалоги». Он был любим Гумилевым, который посвящал ему свои терцины. Так вот, Леопарди выразил такую мысль: «Мир есть не что иное, как обширный заговор негодяев против честных людей». Видимо, подобный заговор и был состряпан работниками Петроградской ЧК в «честь» третьей годовщины со дня убийства Моисея Урицкого. Присланный по команде Ленина для следствия по «таганцевскому делу» Яков Саулович Агранов, особо уполномоченный по важным делам при президиуме ВЧК, скажет: «Семьдесят процентов петроградской интеллигенции были одной ногой в стане врагов. Мы должны были

эту ногу ожечь...» В этом смысле Гумилев был самой подходящей кандидатурой для «ожога». Известен в широких кругах, председатель Союза поэтов, никогда не гнул перед властью, пример для поэтической молодёжи Петрограда.

Кстати, был арестован по таганцевскому же «делу» и Николай Пунин, который был упомянут выше и который стал третьим мужем Анны Ахматовой. Он был отпущен, якобы по ходатайству Луначарского. Справедливости ради надо сказать, что отпустили и ещё некоторых, за которых хлопотали Крупская и ряд других влиятельных лиц. Но... Характерный штрих: почти сразу же после расстрела Гумилева, в сентябре 1921-го, Максим Горький покинет Советскую Россию и уедет в Сорренто. Видимо, он здраво рассудил, что подобный беспредел может смертельно «ожечь» и его.

Со смертью Блока и гибелью Гумилева закончился Серебряный век русской поэзии.

На стене камеры предварительного заключения (Шпалерная, 29) Гумилев нацарапал: «Господи, прости мои прегрешения, иду в последний путь. Гумилев». Марина Цветаева скажет о нём, упоминая сборник «Костёр», переизданный в 1922 году:

«Чувство Истории – Чувство Судьбы.

Не “мэтр” был Гумилев, а Мастер: боговдохновленный и в этих стихах уже безымянный мастер, скошенный в самое утро своего мастерства-ученичества, до которого в “Костре” и окружающем костре России – так чудесно – древесно! – дорос».

В тот же год после расстрела вышла в свет его новая книга «Огненный столп», в следующем, 1922 году были переизданы «Жемчуга», «Костер», «Фарфоровый павильон». Небывалый, может быть, единственный в истории русской и советской цензуры случай! Государственный преступник казнен, а книги его выходят и выходят...

В ста томах – издании «Великие поэты», предпринятом «Комсомольской правдой» и «Амфорой» в 2011–2013 годах, томик со стихами Николая Гумилева имеет номер 30. Номер в списке расстрелянных в 1921 году таков же. Неужели в самом деле «Чувство Истории – Чувство Судьбы»?

Литпроцесс

Андрей ПЕРМЯКОВ

Родился в 1972 году в Кунгуре Пермской области. Окончил Пермскую государственную медицинскую академию. Кандидат медицинских наук. Работает в фармацевтической промышленности.

Публиковал стихи, прозу, критические статьи в журналах и альманахах «Арион», «Воздух», «Волга», «Дети Ра», «Знамя», «Новый мир», «Урал», «День и ночь», «Дружба народов», «Крещатик», «Новая реальность», «Абзац», «Алконост Ъ», «Вещь», «Воздух», «Графит» и др. Автор книги стихов «Сплошная облачность» (2013) и трёх книг прозы.

Лауреат Григорьевской премии (2014), премии журнала «Новый мир» (2020).

Организатор различных литературных проектов в Перми и других городах России. Участник и один из основателей товарищества поэтов «Сибирский тракт». Живет во Владимирской области.

ТРИДЦАТЬ ВОСЕМЬ ПРОГУЛОК ПО НИЖНЕМУ НОВГОРОДУ

*Коромыслова башня. Современная нижегородская поэзия.
Сост. В. Безденежных, Д. Липатов. – Нижний Новгород:
Книги, 2021*

Это очень похоже на событие года.

Сознаюсь честно: первую строчку рецензии я сочинил до того, как прочёл книгу. И название тоже сочинил. Открыл оглавление, пробежал глазами – всё само придумалось. С числом прогулок получилось очень просто: тридцать семь поэтов и автор предисловия Алексей Коровашко. Точнее, автор предисловий. Одновременно с поэтической антологией вышло собрание современной нижегородской прозы*. Тоже довольно представительное: двадцать один писатель. Пятеро из них представлены и в поэтическом проекте.

Предисловия профессор Коровашко написал весьма разные, но взаимодействующие между собой, оттого цитаты приведу из обоих, не разделяя: противоречий меж ними нет, а важнейшие области

* Коромыслова башня. Современная нижегородская проза. Сост. О. Рябов. – Нижний Новгород: Книги, 2021.

пересечений – есть. Например: «Статус “нижегородского” писатель обретает, как правило, в результате самоопределения и самопозиционирования, что весьма напоминает этническую самоидентификацию... Среди авторов “Коромысловой башни” есть немало тех, кто, подобно описанному Борхесом в рассказе “История воина и пленницы” лангобарду Дроктульфу, перешедшему на сторону римлян и “новой отчизной своей” признавшему осаждаемую соплеменниками Равенну, нашел в Нижнем Новгороде нечто большее, чем указанное волей случая место пребывания». Один из ярчайших примеров здесь – Алина Гребешкова, получившая первую известность в Уфе. Переехала в Нижний она сравнительно недавно, то есть совсем недавно, но топонимы и закоулки в её стихах очень нижегородские. От немножко уже позабытого ойконима «Горький» до тщательного описания жуткого подземного перехода от вокзала к «Макдональдсу». Переход, кстати, почистили (ещё к футбольному чемпионату), но, видимо, память земная осталась.

Малая родина этого автора тоже имеет значение в контексте нашего разговора. Переехав в Уфу, талантливый литератор, скорее всего, найдёт себе любящую его компанию столь же талантливых литераторов.

Вернёмся к первой строчке нашего обзора: почему выход в печать «Коромысловой башни» представляется событием года?

Отвечаем на свой же вопрос: в последнее время сформировался некий консенсус, озвучиваемый на «круглых столах», проводимых через Zoom*. Дескать, в девяностые годы основной формой бытования интересной литературы были толстые журналы, в нулевые – фестивали, а теперь всё обращается вокруг литературных премий. Подобно всякой схеме, эта требует уточнений. К примеру, в финале прошлого века журналы, обильно напечатав за предыдущее десятилетие сам- и тамиздат, в самом деле оперативно и качественно публиковали ключевых на тот момент авторов. Но тиражи и популярность почтенной литературной периодики летели вниз стремительным домкратом.

В наши дни обилие премий тоже превращает профессиональных собирателей оных в фигуры комичные: упоминание десяти лонг-листов и трёх шортов вызывает пароксизмы. Но десятые годы в самом деле были эпохой фестивалей. Тут Нижний Новгород оказался одним из первых и главных. Не сам город, конечно, а люди его. Приведём аннотацию одной из подборок: «Евгений Прошин: Родился в 1976 году в Коврове. Кандидат филологических наук (диссертация “Элегические мотивы в лирике Блока”, 2002). С 2005 года является организатором и соорганизатором различных литературных проектов в Нижнем Новгороде: фестиваль современной русской поэзии “Стрелка” (2005), фестиваль “Slowwww” (2006), летний open-air фестиваль “Речет” (2007), Всероссийский фестиваль верлибра (2011), региональный поэтический проект “Нижегородская волна” (2014). Один из редакторов литературного сайта “Полутона”».

Рецензируемое издание – вполне официальное, выпущенное к 800-летию Нижнего Новгорода. Кроме независимых литераторов в нём представлены участники разных творческих объединений. И не только литературных, а, допустим, Союза художников. Две основные писательские организации, регулярно взаимно ругающиеся на федеральном

* Круглый стол, проводимый через компьютерную программу Zoom – нечто из геометрии параллельного мира, но ведь и времена настали предивные.

уровне, тоже есть. Городов и регионов, где выпуск совместных книг возможен, а ссоры невозможны, крайне мало. Впрочем, официальные регалии, конечно, дело десятое. Приведём ещё один довольно типичный фрагмент преамбулы к подборке. Героиня «...сотрудничает с рок-группами как автор текстов песен. Лауреат российских и международных конкурсов. Член Союза писателей России».

Словом, попытки разделить авторов по формальным признакам, интересным разве что Википедии или биографическому справочнику, обречены неудаче. Это замечательно. Лучше искать признаки объединительные. Доктор филологических наук Коровашко в предисловии совершенно логичным образом акцентирует внимание на соответствующем образовании многих участников проекта: «Когда, например, Анастасия Бездетная пишет, что “языковое тело – это храм” и “дом”, то эти утверждения неизбежно начинают ассоциироваться с <тут у доктора четыре строчки ссылок>. В стихотворениях Софьи Греховой легко найти иллюстративный материал для понятий “идиолект” и “анаграмма” <тут три строчки ссылок>. У той же Марины Кулаковой есть образцы хлебниковского “сопряжения корней” или “скорнения”».

Академично-провокативный стиль Алексея Валерьевича известен любителям словесности, как и его уважение к формализованному уровню знаний, поэтому дальнейший ход анализа даже чуть предсказуем в своей неординарности: «Любопытно, однако, что тексты тех, кто, помимо вузовского диплома, обзавелся докторской или кандидатской степенью и совмещает написание стихов с наукой и преподаванием (Евгения Риц, Дмитрий Зернов, Евгений Прошин, Артем Фейгельман, Сергей Шустов, Михаил Воловик), обнаруживают весьма слабую зависимость от аллюзий, реминисценций и прочего “филологического” снаряжения. Ключевую роль в них играет не “говорение” языками высокой культуры, а предельно выраженная индивидуализация художественных приемов».

Но главное – не принадлежность к определённой школе, страте или гильдии. Главное наступает дальше: «Каким бы ни был образовательный и эстетический “анамнез” авторов сборника, почти у каждого из них мы найдем элементы портретирования того мегаполиса, с которым их связала судьба». Начиная чтение антологии*, мы подозревали нечто подобное. Нам тоже очень интересен взгляд поэтов на родной город. Да и не только на него.

К счастью, авторы распределены по алфавиту, стало быть, знакомство можно начинать с любой подборки. Но по справедливости первыми окажутся составители. Денис Липатов пишет, о чём пишет всегда: о несдвигаемой истории и о проекции той истории на всех и каждого. Люди в его стихах перерождаются во времени, примеряя новые одежды и новые виды транспорта, но сущностно не переменяясь. Забавно бывает прокатиться в поезде с комсомольцами-опричниками-гопниками, прозревая их насквозь веков на пять в глубину. Нескончаемая половецкая пляска подразумевает лишь смену плясунов, а не стилистики своей.

С городами почти так же. Но у города есть преимущество: постарев, он может возродиться к новой жизни, не умирая. Может, конечно, и не возродиться, но часто возрождается:

* Формально жанр издания не определён, оттого в своих интерпретациях мы относительно вольны.

Перекрёсток проезжаешь пятнадцать минут.
 Можно успеть сосчитать до ста*,
 а то ведь и больше. Менять маршрут
 бесполезно: стоят все четыре моста.
 Город к вечеру, словно старик –
 артерии, вены – сплошные тромбы...

Очень хочется прочесть новую книгу Липатова. Она может совпасть с ожиданиями, сформированными благодаря его публикациям, может удивить, но будет интересно в любом случае.

Владимир Безденежных – точно уж удивил своей подборкой. Точнее, её контрастом с недавно вышедшей книгой**. Любители его стихов как-то даже привыкли, что поэт годами читает на выступлениях одни и те же тексты, любит публиковать их; оттого не сомневались: в репрезентативной публикации будут прежние хиты. Когда-то Кацусика Хокусай создал серию гравюр «Сто видов Фудзи». Так и у Безденежных сто видов города Нижнего не надоедают и не приедаются. Однако поклонники счастливо ошиблись. Новые стихи отличаются радикально. В свежей публикации, конечно, заново сказано о разных аспектах любимого города и его населения, например – в стихотворении «Честное пионерское»; есть углублённое исследование местностей: за улицей Сакко и Ванцетти окончательно закреплён маркер Обители зла, но появилась совершенно особая нота:

ОЖИДАНИЕ

Реальность не очень страшна, страшно ожидание.
 В реальности – раз и всё.
 Тебя из этого мироздания
 В вышнее унесет.
 Или не в вышнее. Кто знает что-то там?
 Никто еще не приходил
 Обратно. Просящим шепотом
 Не говорил: «Командир,
 Обратно, два счетчика,
 В этой юдоли
 Земной я не доискупил.
 И пусть со мной будут эти двое
 У коих по паре крыл.
 Стоят за спиной, охраняют чудо,
 Пока я скажу слова.
 Я быстро. Страшно теперь не будет.
 Я уже там бывал».

И в следующем за этим стихотворении Смерть*** тоже оказывается не «окончательным прекращением биологических и физиологических процессов организма», а проводником к сути. Взгляд не самый новый,

* Денис просто молод, и мгновения кажутся ему вечностью. За пятнадцать минут можно досчитать до 4 000. Я специально проверил.

** Владимир Безденежных. Наблюдения. Тверь, М.: СТиХИ, 2020. – Серия «Срез». Книга двадцать первая. Книжные серии товарищества поэтов «Сибирский тракт».

*** Так, с большой буквы, имя собственное. Как в книгах Генри Пратчетта о Плоском мире.

но чуть подзабытый. Владимира Безденежных всегда отличал интерес к философским проблемам, подаваемый в стихах крайне разнообразно, а когда автор признал, что вокруг «Дворы всё те же, но другой страны, / Другой эпохи», а бесконечное пацанство выглядит чем-то вроде ролевой игры, – наметился очень интересный поворот.

Зато подборка Софьи Греховой – глоток чистейшего прежнего воздуха. Опять всё о любви. Не о любви к жизни (слову, маме, коту, автомобилю, шопингу, театру, путешествиям, булочкам, собственному телу, бунтарству, etc.), не про плотские аспекты любви с подробностями, не про отклонения разного рода, не о том, как мир и быт любви мешают, а – о любви. Мы ведь замечаем, сколь велика при обилии поэтической продукции нехватка таких стихов? Потому что слов у нас для этого нет:

Языковые барьеры
для тела
не существуют – понятен и вздох, и крик.
Мы едины и неделимы,
Непереводимы
ни на один язык.

Приведённый фрагмент – пример очень серьёзного для Греховой пафоса. Как правило, в её стихах всё куда обыденней и беззащитней. Про электрички, море, бельё, дочку, зарплату... Кстати, не знаю, когда Софья написала тексты, вошедшие в «Коромыслову башню». Явившись публике в середине нулевых, она мгновенно стала практически звездой: интересные публикации, Гран-при фестиваля «Молодой литератор (2008)», замеченная дебютная книга. И пропала. Очень сходным образом движется литературная судьба пермячки Дарьи Тамировой – единственного известного мне близкого по стилистике и тематике к Софье Греховой автора. Может, стихи, подобные тем, которые пишут они, не могут происходить часто и много? Так поэзия ж вообще невозможна, как мы знаем.

Так не спеша, будто по спирали читаешь книгу. Радует стихам знакомых и незнакомых поэтов. Иногда делаешь маленькие личные открытия. К примеру, Михаил Воловик казался мне совсем иным автором в предыдущих публикациях. Может, избыточно серьёзным. А здесь всё очень хорошо про «увяданья свинство» и про разное.

Вообще практически все, представленные в антологии, явлены своими лучшими подборками или по крайней мере – одними из лучших. Тут, конечно, немалая заслуга составителей. Примерно за это, за тщание отбора, мы ведь и полюбили многотомный и многоимённый проект Виталия Кальпиди по составлению Антологии уральской поэзии.

Чуть пресытившись любимым и замечательным, желаешь найти что не понравится. Ищешь целенаправленно, вроде – находишь. В самом деле: стихи, открывающие подборку Владимира Решетникова, обитающего в городе Семёнове, показались не слишком близкими. Но затем обнаружил отличное, на мой вкус:

ГЛАЗА

Мужик с азартными глазами
Колол под сердце раза три,

Но вот попал... и боров замер,
И что-то екнуло внутри.

Обмяк он, рухнул у забора,
Кропя и плавя белый снег,
Еще теплел сраженный боров,
Уже наелся человек...

Бесплодно вызывая жалость
У тех, жующих за окном,
Башка кровавая лежала
В сугробе кверху пятак.

Глаза немного приоткрыты,
Глаза, счастливей многих глаз,
Всю жизнь смотревшие в корыто,
Смотрели в небо первый раз!..

Со времён уничтоженных «крестьянских поэтов», живших сто лет назад, так никто не говорил. Да и они не так говорили. Отличная поэтическая новость получилась!

Раз не удалось обнаружить плохих поэтов, зайдём с иной стороны. В определённый момент *нижегородскость* книги делается тотальной. Мария Агура пишет: «норы звучаний ведут в тишину центра», и представляешь шумный Зеленский съезд, зажатый оврагом. Хотя стихотворение – вовсе о другом.

Из чувства противоречия хочешь найти автора, максимально далеко отстоящего от нижегородского дискурса, каким тот дискурс знает публика. И ведь находишь. Конечно, таким поэтом оказывается Евгения Суслو-ва: один из многолетних символов, воплощений и системообразующих структур нижегородской поэтической полифонии волжской столицы.

Такой вот парадокс. У других поэтов, широко известных за пределами родного города и признанных в самых разных литературных кругах страны, допустим, у Евгении Риц, у Дмитрия Зернова на сей раз тоже опубликованы не самые привязанные к месту жительства подборки. Риц напечатала всего одно стихотворение, презентующее городской локус. Правда, давшее название её недавней книге «Она днём спит»^{*}.

Или Виктор Лисин, замечательно прозвучавший несколько лет назад со своими абсурдными до степени слияния с реальностью текстами:

БЫВАЕТ ТОЖЕ СЛУШАЮ

Юля сказала во сне «мне пофиг я кит»
здорово говорю я а в Работках на
воздушных шариках кашалот летит
а кашалот этот с вареньем и на молоке
Юля просыпается улыбается и Бог
стоит в наушниках на цветке на одной ноге
и ветхозаветный рэп вдалеке

Что тут в формальном плане можно соотнести с Нижним, кроме названия довольно отдалённого рабочего посёлка? Но всё равно: поэтов,

^{*} Евгения Риц. Она днём спит. – М.: Русский Гулливер, 2020.

о которых говорили выше, мы воспринимаем как безусловно нижегородских. Известных, любимых далеко-далеко за пределами города, но – нижегородских. Назло тотальности сетевых коммуникаций и глобальности круглого* мира. Возникает некая матрица: куда б ты ни шёл, ты вернёшься в Нижний. В такой матрице легко подобрать антиподов. Для меня это, например, Евгения Риц и Андрей Дмитриев; Карина Лукьянова и Сергей Михеев. Ещё множество подобных полюсов. Но матрица-то нижегородская!

Более того, матрица** распространила себя далеко во времени. Вокруг проекта «Нижегородская волна» сформировался и продолжает формироваться интересный круг молодых стихотворцев: Татьяна Красильникова, Анна Фролова, Жанна Разумеева, Оля Цве, Никита Вельтищев. Их стилистики культуролог Алексей Масалов определил, как «нижегородский когнитивный экспрессионизм». Правда, лауреат премии Драгомощенко-2020 Анна Родионова частично оспаривает данное утверждение: «...разве так писали (и пишут) только в Нижнем Новгороде? Скорее стоит говорить о тенденции, имеющей определенные координаты не в пространстве, но во времени. Возможно, это часть более широкой феноменологической тенденции, которая, конечно, не связана с каким-то одним городом»***. Понимаю ущербность своего аргумента, но всё равно скажу: со стороны виднее. Как «тагильский поэтический ренессанс»**** был тагильским, так и «когнитивный экспрессионизм» – именно нижегородский. Разговор в этом направлении можно и нужно развивать, но статья чуть о другом. Хотя одно тематическое отступление необходимо.

Ни один из авторов, упомянутых в предыдущем абзаце, не вошёл в Антологию. Дело явно не в возрасте: тексты Анастасии Бездетной (1996 г.р.) в издание включены, уроженка нового века Софья Оршатник, ставшая в прошлом году почти знаменитой с книгой «О чём поёт хиновянка»****, насколько мне известно, банально не успела представить стихи к сроку. Нет, действительно, куда легче определить географические критерии включения или невключения в юбилейные тома прозы и стихов: тут, очевидно, решал момент физического пребывания в Нижнем Новгороде. При таком подходе отсутствие Кирилла Кобрина, Марии Ташовой, Арсения Гончукова и ещё нескольких литераторов выглядит логичным.

Принадлежность же к определённой группе или стилистике роли не играла. Мы об этом уже говорили, но повторим. Координатор «Нижегородской волны» Артём Фейгельман представлен отлично. Да и странным было б обойти вниманием автора, точно локализовавшего актуальную поэзию «между двумя объектами современной нижегородской / архитектуры / имя которым титаник и айсберг...».

Гадать о критериях включения или невключения малопродуктивно. Антология есть дело авторское. Захотят составители рассказать – расскажут. Лучше продолжим разговор о действительно важном. Опять-таки о проблеме, касающейся дел поколенческих, но касающейся их с иной стороны.

* Не *circum*, но *globosum* (лат.).

** В хорошем смысле слова. В наилучшем просто!

*** Максим Дрёмов. Интервью с Анной Родионовой «Не ключ и не шифр», проект «Литература».

**** Термин Д. Давыдова.

***** О чём поёт хиновянка. М: Стеклограф, 2019,

Стрела нижегородского литературного времени, как мы видим, направлена вперёд весьма далеко, но когда это время началось? То есть когда возник нижегородский текст? Возникал он, разумеется, не раз: во времена летописные*, затем при старообрядцах, позднее, например, при Максиме Горьком. Но мы сосредоточимся сугубо на нынешней итерации.

Хотя «нынешней» — понятие очень протяжённое. Годы рождения участников Антологии охватывают полувековой период. Время, кажется, действительно существует, и послевоенные дети сделались теперь старшим поколением. Их стихи говорят об этом самом времени так, будто авторы время преодолели. Сохранив зато важнейшие реалии каждого из прожитых периодов и одновременно — продолжая меняться; не зависая в паутинке дней. Как, например, это делает Минна Ямпольская**:

* * *

И вот эта дурочка наивная,
глаз от пола не поднимающая
и верящая любому пустому слову —
это была я?
И вот эта фря пикантная,
насмешливо глядящая в упор
и словами, как бритвой, режущая —
это тоже была я?
И вот эта пожилая тётка,
видящая на три метра под землю
и ничего не принимающая на веру —
всё ещё я?
Ну, вы даёте, дорогой господин Оформитель!

Помните советский жутик***, названный в двух финальных словах стихотворения? В том фильме музыка Курёхина играла. Не помните? А кто помнит, тому текст будет понятнее. Просто в силу возраста. Хотя ни нарочитого ретро, ни случайного пассаизма в произведении нет. Очень даже современно звучит.

Игорь Чурдалёв, единственный из авторов книги, не доживший до её выхода****, тоже никогда не был закосневшим мэтром. Его поэтика очевидно менялась. Суть тут не в признаках современности и готовности находить в переменах доброе: например, что «можно / рюмочкой звякнуть легонько / о камеру скайпа», а в пластике и ритмах стиха. Но был ли исходно нижегородским текст Чурдалёва, взятый как целое? Думаю, нет.

Ибо полвека назад проблема самоидентификации была иной. Из постулируемой Партией «единой общности», когда та общность очевидно не состоялась, предстояло сперва отделить относительно крупные блоки: «русская деревня», «Север», «рабочие посёлки», «военные городки», «Западная Сибирь», «провинция». Большие провинциальные города, особенно закрытые, то есть занимавшиеся по преимуществу военной и атомной промышленностью, воспринимались как монолит.

* На книге «Коромыслова башня» стоит эгид: «Нижний Новгород 1221–2021».

** Увы, Минна Ямпольская скончалась в июне 2021 года после непродолжительной тяжёлой болезни.

*** Фильм ужасов.

**** Если тома «Коромысловой башни» окажутся началом большого проекта, не сомневаюсь, что наследию Игоря Валентиновича Чурдалёва в том проекте будет отведена очень важная роль.

Это особенно заметно по стихам даже не Чурдалёва, а Олега Рябова, ставшего, кстати, составителем прозаического тома «Коромысловой башни». «Да здравствует провинция! / Прости меня, столица» – типичная весьма цитата. Даже настолько *нижегородская* фигура, как Кузьма Минин в его стихах был символом не собственно Нижнего Новгорода, а именно провинции как сущности, противостоящей метрополии.

Конечно, ничего абсолютного нет, всё меняется, и в стихотворении Рябова «Прощай, Игорь», посвящённого, конечно, Чурдалёву, есть строка «Я шел по Свердловке от Горького к Чкалову», но это тоже о граде минувшем: «Свердловка» давно сделалась снова «Покровкой». А по большей части стихи Рябова воссоздают и даже создают именно провинцию, как архетип:

Оно стояло в банках и на них
Карандашом чернильным, глаз лаская,
Стояли надписи: «клубничное», «черни...»,
«Крыжовник», «тернослив», «варила Тая...».

Когда вас пригласят зайти в буфет
В театре, в цирке или на хоккее,
Сходите, посмотрите: если нет
Варенья в нём, то требуйте смелее!

И помните, что, может, это бар,
Шинок, разливочная, комната иная –
Я помню с детства, а ведь я уж стар –
Буфетов без варенья не бывает.

Тут не контур, не абрис, а живая жизнь неременная. Вечная почти. Теперь проведём операцию сравнения. Вот фрагмент из стихов Олега Макоши*, принадлежащего к следующему поколению. Родившегося в 1966-м:

А летом, как-нибудь под вечер,
В овраге, в роще, у куста,
Нальем в стакан по-человечьи,
И выпьем, обмакнув уста.

«Агдам», «Чашма», и генеральский
«Три топора» портвейн, всласть –
«Кавказ», «Анапа», мало-мальски,
Струя сверкала и лилась...

Мелькали: «Осень золотая»,
«Кагор», «13 портвейн»,
И «Солнцедар», во рту растаяв,
Под утро – мертвого мертвей...

Агдам, безусловно, не варенье из бабушкиного буфета, никакого сравнения. Но тип ностальгии чрезвычайно схож. Это именно тоска по старой провинции, какой она была и в качестве каковой отличалась от столицы. Ту же мысль Макоша проводит и в совсем недавней

* К сожалению, Олег Макоша также скончался летом 2021 года. Нехорошее время 2020–2021 гг. вносит свои стремительные коррективы в мир.

беседе с Александром Мелиховым, писателем, родившимся в городе Россошь*. В их разговоре порой сложно угадать, о каких местностях идёт речь. И даже большие города или маленькие фигурируют – не слишком ясно. Сентенции порой шокируют: «Что хотите мне рассказывайте, но из десяти моих знакомых в столицу бы переехали девять с половиной. С половиной, потому что один колеблется или кобенится». Разумеется, знакомые Олега Макоши за редчайшим исключением – не мои знакомые, но имея возможность выбирать, предпочитают жить подальше от крупных городов, проводя вне столичного региона примерно 320 дней в году. И я такой, конечно, не один. Нас даже больше, чем не нас.

Ну, так ведь и речь не обо мне и не о нас. Речь о становлении современного нижегородского голоса. Вернее, современного многоголосия, но именно нижегородского многоголосия. Когда всё-таки это становление случилось? Елена Крюкова, родившаяся в финале пятидесятых и ставшая известной (действительно очень известной!) в самые последние годы советской власти, запомнилась на первых порах именно стихами о провинции; о не-столице. А Наталья Емельянова (1981 г. р.) пишет о близких и дальних местностях, в диапазоне от Арзамаса до Якутии, как обитательница и хозяйка вполне конкретного дома в конкретном мире:

Серпухов, Серпухов.

Серый пух. Сера и пух. Серп – ух!

<...>

Единственная информация, известная мне о Серпухове, –

Это то, что в нём есть

Серпуховский

Лифтовый завод.

Об этом я прочитала на железной табличке,

Висящей в лифте дома,

В котором живу...

По старым понятиям, приведённым чуть выше, жителям Серпухова, то есть обитателям недалекого и небедного Подмосковья, жители Нижнего должны бы завидовать. А вместо этого видим спокойный интерес с осознанием факта: у вас своя жизнь, у нас – своя жизнь. Провинция от провинции теперь отличается сильнее, чем провинция от столицы.

Крюкова и Емельянова – авторы, хронологические расположенные по разным краям известного «Поколения Х». Эксеры, то есть люди, принадлежащие к этой генерации, названной так благодаря одноимённой книге Дагласа Коупленда, родились между 1960 и 1980 годом. Этим персонам, согласно некоторому количеству премудрых публикаций, надлежит обладать определённым набором черт характера, иметь некие потребительские ценности и способы отношения к действительности. Но всё это – признаки ситуативные, во многом обусловленные требованиями маркетинговыми. Главное заключено в самом определении: эксеры родились между 1960 и 1980 годом.

В России эксеры ещё и совпали с поколением именно поэтическим. Данному вопросу посвящено довольно много качественных публика-

* Олег Макоша, Александр Мелихов. Здесь и там. Письма из провинции в провинцию. Дружба народов, 2021, № 5.

ций. Позволю себе сослаться на статью, где я выполнил небольшой обзор мнений по означенной проблеме и высказал мнение собственное, в сущности, не отличающееся от консенсуса*.

И тут нас ждёт сюрприз. Момент появления Нового Нижегородского текста никоим образом не совпадает с делением на поэтические поколения! Как мы видели, интересные поэты, родившиеся в середине шестидесятых, или писали про обобщённую провинцию, пытаясь при этом втайне или въяве покорить Москву, или занимались местечковыми делами, вроде создания локальных субкультур, или (в идеальном случае) создавали личные уровни восприятия, чем и запомнились. А те, кто пришел в мир буквально несколькими годами позднее, оказались совсем другими. Снова вспомним составителей этой книги: Владимир Безденежных явил уникальную мифологию района Караваиха. Дело и само по себе достойное, и освящённое многовековой традицией: примерно так получались исландские саги о бесперспективной защите своих маленьких миров. Безденежных это знает, оттого и пишет про Караваиху с грустной иронией, понимая обречённость и *прошедшесть* локации; отражая связь личной местности с большим миром и с миром горным.

Денис Липатов... тут хотел сказать, будто он создал аналогичную мифологию района Автозавод, но это будет неправдой. Про Автозавод пишут более или менее все актуальные нижегородцы. Творение Сергея Михеева «Поэма интеллигентская** автозаводская» представляет собой одно из украшений «Коромысловой башни». Видимо, место на Автозаводе предивное или просто район большой, несколько чуждый. Но вклад Липатова тоже неоспорим.

Вот как так? Город Нижний Новгород с объективной точки зрения или с точки зрения инопланетянина выглядит для всех одинаково, но люди, рождённые в сороковых, пятидесятых, шестидесятых, семидесятых, восьмидесятых, девяностых, а теперь уже и в нулевых годах, пишут о нём не то чтоб совершенно по-разному, но будто про разные города пишут? Притом что формального антагонизма поколений, напомним, там не было: сплошная любовь, преемственность и мягкий юмор?

Тут нам поможет одно исключение. Зовут то исключение Вадим Демидов, 1961 г. р. В «Коромысловой башне» он представлен несколькими длинными стихотворениями, очень похожими на короткие поэмы. Видимо, это в самом деле короткие поэмы. В значительной мере те поэмы являют собой дико смешной и кровавый гиньоль. Финал одного из текстов: «На сорокапятилетие выпуска я тоже пожалуй пойду» настолько оптимистичен, что честное слово, хочется жить и жить — с учётом того, что именно произошло с главным героем по ходу действия.

Так вот: лет тридцать пять или чуть более назад Вадим Демидов*** стоял у истоков группы «Хроноп». Та группа известна прогрессивной общественности сотрудничеством с человеком по имени Сергей Чиграков, а по прозвищу Чиж. Ещё более прогрессивная общественность знает группу по причине, что с ней играл «Полковник» Хрынов.

* Андрей Пермяков. Поколение или генерация? Арион, 2013, №3.

** Не опечатка; не ошибка.

*** А также Кирилл Кобрин и ещё несколько очень достойных людей, то вместе, то поврозь, а то попеременно спекулировавших грампластинками

Хрынов, ушедший из жизни в том возрасте*, в каком для остальной страны ушёл Егор Летов, в Нижнем Новгороде – особая фигура:

Вдали от скорых электричек,
от моря синего вдали,
он гнал по зимней Кузнечихе
и песни Хрынова хвалил...**

Но мы опять пытаемся отвлечься. Именно «Хронопы», то есть во многом – Вадим Демидов, начинали создавать современный нижегородский текст. Попытка была долгой, попытка на протяжении многих лет была малозаметной. Как мы уже отметили, попытка была, быть может, преждевременной. Даже сам факт этой попытки можно оспорить. Тем не менее на основании фактов рискну предположить свою правоту: в Нижнем была своя музыка и своя рок-сцена, не зависящая ни от Москвы, ни от Петербурга, ни от свердловской волны, поднятой Ильёй Кормильцевым, ни даже от сибирского панка. Там, где уральский поэт делает отсылку к песням Летова, услышанным им в отрочестве от дядьки, нижегородец кивнёт Полковнику или программе «Севооборот» с BBC, как то делает Евгений Риц.

А свободные корни – великая вещь.

Дальше можно ещё подробнее говорить о связях и особенностях региональных структур. Можно отметить, что интересных точек на поэтической карте страны пока не так и много: Вологда; Казань***; многоглавый Урал со своими особенностями и сложностями; регион Самара – Саратов – Тольятти, хотя тут могут помешать внелитературные факторы; Сибирь, у которой десятилетиями не получается выстроить единый мощный проект: там стараются слишком уж многие; Курск, но там, похоже, каста; Удмуртия, внезапно явившая себя несколько лет назад**** и опять затаившаяся. Потенциально замечателен регион Ярославль – Иваново – Владимир, но там пока отдельные прекрасные авторы без какого-либо намёка на единство.

Можно наоборот: выискивать уникальные истоки нынешней нижегородской поэзии, делающие её столь необычной: СМОГ, другие поздние нонконформисты СССР, Аронзон, Лимонов, куртуазные маньеристы. Позднее – Language school и прочий коварный Запад; можно отмечать почти полное отсутствие влияния метаметафористов, хотя, казалось бы, «металлургические леса» Ерёменко тут могли произрасти не хуже, чем они произросли на Урале.

Можно (нужно) заново восхвалить составителей, Владимира Безденежных и Дениса Липатова. Очень простой и циничный аргумент: далеко не у каждого из авторов, представленных в Антологии, я бы целиком прочёл книжку размером с «Коромыслову башню». Но вот саму «Башню» прочитал уже не раз и продолжаю перечитывать особо по-

* В том же стиле, по тем же причинам.

** Дмитрий Ларионов. Я уже говорил, что практически все авторы представлены в книге своими лучшими подборками, но Дмитрий – какой-то просто образцово-показательной!

*** В 2015 году вышел интересный сборник, представивший 36 казанских поэтов. Увы, представивший каждого лишь одним стихотворением: Казанский объектив – 2015. Сост. Эдуард Учаров; Ред. Галина Булатова. – Казань, 2015.

**** Альманах современной удмуртской поэзии». Ижевск, 2018, Штаб современной поэзии «ПоэтУр», Том I, том II.

нравившиеся подборки. Мозаика стилистик, мозаика поколений – тут всё превосходно. Мы ведь помним набивший оскомину аргумент: «У японцев в эпоху Хэйан умение составлять поэтические антологии считалось высшим из искусств»^{*}.

Можно... Тут разное можно. Но получился замечательный и пока хрупкий проект. Мы желаем ему огромной удачи и блистательного продолжения.

Хотя ещё раз повторим мысль, высказанную почти в начале нашей рецензии: времена отчётливо меняются. «Период секторальных премий», ставших символом эпохи дробления литературы на цеха и объединения с последующим признанием в сугубо своём кругу, уходит. Так же, как до этого завершился «период фестивалей»^{**}. Наступает время иных объединений и других методов коммуникации. Здесь региональные авторы могут сыграть очень важную роль. Разумеется, мы говорим о сильных локальных литературах, не сводящих своё бытование к прежним консервативным проектам и работающим в сферах актуальной литературы – в неидеологизированном смысле термина «актуальная», конечно.

Современные нижегородские авторы, безусловно, принадлежат к упомянутым сферам. Тому свидетельствует и проект «Коромыслова башня», и, будем надеяться, – наша скромная рецензия на него.

^{*} Осталась от эпохи ровно одна Антология, зато – та самая!

^{**} В ситуацию с крупномасштабными фестивалями и относительно помпезными премиями ещё и вмешалась известная пандемия, повлиявшая вообще на многое в нашей жизни.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

О. А. Рябов

ШЕФ-РЕДАКТОР

Андрей Иудин

МАКЕТ

Арсения Костромина

ДИЗАЙНЕР ОБЛОЖКИ

Анатолий Гришин

КОРРЕКТОР

Лев Зелексон

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Владимир Безденежных

Валерия Белоногова

Николай Бенедиктов

Дмитрий Бирман

Диана Кан (Новокуйбышевск)

Елена Крюкова

Захар Прилепин

Андрей Рудалёв (Северодвинск)

Роман Сенчин (Екатеринбург)

Евгений Эрастов

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Олег Беркович

Сергей Горин

Олег Захаров

Людмила Калинина

Александр Котюсов

Ольга Лисятникова

Владимир Седов

УЧРЕДИТЕЛЬ и ИЗДАТЕЛЬ

ООО «КНИГИ»

Адрес редакции и адрес издателя:
603057, Нижний Новгород,
ул. Бекетова, 24/2, ООО «Книги»
Тел. (831) 412-16-04

Рукописи принимаются в редакции
или по электронной почте:
jurnalnn@yandex.ru

Сайт журнала: www.jurnalnn.ru

Тексты для публикации присылаются отдельным файлом Word с указанием авторства, наименования произведения и библиографической справкой.

Неоткорректированные рукописи с большим количеством ошибок не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Нижний Новгород» обязательна.

Выпуск издания осуществлен
по заказу
правительства
Нижегородской области

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий
и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-60285
от 19 декабря 2014 г.

Подписано к печати 06.12.2021.
Выпущено в свет 27.12.2021.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 21.
Тираж 800 экз. Заказ
Свободная цена.

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, Чувашская Республика,
Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, д. 13